

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Slav 3171.1.3

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
CLASS OF 1828

мш
№ 11
р. 50к.

ВОЛОГОДСКІЙ СВОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВОЛОГОДСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ СТАТИСТИ-
ЧЕСКИМЪ КОМИТЕТОМЪ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ЧЛЕНА--СЕКРЕТАРЯ КОМИТЕТА

Ф. А. АРСЕНЬЕВА.

— — — — —
ТОМЪ 2^и

ВОЛОГДА.

1881 Г.

Печатано въ типографіи Губернскаго Правленія.

ВОЛОГОДСКІЙ СБОРНИКЪ.

HARVARD COLLEGE LIBRARY
MINOT FOND

ВОЛОГОДСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВОЛОГОДСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ СТАТИСТИ-
ЧЕСКИМЪ КОМИТЕТОМЪ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ЧЛЕНА--СЕКРЕТАРЯ КОМИТЕТА

Ф. А. АРСЕНЬЕВА.

ТОМЪ 2^н

ВОЛОГДА.

1881 Г.

Печатано въ типографіи Губернскаго Правленія.

Slav 3171.1.3

HARVARD COLLEGE LIBRARY
MINOT FUND

OCT 17 1924

Печатано по распоряженію Вологодскаго Губернскаго
Статистическаго Комитета.

СО Д Е Р Ж А Н І Е

	Стран.
1. Экономическій бытъ сельскаго населенія Вологодской губерніи	1.
2. Половники Вологодской губерніи. Историко-юридическій очеркъ экономическаго состоянія половничествующихъ крестьянъ	82.
3. Движеніе населенія Вологодской губерніи за десятилѣтній періодъ. Ф. А. Арсеньева.	125.
4. Картиры дальняго сѣвера. Щугоръ. Изъ охотничьихъ разсказовъ Ф. А. Арсеньева.	154.
5. Городецко-Николаевскій приходъ, Устюгскаго уѣзда К. Ивановскаго.	1.
6. Луговодство. Замѣтки Грязовецкаго хозяина. В. Волоцкаго.	12.
7. Бережнослободная волость, Тотемскаго уѣзда. Этнографическій очеркъ А. Сквирицова	22.
8. Свадебные обычаи въ Городецко-Николаевскомъ приходѣ. К. Ивановскаго.	45.

	Стран.
9. Обычаи свободной заимки земель въ Вологодской губернии. Историко-юридическій очеркъ <i>Ф. Ш.</i>	63.
10. Старина г Вологды: Чинъ пещнаго дѣйствія въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ <i>В. Ш.</i>	79.
11. Свадебныя обычаи и празднества крестьянскаго населенія Тотемскаго уѣзда <i>А. Скворцова.</i>	91.
12. Отчетъ о занятіяхъ Вологодскаго Статистическаго Комитета за 1879 г.	1.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ БЫТЪ

СЕЛЬСКАГО НАСЕЛЕНІЯ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

1 -

Вологодская губернія, раскинутая своимъ пространствомъ на огромной площади, представляетъ весьма разнообразныя условія климата и почвы; естественно, что подобное разнообразіе коренныхъ условій существованія человѣка неотразимо вліяетъ какъ на плотность населенія, такъ и на экономическое его положеніе. Для подтвержденія первой мысли стоитъ только привести крайнія точки плотности населенія по уѣздамъ: въ Вологодскомъ уѣздѣ на 1 квадратную милю приходится 1070 человѣкъ, а въ Устьсольскомъ на ту-же милю приходится только 24 человѣка, слѣдственно плотность населенія одного уѣзда чуть не въ 50 разъ превышаетъ плотность другаго. Что касается разнообразія экономическаго быта сельскаго населенія, то чтобы выяснитъ это разнообразіе съ достаточною точностью необходимо первоначально въ общихъ чертахъ сказать нѣсколько словъ о пространствѣ губерніи, о характерѣ ея почвы, о климатѣ, составѣ населенія,—и затѣмъ уже въ частности по каждому уѣзду и обществу порознь, а гдѣ болѣе однообразія, тамъ и по цѣлымъ волостямъ — обрисовать все хозяйство сельскаго населенія съ указаніемъ на тѣ промыслы, которыми главнымъ образомъ обеспечивается его экономическій бытъ.

Обиця свѣдѣнія о Вологодской губерніи.

Пространство губерніи. Вологодская губернія, по вычисленію Стрѣльбицкаго, занимаетъ площадь въ 7313,91 кв. миль или 353.882 кв. версты и пространствомъ своимъ превышаетъ цѣлую группу центральныхъ губерній, вмѣстѣ взятыхъ: Ярославскую, Московскую, Тверскую, Владимирскую, Рязанскую, Калужскую, Тульскую, Смоленскую и Орловскую. Девять десятыхъ частей этого пространства заняты лѣсами, которые, за исключеніемъ $\frac{1}{16}$, составляютъ собственность казны.

По величинѣ 10-ти уѣздовъ, составляющихъ губернію, эта обширная площадь распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	□ версть.	□ миль.
У Ѣ З Д Ы:		
Устьемьской - - -	148775,3	3074,83
Подъ озеромъ Донтою - - -	96,2	1,99
Яренскій - - - - -	51004,6	1054,15
Сольвычегодскій - - - -	37253,0	769,93
Подъ озерами - - - - -	23,4	0,48
Никольскій - - - - -	32401,3	669,66
Вельскій - - - - -	21218,7	438,54
Подъ озерами - - - - -	32,8	0,68
Тотемскій - - - - -	20488,5	423,45
Подъ озерами - - - - -	20,3	0,42
Кадниковскій - - - - -	15088,2	311,33
Подъ озерами - - - - -	160,5	3,32
Устюжскій - - - - -	14912,2	308,20
Грязовецкій - - - - -	6901,1	142,63
Вологодскій - - - - -	5306,5	109,68
Подъ озерами - - - - -	199,8	4,12
	353349,4	7302,90
Подъ озерами - - - - -	532,8	11,01
Итого - - - - -	353882,2	7313,91

Положеніе. Протягиваясь широкою и длинною полосою съ югозапада на сѣверо-востокъ, Вологодская губернія имѣетъ поверхность ровную, за исключеніемъ восточной половины Устьесольскаго уѣзда, расположенной по западному склону Уральского хребта и представляющей горня поднятія. Отъ Печерскаго вѣлика до верховьевъ Лузы, по границѣ губерніи, и затѣмъ въ предѣлахъ Никольскаго и Тотемскаго уѣздовъ простирается еще рядъ пологихъ возвышенностей, называемыхъ, по ихъ весьма незначительной высотѣ, увалами. Увалы эти имѣютъ значеніе водораздѣльной линіи Сѣверо-Двинской и Волгской рѣчныхъ системъ. Первая изъ нихъ имѣетъ большое вліяніе на экономическую жизнь здѣшняго населенія. Всѣ притоки Двинскаго бассейна— главные и второстепенные почти не выходятъ изъ предѣловъ губерніи, такимъ образомъ площадь ея какъ бы отрѣзана отъ остальной Россіи и тяготеетъ къ Архангельской губерніи и Ледовитому морю.

Естественно поэтому, что Вологодская губернія ведетъ торговля операціи преимущественно съ Архангельскомъ и излишекъ своихъ произведеній сбываетъ за границу. Главные предметы отпуска: хлѣбъ, ленъ, льняное сѣмя, кожа, сало, масло, лѣсъ, смола и деготь. Для сбыта внутрь Россіи поступаетъ уже незначительная часть этихъ произведеній и изъ однихъ, содѣйственныхныхъ съ внутренними губерніями уѣздовъ, и затѣмъ такіе продукты, на которыхъ не существуетъ спроса въ Архангельскѣ. Сюда относятся: живая стерлядь, которая закупается по Двинѣ, Вычегдѣ и Сухонѣ и направляется въ С.-Петербургъ посредствомъ канала Александра Виртембергскаго, рябчики, направляемые зимнимъ путемъ тоже въ С.-Петербургъ и Москву и звѣриныя шкуры, которыя идутъ на Нижегородскую ярмарку и городъ Каргополь, торгующій шкурами.

Почва и минеральное богатство. Почва Вологодской губерніи мало производительна, преимущественно суглинистая, глинистая и часто песчаная. Въ рѣдкихъ мѣстахъ можно встрѣтить сверху тонкій слой чернозема. Глина преобладаетъ въ югозападной части губерніи, въ уѣздахъ Грязовецкомъ, Вологодскомъ и Кад-

никовскомъ, песочъ: на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, въ особенности по берегамъ рѣкъ: Ваги—въ Вельскомъ уѣздѣ и Вычегды—въ Устьенскомъ, Яренскомъ и Сольвычегодскомъ. Мѣстами въ Нивольскомъ, Тотемскомъ и Устюгскомъ уѣздахъ значительною составною частію почвы является известъ. Изъ минеральныхъ богатствъ главное мѣсто занимаютъ соляныя жилы, встречаемыя въ Тотемскомъ, Яренскомъ, Устьенскомъ и Кадниковскомъ уѣздахъ. Богатый запасъ соли въ нѣдрахъ губерніи доказываютъ находящіяся во многихъ мѣстахъ соляныя ключи и три солеваренныхъ завода, работающіе съ давнихъ лѣтъ. Предметомъ значительной добычи служитъ также брусняной камень, выламываемый въ такъ называемыхъ Брусняныхъ горахъ Устьенскаго уѣзда по Печорѣ. Приуральскій край хотя и изобилуетъ богатствами металлическими, но эти богатства еще далеко не развѣданы. Теперь пока добывается одно желѣзо по берегамъ рѣки Сымолы. Впрочемъ относительно сысольскихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ нужно сказать, что они, по несостоятельности владѣльцевъ, въ настоящее время едва поддерживаютъ свое существованіе.

Климатъ. Климатъ Вологодской губерніи очень суровый, но протяженность ея обуславливаетъ большое разнообразіе температуры. Три юго-западныхъ уѣзда—Грязовецкій, Вологодскій и Кадниковскій обладаютъ климатомъ, почти одинаковымъ съ средней Россіей, что доказываютъ произрастающія здѣсь дубъ, орѣшникъ и ясень. Центральные и сѣверовосточные уѣзды, при своемъ возвышенномъ положеніи на югѣ и открытомъ для дѣйствія холодныхъ вѣтровъ, дующихъ съ Ледовитаго моря, при обиліи лѣсовъ и водъ, отличаются сыростію и рѣзкими переѣнами температуры, которыя вредно дѣйствуютъ на растительность. Климатъ всей этой громаднѣйшей части губерніи ближе стоитъ къ климату Сибири, нежели къ средней полосѣ Имперіи. За Двиною появляются свойственныя Сибири лиственницы и ели. Позднее лѣто и раніе мори бываютъ здѣсь причиной того, что хлѣбъ не дозрѣваетъ и побивается морозомъ во время налива зерна. Неурожай отъ раннихъ заморозковъ особенно часто случаются въ трехъ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ—Устьенскомъ, Яренскомъ и Соль-

выгодскомъ, гдѣ въ каждыя десять лѣтъ среднимъ числомъ считаютъ по два голодныхъ года. Вслѣдствіе этого правительство нерѣдко вынуждено помогать продовольствію крестьянъ данныхъ уѣздовъ, покупая въ голодные годы хлѣбъ на счетъ общаго по Имперіи продовольственнаго капитала. Крестьяне такъ свыклись съ своими неурожаями, что считаютъ ихъ обыкновеннымъ явленіемъ въ своемъ краѣ.

По рѣкамъ Мезени и Ванкѣ Яренскаго уѣзда и по Печорѣ Устьсѣмьольскаго розъ вырѣвается въ рѣдкіе годы, поэтому сѣютъ болѣе одинъ ячмень и то въ незначительномъ количествѣ. Въ Шугорской волости послѣдняго уѣзда посѣвомъ хлѣба вообще не занимаются. Въ этихъ и многихъ другихъ мѣстностяхъ населеніе не столько занято земледѣльческими трудами, сколько лѣсными промыслами — охотою на рябчиковъ, бѣлку и проч., а по Печорѣ и ловлею извѣстной Печорской семги. Добычу свою отъ лѣсныхъ промысловъ и рыболовства крестьяне сбываютъ на ярмаркахъ и торжкахъ въ обмѣнъ на хлѣбъ и другіе жизненные продукты. Счастливый исходъ платежа податей зависитъ отъ удачи означенныхъ мѣстныхъ промысловъ.

Населеніе. Населенность губерніи весьма слабая и неравнобѣрная. По списку населенныхъ мѣстъ 187⁷/₈ г. податныхъ сельскихъ сословій числится всего 989.285 душъ обоаго пола, мужскаго же по окладу къ 1877 году числилось 389.477 душъ.

Общая численность населенія уѣздовъ слѣдующая:

Въ уѣздахъ.	Крестьянскихъ.		Ж и т е л е й.		
	Селеній.	Дворовъ	Мужеск. пола.	Женск. пола.	Обоаго пола.
Кадниковскомъ	1707	22711	70571	78493	149064
Никольскомъ	2222	23816	66600	71478	138078
Кромѣ того половниковъ	—	—	218	267	485
Тотемскомъ	1205	18475	57174	62229	119403
Вологодскомъ	1486	22369	55067	61660	117327

Въ уѣздахъ.	Крестьянскихъ.		Ж и т е л е й.		
	Селеній.	Дворовъ	Мужеск. пола.	Женск. пола.	Обоего пола.
Устюгскомъ -	1750	15665	46008	49881	95889
Кромѣ того половниковъ -	—	—	1886	2250	4136
Сольвычегодскомъ	1701	13038	44885	47312	92197
Половниковъ	—	—	56	87	143
Вельскомъ -	902	12314	39548	42836	82384
Грязовецкомъ -	838	17078	39178	42244	81422
Устьинскомъ	474	10309	34954	38037	72991
Яренскомъ -	347	5361	17367	18399	35766
Итого -	12632	161136	471952	512569	984521
Кромѣ того половниковъ -	—	—	2160	2604	4764
Всего -	—	—	474112	515173	989285

Сравнительно съ общими пространствами уѣздовъ населенность ихъ представляется въ такомъ порядкѣ:

Въ уѣздахъ.	На 1 квадратную милю приходится.		Средній выводъ по группамъ.	
	Дворовъ	Жителей обоего пола.	Дворовъ	Жителей обоего пола.
Вологодскомъ -	203,94	1069,72	110,18	616,53
Грязовецкомъ -	119,73	570,86		
Кадниковскомъ	72,83	478,03		
Устюгскомъ -	50,82	324,54	38,19	233,92
Тотемскомъ -	43,63	282,07		
Никольскомъ -	35,56	206,91		
Вельскомъ -	28,08	187,86		
Сольвычегодскомъ	16,93	119,93	5,86	41,05
Яренскомъ -	5,13	33,92		
Устьинскомъ	3,35	23,73		

Населеннѣйшими уѣздами, какъ и слѣдовало ожидать по экономическому значенію ихъ, оказываются юго-западные уѣзды— Вологодскій и Грязовецкій, затѣмъ слѣдуетъ примыкающій къ нимъ съ сѣверной стороны Кадниковскій уѣздъ. За этими уѣздами слѣдуетъ группа, къ которой принадлежитъ полоса, занимающая средину губерніи—Тотемскій, Устюгскій, Никольскій и Вельскій уѣзды. Остальные три уѣзда—Сольвычегодскій, Яренскій и Устьменскій, занимающіе сѣверо-восточную и наибольшую часть губерніи представляютъ крайній наименьшій предѣлъ населенности.

Малонаселенность Устьменского уѣзда объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что крестьяне этого уѣзда, въ видахъ изысканія болѣе удобныхъ мѣстъ для поселенія, массами уходятъ въ сосѣднія Сибирскія губерніи—Тобольскую и Томскую, нѣкоторые—въ Пермскую и Оренбургскую. Изъ сравненія числа ревизскихъ душъ съ окладными оказывается переселившихся 1694 души, относительно ревизской переписи убыль равняется 60%. Обратное явленіе замѣчается въ Никольскомъ уѣздѣ, юго-восточный хлѣбородный край котораго привлекаетъ крестьянъ Вятской губерніи. Но число перечислившихся сюда крестьянъ опредѣлить трудно, потому что на вновь введенныхъ починкахъ одновременно селятся и мѣстные крестьяне. Тамъ же живетъ много крестьянъ, самовольно переселившихся, и въ административномъ отношеніи неприннадлежащихъ Вологодской губерніи.

Въ этнографическомъ отношеніи населеніе состоитъ изъ Русскихъ и Зырянъ. Зыряне—отрасль туземнаго Финскаго племени—жили нѣкогда на всемъ пространствѣ Вологодской губерніи и даже въ средней Россіи, нынѣ населяютъ только малолюдный Устьменскій уѣздъ и наибольшую часть Яренскаго.

Относительно *сельскаго хозяйства* Вологодскую губернію можно раздѣлить главнымъ образомъ на три группы. Къ первой относятся три юго-западныхъ уѣзда—Грязовецкій, Вологодскій и Кадниковскій, ко второй—четыре центральныхъ—Вельскій, Тотемскій, Никольскій и Устюгскій, къ третьей—три сѣверо-восточныхъ—Сольвычегодскій, Яренскій и Устьменскій.

Но не смотря на эти обобщающія группы, не слѣдуетъ забывать, что каждый изъ уѣздовъ представляетъ большое разнообразіе въ свойствахъ климата и почвы, въ количествѣ владѣемой крестьянами удобной земли и численности населенія. Крѣпостное право и бывшая администрація государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, выразившаяся въ различныхъ порядкахъ управленія тѣми и другими, оставили по себѣ такія характеристичныя черты, которыя рѣзко отличаютъ бытъ крестьянъ существовавшихъ вѣдомствъ. Наконецъ зрянскій элементъ Устьинскаго и Яренскаго уѣздовъ представляетъ бытъ населенія этихъ уѣздовъ, во многомъ отличающійся отъ чисто русскаго.

1-ая группа.

Юго западные уѣзды Грязовецкій, Вологодскій и Кадниковскій.

Эти уѣзды, по своему положенію и климату, поставлены въ лучшія условія сравнительно съ прочими уѣздами губерніи и стоятъ ближе къ средней Россіи, чѣмъ къ сѣверному краю страны. Почва благопріятствуетъ хлѣбопашеству, вслѣдствіе преобладающаго сѣраго и плодороднаго грунта земли, обработка полей дѣлается здѣсь гораздо тщательнѣе, удобреніе производится въ болѣе значительномъ количествѣ, навозъ вывозится во время и запахивается въ землю глубже, а отъ этого и хлѣба не подвергается высябанію. При такомъ хозяйствѣ и при отсутствіи рѣзкихъ климатическихъ переměнъ въ этихъ уѣздахъ постоянно, за нѣкоторыми исключеніями, урожай бываетъ весьма удовлетворительный.

Въ успѣхъ хозяйства этихъ уѣздовъ нельзя не признать отчасти бывшаго и существующаго вліянія помѣщичьихъ усадебъ, такъ какъ эти три уѣзда—помѣщичьи по преимуществу: разведеніе лучшихъ хлѣбныхъ сѣмянъ, улучшеніе породъ скота, обработка земли болѣе удобными способами, своевременное распределеніе работъ—все это своимъ происхожденіемъ обязано вліянію хозяйства помѣщиковъ—землевлдѣльцевъ.

Что касается до отношенія земельного надѣла къ составу населенія въ этихъ трехъ уѣздахъ, то количество его для наглядности можно представить въ слѣдующей таблицѣ:

Экономическій составъ населенія.	Населеніе муж. пола.		Количество надѣла удобной земли въ десятинахъ.	Крупост. зем.
	Ревизскихъ душъ.	По окладу къ 1877 г		
Вологодскій уѣздъ.				
а) Государственныхъ крестьянъ, живущихъ на казенной землѣ	11323	11734	78796	нѣтъ.
б) На собственныхъ земляхъ - -	2917	3178		
в) Временно-обязанныхъ помѣщикамъ крестьянъ	34069	22761	145980	
г) Крестьянъ-собственниковъ - -		—		
е) Бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ -	553	548	1439	
ф) Приписанныхъ къ волостямъ безземельныхъ крестьянъ -	—	—	—	
Итого	48862	48829	236215	
Грязовецкій уѣздъ.				
а) Государственныхъ крестьянъ, живущихъ на казенной землѣ	19036	20148	163788	Свѣдѣній
б) На собственныхъ земляхъ - -	911	939		
в) Временно-обязанныхъ помѣщикамъ крестьянъ	14178	8031	63458	
г) Крестьянъ-собственниковъ - -		—		

Экономическій составъ населенія.	Населеніе муж. пола.		Количество надѣла удобной земли въ десятинахъ.	Крѣпост. зем.	
	Ревизскихъ душъ.	По окладу къ 1877 г.			
е) Бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ -	496	500	2105	Крѣпост. земель по уѣзду числит. 153013 д. н.ч. 5448 д.	
ф) Приписанныхъ къ волостямъ безземельныхъ крестьянъ - -	—	489	—		
Итого	34621	36207	229351		
Кадниковскій уездъ.					
а) Государственныхъ крестьянъ, живущихъ на казенной землѣ	8887	9873	53886		
б) На собственныхъ земляхъ - -	2679	3651			
в) Временно-обязанныхъ помѣщикамъ крестьянъ	46931	21687	123027		
д) Крестьянъ-собственниковъ - -	—	26327	162870		
е) Бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ -	783	787	2987		
ф) Приписанныхъ къ волостямъ безземельныхъ крестьянъ - -	—	765	—		
Итого	59280	63090	342770		

Для показанія же количества высѣваемого хлѣба и отноше-
 нія его къ населенію въ разсматриваемыхъ нами уѣздахъ—мы
 считаемъ удобнымъ привести слѣдующія таблицы:

ПОСѢВЫ.	Посѣвъ и урожай хлѣба и льна.			Остается на продовол за исключеніемъ сѣмян		
	Высѣвается.	Средній урожай на 1 четверть	Собирается.	Всего	На одну облад. душу приход.	На одинъ дворъ.
<i>Вологодскій уѣз.</i>						
а) Озимовой ржи	28845	5,40	155795	1079075	до 22	до 48
б) Яровыхъ хлѣбовъ	62042	3,44	213726	834262	до 17	до 37
в) Льнянаго сѣмени	2620	—	5150	—	—	—
			При чемъ собирается льнянаго волокна 31155 п.			
Итого				1913337	до 39	до 85
<i>Грязовецкій уѣз.</i>						
а) Озимовой ржи	21980	6,76	148655	1076738	до 30	до 63
б) Яровыхъ хлѣбовъ	4286	3,24	138637	526961	до 15	до 31
в) Льнянаго сѣмени	3362	—	6302	—	—	—
			При чемъ получается волокна 49664 п.			
Итого				1603599	до 45	до 94

П О С Ъ В Ы.	Посѣвъ и урожай хлѣба и льна.			Остается на продовол. за исключеніемъ сѣмянъ		
	Высѣвается.	Средній урожай на 1 четверть.	Собирается.	Всего.	На 1 окладн. душу прикол. двору.	
					На одну	На одинъ
Въ четвертяхъ.			Въ пудахъ.			
<i>Кадниковскій у.</i>						
а) Озимовой ржи	26031	6,37	166014	1189755	до 19	до 52 ¹ / ₂
б) Яровыхъ хлѣбовъ	70204	3,44	241557	942441	до 15	до 41 ¹ / ₂
с) Льнянаго сѣмени	3448	—	6426	—	—	—
			При чемъ собирается волокна 59369 п.			
Итого				2132196	до 34	до 94

Четверть ржи при переводѣ на вѣсъ принимается въ Вологодской губерніи въ 8¹/₂ пудовъ, четверть овса въ 5¹/₂ пудовъ, четверть льнянаго сѣмени въ 9 пудовъ. Цѣна зерноваго хлѣба въ Грязовецкомъ, Вологодскомъ и Кадниковскомъ была за послѣдніе годы: ржи—отъ 60 до 80 коп. за пудъ, овса—отъ 45 до 65 коп., льнянаго волокна отъ 3 р. 50 коп. до 6 р. за пудъ, льнянаго сѣмени отъ 80 к. до 2 р. за пудъ. Въ составленныхъ нами таблицахъ выведена средняя цифра остающагося для продовольствія хлѣба, на каждую окладную душу и на каждый дворъ, чрезъ что становится видимою и степень обезпеченія хлѣбомъ. При подворномъ распредѣленіи хлѣба расчетъ сдѣланъ не по общему числу дворовъ въ губерніи, а принято въ соображеніе число дворовъ cadaго уѣзда, почему полу-

частей и неодинаковая цифра на-селенія на дворъ, а именно:

ВЪ УЪЗДАХЪ.	На 1-нъ дворъ при- ходится.	
	Окладныхъ дунгъ.	Наличнаго населенія.
Грязовецкомъ - -	2,10	4,78
Кадниковскомъ - -	2,15	5,25
Вологодскомъ - -	2,75	6,64

При этомъ нельзя не замѣтить, что малолюдность семействъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, между прочимъ, указываетъ на частые семейные раздѣлы, особенно замѣтные въ средѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Явленіе это весьма естественно, потому что во время крѣпостной зависимости крестьяне эти жили многочисленными семействами, будучи связаны властью помѣщика. Но семейные раздѣлы имѣютъ вредное вліяніе на экономическое благополучіе крестьянскаго населенія, потому что влекутъ за собою разредиченіе матеріальныхъ силъ и капиталовъ, столь необходимыхъ для успѣшнаго веденія сельскаго хозяйства.

Хлѣбопашество. Система хозяйства въ Вологодскомъ, Грязовецкомъ и Кадниковскомъ уѣздахъ, какъ и по всей губерніи — трехпольная и обработка земли производится орудіями, издавна введенными въ употребленіе. Занятія крестьянъ хлѣбопашествомъ заключаются въ посѣвъ озимой ржи, овса и яровой пшеницы. Пропорція посѣва одинакова въ трехъ уѣздахъ, изъ статистическихъ же свѣдѣній о Кадниковскомъ уѣздѣ видно, что овесъ составляетъ 84% посѣва яровыхъ хлѣбовъ, ячмень и пшеница вѣсятъ—16%. Пшеницы и ячменя крестьяне сѣютъ по малу, для домашняго употребленія. Сѣютъ еще горохъ, но тоже по вездѣ и по многіе домохозяева. Изъ цифры остающагося хлѣба для продовольствія души и двора можно видѣть, что собирает-ся его болѣе чѣмъ достаточно для пропитанія населенія во всѣхъ трехъ уѣздахъ. Но степень обезпеченія далеко не одинакова въ

средѣ государственныхъ, бывшихъ помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ и затѣмъ въ волостяхъ и обществахъ, взятыхъ по рознѣ.

Въ общей сложности въ трехъ уѣздахъ государственные крестьяне составляютъ 33% населенія, бывшіе помѣщичьи 65% и бывшіе удѣльные 2%. Государственные крестьяне, благодаря болѣе значительному количеству находящейся у нихъ во владѣніи земли пользуются лучшимъ обезпеченіемъ и большимъ избыткомъ въ отношеніи собираемаго хлѣба.—Бывшіе помѣщичьи крестьяне—временнообязанные и собственники—имѣютъ недостаточные надѣлы, которые въ большинствѣ случаевъ не достигаютъ полной нормы. Малые надѣлы при такихъ крестьянскихъ семьяхъ, въ которыхъ имѣется много дѣдовъ, или когда семейство обременено женскимъ поломъ бывають причиною того, что многие изъ крестьянъ этой категоріи не получаютъ отъ земли годоваго продовольствія. Бывшіе помѣщичьи крестьяне получили самые ограниченные надѣлы въ Вологодскомъ уѣздѣ, вблизи города, гдѣ населеніе скученное, почему въ подгородныхъ волостяхъ этого уѣзда встрѣчается и наибольшая масса нуждающихся, но недостатокъ въ хлѣбѣ восполняется здѣсь городскими промыслами, такъ какъ въ Вологдѣ имѣется постоянный спросъ на рабочія силы. Кроме подгородныхъ волостей замѣчается наибольшій недостатокъ въ обезпеченіи хлѣбомъ въ Боровецкой и Архангельской волостяхъ того же уѣзда, по причинѣ песчанаго и непродуцательнаго грунта земли; въ этихъ волостяхъ посѣвъ хлѣба замѣняется посадкою картофеля и кромѣ того очень развиты отхожіе промыслы, заключающіеся въ плотничествѣ. Въ Грязовецкомъ и Кадниковскомъ уѣздахъ прибѣгаютъ къ покупкѣ хлѣба весьма немногіе. Вообще же относительно бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ нужно еще замѣтить, что они, будучи окружены усадьбами своихъ бывшихъ владѣльцовъ и представляя единственными рабочія силы въ своей мѣстности, всегда могутъ и находятъ занятія—хлѣбопашествомъ на мѣстѣ, когда располагають свободнымъ временемъ, занимаясь обработываніемъ и арендою земель у помѣщиковъ.

Удѣльные крестьяне владѣть меньшимъ количествомъ земли противъ бывшихъ помѣщичьихъ. Недостаточность надѣла бывшіе удѣльные крестьяне восполняютъ тщательною обработкою имѣющихся земельныхъ угодій и развитіемъ промысловъ, занимаясь которыми съ давнихъ лѣтъ, они приобрѣли къ нимъ особенный навыкъ и сноровку.

Скотоводство. Грязовецкій, Вологодскій и Кадниковскій уѣзды представляютъ отличныя условія для развитія скотоводства. Въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ, по берегамъ р. Лежи и на большихъ озерахъ, сопровождающихъ теченіе р. Сухоны, въ послѣднихъ двухъ по берегамъ той же рѣки и Кубенскаго озера, а въ Вологодскомъ и по берегамъ р. Вологды, Бохтюги, Тошни и Вексы имѣются обширные поемные луга, на которыхъ растетъ высокая и сочная трава—осока. Въ урожайные годы на одной десятинѣ этихъ поженъ накашивается до 250 пудовъ осоки. Болотные и полевые луга въ этихъ уѣздахъ тоже изобильны травою и только на возвышенныхъ мѣстахъ бываетъ скудный урожай сѣна. Съ другой стороны, развитіе сыроваренныхъ заводовъ и спросъ на масло, отправляемое въ С.-Петербургъ и Архангельскъ повысили цѣну на молочные скопы вдвойнѣ противъ существовавшихъ. Но судя по количеству содержаемаго крестьянами скота, нельзя еще назвать степень развитія этой важной и доходной отрасли сельско-хозяйственной промышленности удовлетворительною; причина подобнаго явленія заключается въ томъ, что крестьянамъ принадлежитъ малая часть поманутыхъ поженъ, составляющихъ собственность помѣщиковъ. Тѣмъ не менѣе практикуемыя крестьянами—арендованіе и приобретеніе покосовъ въ собственность отъ помѣщиковъ и промышленниковъ, успѣвшихъ скупить нѣкоторые изъ нихъ ради наживы, а также и расчистка лѣсопородныхъ мѣстъ подъ покосы, указываютъ, на крайней мѣрѣ, на стремленіе къ развитію скотоводства среди крестьянскаго населенія разсматриваемыхъ нами уѣздовъ. Замѣтна заботливость и объ улучшеніи породы рабочаго и рогатаго скота, при содѣйствіи земскихъ управъ. Хотя выгодъ же, получаемыхъ крестьянами въ настоящее время отъ скотоводства, за неимѣніемъ

данныхъ, опредѣлить не возможно, но мы считаемъ не лишнимъ привести сравнительныя таблицы о количествѣ скота въ описываемыхъ уѣздахъ съ средними выводами числа головъ на 1 крестьянскій дворъ.

Породы скота.	Вологодскій у.		Грязовецкій у.		Кадниковскій у.	
	Число головъ.	На 1 дворъ приходится	Число головъ.	На 1 дворъ приходится	Число головъ.	На 1 дворъ приходится
а) Лошадей	20291	0,9	18049	1,05	35728	1,57
б) Коровъ	45207	2,02	41444	2,44	83688	3,68
с) Мелкаго скота	50654	2,25	39671	2,32	106574	4,7
Въ общей сложности	116152	5,17	99164	5,81	225990	9,95

Льноводство. Какъ извѣстно, Вологодская губернія славится производствомъ льна: кромѣ удовлетворенія мѣстнаго населенія и существующей Грибановской фабрики въ Устюжскомъ уѣздѣ, ленъ и льняное сѣмя составляютъ одинъ изъ главныхъ предметовъ отпуска за границу чрезъ Архангельскій и С.-Петербургскій порты.

Изъ составленныхъ нами таблицъ оказывается, что льноводство наиболее развито въ Грязовецкомъ и Кадниковскомъ уѣздахъ; причина этого заключается въ томъ, что двѣ трети населенія перваго составляютъ государственные крестьяне, которые, пользуясь высшими надѣлами, соединенными съ естественнымъ плодородіемъ почвы дѣлаютъ большіе посѣвы льна въ яровыхъ поляхъ; въ сѣверо-западной части Кадниковскаго уѣзда ленъ сѣютъ на подѣлкахъ. Усиленный спросъ очень повнеслъ цѣны на ленъ, и производство его на столько выгодно, что даетъ возможность

занимающимся покрывать всѣ годовые расходы, независимо отъ другихъ заработковъ.

Промыслы. Выше былъ сдѣланъ расчетъ, что средняя крестьянская семья получаетъ отъ обработыванія надѣльной земли для своего годового продовольствія озимаго и яроваго хлѣба въ Грязовецкомъ и Кадниковскомъ уѣздахъ по 94 пуда, въ Вологодскомъ по 85 пудовъ. Естественно, что при столь скромной цифрѣ необходимаго обезпеченія, не можетъ быть избытка матеріальнаго довольства, вслѣдствіе чего платежныя средства крестьяне вынуждены добывать на сторонѣ-промыслами. Промыслы въ трехъ юго-западныхъ уѣздахъ разнообразны и распространены на столько, что однихъ разныхъ наименованій ихъ существуетъ до 40. По отношенію къ душамъ, числящимся по окладу къ 1877 г. къ заработкамъ привлекается болѣе 26% населенія, но статистическія свѣдѣнія еще далеко не опредѣляютъ вполне всего числа лицъ, занимающихся заработками, равно какъ и суммы послѣднихъ. Изъ промысловъ развиты какъ мѣстные, такъ и отхожіе. Чтобы яснѣе видѣть движеніе промышленности въ описываемыхъ нами уѣздахъ, мы приводимъ слѣдующія таблицы:

Общіе виды промышленности.	Число промышленниковъ.	Средній заработокъ на одно лицо.	Сумма.
		Въ рубляхъ.	
Уѣздъ Вологодскій.			
а) Мѣстные промыслы	3041	39	119040
б) Торговля -	162	100	16200
в) Отхожіе промыслы	6802	48	325985
Всего по уѣзду	10005	46	461225
Уѣздъ Грязовецкій.			
а) Мѣстные промыслы	772	40	30823
б) Торговля -	120	100	12000

Общіе виды промыш- ленности.	Число про- мышленни- ковъ.	Средній за- работокъ на одно лицо.	Сумма.
		Въ рубляхъ.	
с) <u>Отхожіе промыслы</u>	2960	78	231400
Всего по уѣзду	3842	69	274223
<i>У. Кадниковскій.</i>			
а) <u>Мѣстные промыслы</u>	9428	21	198908
б) Торговля -	403	100	40300
с) <u>Отхожіе промыслы</u>	8775	50	434046
Всего по уѣзду	18606	36	673254

Промыслы заключаются главнымъ образомъ въ обработываніи усадебъ у владѣльцевъ и эксплуатаціи лѣсовъ, какъ то: въ заготовленіи и доставкѣ бревень, дровъ и въ изготовленіи вещей изъ лѣснаго матеріала; въ сѣверной части Кадниковскаго уѣзда, изобилующей лѣсами, крестьяне занимаются преимущественно выкуркою смолы, дегтя и вырубкою лѣсныхъ матеріаловъ по найму отъ лѣсопромышленниковъ; изъ нихъ первые два продукта — деготь и смола сбываются скупщиками въ С.-Петербургу, Москву, въ приволгскіе низовые города и въ Ново-Россійскій край, а изъ лѣсныхъ матеріаловъ часть въ доскахъ, изготовленныхъ на мѣстномъ лѣсопильномъ заводѣ, отправляется въ С.-Петербургъ, все же остальное количество заготовокъ идетъ на удовлетвореніе требованій безлѣсныхъ мѣстностей, расположенныхъ въ западной части Кадниковскаго и восточной части Вологодскаго уѣздовъ и затѣмъ еще въ г. Вологду. Въ восточной части уѣзда, какъ болѣе плодородной по преобладанію тамъ сѣраго грунта, крестьяне занимаются преимущественно хлѣбопашествомъ и льноводствомъ, которое въ послѣдніе десять лѣтъ, вслѣдствіе усиленнаго спроса и высокихъ цѣнъ на льняные товары, съ каждымъ годомъ увеличивается въ размѣрахъ; но сосредоточеніе труда въ этой мѣстности исключительно на земледѣліе

положительно парализовало прочіе отрасли промышленности, и большая рѣдкость между населеніемъ встрѣтитъ какого-либо ремесленника. Въ остальной юго-западной части уѣзда преобладаетъ скученность населенія, большинство котораго имѣетъ недостаточное количество пахотной и сѣнокосной земли, съ преобладающимъ песчанымъ и глинистымъ грунтомъ, дающимъ такіе урожан, которые недостаточны для годичнаго продовольствія жителей. Неудовлетворительность мѣстныхъ земельныхъ условій для крестьянскаго населенія съ одной стороны и скученность населенія съ другой вызвали здѣсь разнохарактерную промышленную дѣятельность, къ которой привлекаются рабочія силы съ каждымъ годомъ въ большемъ и большемъ количествѣ. Изъ числа заводскихъ продуктовъ и ремесленныхъ издѣлій этой послѣдней мѣстности сбываются: желто-синильное кали, бульонъ и надѣлія изъ роговъ и костей—преимущественно въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, кожаная и валяная обувь въ губерніяхъ: Вологодской, Новгородской, Олонецкой и Архангельской; остальные же преимущественно въ предѣлахъ Вологодскаго, Кадниковскаго, Тотемскаго, Кирилловскаго и Бѣлозерскаго уѣздовъ. За недостаткомъ продовольствія отъ мѣстныхъ урожаевъ, крестьянское населеніе послѣдняго района приобретаетъ въ мѣстныхъ торговыхъ пунктахъ, расположенныхъ по берегамъ рѣки Кубены, кулевою ржаную муку, которая покупается здѣшними торговцами на Волгскихъ пристаняхъ.

Изъ прочихъ ремеселъ въ описываемыхъ уѣздахъ наиболѣе развиты кожевенное, сапожное производствa и катаніе обуви и войлоковъ изъ шерсти. По Кубенскому озеру и р. Сухонѣ населеніе занимается рыбною ловлею. Значительное число крестьянъ занимается также мелочною торговлею, получая при этомъ достаточный заработокъ, и размолотъ хлѣба на многочисленныхъ вѣтряныхъ мельницахъ, размѣняемыхъ въ отдаленныхъ уѣздахъ огромнымъ числомъ водяныхъ. Фабрикъ въ край нѣтъ, заводовъ мало и получаемыя отъ нихъ крестьянами выгоды не велики. По отхожимъ промысламъ въ 3-хъ уѣздахъ работаетъ 18326 человѣкъ. Отхожіе промыслы наиболѣе развиты въ Вологодскомъ

и Кадниковскомъ уѣздахъ, будучи вызываемы неудовлетворительностію земельныхъ условій въ скученныхъ мѣстностяхъ, гдѣ обороты земледѣльческаго производства не приносятъ достаточныхъ доходовъ для удовлетворенія нуждъ населенія. Отхожіе промыслы крестьянъ Грязовецкаго уѣзда проявляются въ двухъ видахъ: жители волостей Степуринской, Семеновской и Ростисловской близкихъ въ промышленной Ярославской губерніи—отправляются для занятія торговлей въ столичные города; другой видъ отхожихъ промысловъ Грязовецкаго уѣзда состоитъ въ обдѣлкѣ льна, очисткѣ зерноваго хлѣба и другихъ заработковъ въ Вологдѣ, которыми занимается кромѣ того и населеніе близгородныхъ волостей Вологодскаго уѣзда. Затѣмъ отхожіе промыслы въ этомъ и Кадниковскомъ уѣздахъ одинаковы по существу: на первомъ планѣ стоитъ плотничье мастерство, на долю котораго приходится до половины всѣхъ отхожихъ промышленниковъ. Остальная половина распредѣляется между промышленниками разныхъ категорій; наибольшая масса народа идетъ для землекопныхъ и земледѣльческихъ работъ, затѣмъ, для катанія обуви, шитья сапоговъ и одежды, для сплава судовъ, пиленія лѣса, конопатки домовъ и рѣчныхъ судовъ, а въ Семеновской волости Вологодскаго уѣзда—для постройки кирпичныхъ зданій. Чтобы яснѣе опредѣлить значеніе промысловъ для населенія разсматриваемыхъ уѣздовъ, стоитъ только сопоставить выгоды, получаемыя отъ нихъ, съ выгодами отъ хлѣбопашества, для этого примемъ среднюю цѣнность пуда ржи въ 70 к. и яровыхъ хлѣбовъ въ 55 к., получимъ прибыли отъ хлѣба 3.608.912 р.; отъ промысловъ получается 1.340.202 руб., отъ торговли 68.500 р., отъ льноводства, которое замѣняетъ промышленную дѣятельность, принимая пудъ волокна въ 4 р. 50 к. и пудъ льнянаго сѣмени въ 1 руб. 50 коп.—744.894 руб., всего отъ промысловъ, льноводства и торговли получается 2.153.596 руб., что составляетъ $\frac{2}{3}$ выгоды, извлекаемыхъ отъ хлѣбопашества. При этомъ не включается вовсе доходность заработковъ по найму крестьянъ между собою, не опредѣляется далеко цифра лицъ, работающихъ въ усадьбахъ и еще многіе другіе заработки частнаго характера.

Предметы отпуска. За удовлетвореніемъ мѣстнаго населенія, продукты сельскихъ произведеній Грязовецкаго, Вологодскаго и Кадниковскаго уѣзда отправляются скупщиками за границу, а именно: рожь—черезъ Архангельскій портъ, овесъ, ленъ и льняное сѣмя—черезъ Архангельскій и С.-Петербургскій порты; ленъ кромѣ того идетъ на фабрики Костромской, Ярославской и Московской губерній; масло и яйца идутъ въ Москву и С.-Петербургъ; въ послѣдній отправляется лѣсъ въ бревнахъ и доскахъ, заготовляемыхъ на лѣсонильномъ заводѣ, находящемся въ Устьянской волости Кадниковскаго уѣзда и принадлежащемъ С.-Петербургскому 1 гильдіи купцу Рыбкину. Изъ Грязовецкаго уѣзда шерсть и овчина отправляется въ г. Романовъ-Борисоглебскъ, извѣстный издѣліемъ полушубковъ. Изъ предметовъ крестьянскихъ издѣлій кожаная и валяная обувь, производимая крестьянами Кадниковскаго и частію Вологодскаго уѣздовъ, расходуется по смежнымъ уѣздамъ сосѣднихъ Новгородской, Олонецкой и Архангельской губерній. Гребни и вещи изъ рога и кости, желтосинильное кали и бульонъ, изготовляемые предпринчивыми крестьянами помянутой Устьянской волости, сбываются преимущественно въ С.-Петербургъ и Москву Смола и деготь, производимые крестьянами сѣверной части Кадниковскаго уѣзда, сбываются въ С.-Петербургъ, Москву и въ Новороссійскій край. Товары сплавляются водными путями— въ Архангельскъ по Сухонѣ, а въ С.-Петербургъ по Маринской системѣ, посредствомъ канала Александра Виртембергскаго. Мешбромовскіе товары отправляются и по Ярославско-Вологодской желѣзной дорогѣ.

Что касается вообще до промысловъ крестьянъ данныхъ уѣздовъ, то слѣдуетъ сказать, что они замѣтно развиваются, такъ какъ заключаютъ въ себѣ много условій, благоприятствующихъ ихъ дальнѣйшему оживленію и распространенію. Двигателями этого дѣла являются, во первыхъ, общее развитіе отечественной промышленности, усилившей спросъ на рабочія силы и удвоившей за послѣднее время цѣнность земледѣльческаго производства; во вторыхъ, потребность самихъ крестьянъ имѣть

въ своемъ распоряженіи денежныя средства и соревнованіе ихъ между собою въ отношеніи матеріальнаго довольства. Эти обстоя- тельства побуждаютъ ихъ съ охотою заниматься арендованіемъ по- мѣщичьихъ усадебъ, а по мѣрѣ возможности, и прибрѣтати по- слѣднія въ собственность, расширять посѣвы льна, и привлекаютъ къ мѣстнымъ ремесламъ и отхожимъ заработкамъ большее и большее количество лицъ. Но усиленное развитіе нѣкоторыхъ промысловъ мѣрѣдко вызываетъ и вредныя послѣдствія. Такъ лѣтніе отхожіе промыслы отвлекаютъ взрослыхъ мужчинъ отъ за- пятій земледѣліемъ, предоставляя обработку земли остающимся въ семьяхъ женщинамъ и подросткамъ, которымъ бываетъ по- подь силу успешное веденіе хозяйства. Почва отъ воздѣлыва- нія женскими руками не получаетъ надлежащей обработки; не- достатокъ въ рабочихъ силахъ ведетъ къ сокращенію запасекъ заготовки корма для скота, что бываетъ причиною уменьшенія чи- сленности его, происходящаго отсюда слабого урожая и не- обеспеченности въ годовомъ продовольствіи. Вырубка и сжиганіе лѣса, ставшіе предметомъ усиленной эксплуатаціи со стороны крестьянъ и купцовъ, по случаю перехода лѣсныхъ дачъ въ ихъ руки отъ владѣльцевъ—помѣщиковъ въ Верхораменской, Шеницкой, Ухтомской, Ембской, Нижеслободской, Митюков- ской, Маныловской волостяхъ Кадниковскаго уѣзда, равно и другихъ богатыхъ лѣсами мѣстностяхъ, имѣютъ естественно вре- менное значеніе, пока лѣса будутъ давать къ тому матеріалъ. Примеромъ можетъ служить прекращеніе съ 1877 года заго- товки бревенъ въ сѣверной части упомянутаго уѣзда, произ- водившейся съ 1849 года отъ Вѣломорской компаніи, что нынѣ отзывается неблагоприятнымъ образомъ на платежныхъ сред- ствахъ крестьянъ, занимавшихся заготовкою. Льняное производ- ство, въ слѣдствіе неумѣренныхъ посѣвовъ льна на поляхъ, въ особенности въ Грязовецкомъ уѣздѣ, можетъ также отозваться въ будущемъ не особенно благоприятно: растеніе это, какъ извѣст- но, принадлежитъ къ сильно изнуряющимъ почву и вліяніе его отзывается замѣтнымъ истощеніемъ земли; бросающъ за выгодами, крестьяне въ тоже время не заботятся о восстановленіи произ-

водительной силе земли и не слѣдять за правильнымъ обращеніемъ сѣвооборота, уваживая одинаково какъ полосы изъ —подъ яроваго хлѣба, такъ и изъ—подъ льна и возвращаясь очень скоро къ посѣвамъ льна на одно и то же мѣсто. Крестьяне сѣверо-западной части Кадниковскаго уѣзда, смежной съ Тотемскимъ производятъ посѣвы льна на подсѣкахъ; этотъ родъ посѣва едва ли можетъ продолжаться долго, такъ какъ въ свою очередь истощаетъ лѣса, въ казенныхъ же дачахъ пользованіе подсѣками обставляется весьма обременительными условіями. Въ этихъ промысловъ стоитъ смолодегтарное производство крестьянъ сѣвернаго края Кадниковскаго уѣзда; занимающіеся имъ вынуждены мало по малу сокращать размѣры своего производства и даже отставать отъ него совершенно; причины этого явления заслуживаютъ особеннаго вниманія, такъ какъ онѣ вызвали однородные результаты и въ центральныхъ уѣздахъ губерніи, гдѣ смолокуреніе и дегтекуреніе составляли нѣкогда общее занятіе бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ и весьма многихъ государственныхъ; занятіе это было выгодно при старыхъ порядкахъ лѣснаго хозяйства, когда крестьяне имѣли возможность избѣгать разными путями аренды или пошлинь, когда трудъ крестьянина, употребленный на добычу продукта, вполне вознаграждался выручкою по продажѣ и производитель обезпечивался на годъ денежными средствами для всѣхъ необходимыхъ расходовъ; влѣдъ же за крестьянскою реформою дѣло смолодегтарнаго производства приняло другой характеръ: владѣльцы частныхъ мѣстныхъ дачъ обратили вниманіе на изысканіе источниковъ дохода отъ принадлежащихъ имъ имѣній и ввели обязательную аренду за пользованіе сырыми заводскими матеріалами; кромѣ того съ переходомъ лѣсовъ изъ владѣнія бывшихъ помѣщиковъ къ зажиточнымъ крестьянамъ и купеческому сословію возникли затрудненія и относительно добычи сырыхъ матеріаловъ: новое хозяйство, въ видахъ сохраненія лѣсовъ отъ порчи, наносимой при сборѣ береста и происходящей вообще отъ небрежнаго отношенія къ чужой собственности, стали въ рѣдкихъ случаяхъ давать разрѣшеніе на сборъ сырыхъ продуктовъ; тоже самое случилось и

при пользованіи казенными и удѣльными лѣсными дачами, наблюденіе надъ которыми также приняло новое направленіе; въ виду строгаго контроля и судебного преслѣдованія, свободная добыча матеріаловъ изъ казенныхъ дачъ сдѣлалась невозможною, къ тому же дачи эти, въ большинствѣ случаевъ были истощены уже заранѣе; за платежемъ же аренды или пошлинъ заводчику остается мало пользы при существующихъ прежнихъ цѣнахъ на деготь и смолу. Еще менѣе доступна для заводчиковъ выкурка изъ матеріаловъ, приобретаемыхъ посредствомъ покупки, потому что немногіе располагаютъ денежными средствами, а возвысившіяся цѣны на березовую скалу дѣлаютъ промыселъ и совершенно безвыгоднымъ. Вотъ причины, которыя вызвали паденіе смолодегтарнаго производства, паденіе, отразившееся въ свою очередь невыгодно на экономическомъ бытѣ крестьянъ и въ другомъ отношеніи: смолодегтарный промыселъ, изолировавъ производство отъ промышленныхъ центровъ, сдѣлалъ ихъ въ то же время крайне не развитыми и не предприимчивыми къ другимъ какимъ либо промысламъ; такими результатами отозвался упадокъ смолодегтарнаго производства на крестьянахъ Давыдовской вол. Кадниковскаго уѣзда и такими же результатами сопровождается онъ повсемѣстно въ Вельскомъ уѣздѣ и другихъ смолокуренныхъ мѣстностяхъ.

Группа центральныхъ уѣздовъ.

Основною экономическаго быта крестьянъ центральныхъ уѣздовъ — Вельскаго, Тотемскаго, Никольскаго и Устюгскаго, вмѣстѣ съ полевымъ, составляетъ *лѣсноподслѣное* или *переложное хозяйство*. Приготовление подслѣкъ требуетъ много труда и времени; лучшимъ мѣстомъ для подслѣвки считается суходоль, поросшій березникомъ, елью, ольхой съ густымъ подслѣдомъ ивовыхъ кустовъ, вереса и черничника; при подготовительныхъ работахъ лѣсъ и весь кустарникъ срубаютъ и оставляютъ на годъ, чтобы высохъ; подъ осень, если срубленнаго лѣса оказывается мало, наваживаютъ валежника и вершинника съ сосѣднихъ мѣстъ и застилаютъ всю подслѣву сплошнымъ слоемъ или валами;

весною, при небольшомъ вѣтрѣ, зажигаютъ лѣсъ съ подвѣтренной стороны, стараясь чтобы огонь шелъ ровно и выжегъ всю подсыжку до тла; образовавшаяся при горѣннн смола служитъ сильнымъ удобреніемъ. Главная производительность лѣсоподсычного хозяйства заключается въ льноводствѣ, доведенномъ здѣсь до значительнаго совершенства; также довольно часто сѣютъ на подсычкахъ ячмень и пшеницу. Производительная сила подсыжекъ теряется послѣ перваго посѣва, но во многихъ мѣстностяхъ засѣваютъ ихъ послѣ хлѣба или льна тимофеевой травой, болѣе для сѣмянъ, которыя отравляютъ въ С.-Петербургъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ центральныхъ уѣздовъ, въ которыхъ, по измѣнившимся обстоятельствамъ времени, пользованіе подсычками въ казенныхъ дачахъ стало дѣломъ труднымъ, а собственныя не представляютъ къ тому достаточнаго матеріала, положеніе крестьянъ становится затруднительнымъ не только въ отношеніи уплаты податей, но и въ отношеніи средствъ къ существованію: обращая до сего времени трудъ все болѣе на обработку подсыжекъ, которыя давали главную доходность, крестьяне центральныхъ уѣздовъ не приучились къ правильному веденію полеваго хозяйства, дѣлая обработку полей далеко не съ тою тщательностію, какъ въ юго-западныхъ уѣздахъ губерніи; кромѣ того крестьяне этихъ уѣздовъ не могутъ видѣть и образцовъ правильнаго сельскаго хозяйства, такъ какъ помѣщичьихъ усадебъ здѣсь почти не встрѣчается. Занятія крестьянъ хлѣбопашествомъ заключаются въ посѣвѣ тѣхъ же хлѣбовъ, что и въ юго-западныхъ уѣздахъ губерніи; но по направленію къ сѣверо-востоку, по случаю большей суровости климата, овесъ начинаетъ постепенно вытѣсняться ячменемъ, который для своего созрѣва требуетъ менѣе времени.

Протяженность центральныхъ уѣздовъ служитъ причиною большаго разнообразія почвенныхъ и климатическихъ условій. Поэтому эти уѣзды по веденію сельскаго хозяйства, по обеспеченности въ годовомъ продовольствнн и промысламъ, во многомъ отличаются между собою.

Вельскій уѣздъ.

Почва этого уѣзда мало производительна вслѣдствіе преобладающаго чисто песчанаго грунта земли, хотя западное положеніе уѣзда, покрывающіе сплошныя лѣса удѣльнаго вѣдомства и обиліе мѣстныхъ рѣчныхъ системъ дѣлаютъ климатъ Вельскаго уѣзда очень сырмъ, а почву — влажною; но излишняя сырость не благоприятствуетъ урожаю озимаго хлѣба, который бываетъ очень низокъ, и по количеству сбора часто не превышаетъ урожая яровыхъ хлѣбовъ; послѣдніе, въ свою очередь, гибнутъ не рѣдко отъ раннихъ заморозковъ, или, по мѣстному выраженію, отъ забелы.

Населеніе Вельскаго уѣзда состоитъ на половину изъ государственныхъ и на половину изъ удѣльныхъ крестьянъ. Первые живутъ отчасти по нижнему теченію рѣки Ваги и по ея важнѣйшимъ притокамъ — Устьѣ и Кокпелыгѣ, занимая весь выдавшійся въ сѣверовосточномъ направленіи край уѣзда; послѣдніе занимаютъ западную половину его, по теченію Ваги и ея верхнихъ притоковъ. Такое мѣстожителство государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ даетъ возможность разсмотрѣть бытъ тѣхъ и другихъ порознь, положеніе же ихъ хозяйства можно представить послѣдовательно въ слѣдующей таблицѣ:

Въ остается вѣд.		Скотоводство		Промыслы.		
Вельскій	На 1-нѣ дворѣ.	Число го- ловъ скота.	Приходится на 1 дворѣ.	Число про- мышленни- ковъ.	Средній заре- ботокъ на 1 лицо.	СУММА.
				Въ рубляхъ.		
Государственныя живущихъ на земляхъ.	До 31 1/2	Лошадей 10480	дей. 1, 72	Смоло —	куре —	нѣ 11000
	До 50	Коро 21675	въ 3, 66	Прочіе мыслы и за От 100	мѣст работ хо 25	ныя про- мки жѣ 2500
Итого		56255	9, 24	Итого		22215
Вывшихъ удѣ- ль собственныя	До 38 1/2	Лошадей 10855	дей 1, 67	Смоло —	куре —	нѣ 64000
	бывъ	Ко 27235	ровъ 4, 11	Прочіе мѣст и зараб От 30	ныя ботки хо 30	промислы 12980 жѣ 900
Итого		63505	9, 65	Итого		77880
Временно- удѣлу.	До 41	Мелк. 25715	скота 3, 87			
Итого		63505	9, 65	Итого		77880
Приписанныхъ						

А. Государственные крестьяне.

Въ пользованіи государственныхъ крестьянъ земли разнаго рода приходится на душу до 11 десятинъ въ среднемъ выводѣ, хотя въ обществахъ, дѣятыхъ отдѣльно, распределеіе ея весьма не равномерно. Помѣщичьихъ мѣстнѣй въ уѣздѣ нѣтъ, арендованіемъ казенныхъ нахотныхъ земель государственные крестьяне этого и другихъ отдаленныхъ уѣздовъ губерніи не занимаются. Отъ хлѣбопашества государственные крестьяне Вельсмаго уѣзда получаютъ скудное вознагражденіе—это видно изъ примѣрнаго расчисленія, получаемаго для продовольствія хлѣба, котораго остается для одного двора менѣе 82 пудъ. При всемъ томъ они находятъ возможнымъ продавать часть хлѣба. Впрочемъ относительно этой продажи слѣдуетъ замѣтить, что она ограничивается однимъ овсомъ, котораго при томъ не оставляютъ для лошадей, прокармливая ихъ сѣномъ и яровой соломой. Такимъ образомъ въ продажу идетъ хлѣбъ далеко не излишній въ хозяйствѣ и дѣлается это въ виду крайняго и безвыходнаго положенія. Последнее обстоятельство заставляеть нерѣдко прибѣгать къ сбыту хлѣба, необходимаго и для собственнаго содержанія, чтобы покушать его по двойной цѣнѣ впоследствии, такъ какъ продажа эта производится по осени, когда цѣны на хлѣба бывають неуставовившимися и зависятъ отъ доброй воли покупателей, разбогатѣвшихъ кулаковъ—крестьянъ. Число нуждающихся въ хлѣбной покупкѣ весьма велико. Даже въ обществахъ, считающихся обезпеченными урожаемъ, не менѣе треть населенія состоитъ изъ бѣдняковъ, кое-какъ перебивающихся изъ за куска хлѣба. Въ тѣхъ обществахъ, гдѣ земля родитъ плохое и посѣвъ небольшой, нуждающихся въ хлѣбѣ встрѣчается до половины и болѣе населенія, надобность въ немъ постигаетъ съ середины года—въ Январѣ, Февралѣ мѣсяцахъ. Приобрѣтають хлѣбъ прежде всего займами у зажиточныхъ крестьянъ, ссудами изъ общественныхъ магазиновъ, наконецъ покупкою на мѣстныхъ торжкахъ и городскихъ рынкахъ; не многіе ѣздятъ для этой цѣли и за предѣлы уѣзда.

Скотоводство. Крестьяне держатъ скоть для домашняго употребленія, а главнымъ образомъ, въ видахъ скопленія навоза, для удобренія полей, столь необходимаго здѣсь. Скоть весьма мелкой породы. По даннымъ о Морозовской волости имѣется свѣдѣніе, что лучшая корова вѣситъ въ тушѣ 3—4 пуда, овца 30 фунтовъ. Причиной этого является недостатокъ и недоброкачественность пастбищъ и покосовъ. Последніе заключаются болѣею частью въ пустошахъ, которыя образовались на неблагопріятной почвѣ, истопанной пожарами и изобилуютъ болотными иѣстами. Зимами же крестьяне, за неимѣніемъ сѣна, вынуждены бываютъ овецъ кормить яровой соломой и березовымъ листомъ, рогатый скоть—и ржаномъ. Эти обстоятельства, въ соединеніи съ плохими урожаями хлѣба и травъ въ послѣдніе годы, также и отъ частаго похищенія скота звѣремъ на пастбищахъ, окруженныхъ лѣсами, служатъ препятствіями къ развитію скотоводства и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи. За пятилѣтіе число головъ скота уменьшилось, а не увеличилось. По случаю сказаннаго недостатка въ кормѣ и иецѣнной, малорослой породы скота, нельзя думать, чтобы скотоводство приносило здѣсь большія денежныя выгоды. Собственно, судя по общему числу головъ, скотоводство представляется довольно въ цвѣтущемъ состояніи, но это примѣнимо только къ зажиточной части населенія, болѣею частью котораго имѣеть только необходимый для домашняго обихода скоть.

Львоводство довольно поддерживаетъ бытъ государственныхъ крестьянъ Вельскаго уѣзда и разведеніемъ льна они занимаются въ значительныхъ размѣрахъ. При нынѣшнихъ высокихъ цѣнахъ, ленъ служитъ главнымъ источникомъ къ уплатѣ податей, частныхъ и обязательныхъ повинностей, которыя несутъ крестьяне.

Свѣтъ ленъ исключительно на подѣвкахъ, сохраняя поля, такъ какъ онъ сильно истощаетъ почву, которая и безъ того не отличается производительностью.

Промыслы. Всѣ земледѣльческіе заработки государственныхъ крестьянъ простираются до 22 т. рублей; половина приходится на смолокуреніе и дегтекуреніе, коимъ занимается при-

иѣрно 20%—почти все населеніе Леонтьевской волости, половина Есютинской, треть Павлицовской; кромѣ того смолокуры встрѣчаются и въ другихъ волостяхъ. За исключеніемъ смолодегтарнаго производства нельзя указать ни на одинъ промыселъ, который-бы имѣлъ большое экономическое значеніе въ жизни государственныхъ крестьянъ Вельскаго уѣзда. По количественности промышленниковъ обращаетъ вниманіе охота на рябчиковъ, тетеревей и бѣлокъ, кою занимаютъ крестьяне расположенныхъ по верхнему теченію Устья и удаленныхъ отъ центра волостей. Но охота не составляетъ такого организованнаго промысла, какимъ она является напр. въ сѣверовосточныхъ уѣздахъ губерніи; всѣ выгоды отъ нея ограничиваются рублями 4, 5-ю на человѣка. Ремеслами занимается ничтожное количество лицъ—преимущественно передъ прочими плотничествомъ. Отхожихъ заработковъ почти не существуетъ. Вообще въ развитіи промысловъ замѣчается полное отсутствіе предприимчивости. Большая часть крестьянъ по зимамъ, кромѣ подвоза сѣна и дровъ къ дому, ни чѣмъ другимъ не занимается. Это равно примѣнно и къ большинству другихъ волостей. Цѣнность мѣстныхъ заработковъ въ этой глухой сторонѣ крайне низкая—годовая прибыль простирается отъ 5 до 20 рублей на человѣка. Изъ этой суммы не исключается и смолодегтарное производство, которое приносятъ весьма скудное вознагражденіе, не смотря на громадный трудъ, затрачиваемый на него.

Предметы отпуска. Изъ мѣстности, занимаемой государственными крестьянами, отправляются промышленниками слѣдующіе предметы земледѣльческаго и промышленнаго производства: овесь, ленъ, льняное сѣмя, смола и деготь—въ Архангельскъ, рябчики—въ Москву, бѣлка—въ Каргополь.

Состояніе промышленности. Изъ обозрѣнія сельскохозяйственной промышленности Вельскаго уѣзда можно видѣть, что она далеко не удовлетворяетъ потребностямъ крестьянъ: доходностію отъ земли и скота они не могутъ покрыть неизбежныхъ расходовъ въ своемъ надотребовательномъ хозяйствѣ, не могутъ свободно справиться уплату податей и повинностей.

Оборотного капитала они не имѣютъ. Промысловъ же мало, да и на существующіе ограниченныи и невзыскательный спросъ не вызываетъ увеличенія и улучшенія предложенія. Между тѣмъ неотложная надобность въ средствахъ существованія встрѣчается постоянно. Эта бѣдность и гнетущая нужда породила ужасающую эксплуатацію со стороны богатыхъ крестьянъ. Мало по малу масса населенія опадаетъ въ полную экономическую зависимость отъ этихъ кулаковъ—міреѣдовъ, уплачивая за услужливое посредничество громадный процентъ съ продаваемыхъ продуктовъ, отдавая въ ихъ распоряженіе свой личный трудъ и т. д. Эксплуатація выражается, между прочимъ, и въ томъ, что послѣдніе снимаютъ отъ казны въ аренду обѣнные покосы, чтобы передавать эти покосы всегда нуждающемуся въ нихъ населенію по высокой цѣнѣ.

Такъ напр. крестьяне Бестужевской волости платятъ этимъ арендаторамъ за возъ сѣна на корню свыше рубля. Плохое состояніе сельскаго хозяйства и отсутствіе промысловъ послужили причиною развитія нищенства въ 4-хъ волостяхъ—Семеновской, Дмитровской, Павлицовской и Камкинской, а въ Коларевскомъ и Смольянскомъ обществахъ Есютинской волости породило такую невоспостоятельность, что населеніе этихъ обществъ не имѣетъ средствъ даже на покупку насущнаго хлѣба.

Выхода изъ такого критическаго положенія не предвидится. Напротивъ, эксплуатація развивается, а масса крестьянъ бѣднѣетъ, потому что хозяйство ихъ годъ отъ года съуживается.

Земледѣльческіе продукты ухудшаются въ качествѣ, вслѣдствіе плохой обработки, протекающей отъ истощенія рабочаго скота и отъ недостатка удобренія.

В. *Удѣльные крестьяне.*

Земельный надѣлъ и хлѣбопашество. Отъ удѣла эти крестьяне получили въ надѣлъ по 7 десятинъ на душу, но въ частности нѣкоторые общества пользуются надѣломъ и свыше и ниже нормы. Удѣльные крестьяне, кромѣ обработки собствен-

нихъ надѣловъ, производятъ посѣвы и на арендныхъ отъ удѣла земляхъ, но въ количествѣ весьма скромномъ. Сравнивая государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ по количеству владѣемой земли, посѣву и урожаю хлѣба можно видѣть: 1) Почти при одинаковомъ числѣ населенія тѣхъ и другихъ крестьянъ, во владѣніи удѣльныхъ состоитъ лѣсу въ $2\frac{1}{2}$ раза больше, а распаханъ на поляхъ на $\frac{1}{3}$ болѣе противъ государственныхъ. Это обстоятельство даетъ возможность послѣднимъ продолжать лѣсоподобичное хозяйство, производя на немъ посѣвы льна и яровыхъ хлѣбовъ, которыхъ потому они и вытѣряютъ болѣе на 6508 четвертой, тогда какъ удѣльные крестьяне, съ отобраніемъ лѣсныхъ дачъ, находящихся во владѣніи ихъ, при надѣлѣ земли въ 60 годахъ въ пользу удѣла, должны были или сократить, или совершенно оставить эту систему хозяйства и ограничиться обработкою однихъ полей. 2) Урожай ржи у крестьянъ удѣльныхъ выше на 0,7, а яровыхъ на 0,4.

Лучшій урожай, указывающій на болѣе тщательную обработку полей, даетъ и наибольшее обезпеченіе въ хлѣбѣ, хотя среди удѣльныхъ крестьянъ также встрѣчается не мало и нуждающихся; впрочемъ эта нужда покрывается въ большинствѣ случаевъ есудами изъ магазиновъ или займами и покупкою у сосѣдей и въ смежныхъ волостяхъ. Удѣльные крестьяне вообще, въ отношеніи матеріальныхъ средствъ, стоятъ выше государственныхъ и благодаря этому, меньше спекулируютъ хлѣбомъ, продаютъ который крестьяне почти одной Шалотской волости, гдѣ его дѣйствительно производится болѣе, сравнительно съ другими волостями и остается отъ годового продовольствія.

Скотоводство. Рабочаго и мелкаго скота удѣльные крестьяне держатъ по одинаковому числу головъ, что и государственныхъ. Рогатаго же скота болѣе на 0,8 штукъ на каждый дворъ, а всего на 5560 штукъ. Относительно скотоводства, къ сказанному объ этомъ предметѣ нужно прибавить, что удѣльные крестьяне терпятъ отъ похищеній скота звѣрьемъ болѣе, чѣмъ государственные, потому что владѣнія ихъ окружены порослыми лѣса-

ни и строго оберегаемыми удѣльными итѣлики, въ которыхъ по этому случаю водится много волковъ и медвѣдей.

Льководство. Льководствомъ удѣльные крестьяне занимаются для домашняго употребленія, но въ нѣкоторыхъ обществахъ этотъ, значительный нѣкогда, промыселъ держится пока въ широкихъ размѣрахъ, доставляя точтенную цифру доходности въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Промыслы. Промыслы удѣльныхъ крестьянъ, не отличаясь разнообразіемъ, занимаютъ далеко большее число рукъ, сравнительно съ государственными. Главный промыселъ удѣльныхъ крестьянъ—это смолокурение и дегтекурение, также выработка изъ смолы и сосновой сѣры пека, скипидара, канифоли и сажи, известной подъ именемъ голландской. Центрами смолокурения служатъ подгородная Устьвельская и Кулойско-Покровская волости. Въ первой, кромѣ домашнихъ смолодегтарныхъ заведеній, существуетъ 19 пековаренныхъ заводовъ, во второй 5. Заработки отъ смолы и дегтя простираются до 64/т. руб., не включая сажмы, которую наживаютъ промышленники по сбыту этихъ предметовъ за границу. Поставленное на такихъ широкихъ началахъ смолодегтарное производство въ сказанныхъ волостяхъ даетъ значительную доходность. Отъ прочихъ промысловъ крестьяне получаютъ примѣрно до 13/т. руб. Изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе, по доходности, выдѣлка глиняной посуды крестьянами Низовскаго Верхняго общества Верховской волости, а по количеству занимающихся лицъ—обдѣлка льна у купцовъ и доставка дровъ для города Вельска и Верховажскаго посада. Ремесленниковъ мало, а отхожими промыслами занимаются только 30 человекъ Верхонуйской волости.

Предметы отпуски. Предметы сбыта удѣльныхъ крестьянъ: хлѣбъ, ленъ, льняное сѣмя, смола, деготь, пекъ, скипидаръ, канифоль, сажма и небольшое количество коровьяго масла. Масло отправляется въ Москву; часть предметовъ смолокуреннаго производства изъ волостей, сосѣднихъ съ Кадниковскимъ уѣдомъ, отправляется въ этотъ уѣздъ для сбыта во внутреннія губерніи Россіи и другія мѣстности. Все остальное идетъ въ Архангельскъ,

Состояніе промышленности. Благополучіе удѣльныхъ крестьянъ уменьшается съ каждымъ годомъ. Главный источникъ ихъ экономіи— посѣвъ льна и хлѣба на подеѣкахъ—палъ, а унаслѣдованный съ давнихъ лѣтъ промыселъ смолокурения становится бездоходнымъ. Гдѣ нѣкогда занимались имъ поголовно, теперь занимается только половина населенія и менѣе. Въ Шелотской волости и совсѣмъ отстали отъ смолокурения. Число пековаренныхъ заводовъ уменьшается ежегодно. Причина паденія достаточно выяснена въ обзорѣннн смолодетярнаго производства въ Кадниковскомъ уѣздѣ—это недостатокъ сырыхъ матеріаловъ, происходящій отъ вырубки сосноваго лѣса, высокія пошлины на матеріалъ и низкія цѣны на производимые продукты. Наконецъ, частые неурожаи, доказывающіе постепенное пониженіе всей сельско-хозяйственной культуры, дѣлають положеніе удѣльныхъ крестьянъ, какъ и государственныхъ, болѣе и болѣе затруднительнымъ.

Тотемскій уѣздъ.

Смежный съ Вельскимъ Тотемскій уѣздъ имѣеть грунтъ земли суглинистый и песчаный по преимуществу, по берегамъ рѣкъ иловатый, мѣстами и черноземный, отличающійся значительнымъ плодородіемъ. По количеству посѣва и урожая Тотемскій уѣздъ одинъ изъ лучшихъ въ губерніи. Это видно изъ слѣдующихъ статистическихъ свѣдѣній:

Въ Тотемскомъ уѣздѣ	въ остается вѣд. На 1-нѣ дворѣ.	Скотоводство.		Промыслы.		
		Число го- ловъ скота.	Приходится на 1-нѣ дворѣ.	Число про- мышленни- ковъ.	Средній зараб. на 1 лицо.	Сумма.
					Въ рубляхъ.	
Государственныхъ крѣпостныхъ казенныхъ земляхъ	До 52	Лошадей 23480	1,70	Точныхъ		
На собственныхъ земляхъ	До 47	Коровъ 46400	3,35	свѣдѣній		
		Мелк. скота 63120	4,56	не имѣется.		
Итого	До 99	133000	9,61	—	—	—
Приписанныхъ къ крѣпостямъ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ нмѣтниковъ	До 56	Лошадей 7340	1,55	Мѣстными 318 Торговлею 22	—	7910
	До 89	Коровъ 18580	3,93			
		Мелк. скота 16580	3,52			2000
Итого	До 145	42500	9,00	Итого	—	9910
Приписанныхъ къ крѣпостямъ временно-обязанныхъ помещикамъ крестьянъ	До 46	Лошадей 555	1,39			
	До 56	Коровъ 870	2,18			
	До 102	Мелк. скота 1250	3,25			
Итого	До 102	2675	6,82	—	—	—
Приписанныхъ къ водамъ						

А. Государственные крестьяне.

Государственные крестьяне составляют $\frac{3}{4}$ населенія уѣзда. Живутъ они въ западной половинѣ и по всей средней полосѣ уѣзда, по р. Сухонѣ и Устюгскому тракту, занимая лучшую по производительности почву. По обеспеченности въ хлѣбѣ государственные крестьяне представляютъ двѣ группы. Восточный и Западный края уѣзда съ $\frac{2}{3}$ населенія обезпечиваются урожаемъ хлѣба съ избыткомъ, благодаря значительному посѣву и хорошему приноду. Населеніемъ же центральной полосы уѣзда собирается хлѣба не вполне достаточно для годоваго продовольствія. Особо отъ остальныхъ группъ стоятъ крестьяне села Шуйскаго, Шуйской волости и общества и крестьяне Леденгской волости. Первые ради торговли и артельныхъ промысловъ по городамъ оставили занятіе хлѣбопашествомъ, послѣдніе—бывшіе мастеровые казеннаго Леденгскаго солевареннаго завода—находятъ средства къ существованію также не въ земледѣліи, по случаю ничтожнаго количества находящейся во владѣніи ихъ пахотной земли, а въ заработкахъ на сказанномъ солеваренномъ заводѣ.

Скотоводство. Въ отношеніи скотоводства Тотемскій уѣздъ находится въ неблагопріятномъ отношеніи, такъ какъ рѣки протекаютъ здѣсь въ узкихъ долинахъ, которыя не представляютъ значительныхъ луговыхъ пространствъ. Поэтому понятна жалоба на недостатокъ выгоновъ и покосовъ, и въ Тотемскомъ уѣздѣ, какъ и въ Вельскомъ, скотоводство не существуетъ въ формѣ особаго доходнаго промысла, а ведется какъ необходимое условіе хлѣбопашества и домохозяйства. Бываетъ уронъ скота отъ похищеній звѣрми на пастбищахъ, годами свирѣпствуютъ Сибирская язва.

Льноводство и промыслы. Довольство въ хлѣбѣ государственныхъ крестьянъ Тотемскаго уѣзда соединяется съ широкимъ производствомъ льна, богатствомъ и разнообразіемъ промысловъ. Льноводствомъ занимаются преимущественно въ волостяхъ прибрежныхъ къ р. Сухонѣ. Изъ прилагаемыхъ данныхъ нельзя опредѣлить всей доходности отъ льна и сѣмени, изъ замѣтки же Тотемской Уѣздной Земской Управы для Всенподданнѣйшаго отчета

видно, что перваго въ 1877 году было продано 45/т. пудовъ, а втораго 6/т. пудовъ. Почти все это количество сбывается государственнымъ крестьянами, потому что прочіе сѣютъ ленъ только для домашняго употребленія, не имѣя возможности заниматься посѣвомъ его на подсѣкахъ. Отдѣльно взятые домохозяева получаютъ отъ льна до 50 рублей и болѣе въ годъ. Цѣнность льна побуждаетъ крестьянъ принимать всѣ мѣры къ расширенію производства его. На приготовленіе подсѣкъ, на уходъ и обработку льна нѣкоторые крестьяне употребляютъ все время года, почему льноводство вообще не падаетъ. Однако же, вслѣдствіе запрещенія выжигать новины, также вслѣдствіе пошляинъ, взимаемыхъ за хворостъ, или сухой лѣсъ, употребляемый при выжиганіи, льноводство все-таки идетъ къ постепенному сокращенію. Изъ прочихъ промысловъ заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующіе: а) Упомянутые заработки на казенномъ Леденгскомъ солеваренномъ заводѣ и таковыя же на частномъ Тотемскомъ, рубка и доставка дровъ на заводы и для города Тотмы и перевозка соли до рѣки Сухоны. б) Въ зимнее время все окрестное съ г. Тотмою населеніе занимается обработкою льна при конторахъ Архангельскихъ купцовъ в) Рубка и доставка дровъ по р. Сухонѣ въ г. Вологду и постройка рѣчныхъ судовъ, коими занимаются крестьяне всей Кожуховской волости, расположенной по обоимъ берегамъ Сухоны и Маныловскаго общества Никольской волости по р. Толшнѣ, также часть населенія и другихъ по Сухонѣ волостей; и г) Дегтекурение и смолокурение, коими занимаются крестьяне почти всей центральной полосы. Всѣ эти промыслы такимъ образомъ составляютъ предметъ занятій крестьянъ, не менѣе обозначенныхъ урожаемъ хлѣба, уравновѣшивая ихъ въ средствахъ къ существованію съ болѣе счастливыми по земельному положенію. Прочіе промыслы, какъ то: отхожіе для провода судовъ въ Вологду, С.-Петербургъ и Архангельскъ, лѣсной, рыболовство, птицеводство и звѣроловство, плотничество, портняжество и другіе необходимы въ крестьянскомъ быту, по количественности занимающихся оными лицъ и по суммѣ заработковъ не могутъ равняться съ вышеприведенными, однако и они довольно развиты среди государственных-

ныхъ крестьянъ Тотемскаго уѣзда и, взятыя вмѣстѣ, составляютъ не малое значеніе въ общемъ экономическомъ строѣ жизни. Общей прибылїи, получаемой отъ промысловъ опредѣлить не возможно, за неизвѣстїемъ точныхъ свѣдѣній. Доходность же заработковъ, вслѣдствіе распространенности ихъ и значительнаго спроса на рабочія руки, равняется доходности, получаемой крестьянами трехъ югозападныхъ уѣздовъ. Въ занятїяхъ промыслами и ремеслами замѣтно развитіе, исключая смоло-деготекуреніе и частїю льноводство, производство которыхъ уменьшается вслѣдствіе извѣстныхъ общихъ причинъ.

Предметы отпуска. Весь излишекъ продуктовъ земледѣльческаго производства изъ Тотемскаго уѣзда направляется къ Архангельскому порту, кромѣ нѣкотораго количества льна, направляемаго въ Кострому, туда же сбывается кожа; масло и яйца—въ С.-Петербургъ. Изъ предметовъ промысловаго производства въ значительномъ количествѣ сбываются за предѣлы губерніи смола и деготь. Мѣстомъ сбыта служатъ по преимуществу приволгскіе города.

Б. *Временно-обязанные удѣлу крестьяне.*

Крестьяне эти съ числѣ 11,413 окладныхъ душъ составляютъ населеніе Спасской и Шевденицкой волостей, а по сосѣдству и администраціи относятся къ категорїи бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ Вельскаго уѣзда. Мѣстность, въ которой живутъ временно-обязанные удѣлу крестьяне, извѣстна подъ именемъ Кокшеньги. Особенность быта этихъ крестьянъ заключается въ ихъ исключительномъ занятїи хлѣбонашествомъ и почти полнымъ отсутствїемъ другихъ какихъ либо промысловъ. Кокшеньга поэтому славится какъ хлѣбный край и рынокъ. Сюда прїѣзжаетъ все окрестное своею и смежныхъ Вельскаго и Устюгскаго уѣздовъ населеніе за покупкою хлѣба, коего собирается здѣсь болѣе, нежели гдѣ либо; среднимъ числомъ приходится на продовольствїе каждой семьи или двора до 56 пудовъ ржи и до 85 пудовъ яроваго— всего до 145 пудовъ. Особенно велики носѣвы у крестьянъ

Шевденицкой волости. Посвящая всё труды и заботливость на хлѣбонашество, крестьяне обращаютъ вниманіе не столько на ка-
чественность обработки, сколько на количественность обрабатываемой
земли. Между тѣмъ ихъ большіе посѣвы, безъ надлежащаго удоб-
ренія почвы, производятъ истощеніе ея, которое въ настоящее время
и чувствуется, дѣлая обработку земли съ каждымъ годомъ труд-
нѣе, а хлѣбъ теряетъ въ приплодѣ и въ вѣсѣ. Все это отзы-
вается на пониженіи матеріальнаго уровня крестьянскаго благосо-
стоянія, развивая за послѣднее время отлучку для земледѣльче-
скихъ работъ въ другія мѣстности.

Прежде крестьяне занимались лѣсопромышленностію и соеди-
няя се съ хлѣбною торговлею, славляли къ Архангельску лѣсные
плоты съ нагруженными на нихъ земледѣльческими продуктами.
Нынѣ лѣсу стало мало, требованіе уменьшилось и промышленность
эта пала. А съ надѣломъ землю, вмѣстѣ съ другими угодіями
были обрѣзаны у крестьянъ дровяные кварталы, которые отведены
въ мѣстахъ далекихъ и неудобныхъ, вслѣдствіе чего дрова эти и
жердь, также лѣсъ для построекъ покупается ими въ удѣльныхъ
имѣніяхъ, вызвавъ одновременно съ покупкою и самовольныя порубки
вблизи растущаго лѣса. За порубку крестьяне платятся тяжелыми
взысканіями. Эти обстоятельства въ связи невольнѣ равномернымъ
распредѣленіемъ земли, не только между отдѣльными обществами,
но и между лицами одной и той же деревни, съ отсутствіемъ
земельнаго надѣла у крестьянъ, родившихся послѣ 10-й ревизіи
и экономической зависимости населенія отъ зажиточныхъ крестьянъ,
происходящей отъ ненормальнаго способа взиманія податей—все это
послужило причиною развитія поразительной бѣдности между на-
селеніемъ. Такъ напримѣръ, въ Заячерицкомъ обществѣ, въ ко-
торомъ, судя по доставленнымъ свѣдѣніямъ, сельское хозяйство
представляется еще въ цвѣтущемъ состояніи, оказывается широкое
развитіе нищенства, очевидно выванное отсутствіемъ другихъ источ-
никовъ къ существованію. Среднимъ числомъ къ подаанію при-
бѣгаютъ одинъ изъ четырехъ домовъ.

В. Временно-обязанные помѣщикамъ крестьяне.

Временно-обязанные помѣщикамъ крестьяне составляютъ на-

селеніе: а) Мотыревскаго, Волковскаго и Сидоровскаго обществъ Шуйской волости, Васильевскаго—Великовской, въ числѣ 225 окладныхъ душъ, и б) Фетиньинской и Юркинской волостей, въ числѣ 740 душъ. Первые, по условіямъ матеріальнаго быта не отличаются отъ государственныхъ крестьянъ тѣхъ волостей; послѣдніе, занимая юговосточный уголь уѣзда, состоятъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ временно-обязанными помѣщикамъ крестьянами Березонаволоцкой и Кемской волостей Никольскаго уѣзда и сходятся съ ними въ развитіи сельскаго хозяйства и промысловъ. Поэтому объ этихъ крестьянахъ будетъ сказано ниже.

Никольскій уѣздъ.

Никольскій уѣздъ лежитъ въ юговосточной части губерніи, простираясь по отрогу Уральскаго хребта, представляющему здѣсь водораздѣлъ для Сѣвернаго и Волгскаго бассейновъ. Песчаный и глинистый грунтъ земли Никольскаго уѣзда смѣняется мѣстами на известковый, мѣловатый и мевдистый. „Мевды“—это зыбкія, болотистыя пространства, покрытыя ржавчиной и лишеныя здоровой растительности. Встрѣчается и черноземъ, но топкій, болотистый, не отличающійся плодородіемъ. Населеніе Никольскаго уѣзда состоитъ изъ а) государственныхъ крестьянъ, б) временно-обязанныхъ помѣщикамъ и в) половниковъ. Крестьянъ послѣднихъ двухъ разрядовъ менѣе $\frac{1}{25}$ части населенія уѣзда.

Хозяйство крестьянъ Никольскаго уѣзда можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Никольск	Скотоводство			Промыслы.		
	На 1-нъ дворъ.	Число головъ скота.	Приходится на 1 дворъ.	Число промышленныхъ.	Средній заработокъ на 1 мѣс.	СУММА.
Государственныя живущихъ на земляхъ.	43 1/2	Лошадей 35800 Корова 78600 Мелк. скота 89370	дей. 1,55 въ 3,40 3,87	Отъ и мѣст. промысловъ Отъ от. промысловъ	изъ ныхъ до хо жихъ про- до	воза про- 40000 30000
На собственныя земли.	45	Лошадей 885 Корова 1450 Мелк. скота 2005	дей. 1,48 въ 2,42 3,35	Отъ промысловъ и охоты	лѣ но сти	сопро- сти 11000
Временно-присланныхъ крестьянъ.	22					
Итого	—	208110	—	Итого		81000
Половниковы и Приписныхъ.						

А. Государственные крестьяне.

По земельному положенію, посѣву и урожаю хлѣба они стоятъ ближе всего къ государственнымъ крестьянамъ Вельскаго уѣзда. По обезпеченности въ хлѣбѣ представляютъ различныя степени. Выше другихъ въ этомъ отношеніи стоятъ слѣдующія волости юговосточной части уѣзда: Черновско-Николаевская, Вознесенская, Лузянская и Лапшинская, почва которыхъ болѣе благодарна къ труду владѣльцевъ, побуждая и самихъ крестьянъ относиться къ земледѣлію съ большимъ трудолюбіемъ. Затѣмъ по количеству посѣва и лучшему урожаю хлѣба стоятъ сосѣдственныя съ этими же волостями—Родюкинская, Байдаровская и Шонгско-Николаевская волости, расположенныя по верхнему теченію р. Юга. Нуждающіеся въ озимомъ хлѣбѣ крестьяне трехъ послѣднихъ волостей покрываютъ эту нужду продажей овса. Наконецъ почти половина государственныхъ крестьянъ сѣверозападнаго и частію восточнаго краевъ уѣзда не получаютъ отъ земли годоваго продовольствія: имѣется ощутительный недостатокъ ржи, кое-гдѣ только покрываемый избыткомъ яроваго хлѣба. Рожь и муку крестьяне покупаютъ въ ближайшихъ городахъ Вятской и Костромской губерній и на мѣстныхъ хлѣбныхъ складахъ и пристаняхъ, въ селахъ Вознесенскомъ, Подосиновцѣ и г. Никольскѣ, снабжаемыхъ хлѣбомъ изъ помянутыхъ же губерній, съ цѣлію вывоза его за границу черезъ Архангельскій портъ.

Скотоводство. Никольскій уѣздъ отличается хорошими покосами, благодаря обилію рѣкъ. Особенно изобильныя сѣномъ мѣста находятся по р. Вохтѣ, протекающей по широкой и водоёмной долинѣ. Однако скотоводство едва удовлетворяетъ потребностямъ сельско-хозяйственной промышленности, и изъ имѣющихся свѣдѣній не видно, чтобы крестьяне получали большія выгоды отъ продажи скота или молочныхъ скотовъ. Такимъ образомъ хлѣбопашество и скотоводство не обезпечиваютъ бытъ государственныхъ крестьянъ Никольскаго уѣзда. Нельзя предвидѣть пережвѣвъ къ лучшему и на будущее время, такъ какъ того и другаго замѣчается не развитіе, а оскудѣніе, по случаю часто повторяющихся неурожаевъ хлѣба, а годани и кормовыхъ травъ.

Недостатокъ хлѣба для годоватаго продовольствія начинается распространяться и на извѣстный хлѣбный край уѣзда—пять указанныхъ юговосточныхъ волостей, нигдѣ далеко не представляющихъ прежней обеспеченности.

Льноводство. Средства къ существованію и на уплаты податей государственные крестьяне находятъ въ льноводствѣ, которое, по отзыву Никольскаго земства, составляетъ одну изъ главныхъ промышленностей каждаго домохозяина, чуть ли не наравнѣ съ земледѣліемъ. Этотъ отзывъ вполне подтверждается статистическими свѣдѣніями. Развито льноводство наиболѣе всего въ сѣверо-западной половинѣ уѣзда, не обеспеченной въ хлѣбѣ. Оживленію его не мало содѣйствуютъ мѣстныя ярмарки и существующіе по близости склады льна на пристаяхъ. Посѣвъ льна производится на подсыкахъ.

Промыслы. Изъ промысловъ особенное значеніе имѣютъ: извозъ, составляющій въ зимнее время занятіе почти всего населенія Лузанской, Волмановской, Лапшинской и Вознесенской волостей и отхожіе промыслы. Извозъ заключается въ перевозкѣ закупаемыхъ въ уѣздѣ, въ Вятской и Костромской губерніяхъ: ржи, овса, льна и льнянаго сѣмени, къ пристаямъ по р. Югу: Подосиновецкой и Никольской, гдѣ эти продукты складываются или скупаются оптовыми торговцами; и весной, съ открытіемъ воды, отправляются за предѣлы губерніи къ Архангельску. Впрочемъ выгоды, доставляемыя извозомъ очень незначительны, заключааясь въ пропитаніи извозчика и лошади съ остаткомъ рублей въ 10 за зиму для хозяйства. На отхожіе промыслы крестьяне смотрятъ съ предубѣжденіемъ, рѣшаясь заниматься ими только при полномъ отсутствіи заработковъ на дому. Занимается же отхожими промыслами населеніе Урмановской и Подосиновской волостей, весной и лѣтомъ—сплавомъ судовъ къ Архангельску, гдѣ проживаютъ въ артеляхъ, зимою—работами на льняныхъ купеческихъ заведеніяхъ по городамъ.

Заработки отъ отхожихъ промысловъ оцѣниваются по времени и труду работающих. Прочіе промыслы: охота и рыболовство, не составляя специальныхъ занятій, даютъ и скудное вознагражде-

ніе. Ремесла: плотничество, выдѣлка овчинъ, першажество, чоботарное, кузнечное, окраска деревенскаго холста и другихъ, занимають ничтожный процентъ сельскаго населенія, и въ развитіи ихъ замѣчается отсутствіе какой-либо предпріячливости. Мѣстными значеніемъ пользуются: плетеніе лаптей, которымъ занимается часть населенія Вознесенской волости и разработка лѣса крестьянами Долинскаго общества Кемской волости. Въ Никольскомъ уѣздѣ нѣтъ вообще промысловъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какіе встрѣчаются въ Тотемскомъ уѣздѣ, а существующіе стоятъ не много выше того низкаго уровня развитія, на какомъ стоятъ они въ Вальскомъ уѣздѣ, среди населенія государственныхъ крестьянъ.

Относительно торговли нужно замѣтить, что въ селѣ Вознесенскомъ привлекается къ ней масса населенія, участвуя въ продажѣ мелочныхъ товаровъ въ базарные дни. Въ этомъ селѣ имѣется болѣе 200 различныхъ торговыхъ заведеній. Впрочемъ съ мѣстными населеніемъ конкурируютъ болѣе промышленные крестьяне и мѣщане Вятской и Костромской губерній, но значеніе села Вознесенскаго, какъ торговаго центра, возрастаетъ и базарная торговля въ немъ развивается.

Благосостояніе государственныхъ крестьянъ Никольскаго уѣзда вполне зависитъ отъ занятій льноводствомъ; но посѣвмъ льна на подсыкахъ дѣлаютъ возможнымъ съ одной стороны истребленіе лѣса, тѣмъ болѣе, что льноводство ведется съ особеннымъ напряженіемъ, а съ другой разработка новой обставляется большими и большими стѣсненіями и даже строгими запрещеніями со стороны лѣсныхъ чиновъ. Паденіе же льноводства угрожаетъ государственнымъ крестьянамъ несостоятельностью.

Предметы отпуски. Хлѣбъ, дѣнь и сѣмя изъ Никольскаго уѣзда отправляются въ Архангельскъ, кожа—въ Кострому, дичь—въ Москву. Лѣсъ, разработкою котораго занимаются государственные крестьяне обществъ Васильевскаго Березово-волоцкой волости и Деминскаго Кемской волости, равно и временно-обязанные крестьяне этихъ волостей, сплавляется по р. Ужѣ въ г. Макарьевъ Костромской губерніи и другіе города по Волгѣ.

Временно-обязанные помещикамъ крестьяне.

Временно-обязанные помещикамъ крестьяне Березниковской и Кежской волостей, въ числѣ 1332 окл. душъ, Фетиньинской и Юркинской Тотемскаго уѣзда въ числѣ 740 душъ, владѣютъ одинаковымъ земельнымъ надѣломъ до 7 десятинъ земли разнаго рода на ревизскую душу. Ограниченный посѣвъ и весьма скудный урожай ставятъ ихъ въ положеніе мало обезпеченныхъ въ хлѣбѣ. Численностию содержаимаго скота - крупнаго и мелкаго, крестьяне эти стоятъ далеко ниже крестьянъ прочихъ категорій. Источники къ существованію, на уплату повинностей государственныхъ, по выкупной операціи и проч.—имѣютъ они въ разработкѣ лѣса изъ дачъ владѣльческихъ и казенныхъ и сплавъ его по р. Унжѣ въ Волгу для продажи. Заработки отъ этого промысла простираются отъ 20 до 50 руб. въ годъ на лицо, смотря по спросу на лѣсъ и труду работниковъ. Вслѣдствіе вврубки лѣса дальнѣйшая разработка его уменьшается съ каждымъ годомъ. При этомъ трудъ крестьянъ парализуется давленіемъ капиталистовъ, которые, скупая лѣсъ въ казнѣ и у владѣльцевъ, сдаютъ его крестьянамъ на тяжелыхъ условіяхъ.

Половники. Половничествующіе крестьяне, въ числѣ 418 душъ, живутъ на земляхъ владѣльцевъ по особымъ контрактамъ, заключаемымъ болѣею частію срокомъ на 10 лѣтъ. По свѣдѣніямъ, имѣющимся въ Губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіи, многіе изъ половниковъ подали и продолжаютъ подавать заявленія о переселеніи ихъ на основаніи существующихъ законовъ на указанныя казенныя земли.

Устюгскій уѣздъ.

Грунтъ земли Устюгскаго уѣзда вообще песчаный и глинистый, частію суглинистый. Въ этомъ отношеніи Устюгскій уѣздъ наиболѣе сходствуетъ съ Никольскимъ и Вельскимъ уѣздами, съ которыми онъ имѣетъ и наибольшее соосѣдство, занимая главною частію своего пространства средину между ними въ направленіи

съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Болѣе $\frac{9}{10}$ частей населенія уѣзда составляютъ государственные крестьяне. Изъ крестьянъ прочихъ категорій преобладаютъ половничаствующие. Устюгскій уѣздъ можетъ служить представителемъ послѣдней формы землевладѣнія, такъ какъ здѣсь находится $\frac{4}{5}$ всѣхъ половничаствующихъ крестьянъ, имѣющихся кромѣ Устюгскаго въ Никольскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ Вологодской губерніи.

Хозяйственное состояніе крестьянъ Устюгскаго уѣзда легко видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Въ Устюжскомъ уѣздѣ	Скотоводство.		Промыслы.					
	Число головъ скота.	Приходится на 1-нй дворъ.	Число промышленниковъ.	Средній заработокъ на 1-нго лица.	Сумма.			
Государственныхъ крестьянъ	Лошадей	19535	1,33	Отъ	мѣстныхъ	2779	29	77645
Бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ	ржи	39311	2,68	—	—	—	—	25000
	До 24 1/2							
Собственниковъ	хлѣбовъ	56311	3,82	—	—	—	—	—
	До 43							
Итого	До 67 1/2	115157	7,83	Итого	—	—	—	208630
Приписанныхъ мѣстамъ								
Половниковъ								

**А. Государственные крестьяне, живущие на казенной
земли.**

Земельный надел и скотоводство. Государственные крестьяне владеют в среднем введеномъ по $9\frac{1}{2}$ десятинъ на душу, причёмъ 70% владѣемой ими земли заняты лѣсомъ.

Въдѣствіе весьма ограниченнаго количества обрабатываемыхъ земель, посѣвъ хлѣбовъ, въ особенности ржи, далеко уступаютъ посѣву крестьянъ трехъ предыдущихъ уѣздовъ. Мало плодородная почва и небольшое удобреніе ея дѣлаютъ урожай хлѣбовъ очень низкимъ—въ среднемъ семь 3,7 дмъ осеннаго и яровнаго. По примѣрному расчисленію собираемаго хлѣба видно, что на продовольствіе одного двора остается, за исключеніемъ сѣмянъ, не болѣе 25 пудовъ ржи и около 43 пудовъ ячменя и пшеницы; всего до 68 пудовъ. По уѣзду не имѣется ни одного общества, вполне обеспеченнаго урожаемъ собственнаго хлѣба. Только нѣкоторыя общества могутъ покрывать нужду въ хлѣбѣ докупкою и займами у зажиточныхъ крестьянъ своихъ же обществъ, все же прочее нуждающееся населеніе находится вынужденнымъ приобретать хлѣбъ со стороны, на рынкахъ ближайшихъ городовъ—Устюга, Лальска и Тотмы, на хлѣбныхъ складахъ и пристаняхъ Никольскаго уѣзда и даже въ Вятской губерціи.

Скотоводство. Относительно численности поддерживаемаго скота государственные крестьяне Устюгскаго уѣзда стоятъ ниже крестьянъ Вельскаго, Тотемскаго и Никольскаго. Порода скота по ея сторону уѣзда, расположеннаго по теченію рѣкъ Сухоны и Юга; за неимѣніемъ хорошихъ луговъ, малорослая и тонкая. Бываютъ напр. такіе случаи, что въ семействѣ при шести дойныхъ коровахъ, дѣти остаются не рѣдко безъ молока. За то въ водоемной Сѣверо-Двинской половѣ обиліе сѣнокосовъ, облегчающихъ сочность и питательность растущихъ на нихъ травъ, образовало рослую и превосходныхъ качествъ породу скота. Крестьяне сѣверо-двинскихъ волостей поэтому занимаются откармливаніемъ скота на убой, продавая его въ г. Устюгъ и на мѣстѣ для сбыта мяса за границу чрезъ Архангельскій портъ. Но въ послѣднее время

конторы, занимающиеся покупкою скота для заграничного отпуща, закрылись и требованіе на скотъ уменьшилось. Это обстоятельство отразилось пониженіемъ и на степени развитія скотоводства.

Льноводство и промыслы. Главнѣйшія отрасли сельско-хозяйственной промышленности—хлѣбопашество и скотоводство, не давая обезпеченія государственниѣмъ крестьянамъ Устюгскаго уѣзда, восполняются производствомъ льна на подѣвкахъ и широкимъ развитіемъ промысловъ. Льноводствомъ занимаются преимущественно крестьяне соседнихъ съ Тотемскимъ и Никольскимъ уѣздами волостей, въ конкхъ это же занятіе служитъ основой экономическаго быта жителей, наравнѣ съ хлѣбопашествомъ.

Льноводство приноситъ дохода крестьянамъ болѣе 90/т. рублей. Занятія промыслами начинаютъ преобладать въ направленіи къ г. Устюгу, главному промышленному и торговому центру сѣверной части всей Вологодской губерніи. Въ Устюгскомъ уѣздѣ, кромѣ кустарной промышленности, существуетъ и фабричное производство. Въ 25 верстахъ отъ Устюга въ селеніи Красавинѣ находится полотняная фабрика Грибанова, доставляющая заработки сотнямъ лицъ мужскаго и женскаго пола. Здѣсь работаютъ крестьяне какъ Устюгскаго, такъ и смежныхъ съ нимъ уѣздовъ. Кромѣ Грибановской существуетъ близъ г. Дальска пясчубумажная фабрика, принадлежащая наследникамъ купца Сумкина и дающая окрестному населенію тоже не мало заработковъ. По численности же занимающихся лицъ и по общей доходности ремесло принадлежитъ занятіямъ ремеслами, изъ конкхъ особенно вниманіе обращаетъ на себя столярное, конкхъ занимается по преимуществу все населеніе близгородныхъ волостей. Совмѣстно съ этимъ ремесломъ развито въ тѣхъ мѣстностяхъ дѣланіе колесъ, тарантасовъ, земледѣльческихъ орудій и плотничество. Изъ предметовъ столярнаго производства пользуется извѣстностію такъ называемые Устюгскіе ящики и коробки съ секретными замками и съ оловянною подѣвкой, олову и фольгу. Затѣмъ промыслами заключаются въ очисткѣ льна и щетинны при кушеческихъ конторахъ, въ сплавлѣ крестьянами судовъ въ качествѣ лоцмановъ и рабочихъ, въ плаваніи рабочими и лоцманами на пароходахъ, въ заготовленіи и расклинкѣ

лѣса, въ доставленіи дровъ для городовъ Устюга, Лальва и фабрикъ. Значительную доходность даютъ также содержаніе по трактамъ станцій и ночтовае гоньба, перевозка купеческихъ товаровъ, а для подгороднихъ селеній г. Устюга и извозничество. Догтекурскіе, охота и рыболовство въ Устюгскомъ уѣздѣ не представляютъ какого-либо прибыльнаго и общаго промысла. Чистая доходность, получаемая государственными крестьянами Устюгскаго уѣзда отъ фабричнаго и всѣхъ промысловъ простирается до 200/т. рублей. Богатство заработковъ ставитъ этихъ крестьянъ на ряду съ наиболее обеспеченнымъ сельскимъ населеніемъ губерніи, дѣлаетъ ихъ болѣе исправными въ уплатѣ податей и недоимокъ, не смотря на низкое состояніе хлѣбопашества. Малопродуктивность сельскаго хозяйства служитъ причиною развитія столярнаго производства въ Шегодской волости, разведеніе же льна на подсъѣкахъ вообще клонится къ упадку, потому что въ чертѣ крестьянскихъ владѣній имѣется мало удобной для посѣва льна земли и мало дровъ для выжиганія подсъѣкъ, а въ казенныхъ дачахъ льноводство стѣсняется строгостію лѣсныхъ законовъ.

Предметы отпуска. Изъ продуктовъ сельскаго хозяйства вывозятся изъ Устюгскаго уѣзда овесъ, ленъ, сѣмя, мясо и сало. Мѣсто отправки—Архангельскъ, съ коимъ торговныя сношенія производятся главнымъ образомъ посредствомъ купцовъ города Устюга. Предметы столярнаго производства расходятся по своей и по смежнымъ губерніямъ.

В. Временно-обязанные удѣлы крестьяне и собственники—бывшіе удѣльные.

Удѣльные крестьяне въ числѣ 686 душъ живутъ въ Царово-Константиновскомъ обществѣ Нестеферовской волости, въ Удимскомъ и Волдокурскомъ обществахъ Удимской волости и въ Кузнецовскомъ обществѣ Забѣлинской волости. Скудный надѣлъ земли и таковой же урожай хлѣбовъ дѣлаютъ положеніе удѣльныхъ крестьянъ Устюгскаго уѣзда также не обеспеченнымъ въ продовольствіи, какъ и государственныхъ. Кромѣ хлѣбопашества крестья-

яне эти находятъ подспорье къ существованію въ откармливаніи быковъ для продажи, такъ какъ живутъ въ волостяхъ расположенныхъ по настибцамъ сѣверо-двинской долины. Крестьяне Волдокурскаго общества занимаются еще разведеніемъ кашуцы, которую продаютъ не только по своему уѣзду, но развозятъ и въ такіе отдаленные города, какъ Яренскъ и Устьинскъ. Не затѣлившій промыселъ бурлачество по Двинѣ и отчасти очистка льна въ куческихъ конторахъ дополняютъ средства ихъ матеріальнаго существованія.

В. *Крестьяне собственники.*

Крестьянъ собственниковъ по Устюгскому уѣзду числится 457 душъ. Изъ доставленныхъ Земскою Управою свѣдѣній очень мало выяснено положеніе крестьянъ собственниковъ; но судя уже изъ тому, что три четверти этихъ крестьянъ вполне обезпечиваются урожаемъ своего собственнаго хлѣба, можно видѣть, что они находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ крестьяне другихъ категорій. Это видно и изъ того, что болѣе половины ихъ исключительно заняты земледѣіемъ, а земля всегда даетъ лучшее обезпеченіе нежели какіе либо другіе заработки на сторонѣ, когда занимаются обработкою ея съ особенною старательностію. При томъ же въ разрядъ собственниковъ поступаютъ обыкновенно крестьяне, пользующіеся денежными капиталами. Большинство же крестьянъ собственниковъ Устюгскаго уѣзда перешло въ этотъ разрядъ послѣ 10 ревизій.

Группа сѣверо-восточныхъ уѣздовъ.

Три сѣверо-восточные уѣзда—Сольвычегодскій, Яренскій и Устьинскій имѣютъ много общаго между собою по своему громадному протяженію, малолюдности и по физическимъ условіямъ, не благоприятствующимъ земледѣію. Взятые вмѣстѣ они представляютъ 0,7 всего пространства губерніи съ 0,2 населенія. Песчаный грунтъ земли этихъ уѣздовъ даетъ плохіе урожаи, а болотистая и покрытая одними хвойными лѣсами мѣстность дѣлаетъ труднымъ распространеніе запасекъ и даже не представляетъ

возможности заниматься лѣсоподсѣчнымъ хозяйствомъ, которое развито только въ трехъ южныхъ волостяхъ Сольвычегодскаго уѣзда—Ильинско-Подомской, Никольской и Воробинской, примыкающихъ болѣе къ Устюгскому, нежели къ своему уѣзду. Суровый климатъ, продолжительное таянiе снѣговъ, позднее и широкое разлитiе рѣкъ, въ соединенiи съ ранними заморозками и неблагоприятной почвой, производятъ въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ частыя и продолжительныя голодовки. Занятiя крестьянъ хлѣбопашествомъ заключаются главнымъ образомъ въ посѣвъ ржи и ячменя, замѣняющаго здѣсь соотвѣтственно климатическимъ условiямъ прочiе зерновые хлѣба.

Сольвычегодскiй уѣздъ.

Мѣстныя климатическiя условiя, песчаная или болотная почва и отсутствiе промысловъ поставили Сольвычегодскiй уѣздъ въ самое неблагоприятное положенiе. Даже нерѣдко были публицистическiя заявленiя о существованiи голода въ средѣ крестьянскаго населенiя въ 1857, 1862, 1865 и 1867 годахъ; это грустное явленiе подтверждается и официальными фактами, а изъ сельско-хозяйственнаго отчета мѣстнаго земства видно, что съ самаго открытiя его, т. е. съ 1871 г. ни разу не было такого урожая, который бы вполне обезпечивалъ продовольствiе крестьянъ. Крестьянскiя общества не могутъ пополнять числащейся на нихъ недоимки по продовольственнымъ ссудамъ, не смотря на всевозможныя мѣры земства. Мирскiе магазины годъ отъ году пустѣютъ, и цифра недоимки ясно свидѣтельствуетъ о бѣдственномъ положенiи крестьянъ. Записка земства для всеподданнѣйшаго отчета за 1877 годъ, исчисляя разныя неблагоприятныя случаи для произрастанiя хлѣбовъ въ этомъ году, говоритъ въ заключенiе, что эти случаи „не могутъ пройти безъ потрясенiя хозяйственнаго быта многихъ землевладѣльцевъ“, въ утѣшенiе же печальной необходимости прибавляетъ только, что „на совершенное разстройство онаго (т. е. хозяйства) покуда не предвидится новодовъ, такъ какъ немущiе крестьяне, предвидя недостатокъ

въ хлѣбѣ для продовольствія семействъ и посѣва, стараются заблаговременно купить его на деньги, а бѣднѣйшимъ можетъ быть потребуется произвести въ ссуду хлѣбъ изъ общественныхъ магазиновъ“. Въ подтвержденіе бѣдственнаго въ экономическомъ отношеніи положенія крестьянъ сѣверо-восточныхъ уѣздовъ нашей губерніи мы въ концѣ нашего изслѣдованія приложимъ свѣдѣнія о недоимкахъ, числящихся на крестьянахъ по ссудамъ деньгами изъ губернскаго продовольственнаго капитала и хлѣбомъ изъ общественныхъ магазиновъ какъ по Сольвычегодскому, такъ и по всѣмъ остальнымъ уѣздамъ губерніи, заимствованнымъ нами изъ отчетовъ Земскихъ Управъ 1878 года. Недоимки особенно велики по сѣверо-восточнымъ уѣздамъ. Но онѣ оказываются незначительными въ сравненіи съ недоимками, числящимися на крестьянахъ этихъ уѣздовъ по ссудамъ изъ общаго по Имперіи продовольственнаго капитала, о коихъ также въ концѣ статьи будетъ приложено особое свѣдѣніе.

Статистическія данныя представляютъ хозяйственный бытъ крестьянъ Сольвычегодскаго уѣзда въ слѣдующемъ далеко не утѣшительномъ видѣ:

Въ Сольвычег уездѣ.	остаётся на 1-нъ дворъ.	Скотоводство		Промыслы.		
		Число го- ловъ скота.	Приходится на 1 дворъ.	Число про- мышленни- ковъ.	Средній зара- ботокъ на 1 лицо.	СУММА.
		Въ рубляхъ.				
Государственны явль Собственниковъ Губовъ Удѣльныхъ явль	ржи 20 24	Лоша	дей.	Отъ	мѣст	ныхъ
		15515	1,20	5704	12 р. 50 к.	70505
		Ко	ровъ	Отъ нихъ	же	11500
		35000	2,66	Отъ	отхо	жихъ
		Мелк.	скота	3332	17	57795
		53920	4,10	Отъ нихъ	же	5000
Итого	44	104435	7,96	Итого		169800

Изъ этихъ данныхъ можно видѣть во 1-хъ, что въ земельномъ отношеніи крестьяне Сольвычегодскаго уѣзда поставлены далеко въ худшее положеніе въ сравненіи съ крестьянами прочихъ уѣздовъ. Надѣлы ихъ весьма ограничены, не смотря на обширность занимаемой территоріи. Такъ, государственные крестьяне имѣютъ среднимъ числомъ по 8 десятинъ 1481 сажени на ревизскую душу, изъ этого количества только $\frac{1}{3}$ приходится пахотныхъ, сѣнокосныхъ и усадебныхъ земель. Посѣвы крестьянъ—малые; тогда какъ въ прочихъ уѣздахъ обыкновенная норма посѣва простирается до $\frac{1}{2}$ четверти ржи и 1 четверти ярового хлѣба и болѣе на душу мужескаго пола, здѣсь она уменьшается чуть не на половину. Крайняя незначительность посѣва объясняется отсутствіемъ удобныхъ для обработки земель. Кромѣ того отведенныя въ пользованіе крестьянамъ земли состоятъ изъ бесплодныхъ пространствъ, которыя настолько не доброкачественны, что владѣльцы не имѣютъ возможности и средствъ обрабатывать ихъ. Это или „тундры“, которыми богатъ Сольвычегодскій уѣздъ, или „согры“—болотистыя мѣста съ гніющими деревьями и валежникомъ,—или пески, или гари, или пространства, находящіяся подъ рѣчками, озерами и дорогами.

Ограниченность земельного надѣла замѣчается и у крестьянъ удѣльныхъ, которые въ среднемъ выводѣ владѣютъ по 3 десятины 1249 саж., что составляетъ половину нормы удѣльныхъ надѣловъ. Только по качеству владѣемой земли, они стоятъ въ обратномъ отношеніи къ государственнымъ крестьянамъ, потому что $\frac{3}{4}$ земель заключается въ распаханныхъ, сѣнокосныхъ участкахъ и подъ усадьбами. Посѣвы удѣльныхъ крестьянъ одинаковы съ государственными. Вслѣдствіе такого ограниченнаго посѣва и при посредственномъ урожаѣ хлѣба, для продовольствія тѣхъ и другихъ крестьянъ хлѣба остается очень мало,—по 44 пуда на дворъ ржи и ярового въ совокупности. Не мудро поэтому, если въ хлѣбѣ нуждается все населеніе уѣзда. Покупаютъ хлѣбъ, привозимый изъ Вятской губерніи и изъ Вологды, на рынкахъ ближайшихъ городовъ и на баржахъ при сплавахъ его въ Архангельскому порту въ счетъ платы при наймѣ у рабочихъ.

Скотоводство. Скотоводство въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ служитъ не малымъ подспорьемъ для хозяйства. Такъ, крестьяне ирѣдвинскихъ волостей, составляющіе половину населенія уѣзда, благодаря отличнымъ поемнымъ лугамъ, занимаются откармливаніемъ быковъ на убой и продажою ихъ оплачиваютъ лежащія на нихъ подати и повинности; откармливаютъ быковъ крестьяне и двухъ вычегодскихъ волостей—Метлинской и Рябовской.

Льноводство. Льноводствомъ, какъ доходнымъ промысломъ, занимаются крестьяне трехъ волостей—Ильинско-Подомской, Никольской, расположенныхъ по теченію рѣки Виледи, лѣвому притоку Вычегды, и сосѣдственной съ ними Воробинской волости. Производимый здѣсь ленъ славится доброкачественностію и извѣстенъ подъ именемъ „Вилегодскаго“. Сѣютъ его исключительно на подѣвкахъ, для обработки конхъ вся эта мѣстность благопріятствуетъ. Выгоды, получаемыя отъ льноводства, зависятъ отъ числа работниковъ въ домѣ, изъ конхъ одинъ можетъ обработывать его на 20 и 25 рублей. Затѣмъ, въ уѣздѣ сѣютъ ленъ помалу—только для домашняго употребленія.

Промыслы. Въслѣдствіе скуднаго состоянія земледѣльческой производительности, большинству крестьянъ Сольвычегодскаго уѣзда приходится добывать средства для пропитанія изъ заработковъ на промыслахъ и ими оплачивать всѣ денежные повинности. Тѣмъ же промыслы эти мало доходны и ничтожны. Главный ихъ промыселъ—бурлачество. Почти все необезпеченное населеніе уѣзда обыкновенно весной отправляется для найма въ качествѣ работниковъ при сплавахъ барокъ и лѣса къ Архангельскому порту, наполняя всѣ извѣстныя пристани по губерніи. Жители удѣльной Верхотомской волости замѣнили краткосрочную навигацію продолжительнымъ отсутствіемъ изъ дома, отправляясь для распилки лѣса въдруга губерніи. Послѣдній промыселъ развивается и въ двухъ другихъ удѣльныхъ волостяхъ Афанасьевской и Вернинской и отчасти въ Тимошинской. Особые отхожіе промыслы развиты также въ Рябовской волости и отчасти въ Метлинской, часть населенія конхъ проживаетъ въ С.-Петербургѣ въ услуженіи и въ

каменотесной работѣ, посылая изъ заработковъ деньги для уплаты податей и для прокормленія семейства.

Кромѣ этихъ отхожихъ промысловъ распространенными и общими промыслами являются охота и въ прибрежныхъ къ Двинѣ и Вычегдѣ волостяхъ—рыболовство. Охотою по преимуществу занимаются крестьяне лѣсныхъ сторонъ. Выручаемая отъ обоихъ промысловъ выгоды случайны и непостоянны, потому что зависятъ отъ условныхъ и частію мѣстныхъ причинъ: обилія дичи и звѣря, улова и спроса на рыбу. Жители двухъ сѣверныхъ волостей Гавриловской и Горковской кромѣ охоты занимаются рубкою и сплавомъ лѣса для заграничнаго отпуска. Не малое число въ удѣльныхъ волостяхъ Афанасьевской и Верхотоемской занимается смолокурениемъ. Остается упомянуть еще объ извозѣ и ямщичествѣ, коими занимаются крестьяне трактовыхъ мѣстностей и не доходномъ женскомъ рукодѣльи—приготовленіи изъ красной шерсти такъ называемыхъ „красноборскихъ кушаковъ“, называемыхъ такъ по мѣсту сбыта ихъ въ городѣ Красноборскѣ. Приготовленіемъ ихъ занимаются женщины Березонаволоцкой волости. Фабрикъ и заводовъ въ уѣздѣ нѣтъ, и вообще какое либо техническое производство существуетъ только для мѣстнаго спроса.

Общую доходность отъ всѣхъ существующихъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ промысловъ, Земская Управа опредѣляетъ въ 71,450 рублей. Сумма эта „употребляется крестьянами преимущественно на уплату податей и сборовъ и поддержаніе хозяйственнаго быта“. Судя же по доставленнымъ свѣдѣніямъ, слѣдуетъ опредѣлить ее по крайней мѣрѣ въ 169/т. руб. Но и эта послѣдняя цифра чрезвычайно мала въ сравненіи съ потребностями крестьянскаго населенія и не можетъ покрыть однихъ прямыхъ налоговъ, которые въ уѣздѣ простираются примѣрно до 236/т. рублей. Лнянаго волокна, по вычисленію Управы, собрано въ 1877 году 16,598 пуд. и лнянаго сѣмени 2,325 четвертой. Приведенныя Управою цѣны на волокно простирались отъ 4—6 руб. 50 коп. за пудъ и на сѣми отъ 5—7 рублей, стало быть отъ льноводства крестьяне получаютъ не болѣе 85/т. рублей.

Ко всему этому надобно прибавить, что промыслы падаютъ, а не развиваются. Такъ, крестьяне придвинскихъ волостей об'ѣднѣли вслѣдствіе парходства. Собщеніе съ Архангельскомъ и привозъ оттуда морской рыбы и соли до парходства производился крестьянами этихъ волостей на особыхъ судахъ—тихвинкахъ, и отъ судоходства хозяева тихвинокъ получали до 500 рублей чистаго дохода въ годъ. Теперь этотъ промыселъ даетъ незначительную прибыль и сохранился только у нѣкоторыхъ крестьянъ Великосельской волости и у бывшихъ удѣльныхъ въ Устьевскомъ обществѣ Алексѣвской волости. Кромѣ того парходство отняло значительный заработокъ, такъ какъ грузы въ прежнее время поднимались рабочими людьми. Рыбный промыселъ, не измѣняясь въ количественномъ отношеніи занимающихся лицъ, приноситъ менѣе доходу по малому улову крупныхъ цѣнныхъ стерлядей. Запрещеніе свободной подсѣчки и дороговизна лѣсныхъ матеріаловъ понизили смолокуреніе удѣльныхъ крестьянъ, а охота, какъ особый и доходный промыселъ, существуетъ только въ 3-хъ сѣверныхъ волостяхъ, въ придвинскихъ же и другихъ мѣстностяхъ, по малости дичи и звѣри, вслѣдствіе истребленія лѣса и плотности населенія, дѣлается уже побочнымъ, совмѣстнымъ съ другими, а не специальнымъ промысломъ. Лѣноводство не можетъ развиваться по случаю истощенія лѣса, хотя крестьяне и употребляютъ всѣ усилія къ расширенію производства этого хорошо оплачиваемаго продукта. Весьма естественно поэтому встрѣтить здѣсь крестьянъ, отправляющихся за сборомъ подалня. Нищенство особенно развито въ Горьковской и Гавриловской волостяхъ, населеніе которыхъ отправляется цѣлыми партіями за милостыней, называя къ тому-же это унизительное ремесло *наживой*.

Цѣдлены отпуски. Въ Архангельскѣ: ленъ, льняное сѣмя, смола, деготь, лѣсъ и изъ придвинскихъ волостей—нѣкоторое количество хлѣба, мясо и сало. Часть льна идетъ въ Костромскую, Ярославскую и Московскую губерніи, лучший же сортъ его закупается на фабрику Грибанова. Дичь и стерлядь—въ С.-Петербургъ и Москву, звѣриныя шкуры въ Каргополь и на Нижегородскую ярмарку.

Быть крестьянъ собственниковъ въ количествѣ 351 обл. души, въ отношеніи земельныхъ угодій и промысловъ мало отличается отъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ. Въ лучшія условія поставлены собственники Никольской волости, въ числѣ 43 душъ, благодаря достаточному количеству владѣемой ими земли и собственники Павловскаго общества Ильинской-Подожской волости, въ числѣ 5 душъ, благодаря своимъ занятіямъ торговлею.

Яренскій уѣздъ.

Грунтъ земли въ Яренскомъ уѣздѣ—песчаный и песчано-глинистый по преимуществу. Благодаря присутствію соляныхъ жилъ въ нѣдрахъ земли, издавна существуетъ въ уѣздѣ Сереговскій солеваренный заводъ. Большинство населенія состоятъ изъ зырянъ; русскими населена малая часть уѣзда—Ленская и Сереговская волости. Кроме населенія послѣдней, состоящаго въ количествѣ 497 окладныхъ душъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ упомянутаго завода, все остальное населеніе принадлежитъ къ группѣ государственныхъ крестьянъ. Хозяйственный бытъ крестьянъ Яренскаго уѣзда видѣнъ изъ слѣдующихъ свѣдѣній:

Въ Яренскомъ уѣздѣ	янь остается ствія.	Скотоводство.		Промыслы.		
		Число го- ловъ скота. На 1-нѣ дворѣ.	Приходится на 1-нѣ дворѣ.	Число про- мышленни- ковъ.	Средній зараб. на 1 лицо.	Сумма.
						Въ рубляхъ.
И. Русское населеніе:	и.	Лоша	дей	Отъ	мѣст	ныхъ
Государственныхъ кре- стьянъ	До 19	6930	1,29	2105	20	42015
Собственниковъ	въ.	14080	2,62	—	—	18000
II. Зыряне:		Мелк. ско	та	Отъ	отхо	жихъ
Государственныхъ кре- стьянъ	До 26 1/2	31065	5,79	910	29	26680
Итого	45 1/2	52075	9,70	Итого	—	86695
Приписаныхъ къ вол- остямъ						

По относительному количеству обрабатываемой земли и собираемого хлѣба для продовольствія, крестьяне Яренскаго уѣзда стоятъ наравнѣ съ крестьянами Сольвычегодскаго уѣзда. При этомъ, три населенныя полосы Яренскаго уѣзда по Вычегдѣ, ея правому притоку Вими и, такъ называемая Удора по р.р. Мазени и Вашикѣ представляютъ различныя степени обезпеченія.

Русское населеніе Ленской волости, внизъ по Вычегдѣ, благодаря болѣе тщательному уходу за землей, получаетъ отъ нея полное годовое продовольствіе, кромѣ неурожайныхъ годовъ, случающихся здѣсь, по наблюденію мѣстныхъ жителей, по два раза въ каждыя десять лѣтъ. Вредитъ урожаю обыкновенно позднее и широкое разлитіе Вычегды и ранніе инеи въ концѣ Іюня и началѣ Августа. Рожь въ подобные годы вымокаетъ, въ особенности по низменнымъ мѣстамъ—наволокамъ, а яровые хлѣба гибнутъ отъ раннихъ холодовъ по случаю позднаго посѣва. Зыряне вообще плохіе земледѣльцы; равнодушіе къ земледѣльческому труду происходитъ у нихъ вслѣдствіе весьма естественной неувѣренности не только въ полученіи какого-либо излишка сверхъ посѣяннаго, но даже въ возвратѣ самихъ сѣмянъ, но вычегодскіе зыряне менѣе прибѣгаютъ къ покупкѣ хлѣба, чѣмъ живущіе по р. Вими. Въ Удорскомъ краѣ хлѣба ежегодно страдаютъ отъ холодовъ. Крестьяне болѣе вѣрное и надежное обезпеченіе получаютъ не отъ земли, а отъ промысловъ. Покупаютъ хлѣбъ, привозимый изъ Вятской губерніи, въ г.г. Яренскѣ и Устьсенеольскѣ и на мѣстныхъ торжкахъ и ярмаркахъ, изъ коихъ имѣетъ особое значеніе зимняя ярмарка въ селеніи Важгортокемъ, на Вашикѣ, куда свозятся произведенія всего сѣвернаго края. Мѣстные жители на этой ярмаркѣ покупаютъ хлѣбъ въ обихъ на свои промыслы. Судя по громаднымъ недоимкамъ, числящимся на крестьянахъ Яренскаго уѣзда, по ссудамъ на продовольствіе—это бѣднѣйшій и самый необезпеченный изъ уѣздовъ Вологодской губерніи.

Скотководство. Кожа, сало и масло составляютъ главный предметъ вывоза въ волостяхъ, лежащихъ по Вычегдѣ. Изъ этого видно, что скотоводство въ Яренскомъ уѣздѣ, кромѣ домашняго продовольствія, доставляетъ и немалыя денежныя выгоды..

Цѣнность упомянутыхъ продуктовъ побуждаетъ крестьянъ увеличивать численность содержимаго скота. Развитію же скотоводства способствуетъ здѣсь обиліе полей, зеленыхъ луговъ и питательныхъ солончаковъ.

Львоводство и промыслы. Львоводство крестьяне Яренскаго уѣзда занимаютъ для одного домашняго употребленія. Затѣмъ русское населеніе Ленской волости занимается разнообразными мѣстными промыслами. Значительная часть крестьянъ этой волости обоего пола кромѣ того проживаетъ въ услуженіи и при разныхъ занятіяхъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ они своею честностію приобрѣли довѣріе и извѣстность и пользуются значительными заработками. Любимое и общее занятіе амрянъ охота „лѣсованье“. Въ Князпогостской волости по Выни и въ Удорскомъ краѣ—въ Косланской и Важгортской волостяхъ охотою занимаются всѣ жители. Въ этихъ отдаленныхъ и мало населенныхъ мѣстностяхъ, покрытыхъ необозримыми и сплошными хвойными лѣсами, охота представляетъ наиболѣе выгодъ и служить главнымъ источникомъ къ существованію. Кромѣ охоты крестьяне Князпогостской волости занимаютъ доставкой дровъ для Сереговскаго солевареннаго завода и рубкою лѣса для заграничнаго отпуска. Крестьяне Важгортской волости доставляли лѣсъ на Русаловскій лѣсомильный заводъ, сгорѣвшій въ Сентябрѣ мѣсяцѣ минувшаго 1878 года. Въ Айквиской и Часовской волостяхъ на р. Вытегдѣ промыслы мало развиты; даже охотою занимается ограниченное число лицъ. Остальная Сереговская волость стоитъ въ особыхъ условіяхъ по занятіямъ хлѣбопашествомъ и мѣстными заработкамъ. Положеніе крестьянъ этой волости самое незавидное, владѣя ничтожными участками гедной для обработкы земли, они собственными хлѣбомъ пропитываются не болѣе трехъ мѣсяцевъ въ году и несутъ большія, сравнительно, повинности по выкупнымъ платежамъ. Солеваренный заводъ, на которомъ работаютъ крестьяне этой волости, сократилъ въ послѣднее время размѣры своего производства на половину, поставивъ чрезъ это ихъ въ затруднительное положеніе. Отсутствие заработковъ и необеспеченность землею заставила значительную часть населенія Сереговской волости разойтись по разнымъ губерніямъ и

искать средствъ къ пропитанію въ качествѣ прислуги или другими работами.

Количество получаемыхъ крестьянами заработковъ по всему уѣзду простирается до 86/т. руб., изъ нихъ 10/т. зарабатываютъ крестьяне Сереговской волости на заводѣ и до 30/т. руб. приходится на крестьянъ Ленской волости.

Предметы отпуска. Предметы сбыта изъ Яренскаго уѣзда заключаются въ продуктахъ, получаемыхъ отъ скотоводства—кожа, сало и масло и отъ промысловъ—рыбчики, бѣлка и стерлядь. Все это крестьяне продаютъ скупщикамъ Устюгскихъ купцовъ.

Устьсысольскій уѣздъ.

По грунту земли Устьсысольскій уѣздъ не отличается отъ Яренскаго и другихъ уѣздовъ губерніи; преобладающимъ элементомъ почвы является песокъ, мѣстами съ примѣсью глины. Кажешскій и Нювчинскій желѣзодѣлательные заводы указываютъ на существованіе минеральнаго богатства въ уѣздѣ. Экономическое состояніе мѣстнаго крестьянскаго населенія представляется въ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ:

Въ. Устьенсолинскій уездъ	Остается на 1-мъ дворъ.	Скотоводство		Промыслы.		СУММА. Въ рубляхъ.	
		Число головъ скота.	Приходится на 1 дворъ.	Число промысловъ.	Средній заработокъ на 1 лицо.		
Государственныхъ имѣній.	до 15	Лошадей.	1,23	Отъ нихъ	16	108055	
		12675		на 6715			
	Временно-обязанныхъ крестьянъ Казанскаго и Нювчинскаго уѣздовъ.	до 19 1/2	Коней.	2,78	Отъ нихъ же	13	25385
			28670		на 1950		
Итого	34 1/2	Мелк. скота	5,03	Отъ нихъ же		12100	
		51910					
		Итого	9,04	Итого		221270	
				отъ промысловъ			

Усадьбой, пахотной и сѣвкосной земли приходится на душу въ среднемъ выводѣ по $1\frac{1}{2}$ десятины. Посѣвы крестьянъ не большіе. При среднемъ урожаѣ ржи и яровныхъ хлѣбовъ самъ 4, для продовольствія одного двора собирается негдѣ чѣмъ въ двухъ другихъ сѣверныхъ уѣздахъ Яренскомъ и Сольвычегодскомъ, — всего по 34 коуда на семью. Такой ничтожный сборъ хлѣба объясняется во 1-хъ) характеромъ зырянъ, которые въ занятіяхъ промышленіи находятъ лучшее обезпеченіе, нежели въ занятіяхъ земледѣліемъ; къ послѣднему они относятся неохотно и небрежно, во 2-хъ) протчиженностью уѣзда, которая дѣлитъ его на 3 части: Печорскую, Вычегодскую и Сисольско-Лузскую, неодинаковыя по физическимъ условіямъ и по занятію земледѣліемъ. Мѣстность по Печорѣ носитъ характеръ глубокаго сѣвера. Такъ въ Щугорской волости, расположенной по западному склону Уральскаго хребта, сѣвѣгъ на близъ лежащихъ горахъ рѣдко раставляетъ лѣтани, а потому и хлѣбопашество почти не мыслимо. Въ двухъ другихъ волостяхъ Савиноборской и Троицко-Печорской рожь родится слабо, да и ячменя сѣять не малу, такъ какъ хлѣба высибають. Печорскіе крестьяне поэтому посвящаютъ свою дѣятельность охотѣ и промысламъ; винтовка, рыболовные снаряды и выдѣлка точильнаго камня на брусной горѣ — вотъ ихъ занятія. Выть крестьянъ, живущихъ по Вычегдѣ, Нившерѣ, поддерживается тоже болѣе охотой, чѣмъ земледѣліемъ. Рѣзкій сѣверовосточный вѣтеръ, дующій съ Ледовитаго океана, образуетъ морозные утренники, не рѣдко губить здѣсь молодые хлѣбные всходы весной и препятствуетъ вызрѣванію зерна въ лѣтнюю пору. Но Сисольско-Лузская часть уѣзда заключаетъ всё данное для усвѣннаго веденія сельскаго хозяйства. Географическое положеніе приближаетъ ее болѣе къ средней полесѣ Имперіи, нежели къ окраинамъ сѣвера и почва отличается плодородіемъ. Въ сожалѣнію, большинство здѣшняго населенія, отдавшись промысламъ, опускаетъ время благоприятное для посѣва и уборки хлѣбовъ. Тѣ изъ крестьянъ, которые занимаются тщательнымъ уходомъ за землю, имѣють и значительный избытокъ въ хлѣбѣ, продаванъ его нуждающемуся окрестному населенію. Вышніе заводскіе крестьяне Ка-

женскаго общества Койгородской волости и Ньючинскаго общества Благовѣщевской волости, въ числѣ 136 душъ (по оладу къ 1877 г.), хлѣбонашествомъ не занимаются. Львоводство въ Устьен-сольскомъ уѣздѣ, какъ и въ Яренскомъ, водится для домашняго употребленія. Въ печерскомъ краѣ хлѣбъ и всѣ жизненные продукты приобѣтаются крестьянами въ обихѣ на свои произведенія отъ Чердынскихъ купцовъ Пермской губерніи. Главнымъ трактомъ обихѣа служатъ Явинская пристань на р. Печорѣ, на-ходящаяся отъ Троице-Печорской волости въ 140 верстахъ, отъ Саввиноберской въ 290 и Шугорской въ 450. Почти на томъ же разстояніи, въ Чердынскомъ уѣздѣ и отъ Чердынскихъ же купцовъ покупаютъ хлѣбъ крестьяне волостей, расположенныхъ вверхъ по Вычегдѣ. Нижне—Вычегодскія волости приобѣтають его въ г. Устьенсольскѣ. Сольско-Лузская сторона находится въ ближайшихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Вятскимъ краемъ и на-селеніе ея приобѣтаетъ хлѣбъ въ г.г. Слободскомъ, Вяткѣ и на пристаняхъ Койгородской и Номульской, равно и у мѣстныхъ крестьянъ, занятыхъ исключительно хлѣбонашествомъ.

Скотоводство. Находя безразличнымъ удобреніе земли, зыряне равнодушно относятся къ разведенію домашняго скота, численность котораго уступаетъ, сравнительно, численности его въ другихъ уѣздахъ губерніи, несмотря на то, что луга въ Устьен-сольскомъ уѣздѣ благоприятствуютъ хорошему развитію скотоводства.

Промыслы. Заработки отъ промысловъ въ Устьенсольскомъ уѣздѣ простираются до 221/т. рублей—цифры весьма значи-тельной. Преобладающимъ промысломъ является охотѣ. Зыряне—внутренніе и изобрѣтательные охотники. Кроме занятій этимъ промысломъ, по ближайшимъ лѣсамъ, лежащимъ около своихъ деревень, промышленники Верхне-Вычегодскихъ волостей—По-ноздинской, Устьѣвской, Керченской, Устькуломской, Троице-Подъельской, Небдинской и Богородской по Нившерѣ, для добычи за звѣремъ и птицею, шартіями въ 5 и 10 человекъ отлу-чаются за 100 и 200 верстъ отъ мѣста своего жительства, а изъ Печерскихъ селеній за 400 и 500 верстъ, уходя часто за Уральскій хребетъ, въ предѣлы Сибири. Отлучки свои зыряне

называютъ лѣсовальни, которыхъ дѣлаютъ два въ теченіи года. Первое—осеннее лѣсованье начинается въ концѣ Октября, когда наступаютъ холода, звѣрь вычислится и птица бываетъ можно битъ въ прокъ, продолжается оно около трехъ мѣсяцовъ. Второе лѣсованье зимнее—начинается съ Января и продолжается до Апрѣля мѣсяца, когда повѣтъ всеяго, звѣрь начинаетъ лаять и птица спаривается. Перевозку провизіи и прочихъ запасовъ, необходимыхъ для ихъ промышленной жизни, ягране по осени, пока рѣки не покрылись льдомъ, производятъ на особо заготовляемыхъ легкихъ лодкахъ, которые удобно перетаскиваются на наваловыхъ и мелякъ. Связаніе облегчается изобиліемъ въ зырянскомъ краѣ большихъ рѣкъ принимающихъ въ себя множество мелкихъ притоковъ, которые вытекаютъ изъ глубины лѣсовъ. Зякою связаніе производится на „партахъ“—узкихъ и длинныхъ саяхъ, какъ лодки, легкихъ и удобныхъ для перевозки. По прибытіи на мѣсто промышленники устраиваютъ „пывзанъ“—лѣсную баню, куда съходятся на ночь и сваливаютъ свою добычу; въ странствованіяхъ по лѣсамъ путеводительницею имъ служить „матка“—небольшой компань, доставаемый изъ Архангельска. Когда въ районѣ пывзана звѣрь и птица начинаютъ попадаться рѣже, зяряне переночевываютъ на новыхъ мѣста или въ районѣ извѣстнаго имъ слѣдующаго пывзана. Зяряне охотятся съ собаками, которые имѣютъ близкое сходство съ волкомъ; къ охотѣ онѣ не дрессируются, а приучаются сами собою. Помогательная охота собака цѣнится отъ 5 до 15 и 20 рублей. Предметами охоты въ зырянскомъ краѣ служатъ рябчикъ и бѣлка, родящіеся во множествѣ. Звѣря другихъ породъ водятся въ зырянскомъ краѣ мало и встрѣча съ лисицей, куницей выдрой, росомахой, рысью, волкомъ и медвѣдемъ въ настоящее время бываетъ дѣломъ случая. Въ былое время зырянскіе лѣса изобиловали дорогими звѣрями, но нынѣ они попадаютъ рѣже; въ числѣ прочихъ цѣнныхъ обитателей лѣсовъ исчезаетъ отсюда и олень, вслѣдствіе усиленнаго преслѣдованія. Вѣлку и рябчиковъ зяряне бьютъ изъ винтовокъ кременнаго устройства, требующихъ для заряда мало пороку, а для прочей птицы и звѣря производится различнаго устройства капканами и шотлями.

Въ числу обще распространенныхъ промысловъ относится также рыболовство. Обиліе водъ въ зырянскомъ краѣ, богато населенныхъ рыбою, сдѣлало изъ каждаго зырянина отличнаго рыбака, и рыбныя ловли производятся здѣсь повсюду, на Вычегдѣ, Сисолѣ, Лузѣ, Печорѣ и множества другихъ рѣкъ, на поляхъ во время весенняго разлива и озерахъ, въ безчисленномъ количествѣ разбросанныхъ по луговымъ и лѣснымъ пространствамъ зырянской стороны. Но собственно промысловой уловъ, отъ котораго идетъ сбытъ рыбы, производится по одной Печорѣ и ея притокамъ, причѣмъ лучшія рыбныя ловли печорской семги начинаются со впаденія въ Печору Пижмы и Вильмы и принадлежать уже Архангельской губерніи. Уловъ семги въ Устьсисольскомъ уѣздѣ производится, главнѣйшій образецъ, по рѣчкѣ Щугору и даетъ мѣстному населенію ничтожную сумму дохода сравнительно съ звѣрловствомъ, птицеводствомъ и существующимъ здѣсь заработкомъ по выдѣлѣ точильнаго камня на брусняой горѣ.

Имѣющіеся затѣмъ промыслы въ Устьсисольскомъ уѣздѣ принадлежатъ Вычегодской и Сисольско-Лузской части этого уѣзда. Это во 1-хъ, заготовка лѣса отъ Вѣломорской компаніи для заграничнаго отпуска, и во 2-хъ, отхожіе промыслы—въ Вычегодской части уѣзда—для рубки дровъ на заводы Пермской губерніи, въ Сисольско-Лузской—для шитья крестьянской одежды, кантатія обуви и войлоковъ изъ шерсти; для этихъ занятій крестьяне отправляются въ губерніи Вятскую, Пермскую, Оренбургскую и Тобольскую. Кромѣ значительныхъ заработковъ, отхожіе промыслы имѣютъ между прочимъ и то значеніе для данныхъ мѣстностей, что отвлекая, въ свободное отъ полевыхъ работъ зимнее время, обильное число ѣдоковъ, покрываютъ недостатокъ годоваго продовольствія. По Сисолѣ и Лузѣ крестьяне занимаютъ кромѣ того доставкою руды и топлива на желѣзныя заводы, (нынѣ почти окончившіе свое существованіе), извозомъ, сплавомъ судовъ къ Устюгу и Архангельску и судостроеніемъ. Последніе промыслы, имѣющіе не маловажное значеніе въ этой мѣстности, обязаны своимъ существованіемъ сосѣдственному, промышленному и плодородному Вятскому краю, который, тяготясь своею торговлею къ

Архангельскому порту, за неизвѣніемъ у себя водяныхъ сообщеній, воспользовался по сосѣдству зырянскими рѣками Сысолою и Лузою, устроивъ на нихъ Койгородскую и Ношульскую пристани.

Въ настоящее время въ состояніи большинства промысловъ Устьсольскаго уѣзда замѣчается пониженіе. Заготовка лѣса отъ Бѣломорской компаніи, по случаю вырубки его, начинаетъ уменьшаться по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ она производится. Съ истощеніемъ лѣсовъ начинаетъ менѣе появляться дичи и пушнаго звѣря, а чрезъ это и охота дѣлается менѣе успѣшною. Вятскій край въ настоящее время не отличается уже прежнею производительностію, это послужило причиною уменьшенія хлѣбной торговли, а по Лузѣ и Сысолѣ отразилось меньшимъ спросомъ на постройку барокъ и найма рабочихъ на сплавъ ихъ. Прекращеніе производства желѣзныхъ заводовъ поставило въ крайнее затрудненіе бывшихъ заводскихъ крестьянъ, равно какъ и не малое число занимавшихся на заводахъ изъ смежныхъ волостей. Охота по Вытегдѣ и Печорѣ, соединяясь съ отлучками изъ дома, хотя и не падаетъ, но парализуется не нормальнымъ отношеніемъ производства къ сбыту. Незначительность внутреннихъ требованій страны, очень слабый запросъ на товары, не мѣстнаго производства, сказались здѣсь отсутствіемъ ярмарокъ и торжковъ, предоставивъ всю внутреннюю и отпусную торговлю въ руки нѣсколькихъ торгующихъ мѣстныхъ крестьянъ. Не ограничиваясь торговыми оборотами, они играютъ роль деревенскихъ банкировъ, сужая промышленниковъ хлѣбомъ, свинцомъ, порохомъ и деньгами, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы, въ уплату вытыхъ замнообразно продуктовъ или денегъ, весь промыселъ окотника поступалъ исключительно въ руки заказчика по цѣнамъ, какія будутъ существовать во время уплаты, т. е. таинствъ цѣнамъ, какія назначить отъ самъ. Такимъ образомъ, сбытъ товаровъ производится чрезъ третьи руки, выгодами отъ бѣли и рабочихъ пользуются не нѣкіе мѣстные богачи, а производители остались не причѣмъ, перебываясь кой-какъ отъ одного жина до другаго. Сами же по себѣ приобрѣтать хлѣбъ, привезенный Чердынскими купцами при закупкѣ разныхъ товаровъ, и приносъ для охоты производителямъ не имѣютъ и возможности, до 1-хъ, благо-

даря постояннымъ обязательствамъ, во 2-хъ, за отсутствиемъ своихъ капиталовъ и за дальнимъ разстояніемъ отъ мѣстъ пріобрѣтенія. Стѣснительное положеніе, въ которое поставлены крестьяне относительно существующихъ промысловъ, и дурное состояніе хлѣбопашества, вовсе не обеспечивающаго населеніе, поддерживаютъ и развиваютъ въ Устьсисольскомъ уѣздѣ отхожіе промыслы для шитья крестьянской одежды, катанія обуви и войлоковъ изъ шерсти и для рубки дровъ на Пермскихъ и Вятскихъ заводахъ. Кроивъ отхожихъ промысловъ, съ 1876 года увеличились двойнѣ заработки крестьянъ Печорскаго края по работѣ принадлежащей имъ брусиной горы, которая находилась до этого времени въ арендномъ содержаніи и приносила поэтому мало значительную пользу для мѣстнаго населенія.

Говоря вообще матеріальный бытъ крестьянъ Устьсисольскаго уѣзда оставляетъ желать много лучшаго. Очевиднымъ доказательствомъ вышнѣшняго незавиднаго положенія служить указанное въ обихихъ свѣдѣніяхъ о губерніи стремленіе крестьянъ въ переселенію на новыя, не занятыя мѣста въ предѣлахъ восточныхъ губерній и Сибири. Со времени послѣдней ревизіи не замѣчается уменьшенія въ населеніи только въ Печорскомъ краѣ, представляющемъ менѣе $\frac{1}{40}$ части населенія уѣзда, въ двухъ—Уркинсовой и Мажадорской волостяхъ по Сисоль и двухъ же—Богоявленской и Корткероновской—по Вычегодъ, а въ остальныхъ 19 волостяхъ число равнѣсныхъ душъ преобладаетъ сравнительно съ омиадными. Недоимки, числящіяся на крестьянахъ Устьсисольскаго уѣзда по ссудамъ изъ обихаго по Имперіи предовольствованнаго капитала, превышаютъ годовой заработокъ ихъ отъ промысловъ и уравниваютъ также на несостоятельность населенія.

Предметы отпуса. Сисольско-Лузская сторона и Нижне-Вычегодскія волости, состоятъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Вяткою, Устюгомъ и Архангельскомъ, поэтому произведенія здѣшней мѣстности, заключающіяся главнымъ образомъ въ дичь, пушнину, товары и въ лѣсныхъ заготовкахъ, сосредоточиваются въ близлежащихъ городкахъ. Мѣсто дальнѣйшаго сбыта тоже, что и въ предшествовавшихъ уѣздахъ. Волости вверга по Вычегодъ и Печорѣ

торговля операция производят во преимуществу съ Чердынскими купцами и промышленными зырянами-ижемцами, Архангельской губернии. Вывозные отсюда дичь, пушной товаръ, стерлядь и сѣнга и живуть общее назначеніе сбыта — столичные города; точильные брусья развозятся по многиямъ губерніямъ, и часть ихъ идетъ даже за Уральскій хребетъ.

Въ заключеніе нашего обзора экономическаго состоянія сельскаго населенія Вологодской губернии, мы не лишнимъ считаемъ привести свѣдѣнія о недоимкахъ въ слѣдующихъ 2-хъ таблицахъ:

Т а б л и ц а 1-я.

Свѣдѣніе о недоимкахъ, числящихся на крестьянахъ по общему по Имперіи продовольственному капиталу. Замѣствувано изъ дѣлъ Вологодскаго Губернскаго Правленія къ 1879 году.

		Рубли.	Коп.
	По уѣздамъ:		
1	Грязовецкому - -	Недоим не имѣет	къ ся.
2	Вологодскому - -		
3	Кадниковскому - -		
4	Вельскому		
5	На государственныхъ крестьянахъ Семеновской, Дмитріевской и Бестужевской волостей -	42016	13
	Тотемскому		
	На крестьянахъ Леденгской волости (бывшихъ крестьянъ Леденгскаго солевареннаго завода)	3762	67
6	Никольскому - - -	—	—
7	Устюгскому - - -	—	—
8	Сольвычегодскому - - -	148946	76
9	Яренскому - - -	264100	60
10	Устьсисольскому - - -	251140	15

Т а б л и ц а 2-я.

Свѣдѣніе о количествѣ недоимокъ по губерскому продовольственному капиталу и ссудамъ хлѣбомъ изъ магазиновъ. Заимствовано изъ отчетовъ земскихъ управъ за 1878 годъ.

УѢЗДЫ.	Недоимки по губерскому продовольственному капиталу.		Состоятъ на лицо хлѣба въ магазинахъ.		Состоятъ въ ссудѣ и магазинахъ.	
	Рубли.	Коп.	Озимого.	Яроваго	Озимого.	Яроваго
			Въ четвертяхъ.			
Грязовецкій	Недоимо	къ	31264	14033	14005	9228
Вологодскій			25726	11770	22104	11889
Кадвицковскій	не имѣет	ся.	Свѣдѣ	нѣ	не	имѣетс.
Вельскій			5828	40 ³ / ₄	8741	11015
Тотемскій	1857	79	7308	6504	26169	25478
Никольскій	Свѣдѣ	нѣ	не	имѣет	ся.	
Устюжскій	2859	96 ¹ / ₂	7940	9987	30065	21320
Сольвычегодск.	17663	27	6407	6390	27968	17727
Яренскій	23004	86	3047	2476	11102	4598
Устьсысольск.	Свѣдѣ	нѣ	не	имѣет	ся.	

ПОЛОВНИКИ

ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Историко-юридическій очеркъ эконоическаго состоянія половничествующихъ крестьянъ.

Еще въ самое недавнее время во всёхъ узаконеніяхъ и постановленіяхъ, относящихся до земледѣльческихъ обывателей Россіи, непрѣнно являлась приписка, что это узаконеніе простирается также „и на половниковъ *Вологодской губерніи*“; или оно, не простираясь на нѣкоторыхъ жителей, не простиралось „и на половниковъ *Вологодской губерніи*“. Такое непрестанное памятованіе законодательной власти о половникахъ Вологодской губерніи привлекло къ нимъ вниманіе изслѣдователей. Изслѣдователи прежде всего обращались къ Своду Законовъ и тамъ въ IX томѣ „въ Законахъ о состояніяхъ“ находили цѣлыхъ два отдѣленія, налагающія права и обязанности половниковъ Вологодской губерніи. При этомъ оказывалось, что кромѣ Вологодской губерніи Законъ не знаетъ половниковъ нигдѣ. Казенная Палата свидѣтельствовала со своей стороны, что и въ Вологодской губерніи половники существуютъ только въ одномъ углу—въ уѣздахъ Устюгскомъ, Сольвычегодскомъ, Никольскомъ и Яренскомъ. Такая ограниченность территории распространенія половниковъ, а равно и то обстоятельство, что Законъ выдѣлялъ ихъ изъ состава прочихъ

сельских обывателей Россіи, посвящая имъ особия отдѣленія въ Сводѣ Законовъ, конечно еще болѣе возбуждали къ нимъ интересъ изслѣдователей: что это за люди? откуда они взялись? давно ли появились и какія бытовныя формы проявили въ средѣ окружающихъ ихъ иныхъ сельскихъ обывателей?

Первое, что производило сильное впечатлѣніе на изслѣдователей, было-ограниченность территоріи, и у нихъ прежде всего являлась мысль, что половники—явленіе мѣстное, свойственное только этому уголку Вологодской губерніи. Конечно, только подъ влияніемъ такой предвзятой мысли могъ К. Пошевъ въ своемъ изслѣдованіи о половникахъ поставить категорическое положеніе: „половики и въ настоящее время и прежде существовали и существовали въ одной только Вологодской губерніи“. Далѣе, отмѣняя мѣстныя особенности края, которыя могли бы провозгласить половничество, онъ доходитъ до самаго завоеванія этого чудскаго края новгородцами и заключаетъ свое изслѣдованіе такимъ положеніемъ: „И такъ пока мы думаемъ, что половники суть покоренные Чудскіе земледѣльцы, вступившіе въ обязательство изъ половинныя урожая обрабатывать земля, вѣтая у нихъ Новгородскими завоевателями“.

Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что половники прежде жили далеко не въ одной Вологодской губерніи и что они были и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ Новгородцы Чуди не завоевывали, какъ напр. въ губерніяхъ Ярославской и Костромской.

Пользуясь мѣстными источниками и нѣкоторыми официальными свѣдѣніями, мы въ предлагаемомъ очеркѣ намѣрены дать читателямъ историческую характеристику этой интересной формы землевладѣнія, равно какъ и указать на экономическій бытъ половническихъ крестьянъ нашей губерніи.

Половики—свободные земледѣльцы, живущіе на владѣльческихъ земляхъ изъ половинныя урожая.

Обработка земли изъ половинныя урожая, *изъ-молу*, очень распространена въ Россіи, и всякій знакомъ съ этой системой хозяйства;

но эта *испольщина*, какъ называютъ эту систему въ Грязовецкомъ уѣздѣ, не есть половничество, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. *Половничество* гораздо сложнѣе *испольщины* и эта сложность зависитъ отъ того, что половники и живутъ на тѣхъ же владѣльческихъ земляхъ; слѣдовательно здѣсь является во первыхъ вопросъ: чьи должны быть дома, въ которыхъ они живутъ? Удовлетворительное разрѣшеніе одного этого вопроса, т. е. такое разрѣшеніе, чтобъ не было обидно ни для которой стороны, влечетъ за собою такія обязательства съ той и другой стороны, которыя вовсе неизвѣстны *испольщиямъ*. Далѣе, половники суть люди не имѣющіе ни своего крова, ни своей земли. Отсюда возникаетъ второй вопросъ: какинъ образомъ отказывать половнику отъ земли владѣльца? А затѣмъ слѣдуютъ и другіе вопросы, такъ же ѣдно не извѣстны *испольщиямъ*.

Всѣ эти вопросы разрѣшены долговременнымъ житейскимъ опытомъ половничества, вошли въ обычай, а потомъ регулированы и закономъ.

Законодательная дѣятельность о половникахъ началась съ 1725 года и потомъ продолжалась въ формѣ разныхъ отдѣльныхъ указовъ въ теченіи цѣлаго столѣтія, а въ 1827 году вышло цѣльное *Положеніе о Половникахъ*. Главные пункты этого положенія слѣдующіе: Половники обязаны доставлять владѣльцу половину урожая: хлѣба, сѣна и соломы, производя раздѣлъ по общему съ владѣльцемъ согласію. Но не возбраняется обѣимъ сторонамъ дѣлать условія о платежѣ деньгами вмѣсто произведеній въ натурѣ. Половники обязаны всѣ работы по пахотнымъ и сѣнокоснымъ мѣстамъ и расчисткамъ лѣснымъ исполнять безпрекословно на основаніи условій. Земледѣльческія орудія, рабочій и другой скотъ они должны заводить у себя на собственный счетъ; но дома для жительства ихъ должны быть построены владѣльцами: на починку и поправку домовъ, постройки и надобности половники имѣютъ право получать лѣсъ отъ владѣльцевъ. Сѣмена для посѣва обязаны дать владѣльцы; а потомъ эти сѣмена отдѣляются изъ общаго урожая до раздѣла и идутъ на сѣмена на новый годъ. Хлѣбъ въ запасные магазины вносится изъ общаго урожая до раздѣла

его. Относительно государственныхъ податей пунктъ Положенія въ 1843 году былъ измѣненъ такъ: „Въ условіяхъ, заключаемыхъ владѣльцами съ половниками, надлежитъ означать: на кого, по взаимному соглашенію договаривающихся сторонъ возлагается платежъ государственныхъ податей“. Но практика половничества выработала правило о платежѣ этихъ податей владѣльцами, что продолжалось и потомъ, какъ и прежде. Рекрутскую повинность и расходы по ней несутъ половники. И владѣльцы и половники освобождаются отъ платежа оброчныхъ денегъ. Всѣ денежные платежи по земскимъ повинностямъ должны производить владѣльцы, а повинности натурою — половники, но матеріалъ на гати и мосты должны доставлять владѣльцы.

Владѣльцы не должны налагать на половниковъ никакихъ другихъ службъ, кромѣ относящихся до обработки участковъ земли, отданныхъ половникамъ, „развѣ сами половники добровольно будутъ на то согласны“. Въ случаѣ смерти половника, владѣлецъ не долженъ лишать земли оставшуюся вдову съ малолѣтними дѣтьми; но обязанъ, уплачивая за умершаго подать, оставить землю въ ея пользованіи до истеченія срока записи. Половники, какъ люди свободные, не могутъ быть подвергаемы никакому наказанію отъ владѣльцевъ безъ приговора судебнаго мѣста, а въ маловажныхъ дѣлахъ — безъ приговора сельскихъ и городскихъ ихъ начальствъ. Споры между владѣльцами и половниками рѣшаются посредниками, которыхъ избираютъ они сами.

На основаніи этихъ пунктовъ и заключаются контракты половниковъ срокомъ отъ 6 до 20 лѣтъ, только въ нихъ обыкновенно владѣльцы выговариваютъ и еще нѣкоторыя обязательства со стороны половниковъ.

Указавъ, въ какихъ отношеніяхъ стоятъ половники съ владѣльцами земли по закону, мы перейдемъ теперь къ историческимъ даннымъ.

Исслѣдователями половничества были подняты слѣдующіе вопросы: 1) давно ли появилось половничество? и гдѣ оно было въ прошедшія времена? 2) какимъ образомъ появились частныя земельныя владѣнія на такомъ далекомъ сѣверѣ, гдѣ не было

дворянства? 3) изъ кого составился первоначальный комплект половниковъ, сдѣлавшійся потомъ наследственнымъ? и наконецъ 4) какое значеніе имѣетъ половничество въ экономической жизни народа?

Всѣ эти частные вопросы, вполне исчерпывающіе общій вопросъ о половникахъ, въ настоящее время разрѣшены отдѣльными изслѣдованіями почти уже удовлетворительно и стоитъ только собрать все добытое въ одно, чтобъ получилось довольно цѣльное представленіе о половничествѣ и половникахъ.

Относительно начала половничества всѣ данныя, собранныя изслѣдователями, приводятъ къ тому заключенію, что половничество не есть учрежденіе; установленное сильною рукою; какъ было установлено наприм. крѣпостное право, но оно есть система хозяйства, выработанная народною жизнію при извѣстныхъ условіяхъ, какъ напр. исполщина, кортома и другія; а всѣ такія системы имѣютъ одну исторію съ обычаями народа: зараждаются съ частнаго случая, распространяются и дѣлаются достояніемъ народа, а потому и опредѣлить моментъ зарожденія ихъ для насъ невозможно. Конечно, всѣ эти системы не могли явиться раньше частнаго владѣнія землею, но современны ли они появленію этого частнаго владѣнія, или появились позднеѣ и на сколько позднеѣ — рѣшить не возможно. Можно прослѣдить, давно ли начала упоминаются въ историческихъ памятникахъ такая-то система, но нельзя сказать, что она не существовала въ народной жизни раньше того, какъ начала попадаться въ историческихъ актахъ; очень возможно, что она и практиковалась въ предшествовавшіе вѣка, да не попала въ акты, дошедшіе до насъ. Все, что можно сказать положительнаго въ такихъ случаяхъ, такъ это то, что такая-то система существовала въ такомъ-то вѣкѣ и въ такой-то мѣстности, какъ свидѣтельствуетъ о томъ такой-то историческій памятникъ. Такъ и о половничествѣ можно сказать, что оно существовало уже въ началѣ XIV вѣка; такъ въ договорѣ Новгородѣ съ Великимъ Княземъ Михайломъ Ярославичемъ Тверскимъ въ 1307 году говорится: „и холопа и половника не судити твоимъ судимъ“. Древнѣе

этого указанія на половничество не найдено, но очень возможно, что оно существовало и въ предшествовавшіе вѣка.

Относительно распространённости половничества есть указанія, что въ XV вѣкѣ оно существовало въ нынѣшнихъ губерніяхъ Псковской, Тверской, Ярославской, Костромской, Новгородской, Вологодской и Архангельской, но ограничивалось ли только этими мѣстностями—этого сказать нельзя. Въ XVI вѣкѣ есть указанія на губернію Олонецкую и Вятскую.

Такимъ образомъ изъ этихъ свидѣтельствъ оказывается, что половничество есть система очень древняя и встарину очень распространённая, по крайней мѣрѣ, по сѣверу Россіи.

Такое обширное распространёніе половничества свидѣтельствуётъ о томъ, что на сѣверѣ также точно широко, или даже и еще шире, была распространена и частная земельная собственность. Государственные земли имѣютъ одинъ законный путь для перехода въ частную собственность, это—Государево пожалованіе. Но этотъ путь на сѣверѣ, въ губерніи Архангельской, Олонецкой, сѣверной части Вологодской и Вятской, вѣль государственныхъ земли почти только къ однимъ Строгановымъ, такъ какъ здѣсь дворянъ не было, а Строгановы своихъ земель не продавали; такъ какими же образомъ явились тамъ цѣлыя сотни частныхъ собственниковъ? А они явились и владѣли въ сложности сотнями тысячъ десятинъ земли. И при этомъ оказывается, что пожалованныя земли составляли весьма незначительную часть всѣхъ земель, находившихся въ положеніи частной собственности.

Исслѣдуя этотъ вопросъ Щербина (Отч. Зап. 1879 г. № 7) находитъ еще три пути перехода общественныхъ и казенныхъ земель въ частную собственность: это—свободная заимка, покупка и захватъ. Заимкою называется то, когда крестьянинъ, выбравъ себѣ мѣсто въ лѣсу, расчистить его, приготовить подъ нашію и пользуется имъ. Такая заимка еще и до сихъ поръ практикуется въ сѣверныхъ уѣздахъ, и нѣтъ сомнѣнія, что большинство обработанныхъ мѣстъ на сѣверѣ первоначально перешло черезъ эту форму заимки. Заимки и до сихъ поръ составляютъ личную собственность предпринимателя, хотя временную и переходящую потомъ въ

составъ общинной земли. Такую заимку Щербина и считаетъ первымъ производителемъ частной собственности на сѣверѣ.

Но это была не та собственность, которая породила половничество. Крестьянинъ, своимъ потомъ и кровью добывшій себѣ заимку, не пуститъ на нее половника. Мы и не имѣемъ историческихъ свидѣтельствъ о томъ. Въ ижевой инструкціи 1766 года упоминается только, что такія заимки продавались и закладывались; но, вѣдь, продавались и закладывались и земли, положенныя въ тягло и записанныя по писцовымъ книгамъ за крестьянами. Отсюда понятно, что въ крестьянской собственности нельзя искать основанія половничества: не должно-ли оно корениться въ собственности тѣхъ, кто прибрѣтая земли, самъ не могъ ихъ обрабатывать?

❖ Второй производитель—покупка, дѣйствительно, долженъ быть признанъ чрезвычайно важнымъ. Онъ не только важнѣе заимки, но едва-ли не самый важный изъ всѣхъ. Масса историческихъ документовъ свидѣлствуетъ, что крестьяне продавали и закладывали земли, на которыхъ они сидѣли и которыя были общинныя, разнаго званія лицамъ: купцамъ, посадскимъ людямъ, подьячимъ и проч. Въ половинѣ XVII вѣка уже принимались правительствомъ мѣры противъ этого. Такъ въ 1649 г. крестьянамъ заонежскихъ погостовъ вовсе запрещено было продавать и закладывать свои земли. У устюгскихъ посадскихъ людей купленныя и принятныя въ залогъ тоже были отобраны; но въ 1652 году возвращены были имъ назадъ, „за отправляемыя ими службы у города Архангельскаго и въ Сибирскихъ городахъ при таможенныхъ и питейныхъ сборахъ и за употребленіе ихъ по тѣмъ мѣстамъ для всякихъ Государевыхъ дѣлъ въ посылкахъ“, какъ объяснено въ Сенатскомъ Указѣ 1810 г. Августа 4 № 673. Возвратъ былъ совершенъ грамотою, данною Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, которою повелѣно: „въ устюгскомъ уѣздѣ, устюгскимъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ—деревнями, которыми они владѣли по купчигъ и по закладнымъ и по нашему указу были отписаны на насъ—владѣть съ хлѣбомъ, сѣнами, скотиной и со всякими вотчинными и садовыми заводами по прежнему, а наши всяки до-

ходи платить ихъ сполна: по волостнымъ и посошнымъ ихъ раз-
рубамъ съ чернослободцами и тяглыми людьми въ рядъ, сколько
по разводу на ихъ деревни доведется, и всякія наши службы
половникамъ и крестьянамъ служить съ волостными крестьяны въ
рядъ“. Въ 1663 г. каргопольскимъ и турчасовскимъ крестья-
намъ позволено было выкупать назадъ проданныя и заложенные
участки.

Но продажа и залогъ крестьянами земель продолжались и
потомъ. Въ 1765 г. Козминъ докладывалъ Императрицѣ, что черно-
сошные крестьяне продаютъ другъ другу земли, какъ помѣщики,
„а потому одинъ имѣеть земли со излишествомъ, а другой съ
недостаткомъ... нерадѣтельные къ хлѣбопашеству земли продаютъ и
закладываютъ и деньги проматываютъ, отчего приходятъ въ ни-
щету“. Комиссія, посланная для усмиренія волненія объ онежскихъ
крестьянъ, происходившаго въ 1769—1771 годахъ докладывала
Сенату, что крестьяне „земляныя свои участки въ поляхъ про-
даютъ и закладываютъ между собою и постороннимъ, живущимъ
въ ихъ селеніяхъ разнаго званія людямъ“. И это совершалось
тогда, когда уже правительствомъ неоднократно воспрещено было
продавать и закладывать, а проданныя и заложенные земли
повелѣно было отбирать назадъ безденежно.

Но эти продажи и залоги не всегда происходили „по нера-
дѣнію къ хлѣбопашеству“. Вотъ какъ изображаютъ залоги
крестьяне Шестаковского уѣзда Вятской провинціи въ своемъ на-
казѣ депутату въ Законодательную комиссію: „Когда время насту-
пить подушнаго сбора, а крестьянство за оскудѣніемъ своимъ берутъ
у посадскихъ людей по не многу числу денегъ для окупленія
подушнаго тягла, тако-жъ бываетъ и на покупку себѣ въ пропита-
ніе хлѣба, и въ которыхъ заемныхъ деньгахъ даемъ вексели и
за скоростію не отыскавши по себѣ порукъ и подписываемъ у кого
какіе есть и оставшія пахотныя земли и сѣнные покосы, и на то
онѣ смотря вексельнаго устава отдають въ скорыхъ числахъ въ
протесты и за изнеможеніемъ своимъ къ платежу вскорѣ отыскать
и отдать въ ушлату нечего, то садятъ по словесной просьбѣ въ
магистратъ и содержатъ долговременно подъ карауломъ и берутъ

на оныя пахатныя земли и сѣнные покосы закладныя партикулярныя письма и приговоры“. Ирѣнскіе крестьяне въ своихъ наказахъ своимъ депутатамъ въ ту же комиссію высказывали желаніе покупать и продавать на такомъ основаніи: „дабы въ случаѣ которыя крестьяне придуть въ упадокъ, то бы могли для поправленія себя подъ закладъ земель деньги занимать, а съ другой стороны, надѣясь на закладъ, охотнѣе давать“.

Потомъ крестьянъ заставляло продавать свои земли и слабосиліе. Каргопольскіе крестьяне тоже ходатайствовали предъ Комиссіей о дозволеніи такой продажи, высказывая, что нѣкоторые изъ нихъ не имѣли средствъ обрабатывать свою землю и платить подати, между тѣмъ какъ при продажѣ земель приобретающіе ихъ принимали на себя уплату подушныхъ денегъ за продавца. Слабосиліе къ платежу податей еще въ нынѣшнемъ столѣтіи заставляло иныхъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ передавать свои земельные участки частнымъ владѣльцамъ совершенно даромъ, „за кринку молока“.

Относительно третьяго способа образованія частной собственности-захвата—мы не можемъ сказать, на сколько сильно онъ участвовалъ въ этомъ образованіи. Что насильственный захватъ общинныхъ земель существовалъ, мы можемъ допустить, когда знаемъ, что закладныя на земли получались при посредствѣ продолжительнаго содержанія подъ карауломъ. Кромѣ того есть и положительныя свидѣтельства о практикованіи захвата въ тѣ времена. Щербина выписываетъ изъ „Исторіи города Сольвычегодска“ Соскина, написанной въ 1789 г. такое мѣстное преданіе: „Ежели слуху народному повѣрить, что якобы которая деревня или которое угодье имъ (Строгановымъ) понадобится изъ государственныхъ (т. е. общественныхъ) земель или изъ владѣльческихъ, то будто-бы могли сами къ себѣ однимъ своимъ только приказаніемъ присваивать, да и повѣрить сему можно, (потому) что они кромѣ государей и великихъ князей судимы нигдѣ не были“. Это было въ 1789 году преданіемъ; но не задолго предъ тѣмъ уже не преданіе записали въ своемъ наказѣ своему депутату въ Комиссію уложенія жители Пачеозерской волости Усольскаго (Сольвычегодскаго) уѣзда:

„угодные деревенскіе участки къ пахотѣ лучшія пашенныя земли и имѣющія довольное число сѣнныхъ покосовъ, тако жъ и отъ крестьянскихъ деревень печищные сѣнные покосы, пожни у многихъ Пачеозерской волости крестьянъ и съ написанными на тѣхъ земляхъ м. п. душами *разными происками* города Устюга Великаго и Соли Вычегодской купцы и посадскіе люди, и немѣющіе купечества, и господъ бароновъ Строгановыхъ служители къ себѣ забрали и завладѣли, и тѣ пашенныя земли по ихъ прошеніямъ отъ разныхъ судебныхъ мѣстъ съ малымъ числомъ написанныхъ изъ государственныхъ черносопныхъ крестьянъ въ половничество..... отъ черносопныхъ крестьянъ за ихъ владѣльцевъ написано въ особый владѣльческій перечень“.

Такимъ образомъ нельзя сомнѣваться, что захватъ былъ въ ходу, только по недостатку историческихъ свидѣтельствъ невозможно рѣшить, какъ широко онъ былъ въ ходу. Оба приведенныя свидѣтельства относятся къ одному Сольвычегодскому уѣзду; но значить ли это, что только здѣсь и захватывали общинныя земли въ частную собственность? Вѣроятно, что только случайно мы не имѣемъ свидѣтельствъ о захватахъ изъ другихъ мѣстъ. Въ одномъ наказѣ Тотемскаго уѣзда есть не совсѣмъ ясное мѣсто: „бывшія прежде деревни и пустоши и въ сошномъ письмѣ земли со всѣми угодья и по тѣмъ селеніямъ участки, состоящіе нынѣ въ владѣніи разнаго чина людьми, какъ за купцами и канцелярскими служителями въ оброкахъ, также по купчимъ и закладнымъ крѣпостямъ и *по другимъ незнаемымъ сдѣлкамъ и подъ именемъ недоброжелательныхъ крестьянъ*“. Эти послѣднія слова не то ли же значать, что Пачеозерцы называли въ своемъ наказѣ „разными происками“?

Слѣдовательно, изъ этихъ данныхъ можно заключить, что на такомъ дальнемъ сѣверѣ, какова наша губернія, форма захвата участвовала въ образованіи частной собственности.

Но крогѣ четырехъ указанныхъ путей перехода общественной земли въ частную собственность были и еще пути: духовное завѣщаніе и отдачи въ приданое за дочерьми.

Но духовными завѣщаніями земли болѣею частью переходили къ монастырямъ и церквамъ. А какъ значительны окончилися монастырскія и церковныя земли видно изъ того, что на нихъ по 2-й ревизіи (1745 г.) жило въ Устюжскомъ уѣздѣ 1,141 д., а въ Сольвычегодскомъ 502 д. холопниковъ. При томъ столько холопниковъ жило во время 2-й ревизіи, когда значительная часть монастырскихъ и вообще духовныхъ холопниковъ мѣрами правительства была обращена въ государственныхъ крестьянъ; но раньше такихъ холопниковъ было гораздо больше, такъ въ 1717 г. въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ холопниковъ, принадлежавшихъ монастырямъ и вообще духовнымъ, было 1,322 души.

Отдавать въ приданое за дочерями тоже было въ обычай того времени, противъ чего не разъ издавались правительственныя запрещенія. Конечно, этимъ путемъ переходили земли изъ рукъ въ руки болѣею частью въ томъ же крестьянскомъ обществѣ; но и между крестьянами случалось, нѣмало такъ много сосредоточивали въ своихъ рукахъ земель, что заводили холопниковъ, и у нѣкоторыхъ крестьянъ холопники считались десятками. Кромя того путемъ приданого земли могли и выходить изъ крестьянскаго общества. Мы уже знаемъ, что въ нѣкото-рой Олонецкой губерніи, въ Обонежѣ по деревнямъ жили разнаго званія люди; тоже было и въ другихъ мѣстахъ. Архангельскій губернаторъ Головинъ въ своемъ заявленіи въ Комиссію уложенія свидѣтельствуетъ, что купцы Великоустюжской провинціи имѣютъ „въ уѣздахъ за собою во владѣніи немалое число государственныхъ черносошныхъ земель“, такъ что „мысли ихъ кумеческія болѣе къ деревенскимъ обрядамъ, нежели къ распространенію коммерціи подвижной биваютъ“. Многие изъ нихъ, „а особливо города Яренска, оставя городъ, живутъ по деревнямъ своимъ и, покушувъ купецкую торговлю, упражняются въ земледѣльствѣ“. А потому очень возможно, что путемъ приданого переходили земли и къ этимъ пришлецамъ деревни.

Наконецъ мы встрѣчаемъ еще одинъ, очень странный способъ передачи общественной земли частнымъ лицамъ. Въ 1751 г. Сенатъ приказалъ отобрать у посаженыхъ людей поморскихъ городовъ всѣ тѣ земли, которыми они владѣли не по жалованнымъ

грамотамъ и которыя за ними по писцовымъ книгамъ не написаны, а приобретены отъ государственныхъ крестьянъ по кунчику и вкладнымъ и впродъ запретить имъ покупать земли отъ черносошныхъ крестьянъ. Но Устюгская провинциальная канцелярія представила на усмотрѣніе Сената, что посадскіе люди поморскихъ городовъ издавна пользуются правомъ владѣть землями, что всѣ эти земли состоятъ на правахъ черносошныхъ, что канцелярія сама раздавала купцамъ опустѣвшія отъ разброда крестьянъ черныя земли „для возобновленія податей въ распахку и въ расчастку“, что если земли съ написанными на нихъ помѣщиками будутъ отобранны у посадскихъ и приписаны къ волостямъ, то въ иераній же годъ на нихъ наконятся недоимка. А потому канцелярія просила Сенатъ разрѣшить посадскимъ людямъ Устюгской провинціи по прежнему владѣть воими принадлежащими имъ землями и даже вновь покупать участки у черносошныхъ крестьянъ. Сенатъ согласился на это въ 1753 году. Сколько земель роздано канцеляріей ми не знаемъ, но очень можетъ быть, что не мало, такъ какъ случаи разброда крестьянъ въ тѣ времена были не рѣдкость.

Чтобъ понять, почему такъ свободно распоразались черносошные крестьяне общественными землями, нужно помнить, что въ то время на сѣверѣ не чувствовалось рѣзкаго различія между частными и общинными землями: всѣ земли, какъ общинныя, такъ и частныя налагали на владѣльцевъ совершенно одинаковыя обязательства по отношенію къ податямъ и повинностямъ, и эти обязательства даже прописывались въ кунчихъ вѣдѣностяхъ. Потому, общинныя земли писались въ писцовыхъ книгахъ участками подворно, за каждымъ дворомъ особый участокъ, и такой участокъ переходилъ въ потомство того двора, за которымъ былъ записанъ, точно частная собственность. Даже когда дворъ вымиралъ, то и тогда общество не рѣшалось взять участокъ, а оставляло его „пустовать“; такъ писали въ своемъ наказѣ крестьяне Тотемскаго уѣзда Сученской волости: „у крестьянъ нѣтъся участки самыя малыя, потому что оиричъ своихъ повитковъ не нѣвѣмъ, а воторыя вымиршія повитыя лежатъ впусть, владѣтъ безъ позволенія по сѣвѣмъ“. Наконецъ еще болѣе уравнивало въ представленіи

крестьянъ тѣ и другія земли то обстоятельство, что присутственныя мѣста одинаково свидѣтельствовали купчимъ крѣпости и закладнымъ, какъ на тѣ, такъ и на другія.

Въ результатъ такого свободнаго распоряженія общинными землями, разумеется, получилось образованіе частныхъ земельнѣхъ собственниковъ изъ купцовъ, посадовыхъ, канцелярскихъ служителей и духовенства, изъ которыхъ перешла огромная масса общественныхъ земель. На сколько значительна была часть земель, перешедшая къ частнымъ собственникамъ, показываютъ слѣдующіе примѣры. Крестьяне Устюгскаго уѣзда Лябельской волости писали въ наказѣ: „деревенскіе владѣльцы (такъ тогда называли частныхъ собственниковъ земли) Устюгскіе купцы Андрей Поповъ, Иванъ Протодьяконовъ, за которыми нашей Лябельской волости разныхъ дѣхъ деревень пашенной земли состоитъ противъ насъ чернососновыхъ крестьянъ, большая половина и сѣянныхъ пчичицныхъ покосовъ и оброчныхъ мѣстъ противъ насъ второе“. Въ Усольскомъ уѣздѣ въ Лальской волости большою частію земель владѣли по закладнымъ и крѣпостямъ посадскіе и купцы Лальскаго посада. Въ Яренскомъ уѣздѣ, въ Турецкой трети кунцамъ Рыбниковымъ принадлежало, кромѣ пашень, покосовъ вдвое больше, чѣмъ было покосовъ у крестьянъ той трети.

Конечно, въ другихъ мѣстахъ процентное отношеніе частныхъ земель къ общиннымъ крестьянскимъ было менѣе, но все-таки очень значительно; раздавались жалобы на стѣсненіе въ земляхъ отъ этихъ владѣльцевъ и въ Олонецкомъ уѣздѣ и въ разныхъ уѣздахъ Вятской провинціи.

Всѣ эти земли, перешедшія къ владѣльцамъ, которые сами не могли обрабатывать ихъ, требовали рабочихъ рукъ. Вотъ на этихъ-то именно земляхъ и процвѣтало полонничество.

Относительно того, изъ кого составился комплектъ полонниковъ, мы имѣемъ свидѣтельства изъ XVIII вѣка о томъ, изъ кого составлялся и какой характеръ имѣлъ этотъ комплектъ полонниковъ въ самомъ XVIII вѣкѣ и въ концѣ XVII вѣка.

Какъ съ одной стороны свободное распоряженіе землями привело частныхъ собственниковъ и передало въ ихъ руки огром-

ную массу общественных земель, такъ съ другой стороны оно же произвело обезземеліе значительной части крестьянъ. Крестьяне Мольской волости Тотемскаго уѣзда писали: „.... почти двѣ трети волости (крестьяне) малоземельныя и скудныя, изъ которыхъ за прежними отцами (отцовъ) ихъ продажами и вовсе земли не имѣется, и хотя де и найдется, то уже самое малое число, почти и во владѣніе вступить не во что, а написанныхъ душъ имѣютъ тѣ малоземельные крестьяне по три и по четыре, и по пяти, и по шести душъ.... и платять подушныя деньги заработными деньгами“.

Какъ земли частныхъ собственниковъ требовали рукъ такъ безземельные крестьяне нуждались въ работѣ. Изъ этихъ-то безземельныхъ крестьянъ и составлялся исподовольно комплектъ половниковъ. По даннымъ переписной книги Сольвычегодскаго уѣзда 1717 г. въ половники сошло крестьянъ въ теченіи 40 лѣтъ 122 человекъ. Устюгская провинціальная канцелярія по поводу Сенатскаго указа 1751 г. объ отобраніи земель отъ частныхъ владѣльцевъ писала въ Сенатъ, что въ половничество переходятъ только обнищавшіе черносошные крестьяне. Духовныя власти Вятской провинціи около того же времени о своихъ монастырскихъ и архіерейскихъ половникахъ писали, что они переселились, вслѣдствіе неимѣнія земли, изъ черносошныхъ волостей съ вѣдома своихъ старостъ. Тоже самое свидѣтельствовали и чернососиные крестьяне. Такъ въ наказѣ Пачосерскихъ крестьянъ говорится: „и тѣ пашенныя земли до нихъ (частныхъ владѣльцевъ) прошеніяжъ отъ разныхъ судебныхъ мѣстъ съ малымъ числомъ написанныхъ изъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ въ половничество ... отъ черносошныхъ крестьянъ за нихъ владѣльцевъ написано“. Черносошные крестьяне прямо смотрѣли на половниковъ, какъ на своихъ братьевъ-чернососиныхъ, только по условію вставшихъ въ извѣстныя отношенія къ владѣльцу земли. Такъ крестьяне Ракульской волости Устюгскаго уѣзда въ своемъ наказѣ, оспаривая право мѣстныхъ землевладѣльцевъ вводить у себя въ отношеніи половниковъ тѣ порядки, какіе дозволены были погнѣщникамъ, писали: „Сіе право..... принадлежитъ до однихъ погнѣщниковъ и вотчинниковъ,

для того, что за ними крѣпостные, а за ними въ половникахъ государственные чернососные крестьяне“.

Наконецъ и правительство въ XVIII вѣкѣ смотрѣло на половниковъ, какъ на часть чернососныхъ государственныхъ крестьянъ. Уже въ первомъ узаконеніи о половникахъ въ указѣ 1725 года узаконенъ былъ свободный переходъ изъ чернососныхъ въ половники и изъ половниковъ въ чернососные, и это было узаконеніемъ уже давно существовавшаго обычая. Когда готовился этотъ указъ, правительство имѣло свѣдѣнія, что половники образовались изъ чернососныхъ крестьянъ, что видно изъ указа 1723 г. Октября 23 числа, гдѣ относительно половниковъ говорится: „когда половники похотятъ отходить въ другія мѣста ко владѣльцамъ или *наши въ чернососныя волости въ крестьянства*“.

Но есть еще свидѣтельство, что нужда загоняла въ половничество не однихъ только чернососныхъ крестьянъ. Соскинъ съ своей исторіи Сольвычегодска пишетъ: „*по тогдашнему иже Строгановыхъ состоянію многіе изъ гражданъ, крестьянъ и разночинцевъ въ вѣчное при долгу холоство и половничество отъ несчастныхъ приключеній даже и самопроизвольно отъ убавиства затишались*“. Этому свидѣтельству Соскина придаетъ вѣроятность слѣдующее мѣсто изъ челобитной горожанъ Сольвычегодска, писанной послѣ большого пожара въ 1656 г. „....но тѣмъ старинъ писцовымъ книгамъ въ Усольскомъ уѣздѣ многія волости зануствѣли, и за тѣ пустыя волости платитъ имъ сироти твои посадскіе людника старинъ невинчатовъ всякихъ Твоихъ Государевыхъ доходовъ съ валоостинни съ крестьянъ по Твоему Государеву указу, въ пятнатцеть тысячъ по четыреста рублевъ на годъ и по се число. А со 157 (1649) году написали въ сѣтную писцы Богданъ Прилонской да подьячей Осипъ Трофимовъ соль посадъ въ сероетъ въ пол-шесты выти..... И отъ таково, Государь, сѣшново вытного навалново прибавишново писма и плати и по прежнимъ писцовымъ книгамъ за пустыя волости, что указано въ пятнатцеть тысячъ и отъ ясской гоньбы по большой Сибирской дорогѣ и къ ружному старостѣ на всеубадни издержки и отъ прежнихъ частныхъ и отъ янгѣшного великово-

ношару, обнищали и обдолжали великими долгами; и отъ такоу, Государь, великіе бѣдности многіе погорѣлые посадскіе людишка бродуть врознь по инымъ городамъ и уѣздамъ; и въ Твое Государеву (стрѣлецкую) службу записывались многіе тяглые посадскіе людишка для тево, что, Государь, жить стало негдѣ, а вновь на посадѣ дворничковъ ставить и заводитъ нечѣтъ; а намъ, Государь, остальнымъ посадскимъ погорѣлымъ людишкамъ съ таково митново наволново писма Твоихъ Государевыхъ податей, даниныхъ и оброчныхъ и стрѣлецкихъ денегъ и въ Сибирской хлѣбной и денжной запасе и въ яскую гоньбу по большой Омской дорогѣ и къ ружному старостѣ и за пустыя волости въ полѣтной платажъ платить стало не въ мочь... и стоимъ мы сироты изъ Твоихъ Государевыхъ доходецъ на правожѣ по вся дни; а правать на насъ сиротахъ Твоихъ и за пустыя посадскихъ тяглыхъ людей мѣста, которые, Государь, отъ таково наволново прибавоново писма разбредлись врознь, а окупиться, Государь, намъ сиротахъ Твоихъ нечѣтъ.“

Прочитавши такую челобитную, ни можемъ подтвердить Соскину, что Сольвычегодскіе горожане подѣ давленомъ тяглыхъ обстоятельство шли въ холопники. Конечно, здѣсь нѣтъ прямо и указанія на это, но здѣсь есть указаніе, что посадскіе брали врознь по уѣздамъ, брали они потому, что не могли обзавестись дономъ и не могли выплачивать податей и стояли изъ этихъ податей на правожѣ по вся дни; всѣ эти причины разброда прямо толкали ихъ въ холопничество: владѣлецъ земля доставлялъ своимъ холопникамъ домъ и негъ за нихъ исъ денежныхъ податей, а стало быть и на правожѣ негъ стоять онъ самъ, а не холопники. Но само собой понятно, что если горожане и шли въ холопники, то все-таки они составляли въ нихъ небольшой процентъ; главная же масса ихъ состояла изъ терщинныхъ государственныхъ крестьянъ.

Г. Селевскій говоритъ, что „платежъ податей возложенъ былъ на землевладѣльцевъ указомъ 1725 года, а въ старину онъ лежалъ непосредственно на холопникахъ“. (Русск. Стар. 1879 г. Мартъ. Каменныя крестьяне. Холопники стр. 380). Это не совсѣмъ такъ: если не вѣстать, что въ некоторыхъ договорахъ платежъ возлагался

на половничествъ, то есть свидѣтельства и противобложина. Обычай было установлено, что всѣ денежные подати несли владѣльцы, а натуральныя повинности—половники, что и было подтверждено послѣдующимъ законодательствомъ, начиная съ 1725 года. А обычай этотъ существовалъ уже въ 1652 г., какъ видно изъ грамоты Царя Алексѣя Михайловича, уже цитированной нами, которою возвращались земли устюжанамъ, прежде отписанныя отъ нихъ.

• Въ этой грамотѣ ясно видно такое раздѣленіе отбыванія повинностей. Напомнимъ буквально, уже разъ цитированное нами, изъ той грамоты: „устюгскимъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ—деревняни..... владѣть.... по прежнему, а *наши вслѣдствіе доходы платитъ тамъ смола*, по волостнымъ и посоннымъ ихъ разрубамъ съ чернослободцами и тѣлыми людьми въ рядъ, сколько по разводу въ ихъ деревни доведется, и *вслѣдствіе наши службы полоски-коль въ крестьянскомъ служивать* съ волостными крестьяны въ рядъ“.

Конечно, всѣ приведенныя нами свидѣтельства о томъ, изъ кого составлялся комплектъ половничковъ, относятся къ XVIII вѣку и концу XVII вѣка—ко времени довольно позднему въ исторіи половничества:—но это обстоятельство не уменьшаетъ ихъ значенія. Во всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ, кромѣ Соскина, важно то, что въ XVIII вѣкѣ половничество не составляло отдѣльной сформированной группы населенія, а означало оно только известное временное состояніе, въ которое свободно входили крестьяне, и выходя изъ котораго они опять становились черносолонными крестьянами, да и находясь въ половничествѣ, они считались крестьянами. Это обстоятельство очень важно въ виду того, что обычай и отношенія, устанавливающіеся въ жизни народной, известны своей живучестью: они переживаютъ цѣлыя ряды вѣковъ не измѣняясь, что особенно справедливо въ отношеніи половничества. А потому, если мы видимъ, что въ XVIII вѣкѣ и въ концѣ XVII вѣка половничество является частью черносолонныхъ крестьянъ, выдѣленною изъ состава крестьянъ только на время и всегда могущею возвратиться въ волость, то, не боясь впасть въ ошибку,—мы можемъ сказать, что оно было таково же и въ началѣ XVII вѣка и въ концѣ

XVI. А къ этому времени, какъ извѣстно, уже принимается время всеобщаго свободнаго передвиженія изъ нѣтнѣ въ нѣтнѣ свободныхъ землевладѣльцевъ, что и составляло характерную особенность холовниковъ въ послѣдующее время. Въ тоже время всеобщаго свободнаго передвиженія, безъ сомнѣннѣя, холовники слязались со всей массой крестьянства и носили особое названіе холовниковъ только по особымъ условіямъ договоровъ, которые они заключали съ землевладѣльцами, какъ нѣтнѣ крестьяне, обрабатывающіе земли *изъ-полу*, называются *испольщиками*, не выдѣляясь нисколько изъ обыкновеннаго крестьянства.

Безъ сомнѣннѣя таково и было первоначальное происхожденіе холовниковъ, что крестьяне брали земли изъ холовники пажити и съ нѣкоторыми обязательствами. Съ теченіемъ времени большая густота населенія и безземельность многихъ крестьянъ заставляла ихъ тѣснѣе пристраивать къ чужой землѣ, явились разнообразныя условія и обязательства и развилось холовничество—своеобразная форма хозяйства,—а потомъ появились и послѣдственные холовники, происшедшіе отъ холовниковъ и сами рождающіе холовниковъ.

Что касается экономическаго значенія холовничества, то на этотъ счетъ существуютъ два диаметрально противоположныя взгляда. Баронъ Гакстгаузенъ, путешествовавшій по Россіи въ 1843 году съ цѣлю изслѣдованія внутренняго быта народной жизни и сельскихъ учрежденій Россіи, находитъ холовничество очень выгоднымъ, чуть не благотѣльнымъ; Семевскій же смотритъ на него, какъ на бѣдствіе, какъ на роднаго брата кабала, хотя и не такого страшнаго, какъ кабала.

Конечно, это двѣ крайности. Что взглядъ Гакстгаузена слишкомъ оптимистиченъ, ясно изъ того, что въ холовники переходили только безземельные и обнищавшіе крестьяне и „отъ несчастныхъ приключеній“ горожане; какъ видно, только нужда могла загнать человека въ холовничество, а это уже не добрый знакъ. Съ другой стороны и взглядъ Семенова нѣсколько грѣшитъ противъ истины: давно открытъ холовникамъ выходъ на казенныя земли и даже обшцано каждому при этомъ пособіе отъ казны, но холовники не бросались на казенныя земли, а остальные на преж-

нихъ мѣстахъ;—стало быть и такъ биться можно. Не все-таки изъ этихъ двухъ крайнихъ мнѣній мнѣніе Семеваго ближе къ истинѣ.

Вопросъ объ экономическомъ значеніи половничества состоитъ изъ двухъ частей: а) какое значеніе имѣетъ половничество въ общей государственной жизни? и б) какое значеніе имѣетъ оно въ частности въ отношеніи самихъ половниковъ?

Въ первой части половничество тѣсно связано съ нѣкоторыми другими сторонами народной жизни, которыя не входятъ въ нашу программу, а потому мы коснемся ихъ лишь мелькомъ.

Гакстгаузенъ говоритъ: половническое право всегда почиталось русскими законодателями выгоднымъ для земледѣлія въ здѣшней странѣ и потому, при пожалованіи земли Государями, являлась она не иначе, какъ на этомъ правѣ. Въ доказательство своего положенія онъ указываетъ на подобныя пожалованія Государей и особенно Петра Великаго и на подтвержденія правъ половниковъ въ послѣдующее время.

Петръ Великій дѣйствительно жаловалъ земли здѣсь купцамъ и дворянамъ на половническомъ правѣ, но мы не знаемъ мотивовъ этихъ жалованій; изъ указываемыхъ—же Гакстгаузеномъ грамотъ 1552 и 1652 годовъ первой мы вовсе не знаемъ, а вторая не можетъ служить основаніемъ для такого положенія, какое выводитъ Гакстгаузенъ; въ ней половники принимаются уже существующими и только. Но если въ древности половничество и дѣйствительно считалось законодателями полезнымъ, то такой взглядъ совершенно измѣнился съ половины прошлаго вѣка. Гакстгаузенъ напрасно не обратилъ вниманія на то, что по 2-й ревизіи въ 1745 году всѣхъ половниковъ считалось 14847 д. м. п.; а во время путешествія Гакстгаузена (по 8-й ревизіи) ихъ считалось уже только 3920 д., и такое уменьшеніе въ теченіи около столѣтія произведено было прямо правительственными мѣрами. Да и раньше второй ревизіи Правительство возвращало половниковъ въ государственные крестьяне:—по переписи 1717 г. въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ однихъ принадлежащихъ духовенству было 1322 д., а по 2-й ревизіи ихъ было уже 502 д. Значитъ, русское Прави-

крестьянство не считало половничество особенно выгоднымъ для здѣшней страны—особенно съ половины прошлаго вѣка. А подтвержденія правъ бывавшія въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ не имѣли того характера, какой приписываетъ имъ Гакстгаузенъ, т. е. упрежденія половничества. Подтвержденія въ теченіи этого столѣтія были двухъ родовъ: во первыхъ, подтвержденія правъ половничества въ огражденіе ихъ отъ посягательствъ владѣльцевъ; во вторыхъ подтвержденія правъ собственности на земли и эти послѣднія, подтвержденія были чисто юридическаго характера,—дѣлались они то въ уваженіе къ давности владѣнія, то въ уваженіе къ актамъ владѣнія, для поддержанія авторитета актовъ вообще. Хорошо знакомый съ половничествомъ по условіямъ своей службы, Архангельскій губернаторъ Головинъ находилъ нужнымъ отобрать полонниковъ отъ купцовъ и земли ихъ прописать черносопнымъ водостаямъ, о чемъ и доводилъ до свѣдѣнія Комисіи уложенія; того же самаго преслалъ въ комисію и государственные черносопные крестьяне.

Такъ весьма вѣроятно, что половничество являлось бременемъ въ народной жизни; да наконецъ самый фактъ появленія безземельныхъ сельскихъ обывателей можетъ ли считаться условіемъ выгоднымъ въ народной жизни?

Беснувшись того, какое значеніе имѣло половничество въ общей государственной жизни, мы перейдемъ теперь ко второй части вопроса, а именно рассмотримъ—какое значеніе имѣетъ половничество для самихъ полонниковъ.

Въ началѣ статьи мы выписали главныя пункты Положенія о Половникахъ; теперь мы представимъ самыя контракты, которые дожились въ основу жизни полонниковъ на чужихъ земляхъ.

Вотъ сущность порядной 1648 года, какъ она излагается у Семеновскаго, по которой двое полонниковъ взяли во владѣніе церковную землю. По условію, заключенному ими со старостомъ и причтомъ церкви, они получили землю на три года отъ Юрьева осенняго дня, работать они обязались на трехъ лошадахъ и со своими земледѣльческими орудіями, а съѣзна давались отъ церкви. Чистый урожай дѣлился на пять частей: три части шли въ пользу

церкви, а двѣ половники; сѣно и солому получали половником. Кроме того, они могли воздѣлывать въ своемъ пользу выкупный и конопляный огородъ. Они обязаны были свезти на поле удобрѣнiе со двора, улицы и гумна, да еще привезти его въ Устье по 100 везовъ на каждую лошадь; ту часть хлѣба, которая шла съ нихъ пашни въ пользу владѣльца, они обязаны были, если прикажутъ, свезти на своихъ лошадахъ въ посадь; и также возить церковными дрова. Наконецъ, они должны были построить небульзъ: готового лѣса и передѣлать сарай. Если по истеченiи урочныхъ лѣтъ они не выполнятъ того, что обязались, то староста могъ выскочить съ нихъ 2. руб.; за медовозку каждаго вова удобрѣнiя они платили по алтыну“.

А вотъ контрактъ, заключенный въ 1858 году: землевладѣльцемъ Велико-Устюжскимъ мѣщаниномъ съ пятью половниками „...я нижеподписавшійся.... по добровольному соглашенiю съ полковничествующими крестьянами..... принять и означенныхъ половниковъ для жительства на крѣпостной моей землѣ, стоящей..... въ деревняхъ Филатовѣ и Винавкѣ срокомъ впередъ на двадцать лѣтъ и: отдать имъ во владѣнiе до окончанiя упомянутого срока пахотной и сѣнокосной земли съ лѣсомъ и: прочими угодьями съ тѣмъ, что они во время пользованiя сою землю обязуются выполнять нижеслѣдующее: 1) Хлѣбопашество производить какъ должечестнаго и трудолюбиваго крестьянина повелѣвать; стараться всемѣрно о приумноженiи всякаго плода для пользы общей, пахотную землю удобривать уваживанiемъ изъ своего и ховайскаго двора въ навозомъ, удобную къ распашкѣ землю вновь распашивать, на старыхъ поляхъ неспаханыхъ покосъ не оставлять; стараться борозды поправлять и гдѣ нужно для стока воды дѣлать ровныя. 2) На сѣнокосныхъ мѣстахъ, какія есть особенныя для собственности половникомъ, равно и владѣльца покосы, если гдѣ покосы окажутся кусты, расчищать, сырые мѣста камышами обухать и луговныя отъ всякаго наезнаго и валежнаго дрягу очищать и отъ свиропыи оберегать. 3) Работу хлѣбопашенную и сѣнокосную производить въ надлежащее время; по дождчаню отнюдь отъ владѣльца или его приказчика наряду, на собственныхъ земляхъ.

лошадяхъ и своимъ семействомъ, съ принадлежащими къ тому своимъ орудіями. 4) Насѣвать хлѣбъ владѣльческими всякаго рода сѣмяннами, кои приготовлять самыя лучшія и увѣянныя, съ цѣлю урожаемой хлѣбъ убирать съ полей не сырой и присохлой благо- временно и сѣшно, прикрывая въ кладахъ оной соломой крѣпко, на овинахъ сушить съ крайнею осторожностію, сушки и молотбы хлѣба безъ позволенія владѣльца или его приказчика не начинать, молотить безъ упущенія времени не доводя отнюдь по небрежности своей до Декабря или Января мѣсяцевъ, вороховъ съ невѣян- нымъ хлѣбомъ не накапывать, тайнаго мохнщенія хлѣба и сѣна не чинить, и если кто изобличенъ будетъ, то за сіе подвергается себя строгой отвѣтственности. 5) Весь прибыльный хлѣбъ за отда- чю сѣмянъ дѣлить съ владѣльцемъ пополамъ, и принадлежа- щую часть владѣльца по надобности отвозить въ городъ Устюжъ на собственныхъ своихъ лошадяхъ, не требуя за то отъ владѣльца платы, ржанна и яровна сѣмена предоставляются въ пользу по- ловниковъ, сѣно какъ въ поляхъ, равно и луговое дѣлить съ вла- дѣльцемъ пополамъ, каковаго на сторону не продавать, льновъ на поляхъ не сѣять, а для домашней надобности посѣвать оныя на новинкахъ, не истребляя однако же строеваго лѣсу, косяго и на собственныхъ свои постройки безъ позволенія владѣльца не рубить. 6) Огороды (ягороды) и осѣки содержать во всякой исправности, дабы отъ небреженія половниковъ никому никакого вреда не было. 7) Владѣльцу или его приказчику быть во всякомъ послушаніи и нужныя для дому владѣльца совѣтныя потребности исправлять безъ-отговорочно, и сверхъ сего выставлять въ домъ владѣльца въ деревню Мездриню съ каждаго по 2 сажени дровъ. 8) Смотрѣніе за магазинномъ лежитъ на обязанности половниковъ. 9) Рекрут- скую повинность и сопряженныя съ нею расходы выполнять самимъ половникамъ, не требуя отъ владѣльца никакого пособія, магази- ной хлѣбъ вносить въ магазинъ бездомнично изъ общаго урожая, до раздѣла хлѣба, за которыхъ я владѣлецъ обязуюсь платить государственныя подати и повинности съ свое время бездомнично и исполнять всѣ правила въ упомянутомъ Положеніи о Половникахъ изъясненныя“.

Земли предоставлено этимъ пяти половникамъ 4 сохи.

Вотъ фундаментъ благосостоянія половниковъ.

Эти два контракта, по времени отстоящіе одинъ отъ другаго на цѣлыхъ два столѣтія, по сущности точно составлены вмѣстѣ или даже списаны одинъ съ другаго;—практика жизни до такой степени выработала обычай половничества, что и два столѣтія не проказали въ немъ никакихъ перемѣнъ, а между тѣмъ въ эти два столѣтія начался и закончился весь періодъ законодательства о половникахъ. Въ обоихъ контрактахъ очень мало обязательствъ со стороны владѣльцевъ и очень много со стороны половниковъ, въ обоихъ одни и тѣже не только главные пункты половничества, установленные въ Положеніи о Половникахъ, но даже второстепенные—тотъ же отвозъ хозяйской части хлѣба въ Устюгъ, таже возка дровъ. Правда, въ порядной XVII вѣка нѣтъ седьмого пункта нынѣшняго контракта, но, вѣдь, въ то время не было и Положенія о Половникахъ, тогда не было въ законѣ статьи: „Владѣльцы земель отнюдь не должны налагать на половниковъ никакихъ другихъ повинностей и службъ, кромѣ относящихся до земледѣлія и сельскаго хозяйства на участкахъ, въ пользованіи половниковъ находящихся, и положенныхъ въ условіи, развѣ сами половники добровольно будутъ на то согласны“. А появилась такая статья въ законѣ, появилась и въ добровольныхъ контрактахъ статья: „Владѣльцу или его приказчику быть во всякомъ послушаніи и нужныя для дому владѣльца совѣстныя потребности исправлять безъ-отговорочно“. А этотъ пунктъ условія былъ всегда чрезвычайно важнымъ и владѣльцы его всегда оберегали. Точно также и условіе о податяхъ въ XVII вѣкѣ подразумѣвалось само собою, и тогда подати платила та сторона, которая принимала это на себя. Только рекрутская повинность да магазинныя свидѣтельства, что эти контракты писаны не въ одно время, что послѣ перваго до послѣдняго протекло время, въ которое народились и рекрутская повинность и запасные хлѣбные магазины. Но эти два новыхъ условія, очевидно, нисколько не измѣняютъ сущности половничества; какнижъ оно было въ половинѣ XVII вѣка, такнижъ же осталось и въ половинѣ XIX вѣка.

Гакстгаузенъ говоритъ, что владѣльцы обяваны въ неурожайные годы кормить холольниковъ виолнѣ, или только отчасти помогать имъ въ прожитаніи. Мы не имѣли подъ руками полнаго Положенія о Холольникахъ, но въ IX томѣ Свода Законовъ, куда внесены всѣ главные пункты Положенія, такого обязательства нѣтъ, тогда какъ точно такое обязательство помещиковъ въ отношеніи крѣпостныхъ людей есть въ этомъ томѣ; въ приведенномъ нами контрактѣ тоже не упомянуто такого обязательства; наконецъ и самъ Гакстгаузенъ, приводя главные пункты Положенія въ концѣ своей статьи, въ числѣ ихъ не приводитъ этого важнаго обязательства; — а потому мы и не знаемъ, откуда онъ получилъ свѣдѣніе о такомъ обязательствѣ. Если онъ слышалъ объ немъ, какъ объ обычѣ, то такой обычай долженъ былъ существовать и въ промежутокъ вѣка; но мы должны сказать, что намъ нигдѣ не попадалось извѣстія о такомъ обычѣ. У Осеевскаго есть свидѣтельство, что иногда на хозяйскихъ работахъ холольники получали хозяйскіе харчи, а объ этомъ обычѣ не упоминается.

Теперь посмотримъ, какое званіе благосостоянія выстраивалось на этомъ, неизбѣжномъ, въ теченіи вѣковъ, фундаментѣ.

Холольники за пользованіе землей платятъ половину урожая какъ хлѣба, такъ и сѣна; но при маломъ количествѣ луговъ сѣно все идетъ холольнику, а дѣлятъ только зерновой хлѣбъ.

Гакстгаузенъ признаетъ, что „на столь далекомъ Сѣверѣ, холодна, нажина есть необыкновенно высокая цѣна за пользованію землей, и съ перваго взгляда нельзя даже понять, какъ крестьянинъ можетъ существовать на такихъ условіяхъ. Очевидно, что половина ужина, доставляющая на его долю, едва достаточна для прокормленія его самого съ семействомъ и скотомъ“. И объясняетъ это существованіе Гакстгаузенъ: свойствами сѣвернаго климата и русскаго челоука: „Въ продолженіе семи или восьми мѣсяцевъ въ году всѣ полевныя работы здѣсь прекращаются, а Русскіе отличаются между тѣмъ способностью и склонностью всякаго рода промысламъ. Холольникъ на зимнюю иль землю смотритъ не какъ на единственное средство существованія, а какъ на постоянное средоточіе, откуда онъ можетъ удобно и безопасно

развивать свою дѣятельность. Четыре мѣсяца занимаемы бытъ сельскими работами и онѣ, не доставляя ему ничего для удовлетворенія прочихъ потребностей, доставляютъ однако же пропитаніе. Остаются затѣмъ еще восемь мѣсяцевъ, которые онѣ можетъ употребить и употребляетъ на удовлетвореніе другимъ своимъ домашнимъ надобностямъ, на то, чтобъ нажить себѣ денегу. Въ это время половники, какъ и всѣ другіе русскіе крестьяне, занимаются какимъ нибудь ремесломъ, пускаются въ обороты, ходятъ на охоту, торгуютъ мѣхами, промышляютъ извозничествомъ. Такимъ образомъ выходитъ, что люди эти вообще наслаждаются довольствомъ, а многие изъ нихъ наживаютъ даже значительное состояніе. Обезпеченность ихъ положеніемъ имѣетъ благоприятное вліяніе и на нравственность половниковъ; они основательнѣе во всѣхъ своихъ дѣлахъ, честны и хранятъ просто и добрыя нравы“.

Вотъ какъ оцениваетъ половничество Гакстгаузенъ; но такъ ли на самомъ дѣлѣ все обстоитъ благополучно и прекрасно?

По словамъ Гакстгаузена выходитъ, что какъ будто половничество выгоднѣе остальнаго крестьянскаго состоянія, онѣ даже прямо употребляетъ сравнительную степень — половники „основательнѣе“ — и выводитъ это изъ обезпеченности положенія. Но почему же половники, платящій за пользованіе землею необходимо высокую цѣну, обезпеченнѣе государственнаго крестьянина, не платящаго такой высокой цѣны? Вѣдь, и для государственнаго крестьянина дѣло тоже въ четыре мѣсяца, а зима въ восемь, и государственный крестьянинъ есть сынъ того же русскаго народа. Очевидна выгода въ этомъ восхваленіи половничества. Но, дѣлѣ Дѣйствительно, можно было бы пользоваться половниками довольствомъ, еслибъ они, приобретая пропитаніе для себя и для скота въ четыре мѣсяца въ году, располагали восьмью мѣсяцами на удовлетвореніе остальныхъ нуждъ; только такъ ли это?

Въ первой XVII вѣка значится обязательство двухъ половниковъ на трехъ лошадахъ свезти на поле удобреніе со двора, улицы и гумна, да еще привезти его изъ Устюга по 100 воевъ на лошади. Возка удобрения со двора и улицы, извѣстно, производится въ опредѣленное лѣтнее время, — въ такъ называемую

„наземцу“, но съ гумна она производится уже осенью, когда нужно очистить гумно для молотбы хлѣба, и такимъ образомъ эта, по видимому лѣтняя работа уже выходитъ изъ тѣхъ четырехъ мѣсяцевъ, которые сосчиталъ Гакстгаузенъ для сельскихъ работъ половника; возка же изъ Устюга никакъ не можетъ войти въ кругъ лѣтнихъ работъ,—она должна производиться зимою, такъ какъ лѣтомъ нѣтъ на нее времени. Въ порядной не значится: далеко ли отъ Устюга находилась взятая половниками церковная земля, но мы знаемъ, что самая ближняя церковь отъ Устюга находится въ 5 верстахъ; а на такое разстояніе половники могли свезти въдень никакъ не болѣе двухъ возовъ на лошади, считая и наладку удобренія на возы въ Устюгъ, и дороги, и свалку съ возовъ на полѣ. Такимъ образомъ они должны были за ту же половину нашин работать еще зимою по меньшей мѣрѣ 50 дней или цѣлыхъ два мѣсяца, если позволяли себѣ отдыхъ по праздникамъ. Но если они не могли каждый день вывозить аккуратно по два воза, а иногда вывозили и по одному, то зимняя работа будетъ еще продолжительнѣе. Да кромѣ того, они обязаны были еще возить дрова, что производится тоже зимою, да отвезти владѣльческую часть хлѣба въ посадъ, что тоже происходитъ зимою, такъ какъ молотба хлѣба оканчивается поздней осенью или даже и зимою. Да и самая молотба уже далеко выходитъ изъ четырехмѣсячнаго періода сельскихъ работъ. Такимъ образомъ уже условія порядной заставляютъ половниковъ работать за свое прокормленіе не только все лѣто но и значительную часть зимняго періода. А кромѣ этихъ обусловленныхъ работъ была еще масса работъ необусловленныхъ въ порядной, но тѣмъ не менѣе обязательныхъ для половниковъ, именно тѣхъ работъ, которыя въ нижншемъ контрактѣ выговорены въ пунктѣ седьмомъ словами: „Владѣльцу или его приказчику быть во всякомъ послушаніи и нужныя для дому владѣльца совмѣстныя потребности, исправлять безъ-отговорочно“. А эти совмѣстныя потребности, какъ видно изъ жалобъ половниковъ въ Комисію уложенія, состояли въ томъ, что половники должны были возить въ городъ владѣльца и его привазчиковъ, обдѣлывать владѣльческій лѣтъ, прясть его и ткать,—и все это ложилось на

заниное, по Гакстгаузену свободное, время. Ясно, что за всѣми этими работами половнику оставалось очень не много времени на удовлетвореніе прочихъ нуждъ въ XVII столѣтіи. Да не больше остается и въ XIX. Мы видимъ, что и въ нынѣшнихъ контрактахъ вносился пунктъ, дающій полный просторъ требовательности владѣльцевъ и обязывающій половниковъ исполнять всѣвозможныя службы подъ именемъ „нужныя для дому совмѣстныхъ потребностей“. Нѣтъ въ нынѣшнемъ контрактѣ требованія по 100 возовъ удобренія съ лошади, но это можетъ быть простой случайностью попавшаго намъ контракта; можетъ быть, земля, отданная по этому контракту, отстоитъ такъ далеко отъ Устюга, что подобное условіе вовсе невозможно, а въ другихъ—такая возка очень возможна, какъ условіе прямо относящееся къ земледѣлію; но за то въ нашемъ контрактѣ есть требованіе—выставлять владѣльцу въ деревню Мездрино дровъ по 2 сажени съ каждаго половника, и эта работа падаетъ на свободное заниное время. Мы не знаемъ, далеко ли отъ мѣста жительства половниковъ находилось это Мездрино, а потому не можемъ въ точности опредѣлить всего значенія этого обязательства; но если даже оно находилось въ одной верстѣ (ближе предполагать не возможно по мѣстнымъ условіямъ заселенія края), то и тогда выставку двухъ сажень дровъ съ человѣка нужно считать недѣлями, такъ какъ въ эту выставку входятъ: рубка въ лѣсу съ корня, вывозъ изъ лѣса, рубка на дрова и доставка къ мѣсту назначенія. Потомъ и въ нынѣшнемъ контрактѣ значится отвозъ въ Устюгъ владѣльческой части хлѣба; и нынѣ молотьба производится глубокой осенью. И все это, какъ видимъ, ложится на заниное время.

Такимъ образомъ видно, что ни въ XVII, ни въ XIX вѣкѣ даже по контрактамъ не оставлялось свободныхъ восьми мѣсяцевъ на удовлетвореніе прочихъ потребностей. И выходитъ, что половникъ работаетъ за одно свое пропитаніе гораздо больше времени, чѣмъ рассчиталъ Гакстгаузенъ.

Потомъ Гакстгаузенъ признаетъ едва достаточнымъ для одного пропитанія половнику ужина, т. е. половину всего того, что извлекаетъ половникъ изъ земли въ формѣ хлѣба и сѣна. Но на самомъ

дѣлѣ оказывается, что половникъ на свою долю не получаетъ и половины ужина, слѣдующей ему и по условію и по закону.

Во 2-мъ пунктѣ приведеннаго нами контракта говорится: „На сѣновосныхъ мѣстахъ, какія есть особенныя для собственности половниковъ, равно и владѣльца *пожни*.....“; а въ 5-мъ пунктѣ сказано: „сѣно какъ въ поляхъ, равно и луговое дѣлится съ владѣльцемъ пополамъ...“ Изъ этихъ двухъ мѣстъ контракта, касающихся сѣнныхъ покосовъ, видно, что въ этомъ мѣстѣ, населенномъ половниками, сѣнные покосы дѣлятся на три части: есть участки, съ которыхъ все сѣно идетъ въ пользу половниковъ, есть *пожни*, съ которыхъ все сѣно получаетъ владѣлецъ, и есть покосы—поля и дуга,—съ которыхъ сѣно дѣлится пополамъ. Такой порядокъ дѣленія сѣнныхъ покосовъ не есть новизна въ нынѣшней жизни половниковъ, онъ существовалъ и въ прошломъ вѣкѣ и вызывалъ жалобы половниковъ. Въ одномъ наказѣ они писали: „владѣльцы лучшими сѣнными покосами владѣютъ, и когда сѣнные покосы поспѣютъ, то мы половники, и съ женскимъ своимъ поломъ сѣно косимъ и возимъ на своихъ конѣхъ недѣль по шести, изъ котораго сѣна мы половники ничего не получаемъ“. Въ другомъ наказѣ говорится: „лучшія пожни хозяева отобрали, на которыхъ нами поставляется ежегодно по 80 копеекъ, и то сѣно оныя хозяева всегда продаютъ стороннимъ людямъ, а насъ оставляютъ безъ сѣна, и прикупаемъ со стороны“. Изъ этихъ выдержекъ видно, что значать владѣльческія *пожни* и если въ нашемъ контрактѣ упоминаются еще участки *для собственности половниковъ*, то по всей вѣроятности они созданы только для замаскированія неравенства дѣлежа:—они не называются пожнями, а владѣльческіе участки прямо *пожни*. И выходитъ, что половники, работая и лѣто и значительную часть зимы, оставляются безъ сѣна и прикупаютъ его со стороны.

Но тяжесть выдѣленія въ пользу владѣльцевъ этихъ поженъ не ограничивается тѣмъ, что половники остаются безъ сѣна: половники должны убивать на нихъ очень много дорогого лѣтняго времени; „половники и съ женскимъ поломъ сѣно косятъ и возятъ на своихъ конѣхъ недѣль по шести“. А объ этой потерѣ

времени такъ сообщалъ Комисіи Архангельскій губернаторъ Головцинъ: „кушцы надъ половниками во всеиъ власть свою распространяють и какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ на нихъ, кушцовъ, всякую работу исправляють, отчего для своего пропитанія лишаются удобнаго къ посѣву такъ же къ сѣнокосу и жатвѣ времени, *понеже хлѣбъ посѣваютъ и сѣна они снимають на часть свою всегда послѣ тѣхъ своихъ хозяевъ*, затѣмъ иногда хлѣбъ у нихъ повреждается морозами, а сѣна отъ дождей бывають худы и скоту непитательны“.

А какой мѣрой измѣрить эти убытки половниковъ? Выходить, что не только меньше половины получаютъ половники, но они получаютъ свою долю еще и худшаго качества.

Изъ словъ Головцина видно, что въ прошломъ вѣкѣ также къ участки дѣлились въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и хлѣбныя поля, и хозяйская часть обрабатывалась раньше половничьей. Сохранился ли такой порядокъ у кого либо изъ владѣльцевъ до нынѣ, мы не знаемъ; только въ контрактѣ 1858 г. нѣтъ его, сѣнокосныя же пожни выдѣлены и въ этомъ контрактѣ, какъ онѣ выдѣлялись и въ прошломъ вѣкѣ.

Но и всѣмъ этимъ еще не окушалась достававшаяся половнику доля урожая, отъ него требовалось еще больше. Наша выписка изъ сообщенія Головцина начинается общей фразой: кушцы надъ половниками „во всеиъ власть свою распространяють“.

Изъ половничьихъ наказовъ и изъ заявленій крестьянскихъ депутатовъ въ Комисію видно опредѣленно, въ чемъ заключалось это распространеніе власти въ прошломъ столѣтіи. Такъ мы узнаемъ, что половники у разныхъ хозяевъ несли слѣдующія обязанности кромѣ полевыхъ работъ: передѣлывали хозяйскій овесъ на крупу и толокно, сушили ячмень, собирали ягоды, грибы, солили губки (грибы идущіе въ соль, которые около Вологды называются „губиной“ напр. рыжики), собирали камни, вязали вѣнки, пасли хозяйскій скотъ (у одного подъячаго половники ежегодно набирали полтора четверика ягодъ, насаливали шестьдесятъ ведеръ губокъ, связывали триста вѣнковъ; у другого хозяина собиралось съ каждой лошади по рѣшету черешухи; у третьяго—съ каждой сохи по 2¹/₂ ф.

льну и по 5 аршинъ холста); потомъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ собирали съ половниковъ даже деньги отъ 60 к. до 1 р. 20 к. съ сохи „пожилыя доньги“. Наконецъ они *распространяли свою власть* даже на личность половниковъ: подвергали ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ, брали во дворъ, женили по своему усмотрѣнію и по своему усмотрѣнію сдавали въ рекруты. Изъ этого послѣдняго правонарушенія нѣкоторые сдѣлали для себя даже выгодный промыселъ: если наборъ былъ по одному рекруту съ 500 душъ, то владѣлецъ, имѣвшій 20 половниковъ, отдавъ одного рекрута, собиралъ деньгами стоимость рекрута съ тѣхъ, кто долженъ былъ участвовать въ его поставкѣ.

Такъ владѣльцы распространяли свою власть надъ половниками въ прошломъ вѣкѣ. А при разсмотрѣніи вопроса объ экономическомъ положеніи половниковъ чрезвычайно важно обращаться къ даннымъ прошлаго вѣка, потому что этотъ вѣкъ стоитъ въ серединѣ между XVII и XIX вѣками, а обычай половничества, какъ мы видѣли, сохранился почти неизмѣнными въ эти два вѣка; но главное важно потому, что имъ раньше, имъ послѣ не было такъ громко и полно заявлено о нуждахъ половниковъ, какъ то было заявлено во второй половинѣ прошлаго вѣка, по случаю созванной тогда Комиссіи уложенія.

Конечно не всѣ эти поборы и посягательства виѣстѣ выпадали на долю однихъ и тѣхъ же половниковъ, но на долю каждаго изъ нихъ выпадала только часть всего этого; но и части эти были такъ значительны, что половники доведены были до нищеты и убожества, какъ заявилъ въ Комиссіи депутатъ отъ черносошныхъ крестьянъ—Ключаревъ.

На всѣ эти невгоды половники жаловались въ Комиссію уложенія, когда они получили право и случай заявить о своихъ нуждахъ; раньше же этого времени они не смѣли роптать на свою судьбу; такъ какъ владѣльцы расправлялись за такой ропотъ очень круто и каждый по своему. Черносошные крестьяне Орловскаго уѣзда, Вятской провинціи, заявляли, что купцы работами половничьими, завели.... для пріѣзду своего, яко помѣщика, сады, огороды и пруды, а ежель-жъ половники тѣхъ кущовъ чѣмъ

ни есть хотя не много прогнѣваютъ словами о излишней работѣ, то отъ себя ихъ изъ деревень во крестьянство безъ земли отсылаютъ, а другіе хотя и съ землею, но тѣ земли приведены къ неплодородію за хозяйскими работами, и особливо сбереженны прежними хозяевами лѣса нынѣ тѣми жъ купцами вырублены, и привели ихъ въ опустѣніе, а тѣмъ купцамъ владѣть прибытку не стало приходиться, и затѣмъ отказываютъ, и видя тѣхъ половниковъ слезы, и особливо скудость, что не только имѣли-бъ впредь къ пропитанію себя хлѣба, но и платье совсѣмъ ветхое, принуждены ихъ крестьяне принять въ свое смотрѣніе. Въ наказѣ другой черносопной волости говорится: „не безъ примѣчанія, что который владѣльцу половникъ противъ его прихоти хотя мало въ чемъ не услужить, того въ рекруты и отдаетъ, не разсуждая и не сожалѣя, очередь ли ему идти или нѣтъ“.

Понятно, что такія расправы могли заставить половниковъ молчать и повиноваться. А какъ половники молчали, то даже въ правительственныхъ сферахъ существовало мнѣніе, хотя оно и не всѣми раздѣлялось, что тамъ все обстоитъ благополучно. Когда Первый Департаментъ Сената въ 1764 году высказался за отобраніе половниковъ отъ купцовъ и за переводъ ихъ на казенныя земли, то Общее Собраніе Сената не согласилось на это, основываясь на томъ, что изъ крестьянъ въ половничество выходятъ совершенно бѣдные и что неудовольствія отъ этого до того времени никакого не было; надо только наблюдать, чтобы крестьяне жили въ половникахъ по доброй волѣ.

На заявленія о бѣдственномъ положеніи половниковъ въ Комисіи возражалъ депутатъ отъ города Великаго Устюга Плотниковъ; но онъ въ своемъ возраженіи только подтвердилъ все высказанное, напр. на заявленіе о томъ, что владѣльцы присвоили себѣ право сдавать по своему произволу половниковъ въ рекруты, онъ говорилъ: „выбираютъ въ рекруты изъ лѣнливыхъ и не приобмыкшихъ къ хлѣбонашеству людей“. Но мы уже знаемъ, какъ владѣльцы опредѣляли эту лѣнливость. Вообще на всѣ жалобы Плотниковъ говорилъ: если половники „всколебались въ своемъ состояніи, то причина тому волостные сотскіе“, которые „упомышля

издревле ненавистью къ купечеству“, собирають половниковъ въ свои земскія избы и тамъ стараются тайно увѣрить ихъ въ томъ, что если они будутъ жаловаться, то ихъ отберутъ у купцовъ и припишутъ къ волостямъ: „и вотъ половники ввѣряютъ имъ слѣныя свои просьбы, а сіи безстыдно отправляютъ ихъ къ сочиненію проекта новаго уложенія“.

Мы не будемъ останавливаться на томъ, на сколько правдоподобно это объясненіе, для насъ важно то, что самъ Плотниковъ, депутатъ г. Устюга, слѣдовательно депутатъ владѣльцевъ, признаетъ, что *отобрание отъ купцовъ и приписаніе къ волостямъ* мелькало предъ очами половниковъ, какъ едва возможное счастье. Наконецъ Плотниковъ погорячившись и прямо сознался въ бѣдственномъ положеніи половниковъ, — онъ говорилъ: „Вся рѣчь господина депутата Ключарева ведется о купцахъ и склоняется къ ихъ только порицанію; но о себѣ и о другихъ подобныхъ онъ ничего не упоминаетъ (Ключаревъ — депутатъ черносошныхъ крестьянъ самъ имѣлъ собственную землю и на ней 70 душъ половниковъ); говорить только, что купцы напрасно владѣютъ землями, купцы напрасно владѣютъ половниками, довели купцы ихъ до самой крайности: но самъ онъ и прочіе владѣютъ землями не напрасно, владѣютъ половниками законно, и у нихъ они находятся въ благоденственномъ и выгодномъ состояніи“.

Вообще въ прошломъ вѣкѣ сознаніе тяжелаго положенія половниковъ было такъ сильно, что Соскинъ ставитъ половничество рядомъ съ *вѣчнымъ при домѣ холопствомъ* и говоритъ, что шли въ него только отъ несчастныхъ приключеній и отъ убожества.

Таково было положеніе половниковъ въ прошломъ вѣкѣ: — нищета и убожество естественныя послѣдствія такого положенія. Но мы уже видѣли, что большая часть обязательствъ половниковъ и порядковъ половничества изъ прошлыхъ вѣковъ перешли и въ настоящій; а потому, очевидно, невозможно, чтобъ нынѣ половники такъ благоденствовали, какъ рассказываетъ Гакстгаузенъ. Конечно, посягательства на личность нынѣ не возможны; но обре-

мененіе работами продолжается старое. Нынѣ не собираютъ денегъ; но развѣ не равносильно денежному сбору условіе, поставленное во 2-мъ пунктѣ контракта: „владѣльца пожни, если гдѣ на оныхъ окажутся кусты, расчищать, сырыя мѣста каналами осушать...“ Только сельскій хозяинъ знаетъ, какихъ золотыхъ денегъ стоитъ осушеніе сырыхъ мѣстъ каналами. А тутъ поставляется въ обязательство половникамъ *осушать*, и осушать пожни владѣльца, а не только тѣ земли, съ которыхъ урожаемъ пользуется и половникъ. А потомъ еще этотъ безпредѣльный 7-й пунктъ контракта въ какое положеніе ставитъ половника передъ владѣльцемъ? Развѣ въ него не могутъ входить, кромѣ подводъ, еще ягоды, и холсты, и грибы, и вѣники и прочія, и прочія очевидно нужныя для дому владѣльца вещи? Самъ Гакстгаузенъ свидѣтельствуетъ, что крестьяне Никольскаго уѣзда боятся вступать въ половничество, опасаясь, чтобъ не попасть въ кабалу, „примѣръ чему они дѣйствительно имѣютъ передъ глазами въ южной части уѣзда“, прибавляетъ онъ. Значитъ и Гакстгаузенъ имѣлъ случай замѣтить, что половничество—подозрительное благодѣяніе для половниковъ. Долго спустя послѣ путешествія барона Гакстгаузена, именно въ 1875 году, въ томъ же Никольскомъ уѣздѣ произошло такое столкновеніе половниковъ съ землевладѣльцомъ, что въ него пришлось вмѣшаться администраціи.

Послѣ всего этого, конечно, странно толковать о благоденствіи половниковъ.

Единственными выгодами половничества, такимъ образомъ, остаются только *хозяйскій домъ* и *хозяйскій платежъ податей*. Какая бы бѣда ни разразилась надъ половникомъ, какой бы неурожай ни постигъ его, онъ всегда будетъ имѣть кровь и подати будутъ уплачены, а это, безспорно, очень важно: половникъ можетъ быть покоенъ, что его платежныя средства гарантированы. Потомъ Гакстгаузенъ говоритъ, что владѣльцы вездѣ заступаются за половниковъ. Это возможно, возможно что это было въ обычаѣ и въ прежніе вѣка, на что есть указанія и въ документахъ;—для владѣльцевъ это не составляетъ никакихъ затрудненій, но для половниковъ—людей темныхъ—такое заступни-

чество очень важно и особенно важно было въ старыя времена, потому оно и вошло въ обычай.

Эти-то немногія выгоды при всёхъ прочихъ невыгодахъ и дѣлаютъ половничество такимъ, что въ немъ „биться можно“.

Вотъ каково экономическое значеніе половничества по отношенію къ самимъ половникамъ.

Такимъ образомъ не только въ отношеніи къ общей народной жизни, но и въ отношеніи къ половникамъ, половничество являлось не такимъ, чтобъ его можно было желать; а отсюда понятно постоянное стремленіе Правительства защитить половниковъ отъ посягательствъ владѣльцевъ и возвратитъ ихъ въ состояніе государственныхъ крестьянъ. Мы говоримъ *постоянное* стремленіе потому, что это стремленіе проходитъ черезъ всю исторію половничества и, если и были моменты, когда Правительство не стремилось перевести половниковъ въ государственные крестьяне, какъ напр. при Петрѣ Великомъ, то эти моменты были только паузы въ стремленіи, но и въ эти моменты свободный переходъ половниковъ въ крестьянство былъ открытъ для нихъ, а равно и мѣры къ защитѣ ихъ принимались и въ эти моменты. Въ то время лучшимъ средствомъ защиты признавался свободный переходъ ихъ отъ одного владѣльца къ другому, и это право было узаконено уже въ самомъ первомъ Указѣ о половникахъ въ 1725 году; въ немъ было постановлено, что половники живутъ у владѣльца до тѣхъ поръ, „пока похотятъ“. Что такой переходъ дѣйствительно былъ нѣкоторымъ средствомъ защиты, это видно изъ того, что владѣльцы не разъ хлопотали объ отнятій этого права у половниковъ, а какъ Правительство никогда не соглашалось на это, то они даже устраивали между собою соглашенія не принимать другъ отъ друга половниковъ съ цѣлію уничтоженія этихъ переходовъ. Конечно, половники очень умѣренно пользовались этимъ правомъ, имъ приходилось дорожить мѣстомъ, такъ какъ въ прошлыя вѣка сверхъ половниковъ была масса обезземеленныхъ бобылей, которые всегда могли занять освободившееся половническое мѣсто на частной землѣ,—по все-таки это было право половниковъ.

Результатомъ такого постояннаго стремленія Правительства

было постепенное уменьшеніе половниковъ. Въ XV вѣкѣ половники были въ нѣнѣшнихъ губерніяхъ: Псковской, Тверской, Ярославской, Костромской, Новгородской, Вологодской и Архангельской. Въ XVI вѣкѣ только въ области *поморскихъ городовъ*, т. е. въ нѣнѣшнихъ губерніяхъ: Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской и Пермской. Въ половинѣ XVIII вѣка только въ провинціяхъ Вятской и Велико-Устюжской, да 12 челов. у Архангельска. А въ первой половинѣ нѣнѣшнаго столѣтія уже только въ той небольшой части Вологодской губерніи, въ которой они существуютъ и до сихъ поръ. Относительно количества половниковъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ за время XV, XVI и XVII столѣтій мы не имѣемъ точныхъ данныхъ, точныя цифры о нихъ начались только со второй ревизіи (1745 г.); но что число ихъ было въ тѣ вѣка громадно, это видно изъ переписной книги по Усольскому (Сольвычегодскому) уѣзду за 1678 г. Въ этомъ году въ Усольскомъ уѣздѣ изъ 3916 дворовъ и 197 келей всѣхъ жителей—было половниковъ 1,064 двора. Въ 1-ю ревизію многіе половники не были занесены; а по 2-й ревизіи ихъ всѣхъ считалось 14,847 д. м. п.; по 3-й ревизіи 11,277 д.; по 5-й 5,656 д.: а по 10-й—2,986 д. муж. пола.

Половники обращались въ государственныхъ крестьянъ двумя способами: во первыхъ, они присоединялись къ казеннымъ волостямъ вмѣстѣ съ землею, которую они населяли, во вторыхъ, переводились съ частныхъ земель на казенныя.

Самымъ значительнымъ присоединеніемъ перваго рода было, конечно, присоединеніе половниковъ во время секуляризаціи духовныхъ имѣній, такъ какъ по 2-й ревизіи разныхъ духовныхъ половниковъ въ одной Вятской провинціи было 5,227 душъ. Менѣе же значительными массами, а иногда и единицами присоединялись они постоянно во весь періодъ половничества. Къ 1864 году, когда писалъ о половникахъ Скворцовъ, по его свидѣтельству, уже оставались въ частномъ владѣніи только пожалованныя земли, а всѣ остальные были уже возвращены казнѣ, и половники на нихъ обращены въ государственныхъ крестьянъ.

Переселеніе же съ частныхъ земель на казенныя всегда было открыто половникамъ; а во второй четверти текущаго столѣтія приняты были энергическія мѣры къ такому переселенію; въ 1840 году были выработаны даже постоянныя правила для такого переселенія. Этими правилами постановлялось, что половники, не заключившіе съ владѣльцами земель установленныхъ условій или записей, переселяются на казенныя земли. Далѣе опредѣлялось, какія земли должны быть отводимы для поселенія ихъ. Наконецъ назначалось пособіе отъ обществъ и казны переселяемымъ половникамъ.

Законодательная дѣятельность о половникахъ закончилась въ 1876 году. Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнымъ, половничество прекращено; половникамъ указаны три исхода: или перейти на казенныя земли по истеченіи срока заключенныхъ контрактовъ, или скупить у владѣльцевъ тѣ земли, на которыхъ они, половники, живутъ теперь, или остаться безземельными съ правомъ арендовать земли у владѣльцевъ на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ.

Конечно, еще лѣтъ 15 нѣкоторые изъ половниковъ проживуть на прежнемъ положеніи, такъ какъ контракты заключались на сроки отъ 6 до 20 лѣтъ; но многіе изъ нихъ уже теперь за истеченіемъ сроковъ ихъ контрактовъ, выходятъ изъ этого положенія и встрѣчаются съ необходимостью рѣшать такъ или иначе свою будущность. Сольвычегодскій корреспондентъ „Русской Правды“ въ № 76 за 1878 г. свидѣтельствуетъ, что половники не идутъ на казенныя земли, а остаются на старыхъ мѣстахъ и объясняютъ это тѣмъ, что для половника „убыточно и рискованно разрушать свое убогое хозяйство на мѣстѣ для того, чтобы искать счастья вдали, на сторонѣ. Особенно рискованнымъ этотъ шагъ оказывается для крестьянина—сѣверянина, для котораго культивированіе малѣйшаго клочка земли соединено съ необычайными усліями. Къ тому же.... прежніе половники имѣли возможность обзавестись небольшими клочками земли, культивируя ихъ гдѣ нибудь, вблизи отъ своихъ мѣстожительствъ на искони существовавшемъ здѣсь правѣ *свободной заимки*“.

Естественно поэтому, что при переселеніи половниковъ на казенныя земли имъ должны быть отводимы земельныя надѣлы по возможности хорошаго качества, и насъ не мало удивляетъ то обстоятельство, что при прежнихъ переселеніяхъ половниковъ на казенныя земли не обращалось особеннаго вниманія на доброкачественность почвы, хотя въ законѣ относительно именно этихъ переселеній была прямая статья: „.....при назначеніи участковъ (для заселенія)... наблюдается..... чтобы отводимыя участки имѣли почву, удобную къ обработкѣ, и соединяли въ себѣ, по возможности, необходимыя въ сельскомъ быту условія и мѣстныя выгоды, могущія обезпечить существованіе переселенцевъ и споспѣшествовать промышленности и вообще благосостоянію новыхъ заселеній, чему не мало способствуетъ близость городовъ, озеръ, рѣкъ, водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній и прочее“. (IX т. 709 ст.) Еслибъ этотъ законъ исполнялся точно въ свое время, такъ развѣ боялись бы теперь половники переселяться на казенныя земли? Очевидно нѣтъ. Понятно, что половники, получающіе за свой трудъ половину нажина и уплаты податей, не почувствуютъ себя счастливыми, если на новомъ мѣстѣ жительства за свой трудъ не получаютъ никакого нажина по неудобству земли къ хлѣбопашеству; и не удивительно, что они побредутъ съ новыхъ земель, если встанутъ передъ дилеммой: или брести, или умирать съ голоду. Не потому ли переселеніе половниковъ на казенныя земли не идетъ такъ успѣшно, что въ прежнее время весьма не рѣдко имъ приходилось разбродиться съ новыхъ земель? Извѣстно, что на сѣверѣ культивированіе самаго малаго клочка земли сопряжено съ величайшими трудностями, а потому не удивительно, что половники не очень охотно спѣшатъ на разработку казенныхъ земель, когда въ прошломъ они имѣютъ примѣры, что разработывавшіе съ величайшими усиліями новыя земли въ концѣ концовъ все-таки бросали эти земли за невозможностью на нихъ существованія.

Послѣ сдѣланнаго нами историческаго очерка о половникахъ, въ настоящее время, въ виду узаконеннаго уже прекращенія половничества, вопросъ о томъ, на сколько это узаконеніе повлияло на бытныя условія половниковъ, не лишень значенія. Изъ

указанныхъ Положеніемъ 27 Апрѣля 1876 г. способъ перехода половниковъ въ общій составъ податныхъ сословій, переселеніе половниковъ на казенныя земли встрѣчается весьма рѣдко, представляя только исключенія въ формѣ случайныхъ единичныхъ явленій. Причина такого не охотнаго перехода половниковъ на земли, представляемыя имъ казною, объясняется частію недовѣріемъ къ доброкачественности отводимыхъ земель и отдаленностію ихъ отъ населенныхъ мѣстъ, частію привязанностію къ насиженному родному мѣсту. Естественно, что половники не охотно расстаются съ своими землями, къ которымъ уже въ силу одной исторической давности они привыкли относиться и дорожить, какъ своею собственностію, на обработку которой ихъ дѣды и отцы отдали все свои силы. Вотъ почему выходъ изъ половничества, по купкою съ содѣйствіемъ Правительства владѣльческой земли, представляется для половниковъ наиболее желательною формою. Но и этотъ способъ перехода встрѣчаетъ значительныя затрудненія. Съ одной стороны Правительство, принимая на себя выдачу ссуды, относится съ понятною осторожностію къ оцѣнкѣ выкупаемыхъ земель, съ другой—владѣльцы, имѣя въ виду обязательное прекращеніе половничества и зная все значеніе для половниковъ обрабатываемыхъ ими земель, ставятъ имъ такія условія, при которыхъ выкупъ владѣльческихъ земель для половника становится немислимымъ.

Эти затрудненія усложняются еще иногда просто нежеланіемъ владѣльцевъ продавать половникамъ земли и требованіемъ, въ виду окончанія сроковъ контрактовъ, понудительнаго выселенія половниковъ. На сколько сдѣлки по выкупу земель половниками подвигаются тихо, можетъ служить доказательствомъ то, что въ теченіи трехъ лѣтъ, послѣдовавшихъ за издавіемъ Положенія 27 Апрѣля до настоящаго времени, ни одна сдѣлка не получила окончательнаго разрѣшенія. Очевидно, что оставшіеся половники, составляютъ лучшія силы половничества; дѣйствительно существуютъ цѣлыя деревни, душъ въ 100 и 200 половниковъ зажиточныхъ домохозяевъ, выселеніе коихъ, при не согласіи владѣльцевъ на продажу земель, неизлужимо сопряжено съ существенными препятствіями. При такихъ обстоятельствахъ не

редко встрѣчаются случаи, что половники; за окончаніемъ срока контрактовъ продолжаютъ оставаться на своихъ старыхъ мѣстахъ, ведя обработку чужихъ земель безъ какихъ-бы то ни было опредѣленныхъ условій, полагаясь лишь на добрую волю хозяина.

Изъ всего сказаннаго видно, что завершеніе половничества, введеніемъ въ дѣйствіе узаконеній 27 Апрѣля 1876 года, представляетъ, какъ мы сказали, не мало затрудненій. Тѣмъ не менѣе, число половниковъ хотя не значительно, но постепенно уменьшается. Въ концѣ нашего изслѣдованія мы считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя статистическія данныя, касающіяся практическаго результата примѣненія узаконеній о половникахъ 27 Апрѣля 1876 г.

До 1876 года всѣхъ половниковъ по 3-мъ уѣздамъ губерніи числилось 2463 души, а именно—по Устюгскому 1986 д., по Никольскому—421, по Сольвычегодскому—56; къ 1877 году ихъ уже числилось 2388 душъ по всѣмъ уѣздамъ губерніи, а къ Январю 1879 года ихъ осталось 2231 душа:—въ Устюгскомъ уѣздѣ 1777 душъ, Никольскомъ 399 и Сольвычегодскомъ 55. Къ 1-му Октября текущаго 1879 года ихъ уже числится 2129 душъ, слѣдовательно всего въ четыре года выбыло половниковъ 334 души.—Изъ этого числа: а) водворено на казенныхъ земляхъ 60 душъ и выдано разрѣшеній на водвореніе на указанныхъ участкахъ 18 душамъ и б) приписано въ мѣщане 75 душъ; остальные выбыли за смертію, переходомъ въ другія губерніи или поступленіемъ въ военную службу. Изъ числа оставшихся 2129 должны вскорѣ выйти изъ половническаго состоянія около 165 душъ, вслѣдствіе 5-ти сдѣлокъ, заключенныхъ съ владѣльцами на пріобрѣтеніе занимаемой половниками земли въ собственность на основаніи 10 ст. Правилъ 27 Апрѣля 1876 г.

Такимъ образомъ, переходомъ-ли на новые участки, предоставляемые казною, покупкою-ли обрабатываемыхъ издавна земель, или просто перечисленіемъ въ безземельные мѣщане, ради лишь того, чтобъ не покидать свои вѣковые луга и пашни, или заключеніемъ новыхъ арендныхъ контрактовъ—остаться на дѣдовыхъ мѣстахъ, тѣмъ или инымъ путемъ, но половничество

доживають свої останні роки. Проміжувало більше шести віків, половническа форма землевладіння сіверного крестьянина зчезне в нинішнє століття. злившись з общим строем життя крестьянскаго населенія.

ДВИЖЕНІЕ НАСЕЛЕНІЯ

ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ

за десятилѣтній періодъ.

(Съ 1867 по 1877 г.)

Въ 1663 году англійчанинъ Гроунтъ сдѣлалъ попытку, на основаніи метрическихъ книгъ о рожденіяхъ и смертныхъ случаяхъ, вывести законъ смертности въ различныхъ возрастахъ и періодахъ времени, въ которыхъ удваивается собственно Лондонское населеніе.

Въ 1693 году математикъ Галлей, при помощи списковъ рожденій и смертныхъ случаевъ, въ Бреславлѣ вычислилъ вѣроятную продолжительность человѣческой жизни.

Въ томъ же направленіи надъ систематическимъ изслѣдованіемъ цѣлыхъ длинныхъ рядовъ повторяющихся однообразныхъ фактовъ и явленій работало множество ученыхъ въ Англій. Франціи, Германіи и Швеціи, но работали они, руководясь не статистическимъ цѣлями: такъ напр. вѣроятность смерти въ каждомъ возрастѣ и средняя продолжительность жизни опредѣлялись для разрѣшенія разныхъ вопросовъ по застрахованію жизни, капиталовъ и доходовъ. Научное значеніе этимъ трудамъ придавъ прусскій пасторъ Зюссмильхъ, изслѣдованія котораго составляютъ эпоху въ исторіи статистики. Зюссмильхъ систематически собирадъ

числовыя данныя, объясняющія явленія человѣческой жизни, и изъ этихъ данныхъ выводилъ законы, правящіе этими явленіями. Появившееся въ 1742 году Зюссмильхово сочиненіе озаглавлено такъ: „Божественный порядокъ въ перемѣнахъ, совершающихся въ человѣческомъ родѣ, т. е. основательное доказательство Божественнаго провидѣнія и промысла о человѣческомъ родѣ, заннствованное изъ сравненія числа родившихся съ числомъ умершихъ и бракомъ сочтанныхъ, особенно же изъ сравненія числа родившихся мальчиковъ, съ числомъ родившихся дѣвочекъ и. т. д.“ Въ перемѣнахъ, испытываемыхъ человѣческимъ родомъ Зюссмильхъ усматриваетъ божественный порядокъ и старается доказать дѣйствительное существованіе такого порядка громадными рядами цифръ, выражающихъ движеніе населенія. Сочиненіе Зюссмильха отличается тенденціозностью, еще болѣе недостаткомъ точныхъ статистическихъ данныхъ, но тѣмъ не менѣе, благодаря своему тонкому уму и способности обобщать, Зюссмильхъ сумѣлъ придать своему скудному матеріалу высокую цѣнность.

Ближайшими послѣдователями Зюссмильха являются докторъ Касперъ и нѣкоторые другіе медики, но вполне выработаны и прочно установлены новый статистическій методъ извѣстнымъ бельгійскимъ ученымъ—Несторомъ современной статистики—Кетле. Подобно Зюссмильху, Кетле путемъ наблюденій надъ множествомъ фактовъ человѣческой жизни старается доказать, что въ физической и нравственной жизни человѣка существуетъ замѣчательная правильность. Но эта правильность неуловима, если разсматривать отдѣльныя, близкіе намъ факты, подобно тому, какъ блестящее явленіе радуги не понятно для того, кто наблюдаетъ лишь отдѣльныя капли воды. Наблюдая жизнь отдѣльныхъ личностей, мы имѣемъ лишь рядъ фактовъ, повидимому зависящихъ или отъ произвола, или отъ случая. Чтобы открыть законы, которымъ подчинены факты человѣческой жизни, необходимо такое количество наблюденій, при которомъ бы сглаживалось все случайное, и тѣмъ ближе можно подойти къ уясненію этихъ законовъ чѣмъ болѣе личностей было наблюдаемо.

Такъ, напримѣръ, часто случается, что въ отдѣльной семьѣ

родится гораздо болѣе дѣвочекъ, чѣмъ мальчиковъ, но если мы станемъ наблюдать цѣлыя области, цѣлыя государства, то увидимъ, что всюду мальчиковъ родится на нѣсколько процентовъ болѣе чѣмъ дѣвочекъ.

Такая-же правильность замѣтна и въ смертности новорожденныхъ: новорожденныхъ мальчиковъ во всѣхъ странахъ умираетъ на нѣсколько процентовъ болѣе чѣмъ дѣвочекъ, хотя въ от- дѣльныхъ семьяхъ можетъ встрѣтиться обратное отношеніе.

Удивительная правильность открыта и въ повтореніи изъ- года въ-годъ извѣстнаго числа браковъ; если число это и колеб- лется, то колеблется вслѣдствіе причинъ, доступныхъ для наблю- денія и точнаго вычисленія. Такъ, между прочимъ, доказано, что на число браковъ, между другими причинами, сильно влияют избыщеніе и пониженіе цѣны на хлѣбъ и колебанія заработной платы. При неизмѣнномъ же состояніи экономическаго и обществен- наго быта, въ каждомъ данномъ народѣ число браковъ, ежегодно совершаемыхъ, приблизительно одно и тоже. Тоже должно сказать и о рожденіяхъ.

Еще болѣе зависить отъ экономическихъ условій смертность народонаселенія. Уже Касперъ вычислялъ, что изъ 1000 богатыхъ родившихся въ одинъ и тотъ-же годъ пятилѣтняго возраста достигаютъ 943 ребенка; изъ 1000 родившихся въ то же время бѣдняковъ до этого возраста доживаетъ 655 ребятъ.

20 лѣтняго возраста:

Изъ 1000 богатыхъ достигаютъ	866	челов.
— — бѣдныхъ	566	„

50 лѣтняго возраста:

— 1000 богатыхъ достигаютъ	557	„
— — бѣдныхъ	283	„

70 лѣтняго возраста:

— 1000 богатыхъ достигаютъ	236	„
— — бѣдныхъ	65	„

80 лѣтняго возраста:

— 1000 богатыхъ достигаютъ	57	„
— — бѣдныхъ	9	„

Средняя жизнь богатых равняется 50 годамъ, средняя жизнь бѣдныхъ—только 32. Разница эта, утверждаетъ Кетле, была бы еще значительнѣе, если-бы богатые не сокращали себѣ жизнь излишними наслажденіями.

Еще замѣтнѣе зависимость смертности отъ экономическихъ условій, при наблюденіи надъ цѣлыми народами. Въ европейскихъ странахъ, пользующихся сравнительно высокими благосостояніемъ, ежегодно умираетъ только 2⁰/₀, въ бѣднѣйшихъ-жъ европейскихъ странахъ ежегодно покидается смертію отъ 3 до 4⁰/₀ населенія. И замѣчательно, что цифры смертности въ одномъ и томъ-же народѣ и въ томъ-же классѣ общества изъ-года въ-годъ остаются неизмѣнными до тѣхъ поръ, пока остаются неизмѣнными условія экономическаго и общественнаго быта.

„Цивилизація, говоритъ Кетле, сдѣлала существованіе чело-вѣка болѣе пріятнымъ, успѣла сдѣлать его и болѣе продолжительнымъ. Съ развитіемъ просвѣщенія, жилища людей сдѣлались болѣе здоровыми: мало по-малу осушились болотистыя почвы, и этимъ уничтожились причины частыхъ эпидемій, губившихъ прежнія поколѣнія. Образование, усиливъ торговые сношенія между народами, уничтожило возможность частаго повторенія страшнаго голода, шарами котораго уменьшились еще съ другой стороны вслѣдствіе развитія земледѣля и разнообразія средствъ питанія. Медицинскія и общія гигиеническія значенія дали съ своей стороны драгоценныя орудія для борьбы съ смертностью, а развитіе промышленности способствовало распространенію довольства и пріобрѣтенію вѣрныхъ средствъ къ сохраненію жизни чело-вѣка. По всемъ этимъ причинамъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ цивилизація сдѣлала самыя большіе успѣхи, замѣчается самое значительное уменьшеніе смертности“.

Правильность и истинность видитъ Кетле не только въ такихъ неизбѣжныхъ фактахъ чело-вѣческой жизни: какъ ро-ждаемость, браки, смертность, но даже и въ дѣйствіяхъ людей, которые, по видимому, многиѣ зависятъ отъ ихъ произвола.

Дѣйствіе чело-вѣка на себя самого и на общество есть одно изъ высшихъ его свойствъ. Какъ членъ общественнаго тѣла, чело-

вѣкъ каждую минуту испытываетъ на себѣ неизбежное вліяніе существующихъ условій общественной жизни; но какъ человекъ, пользующійся всею силою своихъ умственныхъ способностей, онъ до нѣкоторой степени господствуетъ надъ этими причинами, измѣняетъ ихъ дѣйствіе и можетъ достичь лучшаго положенія. Изслѣдуя въ томъ же направленіи многія другія стороны общественной жизни, Кетле приходитъ къ заключенію, что на жизнь человѣческихъ обществъ вліяютъ два рода причинъ: однѣ можно назвать физическими, другія духовными; дѣйствіе послѣднихъ обнаруживается съ меньшею очевидностію, чѣмъ дѣйствіе первыхъ, и изученіе ихъ возможно только путемъ многочисленныхъ наблюденій. Открыть тѣ и другія причины изъ аналогическихъ рядовъ цифръ, вывести законы послѣдовательности, взаимной зависимости явленій общественной жизни—вотъ въ чемъ задача статистики.

Указавъ въ общихъ чертахъ на значеніе цѣлей современной статистики, мы въ настоящей статистической работѣ на основаніи матеріаловъ за десятилѣтній періодъ (съ 1867 — 1877 г) представляемъ нѣсколько общихъ выводовъ, относящихся до движенія населенія Вологодской губерніи, съ указаніемъ на болѣе замѣтныя различія мѣстныхъ данныхъ отъ соотвѣствующихъ выводовъ обще—русской и западно—европейской статистики.

Материаломъ для статьи служили метрическія данныя, собираемыя ежегодно изъ приходскихъ церковныхъ записей по установленной формѣ.

І. Браки.

Обращаясь прежде всего къ даннымъ о бракахъ, мы замѣчаемъ, что числа браковъ по годамъ не представляютъ особенно рѣзкихъ колебаній, за исключеніемъ быстрого повышенія въ 1869 г., а именно:

Въ 1867 г.	браковъ было заключено	8.542
„ 1868	- - - -	8.559
„ 1869	- - - -	10.109
„ 1870	- - - -	9.561
„ 1871	- - - -	8.986
„ 1872	- - - -	9.762

„ 1873	-	-	-	-	8.547
„ 1874	-	-	-	-	9.416
„ 1875	-	-	-	-	9.517
„ 1876	-	-	-	-	9.189

Средн. число 9.218,8

Изъ этого числа:

Въ городахъ	-	-	338
Въ уѣздахъ	-	-	8.880,8

Итого - 9.218,8

Сравнивая эти среднія числа съ количествомъ населенія, мы находимъ, что вообще въ Вологодской губерніи 1 бракъ приходится на 109 жит., или на 100 ж. приходится 0,9 браковъ.

Отдѣльно по городамъ и уѣздамъ числа браковъ были слѣдующія:

Г о р о д а.	Сред. число браковъ.	На сколько жит. прих. 1 бракъ.	На 100 ж. прих. бракъ.
Вологда - -	137	123,8	0,8
Грязовецъ - -	16,4	131,7	0,7
Кадниковъ - -	11	143,7	0,6
Вельскъ - -	8,7	157,2	0,6
Тотьма - -	33,2	99	1
Устюгъ - -	60,9	128,7	0,7
Никольскъ - -	12,1	145,2	0,6
Сольвычегодскъ - -	11,1	117,6	0,8
Яренскъ - -	6	195	0,5
Устьменское - -	27	137	0,7
Лальскъ - -	9	61,2	1,6
Красноборскъ - -	4	161,5	0,6
Верховажск. посад.	1,6	361,8	0,3
Итого -	338	126,6	0,7

У ѣ з д н.	Сред. число браковъ.	На сколько жит. прих. 1 бракъ.	На 100 ж. прих. брак.
Вологодскій -	908	132,2	0,7
Грязовецкій -	745,7	109,5	0,9
Кадниковскій -	1294,2	115,5	0,8
Вельскій -	716,7	110,8	0,9
Тотемскій -	1.070	107,7	0,9
Устюгскій -	1.040	93,6	1
Никольскій -	1.325,6	99,8	1
Сольвычегодскій -	872,9	102,2	0,9
Яренскій -	295,9	117,8	0,8
Устьсмыольскій -	611,7	114,7	0,8
Итого -	8.880,8	109	0,9

Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что всего чаще заключались браки въ городахъ: Лальскѣ, Тотмѣ, Вологдѣ и Сольвычегодскѣ и уѣздахъ—Никольскомъ и Устюгскомъ (1 бракъ на 99,8 въ первомъ и на 93,6 жит. во второмъ, что близко подходитъ къ соответствующему числу для цѣлой Россіи—1 бракъ на 96 жит.). Всего рѣже—въ городахъ: Верховаж. посадѣ и Яренскѣ, и уѣздахъ: Вологодскомъ, Кадниковскомъ, Яренскомъ и Устьсмыольскомъ.

Изъ этой же таблицы видно также, что въ Вологодской губерніи, какъ и вообще въ Россіи, браки среди городского населенія менѣе многочисленны, чѣмъ среди сельскаго.

По семейному состоянію жениховъ и невѣстъ браковъ было заключено:

	Въ городахъ.	Въ уѣздахъ.	Вообщъ въ губ.	% отн. къ общ. чис. браковъ.
Между холостыми и дѣвцами	266,4	7.172,3	7.438,7	80,8

	Въ горо- дахъ.	Въ уѣз- дахъ.	Вообще въ губ.	°/о отн. къ общ. чис. бра- ковъ.
Между холостыми и вдовами	28,4	428,8	457,2	5,2
— вдовцами и дѣвцами	35,8	1.004,6	1.040,4	10,9
— вдовцами и вдовами	7,4	275,1	282,5	3,1
Итого -	338—	8.880,8	9.218,8	—100

Отсюда видно, что вторые браки составляют 19,2°/о общаго числа браковъ въ губерніи, въ городахъ же, какъ и вообще въ русскомъ городскомъ населеніи, процентъ этотъ нѣсколько больше — 21,1, т. е. число вторыхъ браковъ въ Вологодской губъ значительно меньше, нежели вообще въ Россіи (24,3°/о).

Что касается до распредѣленія браковъ по мѣсяцамъ года, то оно представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Въ горо- дахъ.	Въ уѣз- дахъ.	Въ губер- ніи.
Январь - -	64,5	2.344,3	2.408,8
Февраль - -	51,6	2.394,3	2.445,9
Мартъ - -	Браковъ не бываетъ по случаю поста		
Апрѣль - -	27,4	744,1	771,5
Май - -	30,7	807,4	838,1
Іюнь - -	14,1	335,6	349,7
Іюль - -	31,1	554,5	585,6
Августъ - -	11,3	53,7	65
Сентябрь - -	23,1	160,9	184
Октябрь - -	41,4	722	763,4
Ноябрь - -	42,8	764	806,8
Декабрь - -	—	—	—
Итого -	338	8.880,8	9.218,8

Изъ этого видно, что наибольшее число браковъ заключается зимою—болѣе $\frac{1}{2}$, затѣмъ осемью— $\frac{1}{5}$, весною—нѣсколько менѣе $\frac{1}{5}$ и наконецъ лѣтомъ—около $\frac{1}{10}$. По мѣсяцамъ, въ городахъ наибольшее число браковъ падаетъ на Январь (19%), а въ уѣздахъ на Февраль (27%), наименьшее же число какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ приходится на Августъ (въ городахъ — $0,3\%$ и въ уѣздахъ — $0,06\%$). Последнее обстоятельство объясняется во первыхъ постомъ, а во вторыхъ тѣмъ, что это время усиленнаго земледѣльческаго труда (уборка хлѣба, молотба и проч.). Относительно возраста вступившихъ въ бракъ имѣются слѣдующія данныя:

Вступило въ бракъ.	Мужескаго пола.			Женскаго.		
	Въ городахъ.	Въ уѣздахъ.	Въ губерніи.	Въ городахъ.	Въ уѣздахъ.	Въ губерніи.
Моложе 20 л.	28,2	1.523,3	1.551,5	132,3	3.099,3	3.231,6
Отъ 21—25	124,3	4.059,4	4.183,7	120,6	4.269,5	4.390,1
„ 26—30	80	1.522,8	1.602,8	43,7	879,8	923,5
„ 31—35	47,8	718,6	766,4	21,4	326,1	347,5
„ 36—40	26,7	494,3	521	12,1	175,5	187,6
„ 41—45	16,2	274,5	290,7	5,6	85,7	91,3
„ 46—50	8,1	153,1	161,2	1,3	33,8	35,1
„ 51 и в.	6,7	134,8	141,5	1	11,1	12,1
Итого.	338	8.880,8	9.218,8	338	8.880,8	9.218,8

Т. е. на 100 вступившихъ въ бракъ приходилось:

	Въ городахъ.		Въ уѣздахъ	
	М.	Ж.	М.	Ж.
Моложе 20 л.	8,4	39,1	17,1	34,9
Отъ 21—25	36,7	35,6	45,8	48,1
— 26—30	23,7	13,5	17,1	9,9
— 31—35	14	6,3	8,2	3,6
— 36—40	8	3,5	5,6	2
— 41—45	4,8	1,6	3,1	0,9
— 46—50	2,4	0,37	1,7	0,4
— 51 и выш.	2	0,03	1,4	0,1
Итого -	100	100	100	100

Эти данныя показываютъ, что среди сельскаго населенія Вологодской губерніи наибольшее число браковъ заключается въ возрастѣ отъ 21—25 л. (46,9% общаго числа браковъ), и затѣмъ до 20 л. (26%). Среди городскаго населенія наибольшее число дѣвушекъ выходитъ замужъ до 20 л., тогда какъ наибольшее число мужчинъ женится въ возрастѣ отъ 21—25 л., какъ и въ сельскомъ населеніи. Крайнимъ срокомъ вступленія въ бракъ для женщинъ можно считать 45 л., такъ какъ число выходящихъ замужъ позднѣе составляетъ въ городахъ—0,4% и въ селахъ 0,5% общаго числа, а соответствующій процентный выводъ для мужскаго населенія составляетъ: въ городахъ 4,4% и въ уѣздахъ 3,1%. Число раннихъ заключаемыхъ до 20 л. возраста браковъ среди мужскаго сельскаго населенія менѣе, чѣмъ вообще въ Россіи, хотя будучи сравнимо съ соответствующимъ числомъ западной Европы, гдѣ оно составляетъ отъ 10 до 20%, представляется довольно значительнымъ, а именно—17,1% (столько же, сколько и въ возрастѣ отъ 26—30 л.), вообще же въ Россіи 38%. Если мы припомнимъ, что въ сельскомъ населеніи бракъ имѣетъ важное экономическое значеніе и служитъ средствомъ поддержать хозяйство, которому грозитъ упадокъ вслѣдствіе смерти кого либо изъ рабочихъ членовъ семьи, отбыванія воинской повинности и т. п., то для насъ сдѣлается понятнымъ такое обиліе раннихъ браковъ среди сельскаго населенія.

II. Рожденія.

Сравнивая среднее число родившихся—47.811,7 съ количествомъ населенія, мы находимъ, что 1 родившійся приходится: въ городахъ на 27,7 ч., въ уѣздахъ на 20,6, а вообще въ губерніи на 21,1, или на 100 жит. приходится рожденій: въ городахъ—3,6, въ уѣздахъ—4,8, вообще же въ губерніи—4,7 нѣсколько менѣе соответствующаго числа для цѣлой Россіи (5 рожд на 100 жит.). Значительная разница между рождаемостью въ городахъ и уѣздахъ обуславливается, вѣроятно, частью перевиномъ въ нѣкоторыхъ городахъ мужскаго населенія надъ женскимъ (Вологда, Никольскъ и Яренскъ), частью скопленіемъ въ городахъ безсемеянаго люда: рабочихъ, солдатъ. Общій выводъ

статистики, что въ массѣ рожденій число мужскихъ рожденій превышаетъ число женскихъ, оказывается вѣрнымъ и для Вологодской губ., какъ это видно изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ:

Число родившихся: въ городахъ, въ уѣздахъ, въ губерніи.			
Мальчиковъ	-	801	— 23.608,4 — 24.409,4
Дѣвочекъ	-	776	— 22.626,3 — 23.402,3
Итого	-	1577	— 46.234,7 — 47.811,7
Законнорожд. незакон. всего.			
Мальчиковъ	-	23.488,9	— 920,5 — 24.409,4
Дѣвочекъ	-	22.507,6	— 894,7 — 23.402,3
Итого	-	45.996,5	— 1.815,2 — 47.811,7

Опредѣливъ отношеніе половъ къ общему числу рожденій, мы найдемъ, что на 100 дѣвочекъ родится въ губерніи 104,3 мальч., въ частности же въ городахъ—103,2 и въ уѣздахъ — 104,3. Эти величины не много уклоняются отъ общихъ выводовъ для всего русскаго населенія, гдѣ на 100 дѣвоч. родится 105,2 мальч., въ большихъ городахъ 107,4 и въ уѣздахъ съ прочими городами—103,9. Среди незаконныхъ рожденій перевѣсъ мужскихъ рожденій бываетъ вообще менѣе значителенъ. Въ Вологодской губ на 100 незаконнорожденныхъ дѣвочекъ приходится 102,8 мальч.

Среднее число рожденій распредѣляется по городамъ и уѣздамъ такимъ образомъ:

По городамъ.	Среднее число родившихся.	На сколько жител. приход. 1 род.	На 100 ж приходится родившихся.
Вологда	638,6	27,2	3,7
Грязовецъ	82,2	26,3	3,8
Кадниковъ	55,5	28,6	3,5
Вальскъ	48,4	28,5	3,5
Тотьма	119,9	27,5	3,6
Устюгъ	298	26,3	3,8
Никольскъ	64,1	27,7	3,6
Сольвычегодскъ	36,2	36,6	2,7

По городамъ.	Среднее число родившихся.	На сколько жител. приход. 1 род.	На 100 ж. приходится родившихся.
Ярвскъ -	29,3	39,7	2,5
Устьменсольскъ -	130,8	27,8	3,6
Лальскъ -	39,4	14	7,1
Красноборскъ -	23,1	27,7	3,6
Верховажск. посад.	11,5	50	2
Итого -	1.577	27,7	3,6

По Уездамъ.	Средн. чис. родивш.	На ск. жит. прих. 1 род.	На 100 ж. прих. род.
Вологодскій -	5.185,6	22,5	4,3
Грязовецкій -	4.086	19,2	5,2
Кадниковскій -	7.402,1	20,2	4,9
Вельскій -	3.556,3	21,3	4,6
Тотемскій -	5.374,7	21,4	4,6
Устюгскій -	5.085,1	19,1	5,2
Никольскій -	6.690,2	19,7	5
Сольвычегодскій	4.201,7	21,1	4,6
Яремскій -	1.434,3	24,3	4,1
Устьменсольскій -	3.218,3	20,7	4,7
Итого -	46.234,7	20,6	4,8

Отсюда мы видимъ, что наибольшая рождаемость падаетъ на города—Лальскъ, Грязовець и Устюгъ, и уезды—Устюгскій, Никольскій и Кадниковскій.

Довольно значительное, какъ мы видѣли выше, число незаконныхъ рожденій составляетъ 3,8% общаго числа рожденій, въ частности же въ городахъ—11,8 и уездахъ 3,5%. Распределение незаконныхъ рожденій по городамъ и уездамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Г о р о д а .				Сред. чис. незаконно- рожд.	°/о отн. къ об. ч. рожден.
Вологда	-	-	-	121,7	19
Грязовецъ	-	-	-	4,1	4,9
Кадниковъ	-	-	-	5,5	9,9
Вельскъ	-	-	-	4,5	9,7
Тотьма	-	-	-	9,8	8,1
Устюгъ	-	-	-	17,2	5,7
Никольскъ	-	-	-	4,6	7,2
Сольвычегодскъ	-	-	-	4,1	11,3
Яренскъ	-	-	-	2,3	7,8
Устьснсольскъ	-	-	-	9	6,8
Лальскъ	-	-	-	1,6	4,6
Красноборскъ	-	-	-	0,4	1,7
Верховажск. посадь	-	-	-	2	17,4
Итого				186,8	11,8
У ѣ з д н .				Сред. чис. незаконно- рожд.	°/о отн. къ об. ч. рожд.
Вологодскій	-	-	-	179,9	3,4
Грязовецкій	-	-	-	146	3,5
Кадниковскій	-	-	-	190,3	2,5
Вельскій	-	-	-	129,8	3,6
Тотемскій	-	-	-	139,6	2,6
Устюгскій	-	-	-	190,8	3,7
Никольскій	-	-	-	244,4	3,6
Сольвычегодскій	-	-	-	174,3	4,1
Яренскій	-	-	-	56	3,9
Устьснсольскій	-	-	-	177,3	5,5
Итого				1.628,4	3,5

То есть, наибольшее количество незаконныхъ рожденій приходится на городъ Вологду и Верховажскій посадь и уѣзды Устьснсольскій, Сольвычегодскій и Яренскій, а наименьшее на го-

рода—Красноборскъ, Лальскъ и Грязовець и уѣзды Бадниковскій и Тотемскій.

Относительно распредѣленія рожденій по мѣсяцамъ года имѣются слѣдующія цифровыя данныя:

	Средн. число родившихся.	% отнош. къ общ. чис.
Январь - - - -	4.453,5	9,4
Февраль - - - -	3.902,6	8,1
Мартъ - - - -	3.801,2	8
Апрѣль - - - -	3.369,7	7,2
Май - - - -	3.602,3	7,4
Іюнь - - - -	4.052,4	8,5
Іюль - - - -	4.686,8	9,8
Августъ - - - -	4.681,4	9,8
Сентябрь - - - -	4.020,6	8,5
Октябрь - - - -	4.507,3	9,4
Ноябрь - - - -	3.982,5	8,2
Декабрь - - - -	2.751,4	5,7
Итого - - - -	47.811,7	100

Отсюда слѣдуетъ, что максимумъ рожденій падаетъ на Іюль, Августъ, Октябрь и Январь, а минимумъ на Декабрь и Апрѣль. Слѣдующія таблицы показываютъ разницу въ порядкѣ мѣсяцовъ между городскимъ населеніемъ и сельскими и между законными рожденіями и незаконными.

	Въ горо- дахъ.	Въ уѣз- дахъ.
Январь - - - -	155,6	4.297,9
Февраль - - - -	135,2	3 767,4
Мартъ - - - -	136,5	3.664,7
Апрѣль - - - -	120,8	3.248,9

	Въ горо- дахъ.	Въ уѣз- дахъ.
Май - - - -	120	3.482,3
Юнь - - - -	137,7	3.914,7
Юль - - - -	138,5	4.548,3
Августъ - - - -	128,5	4.552,9
Сентябрь - - - -	123,7	3.896,9
Октябрь - - - -	139,7	4.367,6
Ноябрь - - - -	128,2	3.854,3
Декабрь - - - -	112,6	2.638,8
Итого - - - -	1.577	46.234,7
	Законно- рожден.	Не законно- рожд.
Январь - - - -	4.291	162,5
Февраль - - - -	3.755,7	146,9
Мартъ - - - -	3.651,6	149,6
Апрѣль - - - -	3.244,4	125,6
Май - - - -	3.464,7	137,6
Юнь - - - -	3.908,2	144,2
Юль - - - -	4.529,4	157,4
Августъ - - - -	4.513	168,4
Сентябрь - - - -	3.863,8	156,8
Октябрь - - - -	4.317,8	189,5
Ноябрь - - - -	3.822,9	159,6
Декабрь - - - -	2.634,3	117,1
Итого - - - -	45.996,5	1.815,2

Эти данныя показываютъ, что въ городахъ наибольшее количество рождений приходится на Январь и Октябрь, при чемъ первый максимумъ значительно больше второго, въ уѣздахъ же первое мѣсто занимаютъ Августъ и Юль, второе Октябрь и Январь, занимающій здѣсь четвертое мѣсто. Минимумъ рождений приходится какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ на Декабрь.

Среди незаконных рождений, которые распределяются по месяцам года равномерно законных, максимум падает на Октябрь, Август и Январь, а минимум также на Декабрь. Так как вообще в Россіи наибольшія цифры рождений даетъ полугодіе съ Іюля по Январь (за исключеніемъ Декабря), при чемъ максимум приходится на Январь, Іюль и Октябрь, а наименьшія цифры приходятся на Декабрь и весенніе мѣсяца, — следовательно мѣстныя данныя разнятся лишь порядкомъ мѣсяцовъ.

Въ общемъ числѣ родившихся было:

	Въ городахъ	мужск. пол.	жен. пол.	обоимъ пол.
Двоень	20,7	—	21,9	— 42,6
Троень	0,2	—	1,0	— 1,2

Итого сложныхъ рождений 43,8

	Въ уѣздахъ	муж. пол.	жен. пол.	обоимъ пол.
Двоень	602,7	—	642	— 1.244,7
Троень	9,9	—	11,2	— 21,1
Четверень	0,8	—	0,4	— 1,2

Итого — 1.267

Всего сложн. рожд. въ губерніи. - - 1.310,8

На основаніи этихъ данныхъ—на 100 род. приходится 2,7 двоень, 0,05 троень и 0,002 четверень, или всего сложныхъ рождений около 2,75%

III. Смерти.

Путемъ научныхъ изслѣдованій, путемъ тѣхъ данныхъ, которыми руководствуется статистика, найдено, что едва половина всѣхъ людей вполне здорова, и это, можетъ быть, нечѣ удивить насъ, если вспомнимъ, что часто едва одинъ человѣкъ на сто живетъ совершенно согласно законамъ природы. Едва три или четыре человѣка на сто умираютъ отъ единственно нормальной, неминуемой причины смерти, т. е. глубокой старости; следовательно только три или четыре процента всѣхъ людей достигаютъ того возраста, котораго всѣ по своей природѣ навѣрно достигли-бы, ведя нормальную жизнь. Особенно между дѣтьми смертность еще

вездѣ неизмѣримо велика. Изъ ста новорожденныхъ остаются въ живыхъ на прошествіи одного года отъ шестидесяти до семидесяти, а по истеченіи шести лѣтъ едва отъ двадцати пяти до тридцати пяти. Между молодыми людьми до двадцати лѣтняго возраста смертность даже больше, чѣмъ у восьмидесяти лѣтнихъ стариковъ.

Важнѣйшими и вліятельнѣйшими факторами въ этомъ являюся обыкновенно разныя недостатки, нерадѣніе и погрѣшности въ жизни, преимущественно недостаточная пища, неадекватная жилища, неблагоприятное положеніе и устройство городовъ, а равно какъ и вредное мѣстоположеніе ихъ; вообще неправильный образъ жизни, чрезмѣрные напряженія и изнуренія, скорбь и заботы, бѣдность, нищета съ одной, не образованіе, безразличность съ другой стороны. Но всякій коротко знакомый съ настоящимъ положеніемъ вещей не усумнится, что конечная причина всего въ известныхъ, искусственныхъ отношеніяхъ нашего общества, благодаря которымъ большая часть народа не можетъ доставлять себѣ удовлетворенія необходимыхъ потребностей и удобствъ жизни.

Среднимъ числомъ за разсматриваемое десятилѣтіе въ Вологодской губерніи ежегодно умирало:

	Муж. пол.	Жен. пол.	— Обоимъ пол.
Въ городахъ.	843,5	— 721,6	— 1 565,1
Въ уѣздахъ	17.273,1	— 16.938,7	— 34.211,8
Всего въ губерніи.	18.116,6	17.660,3	— 35.776,9

Сравнивая эти среднія числа съ количествомъ населенія, мы находимъ, что на 100 ж. приходится 3,6 ум. въ уѣздахъ и 3,5 въ городахъ, а вообще въ губерніи 3,6.

Отдѣльно по городамъ и уѣздамъ цифры умершихъ были слѣдующія:

Города.	Сред. число умерших.	На скол.	На 100
		жнт. пр. 1 умр.	жнт. пр. умерш.
Вологда - -	703,5	24,1	4,1
Грязовець - -	90,1	23,8	4,1
Кадниковъ - -	57,7	27,4	3,6
Вельскъ - -	42,3	32,2	3,1
Тотьма - -	127,6	25,7	3,8
Устюгъ - -	265,5	29,5	3,4
Нивольскъ - -	54,5	32,2	3,1
Сольвычегодскъ - -	36,9	35,3	2,8
Яренскъ - -	26,6	46,3	2,2
Устьенсоольскъ - -	96,4	36,9	2,7
Дальскъ - -	30,8	17,8	5,6
Красноборскъ - -	21,1	30,6	3,2
Верховаж. посадъ -	12,1	47,8	2,1
Итого - -	1.565,1	27,3	3,5
У ѣ з д н.	Сред. число умерших.	На скол.	На 100
		жнт. пр. 1 умр.	жнт. пр. умерш.
Вологодскій - -	4.198	28,3	3,5
Грязовецкій - -	3.162	25,8	3,8
Кадниковскій - -	5.945,4	25,5	3,9
Вельскій - -	2.611,9	30,4	3,2
Тотемскій - -	4.042,4	28,5	3,5
Устюгскій - -	3.928,3	24,7	4
Нивольскій - -	4.625,8	28,6	3,5
Сольвычегодскій - -	2.906,4	30,7	3,2
Яренскій - -	922,4	37,6	2,7
Устьенсоольскій - -	1.868,2	37,5	2,7
Итого - -	34.211,8	28,3	3,5

Отсюда слѣдуетъ, что наибольшая смертность приходится на города: Дальскъ, Грязовець и Вологду и уѣзды Устюгскій и Кадниковскій. Мы видѣли выше, что эти города и уѣзды даютъ такъ же и наибольшую рождаемость. Чрезвычайная смертность

въ Талыскѣ, Грязовцѣ и Вологдѣ должна бы обратитъ на себя серьезное вниманіе. Публика и охранители нашего здравія, къ сожалѣнію, до сихъ поръ рѣдко оказываютъ живое участіе рациональнымъ гигиеническимъ мѣрамъ, потому что мало ихъ понимаютъ. Только когда опасность начинаетъ грозить уже цѣлымъ массагъ, когда демонъ болѣзней и заразы, такъ сказать, стучится уже въ дверь, тогда начинаютъ подумывать о помощи, но обыкновенно уже слишкомъ поздно. Множество людей заболѣютъ и умираютъ, пока кому нибудь придетъ въ голову вопросъ: нельзя-ли было бы заранее предотвратить это бѣдствіе. Какъ только обнаружится эпидемія, все приходитъ въ движеніе: полиція, земство и медикъ обнаруживаетъ величайшую дѣятельность. Но и тогда обыкновенно прибѣгаютъ къ мѣрамъ, правда, дорогимъ, въ которыя столько же значать, какъ капля въ морѣ и рѣшительно не могутъ помочь злу, потому что поражаютъ его не въ самомъ корнѣ, а дѣйствуютъ палліативно. Въ Англіи комитеты о сохраненіи общественнаго здравія нислаютъ экспертовъ и медиковъ въ тѣ мѣста, гдѣ ежегодно умираетъ болѣе 23 или 25 чело-вѣкъ изъ тысячи, съ цѣлю изыскать вѣроятныя причины такой большой смертности и по возможности устранить ихъ.

Разсматривая данныя Вологодской губерніи о смертности по поламъ, мы замѣчаемъ, что онѣ подтверждаютъ одинъ изъ общихъ выводовъ статистики, а именно, что въ массѣ смертныхъ случаевъ замѣчается перевѣсъ смертности мужскаго населенія. Процентныя отношенія смертности по поламъ представляются въ такомъ видѣ:

	М. п.	Ж. п.
Въ городахъ	53,9% —	46,1%
Въ уѣздахъ	50,4% —	49,6%
Вообще въ губерніи	50,6% —	49,4%

То есть на 100 умершихъ женщинъ приходится въ городахъ 116,9, въ уѣздахъ 101,9 и вообще въ губерніи 102,5 умершихъ мужчинъ.

Распределеніе смертности по возрастамъ и отношенія чиселъ умершихъ въ каждомъ отдѣльномъ возрастѣ къ общему числу видны изъ слѣдующей таблицы

	Число умерших.			Отношение числа умер. въ каждомъ вѣср. къ общ. числу умершихъ.		
	М. п.	Ж. п.	Об. п.	М. п.	Ж. п.	Об. п.
До 1 мѣсц.	2 081,1	1.700,6	3 781,7	11,49	9,63	10,56
Отъ 1 м. до 3 м.	2.350,1	2.040,1	4.390,2	12,98	11,55	12,26
„ 3—6	1.979,1	1.679,8	3.658,9	10,92	9,51	10,22
„ 6 м.—1 г.	1.923,1	1.750,3	3.673,4	10,61	9,91	10,26
До 1 г.	8.333,4	7.170,8	15.504,2	46,00	40,60	43,30
Отъ 1 г.—5	2.670,3	2.604,2	5 274,5	14,79	14,74	14,76
До 5 л.	11.003,7	9.775,0	20.778,7	60,79	55,34	58,06
Отъ 5—10	668,7	630,7	1.299,4	3,69	3,57	3,63
„ 10—15	265,2	575,3	840,5	1,46	3,26	2,36
„ 15—20	263,5	289,4	552,9	1,46	1,63	1,54
„ 20—25	319,1	337,6	656,7	1,76	1,91	1,84
„ 25—30	305,2	375,6	680,8	1,67	2,11	1,89
„ 30—35	335,2	382,3	717,5	1,85	2,22	2,03
„ 35—40	888,5	423,1	811,6	2,16	2,39	2,28
„ 40—45	415	425,4	840,4	2,22	2,40	2,31
„ 45—50	495,2	459,8	955	2,73	2,60	2,66
„ 50—55	510,9	522,8	1.033,7	2,82	2,95	2,88
„ 55—60	585,3	644,6	1.229,9	3,23	3,65	3,44
„ 60—65	702,8	849,2	1.552	3,98	4,80	4,36
„ 65—70	681,7	708,3	1.390	3,77	4,01	3,89
„ 70—75	585,9	601,8	1.187,2	3,23	3,40	3,32
„ 75—80	341,3	365,5	706,8	1,88	2,04	1,96
„ 80—85	167,8	196,7	359,5	0,92	1,11	1,01
„ 85—90	57,8	71,4	129,2	0,31	0,40	0,35
„ 90—95	18,9	25	43,9	0,10	0,14	0,12
„ 95—100	4,1	5	9,1	0,02	0,03	0,03
Выше 100	0,8	1	1,8	0,004	0,005	0,005
Итого	18.116,6	17.660,3	35.776,9	100	100	100

Изъ этой таблицы мы видимъ, что смертность дѣтей въ Вологодской губернии очень значительна. Изъ общаго числа родившихся умираетъ дѣтей до 1 года 34,2⁰/о, тогда какъ вообще

въ Россіи лишь 24,3%. На возрастъ до 5 лѣтъ приходится болѣе половины смертныхъ случаевъ (58,06). Разсматривая по возрастамъ отношенія числа умершихъ мужчинъ и женщинъ, мы замѣчаемъ, что въ теченіи первыхъ 10 лѣтъ смертность мальчиковъ превѣшиваетъ смертность дѣвчонокъ, а затѣмъ на оборотъ, причемъ смертность женскаго населенія особенно значительно превѣшиваетъ въ возрастѣ отъ 60 до 65 лѣтъ.

Цифры смертности по мѣсяцамъ года видоизмѣняются такъ:

				Въ городахъ.	Въ уѣздахъ.
Январь	-	-	-	124,6	2.662,5
Февраль	-	-	-	123	2.371,9
Мартъ	-	-	-	153,1	2.788,8
Апрѣль	-	-	-	148,2	2.983
Май	-	-	-	135,5	2.854,7
Іюнь	-	-	-	131,8	3.220
Іюль	-	-	-	188,6	4.902,9
Августъ	-	-	-	162,4	4.260,5
Сентябрь	-	-	-	103,1	2.258,2
Октябрь	-	-	-	85,6	1.902,8
Ноябрь	-	-	-	96,2	1.885,3
Декабрь	-	-	-	113	2.121,2
Итого - - -				1.565,1	34.211,8
Въ губерніи.				Сред. чис. умершихъ.	% отнош. къ общ. чис. умершихъ.
Январь	-	-	-	2.787,1	7,8
Февраль	-	-	-	2.494,9	6,9
Мартъ	-	-	-	2.941,9	8,3
Апрѣль	-	-	-	3.131,2	8,8
Май	-	-	-	2.990,2	8,4
Іюнь	-	-	-	3.351,8	9,4
Іюль	-	-	-	5.091,5	14,2
Августъ	-	-	-	4.422,9	12,4
Сентябрь	-	-	-	2.361,3	6,6
Октябрь	-	-	-	1.988,4	5,5
Ноябрь	-	-	-	1.981,5	5,5
Декабрь	-	-	-	2.234,2	6,2
Итого - - -				35.776,9	100

Эти данные показывают, что смертность съ Января повышается въ Февралѣ; возвышается затѣмъ въ Мартѣ и Апрельѣ, она снова падаетъ въ Майѣ, потомъ опять повышается до Июля, послѣ чего она понижается вплоть до Декабра, гдѣ она опять нѣсколько повышается. Самая сильная смертность бываетъ лѣтомъ (36%), въ особенности въ Июль и Августъ (26,6%), а наименьшая осенью (17,6%). Такимъ образомъ кривая данныхъ о распредѣленіи смертности по мѣсяцамъ года совершенно противоположна Западно—Европейскимъ. Въ тѣ именно мѣсяца (Іюль и Августъ), на которые у насъ падаетъ максимум смертности, тамъ смертность всего слабѣе: Это можетъ быть отчасти объяснено сильною смертностью дѣтей, особенно среди сельскаго населенія, во время лѣта, что можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ:

	Въ городахъ.			Въ уѣздахъ.		
	Ум. до 5 л.	Выш. 5 л.	Всего.	Ум. до 5 л.	Выше 5	Всего.
Іюнь	57	74,8	131,8	2.092,4	1.259,4	3.351,8
Іюль	103,6	85	188,6	3.762,5	1.329	5.091,5
Авг.	90,6	71,8	162,4	3.148,7	1.274,2	4.422,9
Итого	251,2	231,6	482,8	9.003,6	3.862,6	12.866,2

То есть, въ городахъ умершіе до 5 л. возраста составляютъ 52, а въ уѣздахъ 70% общаго числа умершихъ; за три лѣтніе мѣсяца, и вообще лѣтомъ умираетъ 44,5% общаго числа умершихъ до 5 л. возраста. Такая сильная смертность дѣтей въ сельскомъ населеніи обуславливается главнымъ образомъ тѣмъ, что это время усиленнаго земледѣльческаго труда, „страдное“ время. Никогда ребенокъ не лишается груди матери на столь продолжительные сроки, никогда онъ не получаетъ молока болѣе недоброкачественнаго, какъ лѣтомъ; такъ какъ недостаточность питанія, истощеніе отъ тяжелаго труда и зноя — все это крайне вредно дѣйствуетъ на организмъ матери и отражается не только на качествѣ молока, но и на его количествѣ. Приходится прибѣгать къ суррогатамъ,

приходится слишком преждевременно замѣнять необходимую для младенца жидкую и удобоваримую пищу такой, которую не всегда вынесетъ желудокъ и взрослого человѣка, что, конечно, очень часто влечетъ за собою серьезное разстройство органовъ питанія и смерть. Кроме того надо замѣтить, что никогда ребенокъ такъ не представляется на жертву всякимъ случайностямъ, какъ въ это время, потому что все взрослое и способное къ работѣ населеніе деревни съ утра до вечера въ полѣ, и ребенокъ остается на рукахъ своего иногда 5—6 лѣтняго брата или сестры, которые не только не могутъ исполнять обязанностей няньки, но даже сами нуждаются въ присмотрѣ. Въ это то время и свирѣпствуютъ эпидеміи дѣтскихъ болѣзней, порождаемые выше указанными неблагоприятными гигиеническими условіями.

» Сверхъ вышеуказаннаго числа умершихъ приходилось ежегодно:

	Муж. п.	Жен. п.	Обоег. п.	
Мертворожденных	148,2	—	101,4	— 249,6
Найденныхъ мертв.	37,5	—	13,2	— 50,7
Скоропостижно умер.	140,9	—	48,5	— 190,4
				{ Всего 241,1

Слѣдовательно на 100 рожденій приходилось мертворожденных—0,52, а жертвы случайной смерти составляютъ—0,67% общаго числа умершихъ.

Разность между цифрами родившихся и умершихъ представляетъ по годамъ, какъ видно изъ слѣдующей таблицы, довольно значительныя колебанія.

	Родилось.	Умерло.	Разность.	% приращенія.
Въ 1867 г.	44.398	31.058	13.340	1,37
„ 1868 „	41.885	38.680	3.205	0,33
„ 1869 „	45.884	38.402	7.482	0,75
„ 1870 „	48.743	29.508	19.235	1,91
„ 1871 „	45.495	36.684	8.811	0,81
„ 1872 „	48.991	38.599	15.392	1,49
„ 1873 „	50.259	36.319	13.940	1,34
„ 1874 „	49.994	35.627	14.367	1,36
„ 1875 „	50.843	39.188	11.655	1,09
„ 1876 „	51.625	38.704	12.921	1,18
Средн. чис	47.811,7	35.776,9	12.034,8	1,18

Разность между числомъ родившихся и умершихъ по поламъ была слѣдующая:

	Родилось.	Умерло.	
Мужчинъ .	24.409,4—	18.116,6—	6.292,8
Женщинъ .	23.402,3—	17.660,3—	5.742
Итого .	47.811,7—	35.776,9—	12.034,8

То есть процентъ приращенія составляетъ для мужскаго населенія—1,27, а для женскаго—1,09, но въ дѣйствительности женское населеніе возрастаетъ быстрее мужскаго, такъ какъ значительное количество мужчинъ, умирая за предѣлами родины (солдаты, отхожіе промышленники), не попадаетъ въ списки умершихъ. Отдѣльно по городамъ и уѣздамъ процентъ прироста видоизмѣняется такъ:

Г о р о д а:	Средн. ч. родивш.	Средн. ч. умерш.	Разность	% приращенія.
Вологда .	638,6	703,5	—64,9	—0,38
Грязовець .	82,2	90,1	— 7,9	—0,36
Кадниковъ .	55,5	57,7	— 2,2	—0,14
Вельскъ .	48,4	42,3	6,1	0,44
Тотьма .	119,9	127,6	— 7,7	—0,23
Устюгъ .	298	265,5	32,5	0,41
Никольскъ .	64,1	54,5	9,6	0,54
Сольвычегодскъ	36,2	36,9	— 0,7	—0,05
Яренскъ .	29,3	26,6	2,7	0,23
Устьинскъ .	130,8	96,4	34,4	0,95
Лальскъ .	39,4	30,8	8,6	1,56
Красноборскъ	28,1	21,1	2	0,3
Верховажскій посадъ	11,5	12,1	— 0,6	—0,1
Итого .	1.577	1.565,1	— 11,9	—0,027

У ѣзды:	Средн. чис. родившихся.	Средн. чис. умершихъ.	Разность.	% прироста.
Вологодскій	5.185,6	4.198	987,6	0,82
Грязовецкій	4.086	3.162	924	1,13
Кадниковскій	7.402,1	5.945,4	1.456,7	0,97
Вельскій	3.556,3	2.611,9	944,4	1,19
Тотемскій	5.374,7	4.042,4	1.332,3	1,15
Устюжскій	5.085,1	3.928,3	1.156,8	1,19
Никольскій	6.690,2	4.625,8	2.064,4	1,51
Сольвычегод.	4.201,7	2.906,4	1.295,3	1,45
Яренскій	1.434,3	923,4	510,9	1,47
Устьинскій	3.218,7	1.868,2	1.350,5	1,92
Итого	46.234,7	34.211,8	12.022,9	-1,23

Мы видимъ, что процентъ возрастания городского населенія крайне незначителенъ. Во многихъ городахъ (Вологда, Грязовецъ, Тотма и др.) замѣчается даже убыль вслѣдствіе перевѣса смертныхъ случаевъ надъ рожденіями, такъ что населеніе этихъ городовъ безъ посторонняго прилива вымерло бы въ теченіи извѣстнаго времени. Изъ уѣздовъ наибольшую прибыль даютъ сѣверо-восточные, а наименьшую югозападные, то есть процентъ возрастания населенія обратно пропорціоналенъ его плотности. По мѣсяцамъ года естественный приростъ населенія распредѣляется такимъ образомъ.

Въ городахъ.	Средн. ч. родившихся.	Средн. ч. умершихъ.	Разность.
Январь	153,6	124,6	31 +
Февраль	135,2	123	12,2 +
Мартъ	136,5	153,1	—16,6
Апрѣль	120,8	148,2	—27,4
Май	120	135,5	—15,5
Іюнь	137,7	131,8	5,9 +
Іюль	138,5	188,6	—50,1

Въ городахъ.	Средн. ч. родившихся.	Средн. ч. умершихъ.	Разность.
Августъ	128,5	162,4	—33,9
Сентябрь	123,7	103,1	20,6+
Октябрь	139,7	85,6	54,1+
Ноябрь	128,2	96,2	32+
Декабрь	112,6	113	—0,4
Итого	1.577	1.565,1	11,9

Въ уѣздахъ.	Средн. чис. родившихся.	Средн. чис. умершихъ.	Разность.
Январь	4.207,9	2.662,5	1.635,4 +
Февраль	3.767,4	2.371,9	1.395,5 +
Мартъ	3.664,7	2.788,8	875,9 +
Апрѣль	3.248,9	2.983	265,9 +
Май	3.482,3	2.854,7	627,6 +
Июнь	3.914,7	3.220	694,7 +
Июль	4.548,3	4.902,9	—354,6
Августъ	4.552,9	4.260,5	292,4 +
Сентябрь	3.896,9	2.258,2	1.638,7 +
Октябрь	4.367,6	1.902,8	2.464,8 +
Ноябрь	3.854,3	1.885,3	1.969 +
Декабрь	2.638,8	2.121,2	517,6 +
Итого	46.234,7	34.234,7	12.022,9

Въ губерніи.	Средн. чис. родившихся.	Среднее число умершихъ.	Разность.
Январь	4.453,5	2.787,1	1.666,4 +
Февраль	3.902,6	2.494,9	1.407,7 +
Мартъ	3.801,2	2.941,9	859,3 +
Апрѣль	3.369,7	3.131,2	238,5 +
Май	3.602,3	2.990,2	612,1 +
Июнь	4.052,4	3.351,8	700,6 +
Июль	4.686,8	5.091,5	—404,7

Въ губерніи.	Сред. чис родившихся.	Средн. число умершихъ.	Разность.
Августъ .	4.681,4	4.422,9	258,5 +
Сентябрь .	4.020,6	2.361,3	1.654,3 +
Октябрь .	4.507,3	1.988,4	2.518,9 +
Ноябрь .	3.982,5	1.981,5	2001 +
Декабрь .	2.751,4	2.234,2	517,2 +
Итого .	47.811,7	35.776,9	12.034,8

Отсюда видно, что въ уѣздахъ и вообще въ губерніи населеніе убываетъ ежегодно въ Іюль мѣсяцѣ и значительно увеличивается осенью и въ Январѣ, въ городахъ же населеніе убываетъ, кромѣ Іюля, въ Мартѣ, Апрельѣ, Маѣ, Августѣ и Декабрѣ.

Въ заключеніе нашихъ выводовъ, мы въ статистикѣ смертности, которая болѣе всего должна обращать на себя вниманіе общества, представляетъ лишь голыя данныя. Мы вполнѣ сознаемъ, что наше время отличается болѣе реальнымъ и строгимъ изученіемъ всѣхъ предметовъ и особеннымъ стремленіемъ придать всему фактическое достоинство и значеніе. Но освѣщать факты въ настоящемъ явленіи, строго обуславливать ихъ причины, есть дѣло другой науки—медицины. Наши данныя могутъ служить въ этомъ случаѣ вѣрнымъ ей пособникомъ. Только съ помощію наблюденій и затѣмъ уже статистическихъ вычисленій надъ тысячами болѣзней и смертныхъ случаевъ въ различныхъ возрастахъ и классахъ народа, въ разныя времена года, въ разныхъ мѣстностяхъ, городахъ, частяхъ города, деревняхъ и т. д. мы можемъ узнать, какое вліяніе жизненные отношенія имѣютъ на здоровье и смертность. Только посредствомъ такихъ изслѣдованій можемъ рѣшить съ большею вѣрностью главнѣйшія причины болѣзней и смерти и въ извѣстной степени главнѣйшіе законы жизни и здравія. Изъ наблюденій надъ больными и умершими можно извлечь полезнѣйшіе результаты для живыхъ и здоровыхъ.

Жизнь и здоровье, болѣзнь и смерть слѣдуютъ неумолимымъ и неизмѣннымъ, но въ высшей степени простымъ законамъ, по-

стижимымъ для каждаго, кто только захочетъ ближе познакомиться съ ними. Но тысячелѣтія необходимы были, чтобы придти къ такому, повидимому простому заключенію, что человекъ—это крошечное колесо въ колоссальной машинѣ природы, также подлежащее ея законамъ отъ начала до конца ея существованія, что его жизнь и здоровье прямо зависятъ отъ его хорошихъ или худшихъ жизненныхъ отношеній. Жизнь, болѣзнь и смерть суть только необходимые результаты дѣйствія извѣстныхъ силъ и вліяній. Все зависитъ отъ того, живемъ ли мы по вѣчнымъ законамъ нашей природы или нѣтъ? Все, что происходитъ съ нашими организмомъ, есть простая необходимость, неминуемое дѣйствіе извѣстныхъ причинъ и потому опасно не знать послѣднихъ.

Поэты, конечно говорили, что смерть стучится безпристрастно у дверей богатыхъ хоромъ и бѣдныхъ лачугъ. Но на дѣлѣ оно не такъ. Теперь статистически доказано, что рабочіе и бѣднѣйшіе классы, какъ - то: поденщики, ремесленники, фабричные работники и т. п. среднимъ числомъ живутъ отъ двадцати пяти едва до тридцати лѣтъ, между тѣмъ какъ средняя продолжительность жизни всѣхъ состоятельныхъ, высшихъ сословій, доходитъ отъ пятидесяти до шестидесяти, а духовныхъ—даже отъ шестидесяти шести до восьмидесяти лѣтъ, слѣдовательно по крайней мѣрѣ вдвое болѣе средней продолжительности жизни бѣднѣйшихъ классовъ. Въ хорошихъ частяхъ города, гдѣ живутъ высшія и богатѣйшія сословія, умираетъ ежегодно едва одинъ на шестьдесятъ человекъ; а въ худшихъ частяхъ тѣхъ же городовъ—одинъ на двадцать и пятнадцать. Въ Ирландіи умираетъ десятая часть народонаселенія отъ одной нервной горячки, а въ Англіи—едва шестидесятая часть.

Съ большею точностію замѣчали также, что за улучшеніемъ общественнаго попеченія о здоровьѣ, за улучшеніемъ почвы и общественнаго питанія, квартиръ, жилищъ и прочихъ жизненныхъ отношеній слѣдовало всегда и улучшеніе состоянія общественнаго здравія, пониженіе смертности; и на оборотъ, за упущеніемъ мѣръ общественнаго попеченія о здоровьѣ являлось больше болѣзней, большая смертность. Мы видимъ, что болѣзни и моровыя заразы

исчезают вмѣстѣ съ варварствомъ, необразованностію, народными бѣдствіями и нищетою и вмѣстѣ съ ними опять возвращаются. Въ Лондонѣ умираетъ ежегодно одинъ изъ сорока пяти жителей, въ Берлинѣ одинъ на тридцать восемь, въ Вѣнѣ, Бреславлѣ одинъ на двадцать пять, и въ Новомъ-Орлеанѣ даже одинъ на шесть-надцать. Такое значительное различіе въ цифрахъ происходитъ не отъ положенія этихъ городовъ подъ различными градусами географической широты, а болѣе отъ положенія ихъ подъ различными градусами образованія, общественнаго устройства и благосостоянія.

На наши земскія учрежденія возложена забота о народномъ здоровіи. Земства устраиваютъ больницы, нанимаютъ врачей. Безспорно, это полезно, но не слѣдуетъ забывать, что средства Медицины, употребляемыя врачемъ, могутъ только устранять въ большинствѣ болѣзней извѣстныя препятствія природному леченію и различными путями поддерживать и содѣйствовать ему. Но главное зависитъ отъ нашей же природы, отъ того, въ состояніи ли она возстановитъ насъ или нѣтъ. Найдено, что вообще врачи, вѣрнѣе лечатъ такія болѣзни, которыя вылечиваются сами собою; что врачебное искусство дѣйствительно можетъ оказать нѣкоторую помощь, облегчить то или другое страданіе, но что оно не можетъ существенно измѣнить конечный исходъ болѣзней; словомъ, не имѣетъ почти никакого положительнаго вліянія на окончательное выздоровленіе или смерть больныхъ. Не смотря на многоразличныя врачебныя средства, смертность существенно остается таже, между тѣмъ какъ за надлежащими гигиеническими мѣрами всегда и вездѣ слѣдовало улучшеніе общественнаго здоровья и уменьшеніе смертности.

Членъ — Секретарь *Ф. Арсеньевъ.*

КАРТИНЫ ДАЛЬНЯГО СЪВВЕРА.

Изъ охотничьихъ воспоминаній Ф. А. Арсеньева.

Русскій сѣверъ, дикій, глухой, малонаселенный, безконечно-обширный по пространству, суровый по климату, отличается своими рѣзкими типичными особенностями, въ группировкѣ которыхъ сѣверная природа является тоже своего рода красавицей. Правда — красавицей не страстной, не сверкающей ослѣпительными красками южной природы: зимою въ ней все холодно и молчаливо; угрюмо смотреть сѣрое небо на безграничныя лѣсныя пространства; воды закованы льдомъ. Глубокіе снѣга, трескучіе морозы, глушь, безлюдье, мрачная, однообразная, безжизненная картина. Но временамъ, въ тихія морозныя ночи, вдругъ вспыхнетъ на сѣверномъ горизонтѣ блестящій вѣнецъ. Вотъ онъ расходится все шире и шире: пламя свѣта перебѣгаетъ яркими переливами, переходя то въ матово-синеватый, то въ лиловый, то въ ярко красный кровавый цвѣтъ. Лучистыя полосы, какъ огненныя рѣки, текутъ къ зениту; широкими лентами извиваются онѣ на небесномъ куполѣ, дробятся тамъ, перепутываются. Это сѣверное сіяніе, величественная картина полярныхъ ночей, производящая на наблюдателя неотразимое впечатлѣніе.

Весна здѣсь раскрывается съ необыкновенною быстротою. Съ первымъ ея вѣяніемъ стремительно таютъ снѣга, освобожденные отъ

льда рѣки шумно катать свои волны, широко разливаясь по низинамъ и лугамъ, и воздухъ наполняется безчисленными эскадронами крылатыхъ странниковъ, возвращающихся на свою сѣверную родину изъ временной отлучки: то мелкими стаейками, то тысячными стадами, то беспорядочной толпой, то стройной фалангой летать птицы—какъ будто по уговору—все въ одну и ту-же сторону. Какихъ только голосовъ тогда не слышишь: переблещика журавлей, зычный говоръ гусей, рѣзкій свистъ крыльевъ черной утки, звонкій, металлическій, точно звуки серебряной трубы, крикъ лебедей, гомонъ чайки и рыбалокъ, бормотаніе и чувканье тетеревей, токующихъ по побережьямъ—все это сливается въ одинъ общій шумный хоръ, величественно оживляющій вдругъ пробудившуюся природу.

• Просыпается и лѣсъ отъ своего глубокаго семимѣсячнаго сна; торопливо одѣвается онъ ярко блестящею зеленью. А какъ хорошъ въ теплое весеніе дни бываетъ боровой кондовый лѣсъ на нашемъ дикомъ сѣверѣ: неподвижно стоятъ красныя сосны и кедры съ раскинутыми во все стороны сучьями. Тихъ глубокая окружаетъ мирнымъ покоемъ каждый кустикъ, каждую травку. Только порой раздастся легкій трескъ, сломится и упадетъ засохшій сучекъ, спуститъ еловую шишку бѣлка, закукуетъ вдали кукушка, зычно крикнетъ черныи дятель, перелетая съ дерева на дерево, и вслѣдъ затѣмъ гулко и рѣзко застучитъ въ сухую подстилку своимъ крѣпкимъ клювомъ. Смола вытѣпливается изъ потрескавшейся коры кедровъ и сосенъ. Ея запахомъ наполняется весь боръ,—острымъ, тяжелымъ запахомъ; но чуть замѣтный вѣтерокъ заколышетъ вершины сѣверныхъ великановъ, заиграетъ въ ихъ вѣтвяхъ и освѣжится этотъ запахъ, и отрадно дышется ароматнымъ, смолистымъ воздухомъ.

Щ у г о р ь.

Почти параллельно Уральскому хребту величаво улеглась въ обрывистые берега громадная сѣверная рѣка Печора. Вытекая изъ Пермской губерніи и принимая на своемъ двухтысячномъ протя-

женіи довольно много больших и малых притоковъ, рѣка эта широкимъ русломъ вливается въ Ледовитый океанъ. Уральскія горы мѣстами тамъ близки къ Печорскимъ берегамъ, что кажется тутъ и есть, рукой подать: такъ отчетливо и рѣзко рисуется этотъ горный кряжъ на восточномъ горизонтѣ. На равнинѣ между Печорою и Ураломъ, параллельно съ послѣднимъ, часто встрѣчаются отдѣльные кряжи, которые называютъ Зыряне пармами. Одинъ изъ пармъ длинная, другія короче, но все онѣ образовались въ видѣ складокъ при поднятіи Уральского хребта. Самая длинная цѣпь этихъ горъ извѣстна подъ именемъ Высокой Пармы. Она поворачиваетъ къ сѣверозападу, проходитъ около деревни Почеремъ и расплывается затѣмъ въ плоскость по берегамъ Печоры. Долины у подошвъ уральскихъ откосовъ и отдѣльныхъ кряжей покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ, который постепенно рѣдѣя и перемеживаясь съ лиственными породами, восходитъ до извѣстной высоты, сохраняя прямизну деревьевъ и здоровый ихъ видъ. Граница произрастанія лѣса возвышается и понижается смотря по крутизнѣ склоновъ и по странѣ свѣта, къ которой они сходятъ: болѣе всего понижается эта граница обыкновенно на сѣверозападной сторонѣ горъ, потому что дующіе съ сѣверозапада холодныя вѣтры задерживаютъ ростъ и развитіе деревьевъ. Надъ чернотою лѣса крутыми подъемами возвышаются горы, которыхъ самыя крайніе очерки принимаютъ преимущественно двѣ отличныя одна отъ другой формы: или длинныя хребты съ скалистыми ребрами, или круглыя кегли совершенно похожія на базальтовыя и трахитовыя горныя вершины другихъ странъ. Пологости и проходы въ горахъ покрыты мохомъ и чахлою травою, выступающей изъ черныхъ щелей и трещинъ дикаго камня. Вдоль источниковъ, которые обыкновенно здѣсь берутъ свое начало съ горъ, тянется мѣстами ивовый кустарникъ, заглушенный высокими травами и представляющій разнымъ водоплавающимъ птицамъ излюбленнѣйшія мѣста для свиванія гнѣздъ. Крутые скаты и вершины всѣхъ горъ представляютъ нагроможденныя въ безпорядкѣ кучи каменныхъ глыбъ, переходящія иногда въ отвѣсныя, зубчатая, изрѣзанныя щелями стѣны. На высотахъ, покрытыхъ кучами камней, растутъ одни только лишай.

Еще выше, и только тамъ, гдѣ отвѣсныя скалы оканчиваются небольшими площадками, по берегамъ пробивающихся изрѣдка источниковъ, засѣдаетъ мохъ и мурава—единственные признаки жизни мертвыхъ окрестностей. Выходъ на эти горныя стремнины весьма затруднителенъ: надобно подниматься съ большою осторожностію, чтобъ не ступить на шаткій камень, который легко можетъ поторить равновѣсіе и покатиться въ пропасть вмѣстѣ съ входящимъ человѣкомъ; но за то по этимъ глыбамъ можно, какъ по лѣстницѣ, достигнуть такихъ высотъ, на какія при другомъ образованіи горъ не могъ бы взобраться и самый отважный альпійскій охотникъ. На одномъ изъ откосовъ Урала возвышается гора съ обнаженнымъ теменемъ, извѣстная подъ именемъ Моцкаго Болвана. Остатокъ названіе: Остяки называютъ себя—Манци. Это одно изъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ еще до сихъ поръ сохранился обычай Остяковъ приносить своимъ идоламъ жертвы. На такихъ жертвенникахъ нерѣдко встрѣчаются поставленные на камняхъ или воткнутые на шесть оленьи черепа съ рогами и разбросанные въ безпорядкѣ кости заколотыхъ въ жертву животныхъ. Страненъ обычай Остяковъ убивать животныхъ назначенныхъ для этой цѣли: они заколачиваютъ оленю всѣ отверстія: ноздри, ротъ, уши и проч. деревянными кольями и этимъ мучительнымъ способомъ умерщвляютъ его. Въ прежнія времена, впрочемъ, давнія, Остяки приносили въ жертву идоламъ, кромѣ оленей, также серебряныя украшенія и монеты, но съ того времени, какъ нѣкоторые ссыльные въ Обдорскѣ сдѣлали въ отыскиваніи остяцкихъ жертвенниковъ и въ обираяніи съ нихъ серебра—очень выгодный для себя промыселъ, такія жертвоприношенія прекратились.

Противъ селенія Усть-Щугора, прорѣзавъ Бѣджди Парну, впадаетъ въ Печору Щугоръ, вытекаая изъ Уральскихъ горъ. Рѣка эта по своему чрезвычайно извилистому пути имѣетъ протяженіе не болѣе 350 верстъ; она очень глубока и необыкновенно быстра, какъ вообще всѣ горныя рѣки, имѣющія крутое паденіе. Прозрачность воды въ Щугорѣ изумительная: маленькіе камешки, песчинки крупнаго хрища—можно разсмотрѣть въ ней на саженой

глубинѣ. Вода въ Печорѣ довольно чиста, но когда вливаетъ въ нее свои струи Щугоръ, онѣ рѣзко отличаются отъ Печорской воды, не утрачивая своей прозрачности на нѣсколько верстъ внизъ по теченію Печоры, около праваго ея берега.

Въ концѣ Іюля 186... года, въ легкой, но приспособленной для дальнихъ переѣздовъ лодочкѣ, спускаясь внизъ по теченію Печоры вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ по путешествію П. Д. Волковымъ и промышленникомъ Зырянномъ, заматерѣлымъ охотникомъ и рыболовомъ—Алексѣемъ Теньтюковымъ, добрались мы до устья Щугора, изслѣдованіе котораго входило въ планъ нашей поѣздки по Печорскому краю. Погода стояла превосходная. Мучительное комариное время уже прошло. Мы перенесли его на верховьяхъ Печоры. Комары на Печорѣ въ концѣ Мая, Іюня и началѣ Іюля, это одна изъ невыносимыхъ казней египетскихъ: мириады этихъ кровопійць—какихъ-то особенныхъ, необыкновенно крупныхъ, рыжеголовыхъ,—нападаютъ на человѣка и на всякое живое существо тучами, мѣшаютъ ѣсть, пить, работать, думать; отъ нихъ нѣтъ спасенія: накомарники *) не помогаютъ; они какъ-то ухитряются залѣзть и подъ нихъ; да въ знойные дни и душно въ накомарникахъ; смазываніе открытыхъ мѣстъ тѣла пахучими веществами не служитъ ни къ чему. Одинъ только вѣтеръ нѣсколько прогоняетъ несносныхъ пискуновъ.

Къ Щугору мы прибыли на солнечномъ восходѣ. Надъ водою колыхался туманъ. По лѣвую сторону Печоры безконечно широко разстилась равнина съ поросшимъ на ней темнымъ лѣсомъ,—по правую, вдали отъ береговой полосы, возвышались горы, изъ за которыхъ солнечные лучи золотомъ обливали покойную поверхность водъ Щугорскаго устья, доходящаго сажень до ста ширины. Берега Щугора при устьѣ на пространствѣ двухъ или трехъ верстъ состоятъ изъ наносной равнины, поросшей березами и ивами, и чѣмъ далѣе къ камню**) тѣмъ выше они поднимаются, переходятъ въ угоры, дѣлаются каменистѣе и покрываются хвойнымъ лѣсомъ.

*) Сѣтъю, надѣваемыя на голову и лицо въ родѣ пчелиныхъ, употребляемыхъ при выщипаніи меда изъ ульевъ.

**) Горный кряжъ Урала.

По прибрежной равнинѣ Щугора кой-гдѣ разбросаны поляны. Дымившіяся парь съ этихъ полянъ и крикъ чаекъ изобличали присутствіе *курей* (луговыхъ озеръ).

Мы сдѣлали привалъ къ луговой части берега, заѣхавши въ заводь, образовавшуюся подь небольшою острою коскою. На красивой луговинкѣ, подь раскидистой ивой, въ виду двухъ громадныхъ рѣвкь, устроилась наша временная стоянка.

— Какъ у насъ запасъ провизіи, Павелъ Дмитріевичъ? на исходѣ надо полагать, обратился я къ своему товарищу, завѣдывавшему въ пути хозяйствомъ.

— Поздержались таки; чаю и сахару еще много; а вотъ на счетъ хлѣба насущнаго—плоховато: одни только сухари и остались; соли довольно.

— Значить—жить еще можно; о приваркѣ только позаботиться слѣдуетъ: кэскурсію охотничью сочинить нужно.

— Вали на курь; всякой утки здѣсь—что мякны, не перестрѣлять; а мы съ Алексѣемъ въ прозрачныхъ чертогахъ справку наведемъ: рыбешки не поймаемъ-ли.

Съ собою взяты были разныя рыболовныя принадлежности: удильные крючки, животные крюки, жерлицы и даже небольшія ботальныя мережи. Въ длинномъ путешествіи по малонаселенному краю эти рыболовныя снасти оказывали намъ большую услугу въ продовольственномъ отношеніи.

Затянувъ патронташъ, перекинувъ сумку черезъ плечо и ружье за спину, я направился на крикъ чаекъ, рассчитывая попасть или на большое торфяное озеро, или на водомоину. Последнія часто встрѣчаются въ луговыхъ припечорскихъ низинахъ. Образованіемъ ихъ служатъ быстро стекающіе съ горъ потоки, во время весенняго таянія снѣговъ. Такія водомоины, или черторои, обростають по берегамъ рахитникомъ, заглупаються болотными травами и служатъ превосходнѣйшимъ мѣстомъ для обитанія утокъ.

Сначала пришлось мнѣ пробираться сквозъ частый кустарникъ; но я скоро вышелъ на луговяну, которая извилистымъ долючкомъ тинулась около березовой рощи. Черезъ четверть часа ходьбы долина начала принимать все болѣе широкіе размѣры и наконецъ

раскинулась обширнымъ сѣнокошнымъ наволокомъ. Налѣво, къ угору, свернула вода; я повернулъ къ ней. Подхожу,—логъ, сажень около двадцати ширины, съ сухими берегами; по окраинамъ—осока, на водѣ широкіе листья лопуха покачиваются вѣтеркомъ, и мѣстами рѣзвуть плотно заткала воду, разбросавшись по ней своими колючими, мясистыми листьями. Изъ подъ ногъ, изъ осоки, сорвалась кряковая утка: ружье было на плечѣ, я сбросилъ его, взялъ на прицѣлъ, но было уже не въ мѣру, не успѣлъ выстрѣлить: утянула. Черезъ нѣсколько шаговъ еще поднимается пара; я ударилъ по правой: со всего размаха шлепнулся въ воду тяжелый кряковень, гулко раздався выстрѣлъ, какимъ-то перекатистымъ эхомъ застоналъ онъ по равнинѣ и вотъ громадѣйшія стада утокъ различныхъ видовъ начали взлетать изъ осоки и изъ подъ навѣсѣли ракутника, и закружились въ воздухѣ. Шурканье крыльевъ, крякотня, свистъ раздавались со всѣхъ сторонъ. Выстрѣлъ мой надѣлалъ необычайный переполохъ обитателямъ здѣшнихъ болотъ и озеръ: всюду залетали стада, то опускаясь далѣе вновь на воду, то забираясь высоко въ воздухъ. Вотъ мчится прямо на меня нѣсколько десятковъ связей: я далъ имъ сравняться, онѣ взяли надъ моею головою, порвались вправо и сплотились въ клубокъ. Я шарахнулъ въ самую гущу: три штуки покатались въ середину лога. Въ горячности я и не замѣтилъ, что наглушилъ: утки упали далеко отъ берега, достать ихъ невозможно, значитъ не зачѣмъ было и стрѣлять по направленію къ водѣ. Сломилъ я хворостину аршина въ четыре, попыталъ глубину у берега: не хватаетъ до дна; плыть нельзя: водная растительность, плотнымъ ковромъ засѣвшая около береговъ, не позволила-бы двинуться. А убитая дичь покачивается на водѣ: одна связъ лежитъ кверху брюшкомъ; ярко блеститъ на солнцѣ ея бѣлесоватая хлупъ; три штуки вверхъ спишками, опустивши внизъ голозки. Жаль утокъ, хочется ихъ добыть, но я не могъ придумать средство—какъ-бы это сдѣлать: хоть-бы веревка была, навязать бы палку, забросить далѣе за утокъ и, такимъ способомъ, прилавить ихъ къ берегу. Это случалось практиковать съ успѣхомъ, но веревки не было.

Вѣтерокъ сталъ дуть посильнѣе, зарыбилъ поверхность лога

и погнать мою дичь къ противоположной сторонѣ. Двѣ утки, заносенныя въ рѣзунъ, засѣли въ несть безнадежно, другія двѣ угодили въ небольшую чистенькую прогалинку и довольно близко подбились къ берегу; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось отсюда. Слѣдовало обойти логъ, чтобы достать утокъ съ той стороны. Зарядивъ ружье, я пошелъ по окраинѣ лога, но направленною къ лѣсу: Печора оставалась у меня назади, а Щугоръ съ лѣвой руки. Не прошелъ я и ста шаговъ, какъ услышалъ позади себя необыкновенный шумъ въ воздухѣ: я обернулся, вижу—летитъ какой-то большой ястребъ, сдѣлалъ кругъ надъ моими убитыми утками, легъ надъ водою, вытянулъ поджатныя ноги и подхвативъ крикушу, тяжело поднялся съ нею на противоположный берегъ, пролѣтѣлъ надъ ракитовой зарослью и спустился за кустомъ. Обидно, подумалъ я, досталась добыча чорту въ лапы, а подлѣтать ничего нельзя: не перескочишь черезъ воду. Я прибавилъ шагу, изъ опасенія, чтобы и остальныхъ утокъ не постигла та же участь.

Мѣстность начала понижаться, перейдя въ сырватую съ небольшими болотистыми впадинами. Наконецъ я уперся въ довольно большое кочковатое болото, сплошь заросшее густою осокою. Изъ лога вдавался въ это болото заливъ. По берегу лога пробираться дальѣе не было возможности, я взялъ влѣво и пошелъ въ обходъ болота, держась его окраины. Изъ подъ ногъ вырвался бекасъ, потомъ другой, наконецъ вдругъ поднялось штукъ пять: я не выдержалъ и послалъ голеенастикамъ два выстрѣла въ догонку: крупная дробь не задѣла ни одного, но выстрѣлы подняли вновь безчисленное множество дичи: кромѣ утокъ, всюду залетали стада куликовъ, быстро прочалась воалѣ меня станичка ржанокъ, закружились въ воздухѣ кроншнепы, зычно гдѣ-то крикнулъ гусь и благимъ матомъ загадѣли журавли. Во истину, великое и обильное царство пернатыхъ. Отъ такого множества всевозможной болотной дичи рьяному охотнику можно обезумѣть. Я и обезумѣлъ: съ изумленіемъ, какъ шальной, забывъ зарядить ружье, смотрѣлъ я на кружащіяся стада. Если сравнить ихъ со стадами летающихъ грачей надъ вершинами старыхъ березъ обширнаго заброшеннаго сада или съ сѣткою галокъ надъ городскими церквами, то

это будетъ весьма-слабое понятіе того, что совершалось надо мною... И все это пищало, рычало, крикало, все это производило какой-то невообразимый смѣшанный гвалтъ. Черезъ четверть часа разсѣлась снова дичь по мѣстамъ, снова все затихло, лишь изрѣдка слышалась перекличка криковыхъ утокъ и клыканье бѣлоголовика, на недосыгаемой вышинѣ парившаго надъ озерами. Зарядивъ ружье, я двинулся по избранному пути. Болото становилось глуше, водянистѣе. Изъ травы грузно поднималась утка и новалилась съ выстрѣла; изъ налетѣвшаго на меня вслѣдъ за этимъ стада ржанокъ—я изъ лѣваго ствола вышибъ трехъ штукъ; потомъ еще убилъ вскорѣ пару утокъ. Черезъ четверть версты берегъ болота сдѣлался суше. Показались кустарники можжевельника и рѣдочи еловой подростя. Вдругъ изъ одного еловаго куста, мимо котораго я проходилъ, поднялась съ большимъ шумомъ какая-то крупная птица; на секунду она застряла въ верхинахъ деревъ и потомъ вытянула передо мною на чистовину: вижу—глухарь; я хватилъ его впоперечь: свалился, какъ снопъ. Выстрѣлъ до того былъ удаченъ, что даже досадно сдѣлалось, что некому было полюбоваться на него со стороны; глухарь матерый, громадныхъ размѣровъ—около 20 фунтовъ вѣсу. Зарядъ угодилъ ему въ бокъ и уложилъ наповаль.

Казалось бы и будетъ дичи, можно бы и назадъ возвратиться къ лодкѣ, но жаль было оставить убитыхъ утокъ, за которыми я пошелъ въ обходъ, да и мѣстность настолько меня заинтересовала, что мнѣ захотѣлось еще походить, поизслѣдовать ее. Двинулся далѣе. Кустарникъ дѣлался плотнѣе и наконецъ перешелъ въ еловую чащу, составляющую опушку сплошнаго лѣса, въ который съ правой стороны отъ болота вдавалось остринъ угломъ чистое озерко. Продираясь сквозь ельникъ, я началъ обходить это озерко. На срединѣ его, внѣ выстрѣла, ныряли около десятка чернетей. Замѣтивъ меня, онѣ сжались въ кучу и поберкивая, изогнувъ головки нѣсколько въ сторону, вдавившись какъ то въ воду по самую шею, бойко поплыли къ противоположному берегу. Обойдя озерко, я снова вышелъ на обширную луговую пожню и все держась берега, началъ, какъ мнѣ показалось, возвращаться съ противо-

положной стороны назадъ, къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ убитыхъ утокъ. Но вдругъ я уперся въ поперечную промоину, сажень около семи ширины; она отрѣзала мнѣ возможность обхода. Слѣдовало бы воротиться назадъ, но продираться вновь сквозь лѣсную чащу идти старымъ мѣстомъ, не достигнувъ цѣли, мнѣ не захотѣлось и я пошелъ по берегу промоины, въ надеждѣ отыскать бродъ. Мѣстами промоина служивалась до трехъ сажень, мѣстами расширялась сажень до двадцати и болѣе. Изъ-подъ нависли ракетника, кой-гдѣ ракиндавшагося по окраинѣ промоины, поднимались довольно часто свѣязи и кряквы; но былъ во мнѣ уже полегся: я не стрѣлялъ ихъ—не потому, впрочемъ, что находилъ мой ягташъ достаточно наполненнымъ, но съ подъема утки направлялись на противоположную сторону и я не былъ увѣренъ, что убивши, воспользуюсь ими.

Я шелъ по берегу промоины около версты: мѣсто было открытое, плоское. Вижу—впереди опять вода. Я натолкнулся на новое озеро, съ которымъ соединялась промоина, представлявшая такимъ образомъ проливъ между двумя небольшими водоемами. Почувствовавъ нѣкоторую усталость, я присѣлъ отдохнуть на берегу озера. Оно было круглой формы и имѣло въ поперечникѣ около 200 сажень. Судя по наружному виду, глубина въ немъ вѣроятно весьма значительна, потому что, несмотря на прозрачность воды, дно не просвѣчивалось. Окраины озера сухи, мѣстами обросшія ракетникомъ. Берегъ съ моей стороны—отлогій, луговой, а противоположный, прилегающій уже къ горнымъ склонамъ уральскаго кряжа, крутой и обрывистый, съ скалистыми осыпями, по урѣзу которыхъ тянулся небольшой сосновой лѣсокъ. Озеро было красиво; гладкая поверхность воды лоснилась, какъ стекло. Множество чаекъ вились и орли надъ водою; кое-гдѣ плавали гагары, да громадное стадо чернетей то и дѣло перелетало съ мѣста на мѣсто. Изрядка вслоскивалась рыба; расходящіеся широко круги на водѣ показывали, что экземпляры водяныхъ обитателей были изрядной величины.

Время близилось къ полудню. Солнце пригрѣвало такъ усердно своими горячими лучами, что мнѣ захотѣлось поосвѣжиться въ озерѣ, свѣтлая прозрачная вода котораго такъ и тянула выку-

паться. Раздѣвшись, я бросился въ воду; у самаго берега глубина озера оказалась чрезвычайная: опустившись, я не могъ достать дна; берега сходили въ воду не только отвѣсной стѣной, но еще нѣли подъ себя подмоины, или, какъ называютъ рыбаки, пазухи, куда удобно укрыться рыбѣ при ловлѣ ся неводомъ и вообще всякими сѣтями. Мнѣ не разъ случалось видѣть въ окрестностяхъ Шексны побольшія съ подобными свойствами озеринны. Въ нихъ всегда было множество рыбы, которую изъ этихъ бездонныхъ котловъ, съ глубокими рывинами, далеко уходящими подъ берега, невозможно добыть никакими снастями, кромѣ единственной, самой ничтожной между рыболовными принадлежностями, — это удочки. И здѣсь, купаясь въ водахъ неизвѣстнаго мнѣ озера, пріютившагося въ пустынной мѣстности на склонѣ уральскихъ отроговъ, я искренне пожалѣлъ, что въ моемъ ягташѣ не было въ запасѣ этого скроунаго рыболовнаго снаряда. Не смотря на мое бултыханье въ водѣ, рыба то и дѣло плавилась во всѣхъ мѣстахъ озера, даже около самаго меня. Часто, при сильномъ всплескѣ, дробно разсыпалась мелкая рыбешка въ разныя стороны, почему можно было безошибочно судить, что это щуки или окуни гонялись за добычею. „Жерлицы бы пустить на колодекахъ, животныя крюки поставить бы, желькало у меня на мысляхъ, не остаться ли на устьѣ Щугора на сутки для потѣхи, придти сюда съ Павломъ Дмитриевичемъ и попытать счастья; ужъ поговорю съ нимъ, размышлялъ я: можетъ и согласится“.

Послѣ купанья, меня начало клонить ко сну. Наканунѣ, плывя по Печорѣ, мы почти всю ночь не спали изъ желанія поспѣть къ утру на устьѣ Щугора, да и побродилъ я, должно быть, многонокко: дѣлая обходы половецъ, болотъ и озеринъ, я исколесилъ порядочное пространство, такъ что чувствовалъ утомленіе. Я прилегъ на случившійся тутъ небольшой холмикъ. Надо мною раскидывалась безконечная, недосыгаемая высь блѣдно-голубаго неба; солнце сіяло ярко; на западѣ грозоздились отличавшіе жемчужникъ блестящомъ комья небольшихъ облаковъ; на востокѣ обрисовались зубчатая вершина горнаго кряжа, вадняаясь въ высоту камины-то фіолетовными буграми; ниже ихъ темною полосой разстиался хвой-

ный лѣсъ. Направо, верстахъ въ четырехъ, виднѣлись береговныя очертанія Печоры, верхніе плеса которой въ крутыхъ изворотахъ блестяли широкими серебряными лентами. Оглядѣвши мѣстность, я сообразилъ гдѣ находится устье Щугора и наша стоянка. Заблудиться было невозможно. Хотя я на этотъ счетъ и успокоился, но среди пустынной, безлюдной мѣстности чувствовалъ какъ-то совершенно себя одиокимъ: ничто здѣсь не изобличало присутствія человѣка, не было слышно ни говора, ни пѣсни людской, никакого отклика. Но въ то же время иная жизнь, жизнь природы непрерывно обхватывала меня со всѣхъ сторонъ: безчисленные голоса чаекъ оглашали окрестность громкими, словно чего-то вымаливающими криками; стаи куликовъ сновали передо мною безпрестанно, перекличка криковыхъ утокъ раздавалась со всѣхъ сторонъ. Наюханье рыбъ по озеру, стояе крачекъ, перелетъ нырковъ, голоса на водѣ, голоса въ воздухѣ не прекращались ни на минуту. Вдругъ около самого меня шарахнулась какая-то разомъ обвѣявшая меня масса: это бѣлоголовикъ кубаремъ ударился въ воду, подхватилъ довольно большую рыбину, взмылъ вверхъ и, ровно махая крыльями, полетѣлъ за озеро, въ полосу чернѣющагося лѣса; его со страшнымъ гваломъ преслѣдовали чайки.

Солнце жгло меня на пригоркѣ невыносимо. Я перебрался въ тѣнь, подъ ракиновый кустъ, къ самому озеру, положилъ ружье около себя и скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Проспалъ я около трехъ часовъ. Когда проснулся—погода поизмѣнилась: съ запада подувалъ довольно крѣпкій вѣтерокъ; кучевныя облачка похаживали по небу. Въ воздухѣ свѣжѣло. На озерѣ, шагахъ въ тридцати отъ меня, плавало стадо штукъ въ тридцать чернетей, безпрестанно нырявшихъ. Я заслоненъ былъ отъ нихъ кустикомъ ракитника, сквозь вѣтви котораго и осмотрѣлъ утокъ. Осторожно поднявъ ружье, подползъ я еще ближе къ кусту, просунувъ сквозь вѣтви стволы, и выждавъ тотъ моментъ, когда чернети скучились, выстрѣлилъ въ средину стада; три остались на мѣстѣ, остальные, поднявшись, залетали по водѣ. Изъ второго ствола, въ уголку, еще вырвалъ одну штуку. Вѣтерокъ

погналъ убитыхъ утокъ къ тому берегу. Я былъ вполне увѣренъ, что ихъ прибѣтъ къ нему прежде, нежели я успѣю обойти озеро; къ обходу-же не представлялось повидимому никакихъ препятствій. Берега сухіе и возвышенныя. Обходъ не великъ, немного болѣе версты, времени до вечера еще много, силы подкрѣпились снова. Я бодро пустился въ путь. На половинѣ обхода окраина озера понизилась, берега отлого сбѣжали къ водѣ и образовался узкій заливъ, вдавшійся въ видѣ языка сажень на сорокъ въ ложину лугового пространства. Залива этого я прежде не замѣтилъ: его закрывалъ отъ меня ракитникъ и ольховыя кусты. Сразу можно было видѣть, что эта часть озера была мелка: по берегамъ осока и кочкарникъ, по водѣ плавуны, ряска и травяныя заросли; противоположная сторона залива состояла совсѣмъ изъ пересохшей отмели, переходящей въ тинистую грязь. Мириады мелкихъ куликовъ разныхъ видовъ бѣгали по болотинѣ, подбирая разную болотную пищу и насѣкомыхъ. Вдругъ я усмотрѣлъ въ концѣ залива, подъ берегомъ, весьма большую птицу, мѣрно шагающую по отмели. По сѣро-пепельному цвѣту и длинному носу я принялъ ее за журавля, но горбатая спина, опущенный кургузый хвостъ, петлей сложенная шея, прижатая къ плечамъ, длинныя косицы на головѣ—все эти признаки изобличали, что это не журавль. Изъ за куста я подошелъ къ птицѣ шаговъ на двадцать; она меня замѣтила и молча поднялась, вытянувъ ноги назадъ, а шею загнувъ на спину; вижу—цапля. Что за чудо! Какую бурю занесло эту обитательницу умѣренныхъ странъ въ такіе далекіе сѣверные предѣлы? Впрочемъ не разъ случалось мнѣ встрѣчать пернатыхъ подъ несоответствующими ихъ обитанію широтами: въ Костромскомъ уѣздѣ, въ обширныхъ луговыхъ пространствахъ поволжья, въ 1854 году, я убилъ пару стрелетовъ; въ Яренскомъ уѣздѣ во ржи не разъ слышалъ крикъ перепеловъ; въ Чевыинскомъ болотѣ, въ остростяхъ Устьенсольска—видѣлъ чернаго аиста.

При обходѣ залива я встрѣтилъ потокъ, узенькимъ ручейкомъ пробирающійся по луговой ложбинѣ. Свободно перешагнувъ его, я скоро достигъ вновь сухой мѣстности и оглянувъ озеро уже съ противоположной стороны, поднимался постепенно все выше и

выше. Вотъ и сосновый лѣсокъ, который я видѣлъ съ того берега. Почва сухая, песчаная, поросшая сѣро-пепельными лишайми. Сосны небольшія, приземистыя, съ кужлавными раскидистыми верхушками. Мѣстами подъемъ былъ крутъ; я шель все къ верху, все въ гору. Сосновая группа деревъ раздалась; я вышелъ на не большую площадку и ахнулъ отъ изумленія: передо мною развернулся вдругъ великолѣпный, поражающій пейзажъ; подъ ногами, надъ крутымъ обрывомъ, круглое, чистое глубокое озеро. Кужлавныя сосны и густыя ивы, и береговая песчаная отмель опрокинулись черезъ отраженіе въ тихую гладь его водъ; далѣе—на западъ обширное луговое пространство, по которому точно сотни раскиданныхъ исполнинскихъ стеколъ ярбо блестяли по всѣмъ направленіямъ курьи и полян, озеринъ и протоки; еще далѣе—широкое плесо Жличественной Печоры, а за нею темное море безкончнаго лѣса, сливающегося непрерывною массою съ горизонтомъ. На востокѣ тоже темная полоса лѣснаго пространства, но ограниченная далѣе волнистою грядою уральскихъ предгорій, рѣзко обрисовывавшихся въ воздухъ своими голыми вершинами. Солнце зашло за тучку: вся даль, вся эта обширная плоскость съ безчисленными озернами потонула въ аломъ блескѣ, облишемъ багровымъ цвѣтомъ и широкое плесо Печоры. Какъ хорошо здѣсь: конца краю нѣтъ этому дикому приволью, не налюбуешься имъ вдосталь. И невольно пришло на мысль: „чтобы здѣсь, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, на влюбѣ, гдѣ стою, построить уютный домикъ, поселиться въ немъ съ самыми близкими людьми и въ этомъ уединенномъ углѣ, среди богато-населенной рыбой и дичью природы, среди немолчныхъ головъ обитателей лѣса и водъ, пожить на свободѣ и вдали отъ горя и поденныхъ заботъ, отдохнуть душою отъ нашей тяжелой исковерканной неправдой людской и общественными условіями—жизни“!...

Береговой обрывъ противъ меня возвышался саженъ на сорокъ надъ водою, но сойти по немъ было возможно, что я и сдѣлалъ, спустившись къ самому заплеску воды, и пошелъ по песчаной отмели, тянувшейся узкою полоскою подъ береговою кручею. Отмель въ разрѣзѣ состояла изъ слоистой глины, въ которой послѣдова-

тельно залежали свѣтлосѣрый плотный известнякъ, глинистый черный сланецъ и зернистый кварцитъ. Скоро нашелъ я убитыхъ мною утокъ; ихъ поднесло всѣхъ четырехъ къ берегу почти въ одно мѣсто. Приторочивъ свою добычу къ ягташу, я снова началъ подниматься на береговую окраину, нѣсколько понизившуюся въ этомъ мѣстѣ. Черезъ нѣсколько шаговъ я попалъ на тропу, торно пробитую по береговому откосу. Всмотрѣвшись въ нее, я различилъ оттиски раздвинныхъ копытъ, отчетливо отпечатанныхъ на глинистой почвѣ. Ясно—это тропа оленей; они хотятъ по ней къ озеру на водопой и купанье. На кустахъ ельника и вересняка, между которыми извивалась тропа, висѣли кое гдѣ клочки оленьей шерсти.

Извѣстно, что въ знойные лѣтніе дни на оленьей кучами нападаютъ насѣкомья, преимущественно овода и слѣпни, кусаютъ и кладутъ въ густую шерсть ихъ свои яйца. Въ эту пору олени— великіе страдалцы, вода для нихъ спасеніе. Забравшись въ нее по шею, они простаиваютъ такимъ образомъ цѣлые дни, выставивши на поверхность одну голову съ вѣтвистыми рогами. Именно на такое мѣсто попалъ я въ настоящую минуту. Спустившись по тропѣ къ самой водѣ, я вышелъ на песчаную отмель: весь песокъ около воды измятъ былъ копытами: именно тутъ, въ этомъ мѣстѣ купаются олени. Но время для этого уже прошло: въ концѣ Юля овода отъ холодныхъ ночей пропадаютъ и олени перестаютъ принимать ванны; а то удобно было-бы и постеречь ихъ здѣсь, конечно съ ранняго утра, запасшись для этой цѣли особыми охотничьими снарядами.

Не отошелъ я и десяти сажень отъ оленьей тропы, какъ замѣтилъ на пескѣ другой слѣдъ, совершенно свѣжій, подѣйствовавшій на меня весьма внушительно: широкая лапа и оттиски громадныхъ когтей несомнѣнно убѣждали меня, что сюда-же является Михайло Иванычъ, для освѣженія озерной водой своей клокастой особы. Встрѣтиться съ нимъ, въ моемъ одиночномъ положеніи, при настоящихъ слабыхъ средствахъ для борьбы, т. е. съ простыми дробовикомъ, съ запасомъ одной шестого номера дроби, было весьма непріятно. Признаюсь откровенно, мнѣ сдѣлалось жутко, какъ Робинзону, открывшему слѣды дикарей на своемъ необи-

темномъ островѣ. Помнится у меня какъ будто шевельнулось что-то подъ картузомъ, мурашки какія-то пробѣжали по кожѣ. А слѣдъ былъ такъ свѣжъ, такъ отчетливъ, что, казалось, медвѣдь былъ здѣсь не только сегодня, но нѣсколько минутъ тому назадъ. Мнѣ даже послышался шелестъ въ новыхъ кустахъ, засѣвшихъ дальѣ сплошною массою около самой воды озера. Первыми кони послѣ такого открытія дѣломъ было подняться снова наверхъ, на ту площадку, съ которой я любовался величественнымъ видомъ. Затѣмъ предстояло рѣшить какимъ путемъ воротиться назадъ къ устью Щугора: идти тѣми-же мѣстами, какими шелъ сюда— надо прадираться сквозь лѣсную чащу, чего мнѣ, изъ опасенія встрѣчи съ медвѣдомъ, крайне не хотѣлось; взять направленіе влѣво, на берегъ Печоры и затѣмъ Печорою дойти до устья Щугора— было далеко. Но все-таки я остановился на послѣднемъ: этотъ путь предстоялъ по открытымъ мѣстамъ, гдѣ сбиться невозможно, да и Печора въ виду; значительная часть ея плеса видна отсюда, а если и скроется она отъ меня, когда спущусь въ низины, то береговые урвыи этой громадной рѣки все-таки будутъ передъ моими глазами. Придется нежеть быть дѣлать обходы озерныхъ и курей, но это ничего: лишніа дѣв — три версты не составитъ для такого ходака, какъ я, большой важности. Да кстати, возвращаясь этимъ направленіемъ, я могъ подобрать и утокъ, убитыхъ первыми выстрѣлами и оставленныхъ на лугу. И такъ надумалъ я взять лѣвое направленіе и съ этимъ рѣшеніемъ обошелъ правую юго-восточную часть озера и спустился въ луговую плоскость.

Но недолго шелъ я по избранному пути; не болѣе какъ черезъ четверть часа, я уверяя въ широкій проливъ: справа онъ соединялся, по моему соображенію, съ тѣмъ логомъ, на которомъ остались утки, слѣва уходилъ въ луговое пространство, неизвѣстно на какое разстояніе. Я пошелъ въ обходъ. Къ счастью пролей служилъ сажень до десяти. По растущей въ узкомъ мѣстѣ густой осоки и болотному хвощу можно было замѣтить, что тутъ неглубоко. Я раздѣлся съ намѣреніемъ перебраться на другую сторону. Спустившись въ воду, попробовалъ съ осторожностію дно, боюсь понасть въ вязиль, изъ которой, пожалуй, ногъ не вытащешь.

Тинистыя, засасывающія озерныя зачастую попадаются на стѣвѣ, да и вездѣ онѣ не рѣдки. Охотясь въ вычегодскихъ болотахъ, близъ Устьемьсольска, я одинъ разъ забился въ такую зыбучую урону, что если-бъ не товарищи, такъ бы и покончилъ въ ней свое земное странствіе. Дно въ пролоѣ оказалось хотя и илистое, но довольно твердое, глубина нешиого выше колѣна. Перобродя, я поднялъ трехъ кряковыхъ утокъ: онѣ съ шумомъ взвились въ воздухъ, сдѣлали небольшой кругъ и спустились въ этотъ же пролоѣ, сажень пятьдесятъ отъ меня далѣе. Но нѣ было не до утокъ: поспѣшно одѣвшись, я почти бѣгомъ пустился впередъ, но направленію къ Печорѣ. Торониться слѣдовало: солнце склонялось къ западу и, кромѣ того, я съ утра ничего не ѣлъ: мнѣ довольно чувствительно началъ докучать голодъ. Все болѣе надвигался вечеръ. Вотъ золотистый дискъ солнца врѣзался въ темносѣрую полобу облака, растянувшагося на горизонтѣ надъ самыми верхушками лѣса; яркими, ослѣпительными цвѣтами разграли края этого облака, принимая причудливыя формы. Лиловый блескъ вечера мягко ложился на широкій просторъ припечорья. Но когда душа не покойна, голова полна тревожными мыслями и желудокъ пустъ, то не до красотъ природы. Я сиѣнилъ изо вѣхъ силъ, а онѣ все болѣе и болѣе ослабѣвали: въ ягтанѣ моемъ было передочно дичи, отъ которой онѣ дѣлался часъ отъ часу тяжелѣе и страшно оттигивалъ плечо. Я отцѣпилъ уже глухаря отъ тороковъ и несъ его въ правой рукѣ: такъ какъ будто полегчало.

Долго бродилъ я между курьями и озерными, то перобродя ихъ въ мелкихъ мѣстахъ, то дѣлая обходы. Все чаще и чаще встрѣчались на моемъ пути препятствія въ видѣ прокозовъ, провоши, горловинъ, проливовъ, логовъ и болотъ. Иногда подходилъ я къ Печорѣ весьма близко, казалось былъ отъ нея не болѣе версты, но вдругъ встрѣтившійся какой нибудь водосѣтъ уклонилъ меня въ противоположную сторону и я снова шелъ прочь отъ Печоры, путаясь между озерными. Усталость и голодъ мучили меня невыносимо, безпомощность положенія и приближающаяся ночь навели страхъ. Я боялся запоздать; мнѣ жутко было ночевать въ этомъ лабиринтѣ водъ, въ которомъ я совершенно сбился съ пути

и не зналъ гдѣ отыскать выхода, понавъ въ безконечный перелетъ воды и земли между собою.

Давно закатилось солнце. Все гуще и темнѣе становились сумерки, все рѣже слышались голоса птицъ и ихъ перелеты. Вотъ и молодой мѣсяцъ блеснулъ на небѣ золотымъ краемъ, звѣздочки вскинулись на востокъ, заря вечерняя поблѣднѣла, стихъ гомонъ чаекъ, не слышно переклички утокъ. Настала ночь. Гдѣ-то вдали, далеко укнулъ филинъ, гагайкнула сова, потомъ простонало что-то, не то олень проревѣлъ, не то росомаха, а можетъ быть и медвѣдь. Я все шель, все блудился во сукодолахъ между озеринами. Наконецъ попалъ я на чистое длинное озеро и пошелъ по его берегу, какъ будто по направленію къ Печерѣ. Ноги едва двигались, болѣе по инерціи. Я былъ пресвычайно утомленъ. Черезъ четверть часа я наткнулся на новую воду: широкая курья соединялась подъ острымъ угломъ съ тѣмъ озеромъ, на берегу котораго я стоялъ, и пресѣкла мѣя путь. Въ изнеможеніи я опустился на траву и рѣшительно растерялся: почевать, развести огня—спичекъ съ собою не было. А въ воздухѣ стало холодѣть, ночь темнѣла, разстроенное воображеніе начало представлять крайніе случаи. Пропадешь, думалось, въ этихъ озерахъ, не выйдти изъ нихъ ни ночью, ни днемъ, съ голоду умрешь, или съ отчаяніи пойдешь по прямой линіи и, перебираясь чрезъ курьи и помон то въ бродъ, то вплавъ, засядешь въ какой нибудь тинѣ, гдѣ такъ и погибнешь; а можетъ быть и медвѣдь прикончитъ: по кустамъ все малинникъ тутъ, можетъ быть косолопая животина ходить по немъ; натолкнешься на него, изуродуетъ, искалечитъ,—такъ и Богу душу отдашь мучительной смертью.

Около часа пролежалъ я на луговинѣ безъ движенія. Сильно началъ прехватывать меня ночной холодъ, а подняться, походить, чтобы согрѣться, возможности нѣтъ: всѣ члены отяжелѣли и требовали отдыха. Ночь была тихая; ни звука жизни. Вдругъ довелись до меня какіе то глухіе удары. Я началъ прислушиваться. Шлепанье по водѣ, бульканье,—все приближалось. Мѣсяцъ выкатился изъ-за тучи и облилъ серебромъ разстилавшееся передо мною озеро. Вижу—какая-то темная масса движется по направленію

ко мнѣ. Чтобы это такое? Слѣжу внимательно, всматриваясь: лодка Сердце выграло радостью: „Господи! неожиданная помощь. Но кто же здѣсь въ этомъ глухомъ углу и ночью, зачѣмъ, что дѣлать въ такую пору?“

— Коди тамъ (кто здѣсь)? закричалъ я по зырянски.

— Кодэсь ень ваз? (кого Богъ дастъ) отвѣчалъ мнѣ густой крѣпкій голосъ человѣка съ лодки.

— Кинуть тачю погдыжыгъ, буръ мортъ, отсавъ кнѣныгъ по туи вошта, зевъ нудзи и пинель сейны! (подымай сюда скорѣе, добрый человѣкъ, помоги мнѣ: я заблудился и умираю съ голоду). Лодка приближалась. Едва коснулась она носомъ берега, какъ я носивши въ нее ввалился: куда и усталость дѣвалась.

— Коди те сэчмъ? (кто ты такой)? спросилъ меня зырянинъ, увидѣвъ вовсе не своего собрата, а какого-то чужака, вѣдомо какъ сюда забравшагося. Я объяснилъ ему о собѣ подробно и просилъ доставить къ товарищамъ на устьѣ Щугора, обѣщая за это вознаградить его деньгами или перехомъ.

— Ничего не нужно *), какія тутъ деньги; на соль развѣ что дашь, и спасибо. Да и самому мнѣ туда же надо: я ить села Усть-Щугора, прѣзжалъ сюда рыбу бѣтать: вишь какихъ карасей наловилъ. И зырянинъ показалъ мнѣ дѣйствительно большого, фунта въ полтора, карася, доставъ его изъ-подъ доски со двя лодки.

— Какъ же мы отсюда выѣдемъ? спросилъ я.

— А вотъ все этой курьей; тамъ будутъ волока: лодку перетащитъ; вотъ вишь какая у меня для этого колесница.

Въ лодкѣ лежали два колеса, выпиленные изъ толстаго кража и надѣтые на деревянную грубо-обдѣланную ось, къ которой привязаны для тяги двѣ веревки въ родѣ постромокъ. Такіе скаты часто употребляютъ зыряне на волокахъ, когда приходится мнѣ перетаскивать лодки черезъ рѣчные перешейки или суходолы между озерами.

*) Находя не совсѣмъ удобнымъ для чтенія приводить въ разговорѣ зырянскія фразы, я буду передавать ихъ на одномъ русскомъ языкѣ, чего намѣренъ держаться и далѣе при мнѣхъ послѣдующихъ встрѣчахъ съ зырянами въ этой повѣдѣ.

Перетаскивъ лодку въ разныхъ мѣстахъ раза три, наконецъ мы добрались до Печоры. Слава Богу, сердце стало на мѣсто.

— Далекое-ли отсюда до Усть-Шугора?

— Да чекмоса два слишкомъ будетъ.

Въ чекмосъ семь верстъ. Далекое же забрался я, путаясь въ луговой низинѣ Припечорья, въ лабиринтѣ озеръ и болотъ.

Около полуночи подъѣхали мы къ нашей стоянкѣ. На берегу у товарищей разведенъ былъ громадный пажогъ. Высокая, сутуловатая фигура Павла Дмитриевича ясно обрисовывалась противъ огня на темномъ фонѣ ночи.

— Ну, разоذلжилъ! протяжно воскликнулъ Павелъ Дмитриевичъ, когда я, выдвинувшись изъ темноты и вступивъ въ кругъ яркаго свѣта, разливаемаго огнемъ, вдругъ явился передъ нимъ, какъ листъ передъ травой.

— Куда это тебя нелегкая занесла?—Мы до страсти перетревожились, думали—случилось что нибудь? Алексѣй и до сихъ поръ тебя ищетъ: въ пятый разъ его посылалъ!

— Да и то случилось: запутался въ озеряхъ; и не выйдти-бы, если-бъ здѣшній рыболовъ, изъ Усть-шугора, не помогъ,—отвѣчалъ я на вопросы Павла Дмитриевича, поспѣшно сбросивъ съ себя яхтантъ и съ наслажденіемъ повалившись на разосланную около костра полсть.

— Здѣсь это возможно; со мной въ этихъ же мѣстахъ года три тому назадъ такая оказія чуть не произошла, да я былъ съ промышленниками, такъ тѣ вывели. Изъ ума вонъ предупредить тебя объ этомъ. Какъ же это ты, съ котораго мѣста запутался-то?

— Во-первыхъ, ѣсть давай что нибудь, я голоденъ, какъ акула!

— Гдѣ-же рыбакъ-то?

— Лодку привязываетъ. Дай-же Христа-радя чего нибудь перекусить!

— Угощу простиѣнно: Алексѣй туку фунтовъ въ десять вытащилъ на жерлицу, да я пару окуней выудилъ громадишнихъ, что твоя поросята: ушицу сварили первый сортъ. Сейчасъ разогрѣю.

И Павелъ Дмитріевичъ повѣсилъ котелокъ съ остатками ухи на колышекъ, по зырянски воткнутой наискось, надъ огнемъ.

Зыряне весьма опытные въ приспособленіяхъ при ночлегахъ подъ открытымъ небомъ, не дѣлаютъ козловъ для котелка, какъ это водится у русскихъ, а зтыкаютъ въ землю колышекъ такимъ образомъ, чтобъ верхній конецъ его приходился какъ разъ надъ угольями. Повѣшенный на колышекъ котелокъ удобнѣе тогда отводить отъ огня въ сторону, когда это бываетъ нужно.

Явился и проводникъ мой.

— Вотъ мой спаситель, рекомендую!

— Товарища моего отъ злой напасти спасъ!... спасибо дружце! Какъ тебя звать-то? обратился къ нему Павелъ Дмитріевичъ.

— Назаръ, изъ Усть-шугора. Вишь въ куряхъ запутался: мѣстовъ здѣшнихъ не знаетъ, а я на этотъ разъ рыбу ботать выѣхалъ.

— Возьми, братъ, вотъ тебѣ за твою услугу цѣлковый; мало, прибавлю, сказалъ я, подавая Назару рублевую бумажку.

— На что мнѣ цѣлковый; не надо мнѣ твоего цѣлковаго, не стоитъ: по пути ѣхалъ; гривенникъ дай на соль да поронку малость.

Я далъ ему гривенникъ и пороху цѣлый фунтъ, чѣмъ Назаръ чрезвычайно остался доволенъ, благодарилъ много и искренно, подарилъ намъ пару большихъ карасей и, простившись, уѣхалъ.

Удовлетворивъ свой голодъ достать ухомъ и затѣмъ напившись чаю, я сообщилъ Павлу Дмитріевичу подробно о своихъ странствованіяхъ.

— Чего-жъ ты боялся безъ огня остаться; огонь всегда достать можно, когда ружье да порохъ есть: надави пороховой пыли, обваляй въ ней кудельный пыжъ и вистрѣля легонькими холостными зарядомъ; пыжъ затлѣветъ, а ты къ нему сухой травы подложи, раздуй—вотъ тебѣ и огонь.

— Знаю! Да въ тотъ разъ, когда отчаяніе меня пробирать начало, всякое соображеніе изъ головы вонъ выскочило. Послѣ можетъ быть я обдумался бы. Но скажи пожалуйста—гдѣ-же Алексѣй-то? какъ-бы и онъ не за блудился?

— Не заблудитесь: не въ впервые въ здѣшнихъ мѣстахъ да и *машка* *) съ нивъ.

— И я въ сущности не заблудился: Печора у меня была постоянно передъ глазами, въ какомъ направленіи наша стоянка — я зналъ, но запутался въ неизчислимомъ множествѣ озеръ и курей и не могъ найти изъ нихъ выходу; тоже можетъ случиться и съ Алексѣемъ, возразилъ я.

— Въ куряхъ онъ отыскивалъ тебѣ днесь, а теперь пошелъ вверхъ по Шугору: нечего тревожиться, придетъ — успокоивалъ меня Павелъ Дмитріевичъ, подкидывая на пажогъ дрова.

Глухая, тихая, звѣздная ночь Впечатлѣнія ночнаго мрака прокрадываются въ душу, словно въ ней самой сгущается этотъ мракъ. Ни малѣйшій шелестъ не нарушалъ тишины. Закатился мѣсяцъ. За кругомъ свѣта отъ огня темнота казалась совершенно черною и непроницаемою; за то ближайшіе предметы къ огню освѣщались необшиновенно ярко, такъ что каждый листочикъ ветлы, подъ которою разложенъ былъ пажогъ, отчетливо обрисовывался въ воздухѣ. Вдругъ выстрѣлъ; эхо какъ-то глухо, отрывисто на него откликнулось и замерло.

— Это Алексѣй сигналъ подаетъ, замѣтилъ Павелъ Дмитріевичъ, взялъ мое ружье и выстрѣлилъ въ воздухъ. Спрячься! — скажу, что ты не пришелъ, напугаю его: — на поиски, моль, опять надо идти! то-то охатъ, да стонать будетъ.

— Притомился, братъ, я: не до того мнѣ, да и около огня такъ развалило, что и встать не хочется; какія тутъ прятки!

Черезъ четверть часа явился Алексѣй, увидѣлъ меня и обрадовался.

— Слава Богу, отыскался; гдѣ пропадали?

— Путался въ куряхъ; кабы не зырянскіе здѣшній я не вышелъ бы.

Разсказалъ я и Алексѣю какъ было дѣло. Пожалѣлъ и похвалъ онъ обо мнѣ, но менѣе пожалѣлъ и объ уткахъ, оставшихся зря, занапрасно на курьѣ.

*) Зырянскій карманный компасъ.

— Не благословясь пошли; поглумились надъ нами *верса*, а можетъ и *куль-ва* *) подшутили, добавилъ онъ въ заключеніе своихъ соболъзнованій.

— Надо полагать, что они; а много ихъ здѣсь живетъ?

— На каждомъ мѣстѣ ихъ тѣмъ тѣмъ, особливо въ здѣшнихъ труппахъ имъ житье привольное, церквей мало, ну и варзаетъ.

— По этой части не знаешь ли ты чего нибудь такого? поразскажь-бы!

— Со мной не случалось, а съ иными промышленниками всего бывало: блудились и пропадали, въ дома свои не возвращались. Многие Мортъ-юръ казались.

— Кто такой Мортъ-юръ?

— А безголовный человѣкъ такой ходитъ по рѣчонкѣ, чѣ въ Ыльздѣ впадаетъ.

— Басня эта мнѣ знакома, заговорилъ Павелъ Дмитриевичъ, закуривши напроску и разлегшись рядомъ со мною на постель; здѣсь Мортъ-юра мало знаютъ: преданіе объ немъ всецѣло хранится между жителями Печорскаго верховья. Тебѣ извѣстно, что Печора при выходѣ изъ Пермской губерніи въ Вологодскую, въ тридцати верстахъ отъ знаменитой въ томъ краѣ Якшинской пристани, называется *Малою* Печорою. Это названіе она удерживаетъ за собою до впаденія въ нее рѣки Ыльдзи, которая течетъ, какъ и Шугоръ же, отъ Уральского хребта и, не уступая по обилію воды самой Печорѣ, увеличиваетъ эту рѣку отъ сліянія съ нею болѣе нежели вдвое, такъ что послѣ впаденія Ыльдзи Печора называется уже *Большою*. Въ Ыльздѣ, версть около полутораста вверхъ отъ ея устья вливается небольшая, извилистая и быстрая рѣка Мортъ-юръ.

— Постой, однако-жь, какъ же это: то Мортъ-юръ—безголовный человѣкъ, то рѣка? не понимаю.

— А вотъ слушай! Мортъ-юръ въ прямомъ переводѣ значить *человѣчья голова*. Давно тому назадъ рѣчка эта была безъ-

*) Верса—лѣшій, куль-ва—водяной.

инянная. На берегах ея началъ появляться безголовый человѣкъ; съ тѣхъ поръ она и получила названіе Мортъ-юръ. Почему появлялся безголовый человѣкъ на берегахъ этой рѣчки — разсказываютъ слѣдующее преданіе. Когда-то два товарища-промышленника охотились тутъ на птицу и разнаго звѣря. Одному изъ нихъ счастливилось необыкновенно: много убилъ онъ рябчиковъ, куницъ, бѣлокъ, даже нѣсколько штукъ соболей хранилось у него при ночлежномъ пивзанѣ въ ~~шамль~~ *) за своими мѣтками. Другому вовсе несчастливо: измученный, усталый и постоянно съ пустыми руками возвращался онъ на мѣсто ночлега и, видя необыкновенную удачу своего товарища, началъ сильно завидовать ему. Кончилось тѣмъ, что неудачно охотившійся промышленникъ убилъ своего товарища въ то время, когда тотъ наклонился къ рѣчкѣ пить, отрубилъ ему голову, далеко забросилъ ее въ чашу лѣса, а трунъ столкнулъ въ воду. Съ тѣхъ поръ обезглавленный человѣкъ ищетъ въ темныя осеннія ночи своей головы, пугая случайно заходящихъ на рѣчку Мортъ-юръ промышленниковъ.

— По поводу Мортъ-юра со мною въ тѣхъ мѣстахъ случилось небольшое приключеніе, продолжалъ Павелъ Дмитріевичъ; это было лѣтъ пять-шесть тому назадъ, въ самый разгаръ лѣсной дѣятельности Латынина и компаніи, сгубившей множество печорскихъ лѣсовъ, заготовляемыхъ для заграничнаго отпуса почти что несостоявагося. Въ то время работалъ здѣсь уполномоченный отъ компаніи нѣкто Газе, господинокъ характера твердаго и воли несокрушимою, нѣвншій желѣзное терпѣніе прожить много лѣтъ безвыѣздно въ лѣсахъ припечорья. Лиственный лѣсъ цѣнныхъ сортиментовъ въ среднемъ Печерскомъ бассейнѣ подобрался. Газе командировалъ меня на развѣдки въ верховья Печоры, поручивъ сколько возможно далѣе подняться по Блудзи и осмотрѣть рѣчьи въ нее вливающіяся, въ особенности Мортъ-юръ, гдѣ, какъ намъ сказывали, сохранилось много хорошаго листовичнаго лѣса. Въ здѣшнихъ широтахъ лѣтнія ночи почти непримѣтны: читать очень мелкую печать въ нихъ можно насквозь; по осеню ночи бываютъ до того темны, что не уступаютъ знаменитымъ воробья-

*) Шамля—амбарчикъ на столбѣ для склада дичи и провизіи.

нимъ ночамъ Малороссіи. Можешь себѣ представить какой нравъ въ такія ночи покрываетъ воды маленькой рѣчки, излучисто текущей по дремучему лѣсу и надъ которой между деревьями прорѣзывается лишь узенькая полоса небеснаго свода. Небесный же сводъ въ эту пору не теплится ни одной звѣздочкой, а бываетъ покрытъ густымъ слоемъ тучъ, изъ которыхъ сыплется не дождь, а какія-то мелкія-премелкія, частыя насвоязъ пролизывающія капли—*жмычка*, какъ называютъ промышленники.

— Была уже глубокая осень, когда я съ четырьмя рабочими отправился вверхъ по Печорѣ, по которой предстояло прѣѣхать до устья Шлыдыя восемь зырянскихъ чомкосовъ или пятьдесятъ шесть верстъ съ небольшимъ хвостикомъ, при переложеніи чомкосовъ на версты. Изъ числа рабочихъ на моей лодкѣ одинъ по имени Падеръ (Федоръ) не былъ печорскій уроженецъ, но зашелъ сюда изъ любознательности съ Удоры, другой зырянской стороны, лежащей въ сѣверовосточной части Арвесакаго уѣзда по рѣкамъ Вашкѣ, Елвѣ и Ираѣ. Удорскіе зыряне во многомъ отличаются отъ зырянъ обитателей Печоры, Вычегды, Сисола и Лузы; даже языкъ ихъ имѣетъ много особенностей, не вполне понятныхъ не туземцамъ. Падеръ отличался совершеннымъ отсутствіемъ оувѣрн, что великая рѣдкость между зырянами, и страстной охотой къ пѣнію. Это послѣднее достоинство онъ выказалъ ранѣе чѣмъ скрылись отъ насъ крайніе дома поселенія праваго берега Мылвы. Голосъ пѣвца былъ чрезвычайно чистый и пріятный теноръ. Сначала я не могъ разобрать длинной протяжной пѣсни, которую пѣлъ онъ, хотя напѣвъ напоминалъ известную русскую пѣсню: „зеленая ивушка“. Когда же вслушался хорошенько въ его тонкіе протяжные и какъ бы ласкающіе звуки, усвоилъ нѣсколько словъ изъ пѣсни, то понялъ, что это точно была „ивушка“, буквально переведенная на зырянскій языкъ. Замѣчательно, что у зырянъ пѣть родныхъ пѣсень. Душевные восторги, изліянія горя и радости не оуразнились у нихъ въ пѣніе, для которой оказался единственнымъ общимъ ихъ языкъ. Вообще же зыряне пѣть очень любятъ, но поютъ русскія пѣсни, часто не понимая ихъ словъ.

„Въ два дня мы проѣхали по Шлыдѣ пятнадцать зырян-

скихъ чомкосовъ, или сто русскихъ верстъ съ походомъ, и достигли наконецъ устья таинственнаго Мортъ-юра, имѣющаго при впаденіи до пятнадцати сажень ширины. Въ продолженіи этихъ двухъ дней ничего особеннаго съ нами не случилось, только множились и плодились рассказы о походахъ безголоваго человѣка, но мѣрѣ приближенія къ мѣсту его воображаемаго появленія, и часто слышались въ носу или кормѣ лодки, смотря по мѣсту, гдѣ собиравась компанія, навѣстныя восклицанія: „ну, вотъ, ладно, хорошо“! непременно сопровождающія каждый зырянскій рассказъ, да скептическія замѣчанія невозможнаго Педера, оканчивающаго всякое мудреное повѣствованіе словомъ: *пърьяланъ*—надуваешь, обманываешь. Напрасно мой краснорѣчивый лодманъ—Иванъ Казаковъ, приводилъ множество примѣровъ и доказательствъ, напрасно говорилъ, что „*ачисъ ситѣмъ старикъ вичкодорысъ адзильсы*—самъ слѣпой старикъ изъ ногоста видѣлъ“. Непроѣзжимымъ слѣдствіемъ рассказа изъ усть новѣрующаго и неутомимаго Педера было тоже: „пърьяланъ, вотъ, пърьяланъ“—надуваешь, братъ, надуваешь. Ужъ какъ онъ его ни уговаривалъ, сколько ни называлъ Педера и „сѣ шайтъ Удорысъ“—сто рублей съ Удоры, и „зарня мортъ“,—золотой человѣкъ, Педеръ не поддавался, а мы все ѣхали, да ѣхали вверхъ по Ыландъ.

„Въ устьѣ Мортъ-юра сдѣлали приваль, зажарили на смогородѣ и съѣли нѣсколько шанегъ, лепешекъ изъ ишеничной муки на коровьемъ маслѣ (любимое кушанье зырянъ) и, отдохнувши хорошенько, отправились по Мортъ-юру противъ навилстаго и довольно бистраго теченія“.

„Въ концѣ первыхъ сутокъ плаванія по этой рѣчкѣ насъ застала темная, непроглядная ночь. Ни одной звѣздочки на облачномъ небѣ, а на водѣ мракъ и тьма такіе, что съ кормы не видно было маты, стоявшей на концѣ берестяной палубы. Плыли молча; рассказы прекратились, даже Педеръ пересталъ мурлыкать свою любимую „ивушку“, какъ вдругъ на лѣвомъ берегу посреди непропущаемаго мрака сверкнулъ огонекъ. Жилия не было на сотни верстъ кругомъ, зырянскъ-промышленникамъ было еще рано заходить въ глубь лѣсовъ, и у всѣхъ на языкѣ шевелилось слово

Мортъ-юръ, а лодманъ Иванъ Казакъ многозначительно толкнулъ Педера и благоразумно надвинулъ лузавъ (наплечникъ изъ домашняго сукна съ внутренними сумачи—спереди и сзади—для склада дичи) себѣ на голову... Весла перестали дѣйствовать, руки гребцовъ невольюно опустались и лодка остановилась...

— „Мнѣ они кэрны? Что теперъ дѣлать? спрашивали шепотомъ другъ у друга испуганные зыряне. — „Омель дѣл якшасынъ Мортъ-юръ кодъ—плохо имѣть дѣло съ Мортъ-юръ. Педеръ, схвативъ свою длинную вивтовку-моржовку, выскочилъ на берегъ и исчезъ по направленію къ огню. Посреди мраза и тишины не было слышно ни малѣйшаго шелеста шаговъ удалого удорца; онъ ползъ, какъ умѣютъ ползать только зыряне-промышленники, подбираясь къ дорогой добычѣ. Вся компанія пританала дыханіе и съ нетерпѣніемъ ожидала, — что будетъ. Черезъ четверть часа самаго напряженнаго ожиданія, посреди торжественной тишины, оставшіеся на лодкѣ услышали глухой окликъ, обыкновенный между зырянами: „кодъ крещенный?“ кто крещенный? сперва глухо, протяжно, потомъ съ угрожающимъ выраженіемъ, и на минуту все смолкло... Затѣмъ раздѣлился огонь на двѣ свѣтлыя точки, которыя быстро стали приближаться къ лодкѣ. Лодманъ Иванъ не вытерпѣлъ и оттолкнулъ лодку отъ берега, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ. Вскорѣ оказались на берегу три темныя фигуры: двѣ большія съ головнями въ рунахъ и третья поменьше. Въ одной компанія узнала своего Педера, другая принадлежала неизвѣстному охотнику, а третья—собакѣ.

— „Кодъ? (кто) спросилъ дрожащимъ голосомъ нашъ лодманъ. И на этотъ спросъ спокойный голосъ Педера отвѣчалъ:

— „Нипомъ! таъ Филиппъ Саваягъ-ысъ;“ — ничего это Филиппъ изъ савиноборской деревни.

„Дѣйствительно это былъ промышленникъ Филиппъ, заплывшійся на лѣсовѣ, потерявшій матку и на удачу шедшій къ Печорѣ.

— Убѣдились ли послѣ этого твои спутники, что Мортъ-юръ существуетъ только въ воображеніи!

— Нисколько: случай остался самъ по себѣ; а вѣра въ

Мортъ-юръ сама по себѣ, тѣмъ болѣе, что и Филиппъ, присоединившійся къ нашему экипажу, поддерживалъ эту басню своими убѣжденіями. Но подобныя розказни,—продолжалъ Павелъ Дмитриевичъ, великолѣпно знавшій зырянскій край,—какъ исторія о Ягъ-мортѣ и Мортъ-арѣ неудвительны между жителями пустынныхъ и обширныхъ лѣсовъ припечорья, гдѣ такой широкій просторъ для фантазіи. Но вотъ что изумительно, что между здѣшнимъ населеніемъ упорно держатся преданія о разбойникахъ и кладахъ. Основательно сомнѣваться, что въ такой странѣ, какъ печорскій край, дикой и лѣсистой, малонаселенной и бѣдной по торговымъ и промышленнымъ оборотамъ, существовали шайки разбойниковъ, отнимавшія плоды тяжелыхъ и дальнихъ странствованій бѣднаго зырянина. Одна-кожъ, по преданіямъ, разбойники были, а это наводитъ на мысль, что здѣсь существовала когда-то значительная торговля: шайки разбойниковъ не заведутся даромъ въ отдаленной глухой трущобѣ; имъ нечего тутъ дѣлать. Вѣроятно въ старину, во времена участія великаго Новгорода въ ганзейской торговлѣ, по р.р. Сухонѣ и Вычегдѣ шли черезъ переволокъ между Мылвами на Печору и въ Сибирь европейскіе товары и по этому же пути вывозились произведенія зауралья. Такимъ же образомъ двигалась торговля черезъ р.р. Сось, Усу—по Печорѣ, Ижмѣ и Ухтѣ черезъ переволокъ на р. Вымѣ по Вычегдѣ и Сухонѣ къ великому Новгороду. Есть еще старинное преданіе о древнемъ орговомъ пути отъ Каспійскаго моря къ сѣверному океану; онъ будто бы тянулся по Волгѣ и Камѣ черезъ Чердынъ на р. Вычегду и оттуда къ устью Двины и даже Печоры. Вѣроятность торговли въ прежнія времена въ Печорскомъ краѣ оправдывается еще тѣмъ, что находили здѣсь во многихъ мѣстахъ болгарскія серебряныя монеты; иначе какъ бы онѣ могли быть занесены на глубокой сѣверъ.

— Разказываютъ, что главнымъ притокомъ разбойниковъ были рѣки Ыльдызъ и малая Печора, гдѣ они безъ боязни совершали свои кровавыя дѣла. И до сихъ поръ двѣ или три крутоберегія рѣчки, впадающія въ Ыльдызъ и Печору, называются разбойничьими. Зырянскія сказанія насчитываютъ довольно много

разбойничьихъ именъ; я скажу тебѣ только объ нѣкоторыхъ:

„Сухановъ грабилъ сначала отдаленныя отъ Печоры страны и, говорятъ, доходилъ до Казаня. Шайка его состояла изъ пятидесяти человекъ. Преслѣдуемые правительствомъ, они кинулись въ сѣверныя лѣса, гдѣ и заблудились. Сухановъ для спасенія своей шайки и себя, далъ обѣтъ—въ первую рѣку, которая попадется, высыпать золото и въ первую церковь сдѣлать вкладъ, и потомъ жить смирно“.

„Послѣ такого обѣщанія, первая попавшаяся рѣка была Ыльдызъ, въ которую разбойники высыпали нѣштокъ денегъ и положили подъ сосну кладъ. Затѣмъ пришли они въ Печорскій погостъ, гдѣ и жили сперва нѣсколько дней мирно; но потомъ двое эсауловъ не выдержали и нанесли какое-то оскорбленіе жителемъ. Атаманъ, по рассказамъ однихъ, въ негодованіи на дурной поступокъ своихъ подчиненныхъ, убилъ эсауловъ, а шайка, возмущившись на это, убила своего атамана. По рассказамъ другихъ, одинъ изъ эсауловъ Суханова, лично недовольный имъ, подговаривалъ шайку убить своего предводителя, выбралъ удобное время и напалъ на Суханова съ возмущившимися разбойниками, которые окружили его со всѣхъ сторонъ, но онъ перескочилъ черезъ всю шайку и кинулся къ водѣ. Атамана не допустили до воды, схвативъ огромнымъ багромъ. Его долго и варварски мучили, наконецъ закопали живого въ землю по шею и продержали такъ трое сутокъ. Выкопанный и истерзанный, онъ попросилъ, чтобы его застрѣлили въ шею. Убитого разбойника похоронили близъ Печорскаго погоста, въ урочищѣ Цѣ-ла-шу (Дѣдушкино поле); нынѣ оно снесено водою“.

„Другой разбойникъ—Тыль-Пуръ-Якъ былъ крестьянинъ Устьенсольскаго уѣзда, Деревянскаго общества; онъ имѣлъ небольшую шайку и грабилъ суда, плававшія по малой Печорѣ и по Ыльдызю. Въ шайкѣ его былъ эсауломъ какой-то Антонъ. Разсорившись съ атаманомъ онъ отрубилъ ему голову и, принявъ начальство надъ шайкою, сталъ грабить по Печорѣ. Въ деревнѣ Подчерской онъ завелъ себѣ притонъ, въ который по временамъ приходилъ даже одинъ. Воясь грознаго разбойника, въ особен-

ности ножа его, съ которымъ онъ никогда не разставался, крестьяне не смѣли взять Антона. Но однажды во время сна атамана пріятель его похитилъ изъ-подъ подушки ножъ и передалъ его крестьянамъ, которые утопили Антона въ четырехъ верстахъ отъ деревни Подчерской“.

„Эти-то и другіе болѣе отдаленные разбойники, нѣкогда грабившіе по Печорѣ, зарывали въ землю свои сокровища, съ разными заклинаніями, и потому преданій о кладахъ здѣсь очень много. Особенно много говорятъ даже въ настоящее время о кладѣ на горѣ Лазъ-чукъ, близъ Троицкаго погоста, подъ тремя березами, посаженными на курганѣ. На рѣчкѣ Даць, впадающей въ Ындзъ, говорятъ есть кладъ, который будто бы стережетъ медвѣдь, безощадно разтворяващій всякаго посягающаго овладѣть скрытымъ сокровищемъ. На рѣчкѣ Юкъ-со, впадающей тоже въ Ындзъ, подъ старымъ кедромъ зарытъ цѣлый сундукъ съ золотомъ. На кедрѣ сдѣланы зарубки: сверху одна большая, продольная, означающая атамана, съ обонхъ боковъ, внизу двѣ параллельныя — его эсауловъ и потомъ еще сорокъ продольныхъ, въ два ряда, — это число разбойниковъ составляющихъ шайку. Объ этомъ кладѣ ходитъ въ народѣ особенная записка“.

Подъ разсказъ Павла Дмитріевича, Алексѣй давнымъ давно уже всхрапывалъ, да и меня начала клонить дрема. Подложивъ дровъ на пажогъ, мы завернулись въ дорожные драповые плащи и спокойно улеглись на сонъ грядущій.

Когда проснулись, солнце стояло уже высоко; подувалъ довольно крѣпкій сѣверо-западный вѣтерокъ, Алексѣй кипятилъ воду въ котелкѣ на кашницу, для которой на доскѣ, принесенной изъ лодки, лежалъ совсѣмъ распластанный и вычищенный глухарь. Чайникъ, висѣвшій надъ огнемъ на другомъ колѣшкѣ, пофыркивалъ кипяточкомъ изъ рыльца. Сейчасъ-же заварили чай и доставъ изъ погребца стеклянку сливокъ отъ бѣшеной короны (коньяку), усидѣли съ ними всласть стаканчика по три. Затѣмъ приготовили кашницу, вродѣ супа, съ овсяною крупю и съ подправкою соевымъ свинымъ саломъ, — очень вкусное, никогда непріѣдающееся и скороспѣлое горячее въ пути, изжарили подаренныхъ Назаромъ кара-

сей и плотно всѣмъ этимъ насытившись, уложились въ лодку и двинулись вверхъ по Щугору. Такъ какъ вѣтеръ стоялъ попутный, то мы распустили парусокъ. Небольшая, но все-таки помощь для гребли.

Версты три или четыре мы бѣжали Щугоромъ между низменными берегами, состоящими изъ наносной равнины, покрытой то группами березъ, то кустами ракитника. Далѣе берега стали возвышаться, растительность перешла въ хвойную, въ береговыхъ отсыпкахъ и по заплеску рѣки часто начали встрѣчаться камни и темносѣрый кристаллическій известнякъ. Теченіе воды пока держалось еще весьма тихое. Скоро мы приплыли къ рыболовной *стѣжъ*, или запрудѣ, устроенной поперекъ рѣки, вплоть отъ берега до берега. Мы нашли здѣсь двухъ рыбаковъ-зырянъ изъ Усть-Щугора, постоянно живущихъ на сѣжѣ въ своемъ промышленничьемъ *пызани* *). Встрѣча намъ была самая дружеская, искренняя, привѣтливая. Мы не могли отдѣлаться отъ уха изъ сѣжней лоховины. Зыряне въ промышленничьемъ отшельничествѣ всегда отъ души рады стороннимъ людямъ, вносящимъ своимъ нечаяннымъ появленіемъ какую нибудь живую струйку въ ихъ одинокую однообразную жизнь. Разговаривая и спрашивая при этомъ нѣтъ конца.

Рыбная ловля въ Щугорскомъ приходѣ, какъ по Печорѣ, такъ и по Щугору, имѣютъ промысловое значеніе. Весною, по вскрытіи Печоры, какъ только очистятся берега отъ льда и сдѣлаются доступны для вытаскиванія пелода, устанавливается пелодной ловъ на артельныхъ расчетахъ въ двухъ мѣстахъ: въ 19 верстахъ ниже прихода—въ плесѣ подъ названіемъ *Дресва* и въ 35 верстахъ на тонѣ *Черепаниха*. Важнѣйшая, цѣнная рыба, на которой главнымъ образомъ основывается промыселъ,—это семга, за нею менѣе цѣнная сиговыхъ породъ: чирь, сигъ, нельма и пелядь. Семга поднимается изъ океана вверхъ по Печорѣ для метанія икры, сворачивая для того же на пути своемъ въ разные ея притоки, причемъ въ довольно значительномъ количествѣ сваливается и въ свѣтловодный Щугоръ.

*) Пызань—ночлежная избушка.

Печора вскрывается поздно, такъ что первый періодъ лова открывается не ранѣ Мая мѣсяца и продолжается до Казанской, т. е. до 8 Юля. Второй періодъ — осенью, когда вода пойдетъ на прибыль, что бываетъ въ концѣ Августа или въ началѣ Сентября. Въ Щугорскомъ приходѣ работаютъ въ рыбномъ промыслѣ двѣ партіи, каждая по 12 человекъ, изъ которыхъ 5 мужчинъ и 7 женщинъ. Вся выловленная рыба дѣлится партіею пропорціонально количеству снастей, доставленныхъ каждымъ участвующимъ рыбакомъ. Но какъ большею частію снастей бываетъ равное количество отъ каждого, то и рыбы достается рыбакамъ поровну. Къ артели пристать можетъ всякій, по полюбовному соглашенію съ участвующими, причеиъ соблюдается, чтобы пайщикъ въ составъ невода внесъ трехъ сортовъ мережи: частую, среднюю и рѣдкую. Въ общей сложности весь артельный неводъ бываетъ не менѣе 120 маховыхъ сажень длиною и до 5 сажень вышиною.

Съжа, забойка или затонъ на Щугорѣ, въ томъ мѣстѣ гдѣ мы пристали и пользовались отъ рыбаковъ угощеніемъ ухомъ, устроены изъ драпокъ, — тоненькихъ, узенькихъ дощечекъ, перевитыхъ молчаливыми веревками, на подобіе постельниковъ, какіе готовятъ изъ болотнаго тростника. Верхніе концы драпокъ сѣзаны прямо, а нижніе заострены, для того чтобы ударами обуха сверху удобнѣе было вколотить драпки въ дно рѣки. Драночный запоръ сдѣланъ только на нѣсколько сажень отъ береговъ, середина же рѣки, гдѣ теченіе весьма быстро, заперта иначе: вколочено поперекъ Щугора изъ длинныхъ сосновыхъ слегъ рядъ свай съ упорами, наклонно направленными противъ теченія. На сваи, снабженныя изрѣдка обрѣшетникомъ, напаяна рѣдная сѣть съ тяжелыми грузилами на нижней тетивѣ, лежащими на самомъ днѣ. Такого рода затонъ незамѣнимъ на рѣкахъ, на томъ основаніи, что сѣть съ крупными ячейми позволяетъ спокойно стекать водѣ, не запруживая ее, и сваи, даже при значительной быстринѣ не претерпѣвая сильнаго напора отъ воды, легко выдерживаютъ ея стремленіе, тогда какъ сплошная ширма съ узкими, самыми незначительными просвѣтами, имѣя болѣе точекъ соприкосновенія съ

текущею водою, не въ состояніи сопротивляться ея навору, особенно въ быстромъ Щугорѣ.

Замѣчательно, что семгу, поднявшуюся для метанія икры въ Щугорѣ, зыряне называютъ лохомъ. По ихъ мнѣнію, рыба эта становится семгою тогда, когда попадетъ въ соленую воду. Впрочемъ мнѣніе это не господствующее. Многие мѣстные жители относятъ лоха къ особенному виду семги, называя его по зырянски „*кряка-ныра чери*“, — рыба съ крякообразно-загнутымъ носомъ. Затонъ на Щугорѣ содержится исключительно для ловли лоховины, хотя попадаетъ въ него и другая рыба: хариусъ, щука, чиръ и проч. Съ 15-го Іюля, по окончаніи сажоной ловли на Печорѣ и послѣ укрѣпленія затона, рыболовныя артели поднимаются по Щугору съ неводами до главныхъ щугорскихъ притоковъ, по которымъ забираются вверхъ до лѣсныхъ заломовъ или до такихъ узкихъ мѣстъ, котоія засорены упавшимъ лѣсомъ, препятствующимъ ходить неводамъ. У затона оставляются сторожевыя рыбаки. Обязанность послѣднихъ заключается въ постоянномъ и неуспѣшномъ наблюденіи за исправностію затона и за ловлею рыбы мордами, чрезвычайно громадными, достигающими до 7 аршинъ длины и до 3 вышины. Такихъ мордь у затона ставится немного: 2—3 штуки; по чрезмѣрной ихъ тяжести, онѣ вынимаются изъ воды воротами. Чтобы вынуть добычу изъ морды, рыбакъ входитъ въ нее сзади черезъ дверку, какъ въ клетку, убиваетъ рыбу деревянною колотушкою и выбрасываетъ въ лодку.

Артели неводчиковъ начинаютъ свои ловли по притокамъ Щугора съ условленнаго дня съ такимъ расчетомъ, чтобы въ извѣстномъ пунктѣ на самомъ Щугорѣ съѣхаться имъ вмѣстѣ въ одинъ разъ. Закидывая тони по глубокимъ мѣстамъ въ притокахъ, они сверху гонятъ рыбу внизъ, сгруживая ее въ Щугоръ, гдѣ уже соединенными силами припираютъ рыбу къ затону, строго исполняя въ закидываніи и вытаскиваніи распоряженія своего рядчика или старосты, въ которые выбирается изъ артели болѣе ловкій и смѣливый рыбакъ, нерѣдко подкрѣпляющій свои приказанія кулачною расправою въ случаѣ ослушанія и лѣни пайщиковъ, на что въ обычаѣ не сердиться и не претендовать. Такихъ

порядкомъ, спускаясь по Щугору до за-тона, вылавливаютъ лодовину и харьмызину къ 15-му Августа. При такой ловлѣ, что не попадетъ въ невода, то попадетъ въ морды, установленныя у сѣжи. Нарядчикъ каждый день послѣ шабаша вѣситъ очищенную рыбу на безиѣнѣ и солитъ. Вѣсъ отиѣчается или зарубинками на биркѣ (чалочкѣ). Наполнивъ бочку и закологивъ въ нея верхній кругъ, онъ же нарѣзываетъ количество вѣса на одномъ ея днѣ, а на другомъ — чертитъ буквы, означающія имя и фамилію хозяина бочки. По окончаніи промысла, изъ общаго количества добычи выдѣляется причитающаяся часть на каждого пайщика по гуртовой продажѣ, которою орудуешь въ большинствѣ случаевъ тоже нарядчикъ. Сбытъ рыбы производится исключительно зимой на Якинской пристани, въ 450 верстѣхъ отъ Усть-Щугора, чердынскими купцами — на деньги или на хлѣбные продукты.

— Какъ въ нынѣшнемъ году удаченъ вашъ ловъ? спросилъ одного изъ рыбаковъ на сѣжѣ.

— Не конченъ еще: артели вверху, не знаемъ, что Богъ дастъ; а въ морды ничего себѣ идетъ изрядно, лучше лониняго.

— Прибыленъ ли былъ весной семожный промыселъ? много ли добыли?

— Де пудовъ полтора на двѣ артели добыли. Продали по четыре рубля за пудъ. Цѣна бы ничего, но рыбы куда меньше стало противъ прежнихъ годовъ, и сравнить нельзя, и рыба мельче: нынѣ пудовая-то семга на рѣдкость, а прежде зачастую попадалась.

— Четыре рубля за пудъ семги — это дешево. Печорскую семгу продаютъ въ Вологдѣ отъ 12—16 руб.

— Да это не вешнюю; это осеннюю продаютъ по такой-то цѣнѣ. За вешнюю дорого взять нельзя: засоль не тотъ.

Печорская семга солится вообще очень дурно. Рыба осенней ловли, какъ назначаемая въ прокъ къ зимѣ, не такъ отъ этого страдаетъ, какъ рыба ловли весенней. Плохой засоль семги происходитъ не отъ того, впрочемъ, чтобы здѣшній народъ пребывалъ въ грубомъ равнодушіи къ своему дѣлу и пользамъ. Напротивъ, печорскіе промышленники весьма смѣтливы въ отношеніи пониманія

своихъ выгодъ, но дѣло-то не стоитъ того, чтобы объ немъ хлопотать много, такъ что лишніе труды и издержки на усовершенствованіе продукта не вознаградились бы соотвѣтственно большими выгодами. Пойманную семгу передъ соленіемъ обмываютъ, разрѣзываютъ и вынимаютъ у нея внутренности: но вмѣсто того, чтобы полость наполнить солью, какъ это дѣлается въ другихъ мѣстахъ, рыбу только пересыпаютъ солью, даже не втирая въ клескъ, и кладутъ въ широкія бочки, вышины которыхъ почти равняется ихъ діаметру. Бочки наполняются медленно, и пока не наполнятся, не заколачиваются, а только покрываются рогожами. Такъ какъ печорская семга изъ всѣхъ сортовъ ея—самая жирная, то потому, требуя много соли для своего усола, скоро портится. Но отъ этого промышленники теряютъ мало: какъ только установится цѣна, зависящая отъ количества улова, закупщики платятъ имъ одинаково, какъ за хорошую такъ и за худую рыбу. Зачѣмъ же послѣ этого стараться хорошо солить ее? Къ тому же закупщики вѣсятъ семгу не вмѣстѣ съ солью, а одну рыбу, вынувъ ее изъ рассола. Слѣдовательно тотъ, кто больше положитъ соли, больше сдѣлаетъ совершенно бесполезнаго для себя расхода, а соль на Печорѣ чрезвычайно дорога. Вотъ почему засоль печорской рыбы дурень.

— Долго-ли сидите на затонѣ, или снимаете его, какъ кончатъ неводить?

— До заморозковъ сидимъ, пока не покажется шуга (ледь). Рыба все идетъ понемногу.

— А въ другихъ мѣстахъ не ловите?

— Какъ не ловить, ловимъ весною по разливамъ, а всего больше по курьямъ разную бѣловую рыбу; только рыба эта не для продажи, а для себя идетъ, на харчъ.

Кромѣ коренныхъ промысловъ, развита почти во всемъ Печорскомъ краѣ ловля рыбы для домашняго потребленія. Особенно удачно она практикуется весною по курьямъ, во множествѣ существующихъ по низменнымъ побережьямъ рѣкъ: Мезени, Вычегды, Сысолы и Печоры. Хоти курьями въ Вологодской губерніи и называются всякія чистыя луговныя озера, но въ зрянскомъ зна-

чевіи курьк—это узкіе и длинныя лога, непосредственно соединяющіеся съ рѣкою и представляющіе, такимъ образомъ, рѣчные заливы. Когда несенная вода пойдетъ на убыль, обрѣжутся берега рѣкѣ, зазеленѣютъ свѣжей травкой бугорки пожней и еще не отойдетъ время жетанія икры, рыба заходитъ изъ рѣкѣ въ большія курьи для нереста. Извѣстно, что для выпусканія икры оплодотворенія ея молоками, рыба вообще ищетъ затишья, гдѣ бы ея не пугали. Для развитія икры необходима вода содержащая въ себѣ много воздуха, не слишкомъ глубокая для того, чтобы воздухъ, потребный для развитія ичечекъ, могъ быстро возобновляться и присутствіе растеній, къ которымъ зерна икры могли прилипать. Курьи для этой цѣли представляются для рыбы самыми приюльными мѣстами и она сваливается въ нихъ иногда въ огромномъ количествѣ. Зыряно пользуются этимъ и запираютъ ее въ курьяхъ драничными забойками, а потомъ вылавливаютъ неводами и бреднями.

Но особенно интересно и заслуживаетъ описанія уженье рыбы на курьяхъ. Живя нѣсколько лѣтъ въ зырянскомъ крѣѣ, я много разъ наслаждался этимъ совершенно оригинальнымъ уженіемъ и считаю за обязанность подѣлиться своими впечатлѣніями съ собратьями по этому удовольствію.

Теченіе въ сѣверныхъ рѣкахъ во время весны, когда вода вровень съ окраинами береговъ, бываетъ очень быстро; подчасъ на шпировомъ водномъ пространствѣ разшумится погода, заграетъ рѣка бѣлыми баранами, которые бьются съ глухимъ шумомъ въ береговые обрывы, между тѣмъ, какъ въ курьяхъ между холмистыми ихъ берегами, иногда обставленными высокими пихтами и елями, тихо и покойно бываетъ въ это время: поверхность воды невозмутима, она досветяся, какъ пролитое масло, отражая въ себѣ опрокинувшіяся деревья и глубокой куполъ неба съ быстронесущимися облаками. Въ такой курьѣ привольно для рыбы: леци, язи, сига, головля, чирь, сороги всѣхъ сортовъ, ельцы и даже окуни заходятъ большими стадами въ спокойную воду курьи и тихо въ ней разгуливаютъ. Подойдите осторожно къ той курьѣ, подкрадитесь изъ-за кустовъ и наблюдайте: вы увидите какъ прутля раквтника,

забитого водою, пошевеливаются, переобращаются; это трется обь нихъ рыба, выбивая изъ себя икру. Вотъ упалъ на поверхность курья листочекъ, вода раздалась въ этомъ мѣстѣ, листочекъ исчезъ; его схватилъ какой нибудь лещъ или язь, но почувствовала несъдобное, выбросилъ: листочекъ опять всплылъ на томъ же мѣстѣ. По временамъ вырѣзываются на поверхности воды круги, кое-гдѣ слышится всплескъ, но тихій, сдержанный: въ курьяхъ рыба ведетъ себя скромно и осторожно, она какъ-будто оберегаетъ мѣста своего размноженія — не то что на вольной водѣ, гдѣ часто случается видѣть шумные всплески, а подь-часъ и скачки рѣзвизшихся обитателей „прозрачныхъ чертоговъ“.

Для ужения на курьѣ выбирается хорошая погода, ясный, теплый и тихій день, какіе часто случаются въ сѣверномъ краѣ вначалѣ и около половины Мая. Мѣсто отыскивается на курьѣ уютное и непремѣнно потайное и притомъ противъ солнца, чтобы рыба не только не видѣла сидящаго на берегу человека, но чтобы бы даже тѣнь отъ него не ложилась на воду. Лучше всего сѣсть за какой нибудь густой кустъ, а если не случится въ удобномъ мѣстѣ природнаго куста, то заранѣе наткнуть погуще еловыхъ и пихтовыхъ вѣтокъ. такъ чтобы рыбакъ совсѣмъ за ними скрывался. Удочки для ловли на курьѣ должны быть средней длины, легкія, съ крючками № 2 и 3, съ небольшими поплавками, которые бы ложились на воду безъ шума и всплеска, а свободно и легко; наживляются крючки въ это время обыкновеннымъ навознымъ червемъ. Рыбакъ тихо подходит къ курьѣ и усѣвшись на заранѣе приготовленное мѣсто, осторожно закидываетъ удочки къ кусту ракитника недалеко отъ берега, подь нависель распутившейся вербы, между вѣтвями которой особенно любитъ гулять рыба во время нереста. Поплавокъ спускается мелко, вершиковъ на десять отъ крючка. Спокойно лягутъ поплавки, они неподвижно стоятъ на одномъ мѣстѣ, теченія въ курьѣ нѣтъ, вѣтеръ ихъ не тревожитъ. Рыбакъ зорко наблюдаетъ за ними изъ своей засады. Вотъ поплавокъ пошевелился и тихо, тихо пошелъ въ сторону... Пора, подсѣкайте! смѣло, рѣшительно подсѣкайте: это большая рыба, она всегда такъ беретъ въ курьѣ, гдѣ обыкновеннаго клева не

бываетъ, а бываетъ просто *борь*, т. е. рыба сразу схватываетъ наживу и тихо идетъ съ нею въ сторону. Послѣ подсѣчки, когда уже добыча на крючкѣ, слышно ея величину и ея породу: если язъ или голавль, то движенія порывисты, бойки: старайтесь тогда направить рыбу на чистое мѣсто, отвести отъ куста, куда обыкновенно рыба стремится броситься и гдѣ легко можно потерять и добычу и удочку; если лецъ, то его сопротивленія плавны и какъ-то лѣнны; послѣ двухъ-трехъ всплесковъ онъ ложится набокъ и идетъ какъ доска; настоящій охотникъ, опытный рыбакъ, вытаскиваетъ рыбу изъ курья такимъ образомъ, что и всплесковъ не бываетъ. Онъ не дозволитъ ей вырваться на поверхность, тихо, осторожно подведетъ къ берегу, и чтобы углубить ее, погрузитъ для этого конецъ удочки въ воду. Такъ дѣйствовать слѣдуетъ для того, чтобы не набулькать въ курьѣ, не надѣлать напрасно шуму; его страшно боится въ это время рыба и уходитъ изъ курья въ рѣку. Выудивши на одномъ мѣствѣ большую рыбу, слѣдуетъ перейти на другое, въ той же курьѣ, и удить съ такою-же осторожностью; потомъ опять на первое мѣсто, и такъ, при хорошемъ уженьи, ловъ можетъ продолжаться съ 10 часовъ утра до 4 пополудни. Затѣмъ рыба перестаетъ браться въ курьѣ. Сознаемся, что для нетерпѣливаго охотника такое уженье мало имѣетъ прелести: соблюденіе чрезмѣрной осторожности и довольно длинныя промежутки между боромъ рыбы многимъ могутъ не понравиться, но за то какіе великолѣпнѣйшіе экземпляры попадаютъ на удочку въ это время: язи и головля въ 6—10 фунтовъ, леци въ 8—12 фунтовъ нерѣдкость, а случается подхватить сига, сидеть иногда и чирь (*Coregonus nasutus* Pall.), фунтовъ въ 15; ужъ потѣшить-же онъ; взволнуетъ сильно сердце рыбака своими смѣлыми бѣшенными скачками; сколько усилій, терпѣнія, ловкости требуется для того, чтобы вытащить на средней толщине лесѣ такую большую рыбу; а вытащивъ, сколько наслажденія, сколько торжества!.. Это можетъ постигнуть только истинный рыбакъ. Оборвала рыба удочку, идите съ этой курьи на другую: сколько-бы вы ни сидѣли, не выудите въ этомъ заливѣ ни одной рыбы въ тотъ день.

Случилось, сидишь тихо надъ удочкою въ своемъ тайникѣ, сидишь и ждешь, притавивъ дыханіе, съ замирающимъ сердцемъ, той секунды, когда и рыба поволочетъ поплавокъ: испугавшись появленія человека она притихла въ курьѣ. Но вотъ начинаютъ показываться круги на поверхности воды, у противоположнаго берега шевельнулись прутья вербы, вотъ выставилось сперва широкое перо, а за нимъ горбатая спинка леща около самой удочки, вотъ сейчасъ схватить... Но что-то съ шумомъ шлепнулось въ воду съ высокой ели, растрепавшей свои сучья надъ курьею: это бѣлка спустила еловую шишку; рѣзкій звѣрекъ съ конца вѣтки весело смотритъ на зеркальную поверхность воды и, увидѣвъ на берегу человека, быстро скрывается, а рыба, испуганная нечаянницею всплескомъ отъ упавшей шишки, опять зашла, притаялась, снова нужно ожидать, пока она успокоится и начнетъ гулять. Только пришло все въ порядокъ, только начинаешь выслѣживать снова загулявшую рыбу—вдругъ въ воздухѣ слышишь рѣзкій свистъ крыльевъ, и пара бряковухъ утокъ со всего размаху хлестнулась на курью; широко раздалась вода, всколыхнулась поверхность курьи. седезень, ярко блистая весеннимъ своимъ опереніемъ, охорашивается; кружится около самки, а та ошпицывается, кунается, астрахивается своими крыльями, бьетъ ими объ воду. Шишь-вы, озоринки! рыбу напугали!... Улѣтели утки и рыба и слова затихла и опять нужно дожидаться, пока она успокоится. И такія сцены зачастую случаются при уженіи на курьяхъ: онѣ досаждаютъ рыбака, безнѣкоятъ, волнуютъ его, сильно разжигая его страсть, и этимъ-то именно придаютъ тотъ заманчивый, увлекательный, позачѣвниный интересъ, который имѣетъ для истиннаго охотника уженье на курьяхъ.

Когда вода пойдетъ быстро на убыль, рыба уже перестаетъ заходить въ курьи и уженье на нихъ кончается. Въ запертыхъ курьяхъ рыба не клюетъ: чувствуя себя арестованной, она тревожно ходитъ около затона и ни за что не возьметъ на удочку.

По мѣрѣ того, какъ мы поднимались отъ затона выше по Щугору, теченіе становилось все быстрее и берега рѣки отвѣснѣе, принимая все болѣе скалистую форму. Кристаллическій известнякъ въ нихъ являлся въ значительномъ содержаніи и притомъ такой

твёрдости, что при ударѣ давалъ искру. Выходи часто на берегъ для изслѣдованія наслоеній, я находилъ адѣеъ чрезвычайно много различныхъ окаменѣлостей. Обрывистыя, очень высокія каменные скалы, посреди плоскихъ окрестностей, представляютъ изъ себя видъ разсѣлины, сквозь которую напоромъ горныхъ водъ прорвалась рѣка. Таковы почти всѣ притоки Печоры, берущіе начало съ Уральского кража. Нерѣдко возвышенныя каменныя берега Шугора, переходятъ въ плоскіе наносы песка, и валуновъ известняка, кварцита и метаморфическихъ сланцевъ. Вѣроятно въ такихъ мѣстахъ въ древнія, доисторическія времена бушевали здѣсь громадной величины и неизмѣримой глубины озера, обставленныя, какъ фортами, каменными утесами.

Все труднѣе дѣлалась гребля. Лодка подвигалась медленно вѣредъ. Гдѣ было возможно—шли бечевой. Часу въ пятомъ пополудни мы достигли устья небольшой рѣчки, впадающей въ Шугоръ съ лѣвой стороны. Здѣсь мы рѣшили переночевать, благо мѣсто удобное и уютное. Правый берегъ рѣчки изображалъ довольно высокую скалу, съ глубокой впадиной, полого склоняющейся къ водѣ. Въ этой впадинѣ, подъ защитою скалы, мы и основали свою стоянку.

Приготовивъ все для ночлега, закусивъ и напившись чаю, мы съ Алексѣемъ взяли намѣреніе сходить хоть недалеко вверх по рѣчкѣ. По правому ея берегу тонулась тропа, проложенная несомнѣнно промышленниками къ своимъ охотничьимъ путикамъ. Мы отирались по этой тропѣ. Чѣмъ далѣе мы поднимались вверхъ, тѣмъ глушѣ и угрюмѣе становился лѣсъ. Наконецъ мы зашли въ совершенно глухой боръ, раскинувшійся по равнинѣ. Громадныя сосны, ели, лиственницы высоко поднимали свои вершины, составляя ими въ едва проникаемый для свѣта зеленый сводъ. Этотъ исполнинскій лѣсъ поразилъ насъ своею величавою растительностію, вистину достигшею своего апогея на дальнемъ сѣверѣ. Тихо въ немъ, мертво, беззвучно, но несмотря на это онъ какъ-то давалъ массою жизни, неслышно, незамѣтно обступавшей со всѣхъ сторонъ... Тропа уклонилась отъ рѣчки влѣво. Прейдя версты двѣ боромъ, мы натолкнулись на подолну горной возвышенности. Лѣсъ

порѣдѣлъ и понизился. Встрѣчались кедръ со множествомъ шишекъ. Орѣхи ихъ еще не вполне налились ядромъ. Собираніе кедровыхъ орѣховъ (мелоды) доставляетъ здѣшнему населенію немаловажный доходъ; лѣтъ тридцать тому назадъ, когда кедровыхъ лѣсовъ было больше, промыселъ кедровыми орѣхами былъ едва-ли не выгоднѣе всѣхъ другихъ промысловъ Припечорья. Теперь онъ уменьшился болѣе чѣмъ на половину, чему виною сами зыряне, весьма незаконнично обращающіеся съ плодовыми кедровыми деревьями. Отыскавъ кедръ съ орѣхами, они, вмѣсто того, чтобы валѣть на него и осторожно оборвать шишки, срубаютъ дерево, обламываютъ тѣ вѣтви, на которыхъ больше шишекъ и складываютъ ихъ въ большую кучу, которую старательно прикрываютъ хвоей—отъ кедровки, великой любительницы и похитительницы кедровыхъ орѣховъ. Стоитъ только кедровѣ отыскать такой складъ, она непремѣнно перетаскаетъ всѣ шишки въ свою кладовую про запасъ на зимнее продовольствіе. Бѣлки тоже любятъ кедровые орѣхи и также заготавливаютъ ихъ для себя въ дуплахъ деревьевъ и гоннахъ. Замѣчательно, что какъ кедровка, такъ и бѣлка запасаютъ орѣхи самые лучшіе, крупныя и непремѣнно съ полнымъ ядромъ. Зыряне старательно отыскиваютъ такіе запасы и обращаютъ ихъ въ свою собственность, нерѣдко вынимая изъ дупла по четверику и болѣе превосходнѣйшихъ орѣховъ. Обломавъ срубленный кедръ, промышленники отыскиваютъ слѣдующій кедръ, съ которымъ поступаютъ такимъ же образомъ. Потомъ на возвратномъ пути сгруживаютъ всѣ шишки въ общую массу и переправляютъ къ домамъ, гдѣ и выщелучиваютъ изъ шишекъ орѣхи. Ежегодно срубая въ громадномъ количествѣ кедръ, крестьяне уничтожили ихъ въ настоящее время почти въ конецъ, такъ что теперь хорошее кедровое дерево встрѣчается весьма рѣдко. Попавшіеся намъ кедръ были невелики—молоднякъ съ мелкой шишкой.

Поднявшись футовъ на триста на гору мы добрались до такой высоты, которая господствовала надъ окрестностями. Видъ открылся прелестный: темнымъ моремъ растіялся передъ ногами лѣсъ; на востокѣ въ отдаленіи вырѣзывался Уралъ—дикая каменная гряда, состоящая изъ беспорядочно перемѣшанныхъ между

собой пиковъ, протянутыхъ длинными зубчатыми рядами и изъ шапокъ съ растрескавшимися вершинами. Зареву заката горѣло на верхушкахъ лѣса. Золотистые переливы солнечныхъ лучей при чудливо играли на горныхъ вершинахъ. Гдѣ-то шумѣлъ водопадъ. Дерево треснуло: такъ, само по себѣ, или сломался сухой сукъ подъ ногами тяжелаго звѣря. Рѣзко, необычно раздался этотъ трескъ и снова глухая тишина, лишь нарушаемая издали доносившимся звукомъ журчащей воды...

На возвратномъ пути мы вышли на новую тропу. Она шла влѣво по направленію къ ручью. Мы пошли по ней и скоро попали въ градъ того-же дремучаго бора. Съ высокой ели слетѣло большое стадо красныхъ птицъ.

— Что это за птица? спросилъ я Алексѣя ..

— А клесты *). Здѣсь ихъ много. Дичина тоже: печорцы ихъ промышляютъ и доставляютъ въ Чердынь, Вятку и Устьсысольскъ. Въ пирогахъ куда хороши.

— На такую маленькую и выстрѣла-то жаль. Стоитъ ли ихъ промышлять? "

— Гдѣ-же стрѣлять! не стрѣляютъ; силами ихъ ловятъ. Тѣмъ налавливаютъ.

— Какъ же это: на деревьяхъ разставляютъ?

— Нѣтъ не на деревьяхъ; иначе ловятъ: зимой, какъ поуглубится снѣгъ, клестъ сдается къ жилью, по опушкѣ еловыхъ лѣсовъ держится, по тѣмъ деревьямъ, на которыхъ больше еловыхъ шишоекъ. Для ловли выбираютъ рѣдколѣсье и нагребаютъ на немъ изъ снѣгу небольшіе холманчики. Потомъ холманчики эти обливаютъ краснымъ квасомъ. На вершину крестъ-на крестъ вдавливаютъ бруски съ силами изъ волоса. Клесты, какъ увидятъ красное, такъ цѣлымъ стадомъ и спустятся на холманчикъ, начинаютъ на немъ бѣгать, рыться и попадаютъ въ силъя. Большіе за этой птицей не ходятъ; ребятки балуются,—это ихнее рукодѣлье. Дѣло-то не больно мудреное, а пріучаются черезъ него къ лѣсу, къ промыслу пріохачиваются.

*) Loxia.

Вышли на берег ручья. Сдавленный песчаный крутиши берегами, онъ бойко летѣлъ по переборамъ. Мѣстами появлялись омутки, въ которыхъ вода завихромъ вертѣлась на одномъ мѣстѣ. Въ одномъ омутѣ сильно взметнулась какая-то большая рыба.

— Щука, должно быть, замѣтилъ я, обративъ вниманіе Алексѣя на всплескъ рыбы.

— Кто ее знаетъ: можетъ быть щука, а не то и лохъ.

— Ну какой тамъ лохъ: зачѣмъ ему забираться такъ высоко въ мелкую рѣчку.

— Что вы помилуйте: да вы не знаете, что это за рыба: въ такія-ли мѣста она забирается—повѣрить трудно; чуть протокъ маленькой, только бы вода сочилась, да нарѣдка котловинки были,—скачкомъ, въ припрыжку, а ужъ заберется въ самый верхъ и лежитъ себѣ, какъ борозь.

— И большіе?

— Большице, фунтовъ по пятнадцати, по двадцати. Рыбаки по маленькимъ потокамъ забиваютъ заязекъ и ставятъ верши. Когда начнутся осенью паводки, лохъ двинется внизъ и попадетъ. А то по котловинкамъ и остроугою бьютъ: вода въ рѣченкахъ чистая, видно до послѣдняго камушка, большую рыбу осмотрѣть легко, сейчасъ ее и на острогу... Много лоховины такъ налавливаютъ—и самой лучшей, жировой. На вольныхъ водахъ она выгусливается, а въ тѣсотѣ то до того тучиѣтъ, что какъ облитая саломъ. Изъ кишочекъ жиру много натапливаютъ.

Совсѣмъ стемнѣло, когда мы пришли къ пажку. Павелъ Дмитриевичъ возился съ ухомъ. Выглядѣвъ въ рѣчкѣ на переборѣ много харьюзовъ, онъ ухитрился учинить великолѣпное уженье ихъ, на сваренный яичный бѣлокъ, насаживая его маленькими кусочками на крючекъ.

— И хорошо брались? полюбопытствовалъ я.

— Удивительно! только успѣвай закидывать. Одно бѣда: худо держится на крючкѣ бѣлокъ, часто насадку срываютъ.

— Сколько же выудилъ?

— Да штукъ около тридцати накидалъ. Кромѣ уха будетъ еще на жаркое.

На другой день, часовъ въ семь утра, достигли мы чрезвычайно живописнаго мѣста на Шугорѣ, известнаго подѣ именемъ Ульдоръ-Кирта (железные ворота). Довольно широкая рѣка вдругъ сжимается съ обѣихъ сторонъ каменными стѣнами представляющими видъ настоящихъ воротъ. Стѣны эти тянутся сажень на пятьдесятъ, поднимаясь отъ 100 до 150 футовъ. Онѣ состоятъ изъ бѣлаго, превосходно вывѣтрившагося известняка. Теченіе въ проходѣ воротъ необыкновенно быстрое: громко ревѣла здѣсь рѣка, наполняя окрестность глухимъ однообразнымъ шумомъ. По обѣимъ сторонамъ лодки, вода стремилась неудержимо, неся мимо насъ ключья пѣны. Мы гребли съ Алексѣемъ изо всѣхъ силъ. Лодка подавалась медленно, по куриному шагу. Въ самыхъ узкихъ мѣстахъ вода яро кружилась и разбивалась и пѣнясь, массой кидалась по теченію и злобно шипя, хлопотада въ подмывахъ отвѣсныхъ стѣнъ. Когда мы, наконецъ, выбились изъ воротъ и выѣхавъ на болѣе покойное мѣсто, взглянули на Ульдоръ-Кирта, то поражены были слѣдующею картиною: начиная съ самаго узкаго мѣста каждый пластъ известняка въ воротахъ отходилъ въ сторону далѣе предшествующаго ему, отъ чего ворота кажутся устроенными какъ-бы изъ натуральныхъ кулисъ. Самые пласты обнажены, гладки и ослѣпительно бѣлы, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они прилегаютъ одинъ къ другому, въ узкихъ промежуткахъ между ними по разсѣлинамъ и трещинамъ, сбѣгаютъ въ нихъ зеленыя полоски дерна и кудреватаго кустарника, украшая бѣлыя стѣны натуральными гирляндами. Черезъ узкій просвѣтъ воротъ, какъ сквозь каменные рамы, видна по ту сторону широкая гладкая равнина рѣки; по ней, какъ бѣлые лебеди, плыли въ разныхъ мѣстахъ комья вздувшейся пѣны. Въ отдаленіи темный лѣсъ замыкалъ ландшафтъ. Въ плесѣ передъ воротами, гдѣ мы находились теперь, рѣка раскинулась въ великолѣпнѣйшій, широкій, гладкій, какъ зеркало, бассейнъ, обрамленный громаднымъ хвойнымъ лѣсомъ.

Цѣлый день мы плыли межъ береговъ, состоящихъ то изъ отвѣсныхъ каменныхъ стѣнъ, то изъ плоской лѣсистой равнины. Изрѣдка попадались намъ небольшія стада нырковъ, подпускали близко, но мы не стрѣляли ихъ: и безъ того былъ великъ запасъ

дичи. За кормою лодка пускали мѣстами блесну: раза два садилась на нее щука, да какъ-то срывалась: плохо закрючивало. Разъ надъ головою перелетѣлъ громадной величины глухарь и скрылся въ зубчатыхъ вершинахъ лѣса.

— Вотъ глушь-то Павелъ Дмитріевичъ, живой души нѣтъ, а какія мѣста: не налюбуешься, съ каждымъ поворотомъ рѣки все новые виды—одинъ другого лучше.

— И ни одного жилья: вотъ это грустно. Не люблю я безлюдныхъ мѣстностей, съ признакомъ досады и скуки отвѣчалъ мнѣ мой спутникъ.

— За то, по словамъ Алексѣя, другихъ жителей здѣсь пропасть: духовъ разныхъ—злыхъ и добрыхъ, въ водахъ и лѣсахъ и въ разсѣлинахъ скалъ. Много, чай, разсказовъ объ нихъ ведется между мѣстными жителями.

— Небогата этимъ фантазія здѣшнихъ зырянь, хоть поле, казалось бы, для всякой чертовщины, тутъ и широкое. Прожилъ я нѣсколько времени въ Олонецкой губерніи; тоже въ лѣсной сторонѣ, между промышленниками: тамъ, куда больше бассенъ про разныя чудесныя приключенія; и изъ нихъ есть весьма интересныя легенды, хоть баллады пиши.

— Не припомнишь ли?

— Какъ не припомнить; вотъ, на примѣръ, слѣдующая:

„Пошелъ одинъ охотникъ осенью въ лѣсъ за бѣлками *). Долго онъ ходилъ по лѣснымъ трупобамъ и уремамъ, но не только ничего не убилъ, но даже никакого звѣря, ни дичи не видалъ. День выдался дождливый, охотника промочило насквозь. Задумалъ онъ вернуться домой и идетъ мимо небольшой полянки въ самую глухомъ лѣсу. Смотритъ, а на самой серединѣ полянки стоитъ лисица, хорошая—расхорошая и что-то роетъ лапой. Остановился мужикъ, осторожно приловчился выптовкой къ деревцу и выстрѣлилъ: лисица перекувырнулась—и духъ вонъ. Подбѣжалъ охотникъ къ звѣрю, взялъ его, притащилъ подъ ель, разложилъ пажога и началъ сдирать шкуру. Выстрѣлъ былъ чудесный: пуля

*) Мниорскій. Олопец. Сбор. 1875—1876 гг.

пробила грудь и въ крестцѣ вышла вонъ. „Славно угодилъ!“ подумалъ мужикъ и повѣсилъ шкуру на сучекъ надъ огнемъ, чтобы попровяла, и самъ послѣ этого началъ закусывать. Поднялся вѣтеръ, сперва легонькой, а потомъ скоро перенелъ въ такую бурю, что сосны заскрипѣли. Шкура такъ и раскачивается, такъ и рвется съ сучка; рвалась, рвалась, соскочила и упала на лѣсъ тѣльце. Вдругъ тѣльце ожило, шкура вмигъ очутилась на немъ и лисица цѣла и невредима потихохоньку черезъ полянку ушла въ лѣсъ. Сдѣлалось это такъ скоро, что охотникъ только успѣлъ ахнуть отъ страха и дива. Лисица ушла, а мужикъ стоитъ и дивится да хлопаетъ о полы зипуна. „Не дивись!“ слышитъ онъ изъ лѣсу голосъ,— „то ли еще бываетъ? Спроси-ко, что было съ Иваномъ Голымъ въ деревнѣ Зубарихѣ, на Шолѣ рѣкѣ.“ Голосъ замолеетъ; мелкій осенній дождь усилился и охотникъ возвратился домой безъ всякой добычи.

Наступила весна. Мужикъ этотъ отправился въ отхожій промыселъ — строить суда на рѣку Шолу, по найму отъ хозяина. Живетъ онъ цѣлую весну. Разъ и вспомнилъ онъ про ту деревню, о которой ему сказано было въ лѣсу. Сталъ спрашивать — не знаетъ-ли кто и не слыхалъ-ли о деревнѣ Зубарихѣ. Рабочіе, его товарищи изъ тѣхъ мѣстъ, и говорятъ, что есть такая деревня, въ глухихъ лѣсахъ стоитъ и дорогу къ ней рассказали. Подошло два сряду праздничныхъ дня, мужикъ пошелъ въ Зубариху. Деревня эта стояла въ самомъ заглушьѣ, среди темнаго лѣса и была только изъ нѣсколькихъ дворовъ. Нашелъ онъ въ Зубарихѣ Ивана Голыго: это былъ уже пожилой мужикъ, жившій съ сыномъ и невѣсткою. Разговорились. Охотникъ нашъ и спросилъ, какое на вѣку съ нимъ диво въ лѣсу случилось, и рассказалъ ему въ чемъ дѣло.

— „Да было, отвѣчалъ Голый, дополнинно диво, только не со мной, а съ покойнымъ моимъ отцомъ. Назадъ тому лѣтъ тридцать, говорить, пошелъ отецъ осенью на охоту за бѣлками. Я остался дома — недосужно было. Ходилъ онъ по лѣсу день и счастья такого никогда ему не выдавалось: убилъ до пяти десятковъ бѣлокъ, да паръ семь рябковъ, да еще сколько, незнаю,

тетерь, такъ что цѣлая ноша къ вечеру накончилась, едва въ ночь носить; къ тому же еще за плечами былъ съ харчами кошель. Дошелъ онъ къ вечеру до лѣсной избушки и расположился въ ней переночевать. Освѣживалъ, развѣсилъ шкурки, потомъ сварилъ ужинъ и началъ закусывать. А на улицѣ такая тебь сдѣлалась той порой, что хотъ глазъ выколи. Поднялся ветеръ, пошелъ дождь, лѣсъ зашумѣлъ, затрещалъ... ну, страсть, однимъ словомъ. Эка погода! думаетъ отецъ, можетъ—иной крещенный въ лѣсу плуствуетъ въ это время“; только подумалъ онъ это, слышитъ къ избушкѣ кто-то бѣжитъ и охаетъ. Дверь отворилась и въ нее, смотреть, лѣзетъ высокій рыжий мужикъ въ армякъ и острой мѣховой шапкѣ.—Хлѣбъ да соль, сказалъ пришелець.—„Хлѣба кушать“ отвѣтилъ отецъ.—Это хорошо, говорить, ѣсть-то я давно хочу. Онъ сѣлъ на обрубокъ передъ столомъ и началъ убиратьъ варево за обѣ щеки. Скоро онъ сѣлъ все, что было приготовлено отцежъ, но не насытился. „Ну, подчуй же, говорить, коли пригласилъ.“ Отецъ вытащилъ взъ кошеля коровай и положилъ на столъ. Боврига въ минуту исчезла и тутъ отецъ замѣтилъ, что у мужика былъ такой большой ротъ, что цѣлые ломти уходили въ него, не задѣвая за губы.—Ну, давай, что еще у тебя тамъ есть! говорить мужикъ. Отецъ вытащилъ все, что было съ собою запасу; тотъ и это все сѣлъ.—Ну, давай говорить еще! „Да больше нѣтъ ничего, сказалъ отецъ; вотъ буде хочешь—ѣшь бѣловъ!“ Онъ и бѣловъ сѣлъ.—„Ну давай еще!—да вотъ говорить отецъ, если душа вынесетъ, такъ собаку ѣшь. Мужикъ схватилъ собаку и легонько проглотилъ и ее. Отецъ стоитъ ни живъ ни мертвъ. Ну, думаетъ, сѣесть теперь и меня; началъ про себя читать отходную.—„Давай, говорить, что у тебя есть еще!“ Больше, говорить, ничего нѣтъ,—„Ну коли ничего нѣтъ, такъ я тебя самого сѣмъ, только вотъ схожу недалеко.

„Ушелъ и унесъ порохъ и ружье. Остался отецъ безо всего: бѣжать, думаетъ, догонить... оговѣлъ, одно слово. Вдругъ слышитъ, проснуулъ кто-то голову въ окно и говорить: „бѣги, добрый человекъ, какъ можно скорѣе. Въ правой рукѣ, недалеко, есть дорога, по этой дорогѣ сейчасъ проѣдетъ тройка лошадей, ты и

скачи на телѣгу, да крѣпче держксь и смотри—подъядешь ты къ трешь соснамъ; у одной сосны сукъ самый толстый будетъ таянуться надъ дорогой, такъ ты обѣими руками захватись за него и повиси, а остальное тебѣ ужъ самому видно будетъ“. Отецъ бросился изъ избушки и побѣжалъ въ правую руку. Началъ выходить мѣсяцъ, вызвѣздало и видно стало все. Не успѣлъ отецъ отойти и полсотни шаговъ, смотреть—лежитъ прямая-препрямая дорога, а по дорогѣ во всю ночь скачетъ тройка. Попропустилъ се немного отецъ, приловчился, схватилъ за задокъ телѣги и скочилъ въ кузовъ. Лошади пуще прежняго повеселись—летѣли что вѣтеръ, а около дороги все лѣсокъ тянется небольшой. Сидитъ отецъ, крѣпко держится въ телѣгѣ. Видитъ—сосна, тамъ другая, вотъ и третья и отъ нея виситъ надъ дорогой толстый, претолстый сукъ. Поднялся отецъ, подскочилъ на телѣгѣ и повисъ на суку. Сотворилъ молитву—смотреть: онъ въ своей избѣ виситъ, обнявши руками воронецъ. Мать еще не спала—прада лень, ужась ее взялъ, какъ увидѣла, что отецъ будто съ крыши въ избу ввалился. Едва розняли ны ему руки, ровно примерали къ брусу-то. Ну, недолго-же онъ и жилъ послѣ того. А ружье, собака, бѣлки и птица очутились на сараѣ.

„Вотъ, говорить, какое дѣло было съ моимъ отцомъ. А спросись онъ у лѣсового почевать, тотъ и не чудилъ бы: изба-то эта, надо полагать, была его“.

Прибыли мы къ устью рѣки „Большой Патокъ“. Широкииъ русломъ, разливающимся по плоской равнинѣ, соединяется онъ съ Щугоромъ съ правой стороны. Къ сѣверовостоку, надъ лѣсистыми окрестностями Патока, возвышается града горъ, которая по своему голому, съ отсутствіемъ всякой растительности хребту, названа „Мертвою паржою“. Изъ нея вытекаетъ необыкновенно быстрый шумливый ручей Мертвый-Ель, тоже впадающій въ Щугоръ. По берегамъ этого ручья встрѣчаются большіе валуны зеленого сланца и появляются діориты и діоритовый порфиръ. Вотъ и другія каменные ворота—Шеръ-Кьрта (средняя скала); они состоятъ тоже изъ бѣлыхъ отвѣсныхъ известковыхъ скалъ, стѣсняющихъ съ обонхъ сторонъ рѣку въ узкое русло, съ тою только разницею, что

по чрезвычайной глубинѣ Щугора, теченіе воды въ нихъ едва замѣтно. Скалы не ниже, какъ и въ Ульдоръ-Киртѣ, но какъ вверху, такъ и внизу онѣ состоятъ въ песчаныхъ отсыпей, то и не имѣютъ той красоты. Третьи каменные ворота Щугора-Вальдоръ-Кирта (верхняя скала). Мы прибыли къ нимъ около полудня, на третій день нашего плаванія по Щугору. Погода по прежнему стояла ведреная, солнце не заслонялось ни однимъ облачкомъ: тихо, ясно, тепло, будто и не на сѣверѣ. Щугоръ пробилъ эти ворота крутымъ изгибомъ. Вслѣдствіе такого положенія разсѣлины или по другимъ акустическимъ причинамъ, но здѣсь поразило насъ необыкновенное эхо, повторяющее не только крикъ, но и слова въ разговорѣ, съ удивительною ясностію, раза по три и притомъ съ значительными промежутками.

Въ известковой стѣнѣ правой стороны воротъ открывается въ Щугорѣ трещина; изъ нея вырывается пѣнистый ручей Вальдоръ-Кирта-Ель, текущій по каменистымъ мелкимъ переборамъ. При устьѣ ручья въ береговыхъ его наслоеніяхъ господствуетъ доломитъ. Мы остановились здѣсь. Намъ хотѣлось осмотрѣть на Киртѣ-Ель водопадъ, посвѣщенный въ 1847 году профессоромъ Гофманомъ, начальникомъ Уральской экспедиціи, которая снаряжена была нашимъ географическимъ обществомъ. Добраться до водопада берегомъ не представлялось возможности: стѣны разсѣлины, между которой бѣжалъ ручей, поднимались такъ высоко и такими обрывами, что около воды не оставалось мѣста для прохода, на верху же, по береговому обрѣзу, не было тропинки. Мы пошли ручьемъ, въ бродъ, что было весьма удобно, такъ какъ глубина воды не превышала пяти вершковъ и дно оказалось твердое. За устьемъ, не въ дальнемъ разстояніи, началъ попадаться въ берегахъ зернистый, кварцитъ, съ примѣсю листочковъ тальки и хлорита, которые все болѣе и болѣе преобладаютъ, такъ что наконецъ кварцитъ переходитъ въ тальковый и хлоритовый сланецъ. Затѣмъ началъ попадаться гнейсъ, діоритъ и порфиръ. Это замѣчательно въ томъ отношеніи, что присутствіе упомянутыхъ горныхъ породъ служитъ признакомъ золотоносныхъ роземей.

Пройдя около трехъ верстъ ручьемъ, мы слышали гулъ

водопада. Съ какой стороны доносился этот гулъ—рѣшить было нельзя: не то онъ стоялъ въ воздухѣ, не то вырывался изъ-подъ земли; то слышался сзади, то далеко, далеко впереди, то справа, то слѣва. Я приписалъ это необыкновенной отзывчивости эха, играющаго здѣсь звуками съ волшебною причудливостію. Еще прошли нѣсколько извилинъ выбрались на песчаный заплескъ круто повернули около скалы, выдавшеяся острымъ угломъ, въ ручей, и очутились передъ круглымъ, какъ чаша, котломъ, в шаговъ въ 30 въ длину и ширину, заключеннымъ въ каменные стѣны, достигающія футовъ до ста высоты. Въ этотъ котель, съ высоты покрайней мѣрѣ пяти сажень, съ ревомъ низвергался прекраснѣйшій водопадъ. Мы стояли какъ разъ передъ нимъ. Вода разбивалась о лежащія внизу два громадной величины камня; брызги летѣли въ воздухъ и стояли въ немъ мелкой пылью. Выглянуло солнце изъ-за облачка и освѣтило своими лучами массу движущагося воднаго хрустала, загорѣлась въ немъ разноцвѣтная радуга, а водяная пыль окрасилась ярко-лиловымъ цвѣтомъ. Ничего подобнаго въ природѣ я не видалъ во всю мою жизнь.

Долго мы стояли передъ водопадомъ, долго не могли отвести глазъ, очарованныхъ его красотой. Вода крутилась въ котлѣ, какъ въ мельничной заборовѣ; особенно силенъ напоръ ея былъ на лѣвую стѣну, вълѣдствіе чего образовалась въ ней глубокая выбоина. Какая-то рыба безпрестанно всплескивалась около этой темной пазухи. Стада мелкой, пестренькой рыбки, извѣстной подъ именемъ *моля*, тѣснились по заплеску, у самыхъ нашихъ ногъ. Вдругъ Алексѣй толкнулъ меня легонько логтемъ.

— Смотрите! Видите подъ берегомъ-то на той сторонѣ!

— Что тамъ такое? не вижу.

— Выдра пробирается; видите около камня плыветъ! Вотъ подъ берегъ направилась, въ подмону.

По указанію Алексѣя, я оглядѣлъ звѣря: темной полосой, вся вытянувшись по водѣ, бойко плыла выдра, то скрываясь за клубами пѣны, то изрѣдка изъ-за нихъ вывертываясь. Скоро она скрылась въ береговую пазуху.

— Эхъ ружья не взяли; убили бы! больше десяти сажень не было, пожалѣлъ Павелъ Дмитріевичъ.

— Можетъ и убили бы, да звѣрь-то теперь плохъ, еще не выкунѣлъ: проку въ немъ мало, замѣтилъ Алексѣй.

На другой день мы достигнули устья рѣки Ичеть (малый) Патокъ. Этотъ притокъ Щугора особенно славится изобиліемъ лоха и харьюза. Рыболовныя артели забираются въ его верховья за этою рыбою такъ далеко, какъ только можетъ пройти лодка. Выше Ичеть-Патока Щугоръ значительно суживается, извиваясь крутыми изгибами между каменистыми берегами, мѣстами торчащими въ рѣку острыми выступами. Теченіе здѣсь необыкновенно быстро: только благодаря заводямъ, образующимся подъ острыми кремнистыми косами, возможно подниматься вверхъ; выѣзжая изъ заводи на струю мы едва справлялись съ быстриною. Часто лодку нашу бросало съ такою силою на берега, что казалось разобѣть се щепы. Но ловкость Алексѣя и его смѣтливость избавляли насъ отъ опасности.

— Что это за крестъ на берегу, Павелъ Дмитріевичъ, — въ знаменіе какого событія онъ тутъ воздвигнутъ? Можетъ быть промышленникъ похороненъ? спросилъ я Волкова, увидѣвъ на площадкѣ одной косы старый, покрявившійся крестъ, сдѣланный изъ чрезвычайно толстаго дерева.

— А это мѣсто названо „Молебной Костью“, въ память одного происшествія, по случаю котораго и крестъ поставленъ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: ты видишь до какой степени въ этихъ плесахъ быстръ Щугоръ, даже въ обыкновенное меженное время, какъ теперь. Въ наводки-же на Уралѣ Щугоръ почти мгновенно вздувается на нѣсколько сажень выше меженнаго уровня и превращается въ узкихъ тѣснинахъ въ страшный порогъ, въ которомъ вода съ бѣшеною силою громаднымъ валомъ мчитъ внизъ по крутому паденію. Когда-то, въ очень давнее время, чердынскіе рыбаки, промышлявшіе въ верховьяхъ Щугора харьюзомъ и возвращавшіеся назадъ, были застигнуты врасплохъ, около этихъ

жѣсть, подобнымъ валомъ. Съ бѣлою пѣнищей гривой похватилъ онъ маленькую лодочку на свои плеча и понесся съ нею внизъ. Челнокъ бросало изъ стороны въ сторону, какъ легкую чурку, ежеминутно угрожая въ дребезги разбить о каменные берега. Рыбаки ожидали вѣрной гибели. Надѣялись на помощь не откуда. Наконецъ удачнымъ поворотомъ волны около мыса лодочку выбросило вотъ на тотъ пологій откосъ, не причинивъ ни малѣйшаго вреда чердынцамъ. Они, въ знаменіе счастливаго избавленія отъ смерти, отслужили здѣсь сами—какъ съумѣли, молебень, назвавъ мѣсто „молебною костью“ и задрузили на немъ этотъ самый крестъ.

— Я и въ другихъ мѣстахъ зырянскаго края видалъ кресты на пустоцельси: видно зыряне любятъ ихъ ставить, замѣтилъ я.

— То больше надъ покойниками. Мало-ли умираетъ народу во время лѣсовья: надъ каждымъ умершимъ врытъ крестъ зыряне считаютъ за святое дѣло. Ставить также кресты и на перекрестныхъ дорогахъ.

За „молебною костью“ Щугоръ вновь расширяется. Берега значительно понижаются, переходя изъ скалистыхъ отсыпей въ ровную плоскость, поросшую до самой воды густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Къ вечеру мы доѣхали до красиваго острова, извѣстнаго подъ именемъ Лиственничнаго-Дискоса. Названіе это произошло отъ четырехъ громаднхъ лиственницъ, растущихъ на островѣ. Подъ одной изъ нихъ мы основали нашу ночевку.

Развели огонь и, въ ожиданіи чая и ужина, улеглись на полсть. Чудный вечеръ. Тишина невозмутимая. Западъ блѣднѣетъ; блекнуть яркіе отблески вечерней зари. Тускнутъ золотныя и багровыя глади щугорскихъ водъ. Сѣрый цвѣтъ ночи, мало по малу все расширяясь, надвигался съ востока, закрывая на немъ темнымъ мракомъ волнистыя гряды уральскихъ предгорій.

— Видишь гору впереди, заговаривалъ Павелъ Дмитріевичъ, когда мы на другой день, послѣ нашей ночевки на Лиственничномъ Дискосѣ, снова вѣхали въ область скалистыхъ береговъ Щугора, — это „Толнасъ-изъ“ — вѣтряное гнѣздо.

Высокая гора довольно длинным хребтом тянулась от Урала и обрывомъ упиралась въ Щугоръ. Она увѣнчивалась зубчатымъ гребнемъ и двумя пиками, торчащими выше прочихъ, обнаженными и покрытыми каменными обломками.

— Почему такъ называется гора? спросилъ я Волкова.

— А существуетъ между здѣшними жителями такое поверье, что живетъ на этой горѣ вѣтеръ, что здѣсь его коренное, постоянное обитаніе, его домъ, потому-то, рассказываютъ зыряне, самый слабый звукъ человѣческаго голоса, даже малѣйшій стукъ вызываетъ, будто-бы, около этихъ мѣстъ страшную бурю. Промышленники, проѣзжая мимо Толпасъ-изъ, сохраняютъ глубокое молчаніе и даже обертываютъ тряпками уключины весель, чтобы онѣ не скрипѣли. Я много разъ подымался на эту гору и страшное дѣло: какъ бы тихо ни было, ни малѣйшаго хилка, листочекъ не пошевелится на осинѣ, на Толпасъ-изъ все что-то гудитъ и завываетъ; раковины такіа большія бы вають, видаль, я думаю, приложишь ее къ уху и приполной тишинѣ и безмолвіи около тебя, слышишь въ раковинѣ рѣзкіе звуки, какъ будто поетъ въ ней кто; такъ и на Толпасъ изъ.

— Странно это, чѣмъ нибудь можно-же объяснить такое явленіе.

— Ничѣмъ другимъ, какъ особеннымъ расположеніемъ скалъ и пиковъ, съ особенною чувствительностію отражающихъ звуки. На этой горѣ есть озеро, изъ него текутъ въ Щугоръ два истока Филиппъ-Ель и Дуръ-Ель. Это чисто горные ручьи, низвергающіеся съ чрезвычайнымъ шумомъ съ крутизны. Можетъ быть этотъ шумъ чрезъ многочисленныя отраженія въ скалахъ и даетъ звуки, похожіе на завываніе бури.

Мы подѣхали къ южному обрыву Толпасъ-изъ весьма близко. Гора показалась намъ настолько крутою, что взобраться на нее съ этой стороны мы не рѣшились. Далѣе Щугоръ поворачиваетъ на востокъ, дугой огибая Толпасъ-изъ. Мы проѣхали версты три и привалили къ берегу, чтобы взойти на гору съ восточнаго склона, болѣе пологого и потому удобнаго для восхожденія. Миѣ

хотѣлось посмотрѣть горное озеро, по словамъ Волкова, чрезвычайно характерное.

Отсюда до подошвы Толпасъ-язъ версты полторы. Все это пространство и самый склонъ горы покрыты сплошнымъ лѣсомъ. Мы взяли съ собою ружья, захватили, по настоянію Павла Дмитріевича, ботальную сѣть съ бечевкою, кой-что изъ сѣтнаго и пустились въ путь.

Шли мы сначала все ельникомъ. Черника и брусника густо заволокли лѣспую почву. Спѣлыя крупныя ягоды черники весьма привлекали къ себѣ вниманіе Павла Дмитріевича и онъ воздавалъ имъ должную честь. Часто попадались грузди, и какіе грузди—ума помраченіе: бѣлые какъ свѣтъ, съ толстымъ слоемъ прозрачнаго желе на шляпкахъ гриба. Начались чащи. Держась по компасу принятаго направленія, мы съ трудомъ сквозь нихъ пробирались. Поднялся глухарь, шумно захлопавъ крыльямъ; фыркнулъ выводокъ рябчиковъ; молоденькіе тутъ же, передъ нами, разсѣлись въ поддерева. Я убилъ пару. Волковъ одного. Вотъ и подошва горы. Издали она казалась пологой, а пришлось лѣзть чуть не на стѣну. Ель смѣнялась соснами. Чѣмъ выше—тѣмъ рѣже лѣсъ. Соснякъ стоитъ уже въ разбродѣ, небольшими группами и въ одиночку. Нѣкоторыя изъ сосенъ, подмытыя въ корняхъ весенними потоками, накренились къ низу, пошатнулись, красиво разлѣтавъ свои кривыя, засохшія вѣтви. Все лѣземъ кверху, все выше—я, сквозь краснѣющіе стволы сосенъ, начали пропертываться березы; мѣстами попадаетъ и ель, но корявая, обтанутая мохомъ, который густою бородою свѣшивается съ вѣтвей. Наконецъ мы достигли плоской равнины. Взвизгиваніе гагаръ и пропитательные крики чаекъ неслись къ намъ на встрѣчу. Еще нѣсколько сажень они на берегу небольшого круглаго озера. Оно улеглось въ сѣдлѣ между двумя горными пиками. Берега пустынные: кой гдѣ, какъ сторожевые маяки, стоятъ на нихъ громадныя сосны. Вода чиста—какъ хрусталь, но отъ чрезмѣрной глубины этого горнаго водоема кажется черною. Множество гагаръ разныхъ породъ плавали по озеру. Онѣ не пугались насъ. Видно было, что здѣсь не часто ихъ тревожатъ.

— Что-же мы будемъ дѣлать съ сѣтью, какая здѣсь рыба, какъ она на эту высь заберется, обратился я къ Волкову.

— Рыба есть; а бакъ она сюда попала, ужъ этого я тебѣ объяснить не берусь! Пойдемъ къ истоку Дурь-Ель.

Идти было недалеко, не болѣе ста сажень, по сухому, песчано-илистому берегу. Изъ озера выдвигался узенькой заливчикъ, въ острожь концъ котораго образовался прорывъ, сажень въ пять шириною, служившій истокомъ Дурь-Ель!

Тихо подойдя къ заливчику, мы замѣтили въ немъ всплески рыбы. Алексѣй перешолъ рѣчку нѣсколько ниже истока по перебору. Мы перебросили ему бечевку и, посредствомъ ея, перетянувъ ботальную мережу въ узкомъ мѣстѣ заливчика, заперли рыбу. Затѣмъ, вырубивъ шестики, начали ими сотать. Съ первыхъ же ударовъ по водѣ, поплавки сѣти порывисто заиграли, безпрестанно окунывались. Мы вытянули мережу, биткомъ-набитую карасями. Нѣкоторые изъ нихъ были болѣе фунта.

Поздно возвратились мы къ лодкѣ; еслибъ не компасъ, вѣрный проводникъ зырянь въ ихъ лѣсныхъ странствованіяхъ, то можетъ быть привелось-бы ночевать на озерѣ. Погода измѣнилась: въ воздухѣ потянуло холодомъ и сыростью. На другой день свпщовныя облака обложили все небо и зачастилъ дождь мелкій, пронизывающій, обѣщая затажное ненастье. При такомъ состояніи погоды мы не рискнули ѣхать далѣе въ верховья Шугора и вернулись назадъ. Обратное плаваніе внизъ по теченію быстрого Шугора совершилось вдвое скорѣе. Выѣхавъ на Печору, мы встрѣтили посыльныхъ къ себѣ съ провизіей и распоряженіемъ отправиться внизъ по Печорѣ вплоть до Гуляевскихъ Кошекъ. Эта послѣдняя побѣдка заслуживаетъ особаго разказа, что и будетъ сдѣлано жною современемъ.

Ф. А. Арсеньевъ.

ГОРОДЕЦКО-НИКОЛАЕВСКИЙ ПОГОСТЬ,

ДАЛЕМСКОЙ ВОЛОСТИ, УСТЮГСКОГО УЪЗДА.

Собственно Городецко-Николаевскій погость находится между городами Устюгомъ и Лальскомъ (въ 36 верстахъ отъ Устюга и 44 отъ Лальска) и расположенъ на самомъ торговомъ трактѣ, соединяющемъ эти два города; въ четверти версты отъ погоста протекаетъ рѣка Луза. Рѣка эта не особенно глубока, и судоходство по ней возможно только весной во время разливовъ; въ это время по ней, а далѣе черезъ рр. Югъ и Двину сплавляются до г. Архангельска съ пристаней Ношувльской и Вынской куноческія барки, преимущественно съ зерновымъ хлѣбомъ и льнянымъ сѣменемъ. Въ послѣднее время, впрочемъ, едва-ли не съ каждымъ годомъ количество отправляемыхъ барокъ уменьшается въ особенности съ Вынской пристани; по этой же рѣкѣ сплавляется до Архангельска для заграничнаго отпуска много лѣсу, рубка котораго производится въ казенныхъ дачахъ Устьенсольскаго уѣзда и частию Устюгскаго (въ Папуловской волости); въ лѣтнее же время Луза положительно не можетъ быть судоходною, потому что мѣстами глубина ея не превосходитъ одного аршина, при неровномъ и каменистомъ руслѣ.

Почва здѣшней мѣстности по большей части—супесокъ и суглинокъ, требующая много удобренія, которое производится ис-

ключительно скотскимъ навозомъ, но при недостаточности удобренія, урожай хлѣбовъ незначительны: такъ въ самый лучший урожай озимовой хлѣбъ родится самъ 7, а яровой 6, но по большей части озимовой бываетъ самъ 5, а яровой—4 и даже 3. Конечно эти цифры нельзя принять безъ исключеній, потому что и здѣсь есть землевладѣльцы, имѣющіе достаточно хорошихъ сѣнокосовъ, а потому и имѣющіе возможность производить нормальное удобреніе земли, отчего и приносокъ хлѣбовъ можетъ быть выше показаннаго. Посѣвъ озимоваго хлѣба здѣсь производится всегда съ 20 Іюля, а яровыхъ около 9 Мая; жатва начинается не ранѣе Успеньева дня, и почти съ этого же времени многими крестьянами начинается уже молотба его для ѣды, но есть такіе, которые молотятъ даже для посѣва озими; вообще же молотба по времени здѣсь идетъ неопредѣленно, многіе молотятъ по мѣрѣ надобности, но всѣ кончаютъ ее великимъ постомъ, но яровой хлѣбъ обмолачивается почти всегда осенью, съ наступленіемъ заморозовъ. Изъ хлѣбовъ здѣсь сѣютъ преимущественно рожь, ячмень и овесъ, а также пшеницу и горохъ, но послѣдніе два рода сѣются мало, потому что пшеница плохо родится, а горохъ не совсѣмъ вызрѣваетъ и бываетъ мелкій, почему и мука, приготовляемая изъ него, не отличается доброкачественностью, имѣя зеленовато-бурый цвѣтъ; для посѣвовъ горохъ употребляютъ исключительно здѣшній, привозный же, такъ называемый казакскій крупный совсѣмъ не сѣютъ, такъ какъ онъ вызрѣваетъ еще менѣе. Размолка хлѣбовъ производится на водяныхъ мельницахъ, которыхъ здѣсь очень достаточно—въ близки до 5-ти. Шелуху съ ячменя и овса до настоящаго времени отдѣляли на мельницахъ же въ ступахъ, но теперь на одной изъ мельницъ построили обдирку, и надо ожидать, что появленіе обдирокъ впоследствии вытѣснитъ устройство ступъ, такъ какъ первыя гораздо лучше и скорѣе удовлетворяютъ своему назначенію. На мельницахъ же здѣсь приготовляютъ особый видъ муки, такъ называемую „сутолку“, для приготовления такой муки берутъ часть ячменя и овса, очищенныхъ отъ шелухи, мѣшаютъ эту часть съ рожью, и все это вмѣстѣ превращаютъ въ муку, изъ

которой и пекутъ постные хлѣбы, хотя и довольно вкусны, но для непривычнаго человѣка не всегда пріятны, такъ какъ отъ плохо очищенныхъ отъ мелухи ячменя и овса въ подобныхъ хлѣбахъ остается много мякины, что теперь однако легко устраняется постройкою обдирокъ.

По отношенію къ луговодству слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь хотя и есть поемные луга, то есть затопляемые весенними разливами, но по большей части лѣсные и горные, отчего травы—пшени, почему и скотоводство развито мало, что, какъ я сказалъ выше, вліяетъ на урожай хлѣбовъ; самый зажиточный крестьянинъ держитъ здѣсь не болѣе 6 головъ рогатаго скота, одну или двѣ лошади, по одной, а рѣдко по двѣ свиньи. Въ числѣ рогатаго скота откармливаютъ быковъ, но они, какъ мелкой породы, цѣнятся весьма не дорого;—быкъ пудовъ въ 17 считается здѣсь рѣдкостью и выкармливается развѣ у самаго зажиточнаго владѣльца или крестьянина; но случаемъ эти бывають до того рѣдки, что пожалуй нельзя принимать ихъ и въ расчетъ, а обмкновенно самымъ крупнымъ скотомъ считается туша пудовъ въ 12—13. Излишній скотъ продается по большей части устюжскимъ торговцамъ. Въ мѣстности есть также нѣсколько торговцевъ, убивающихъ скотъ какъ для мѣстнаго населенія, такъ, въ теченіи Филинова моста, и для отправки въ Устюгъ къ рождественскому сочельнику, но здѣшнее мясо цѣнится всегда ниже привозимаго туда изъ мѣстностей, расположенныхъ по теченію р. Двины.

Въ нѣкоторыхъ окрестныхъ деревняхъ крестьяне занимаются воздѣлываніемъ льна хотя и не въ значительномъ количествѣ, но тѣмъ не менѣе льноводство служитъ для нихъ главнымъ источникомъ удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ—уплата податей, покупки хозяйственныхъ потребностей и проч. Впрочемъ есть нѣкоторые хозяева, которые продаютъ льна до 20-ти пудовъ, а для своихъ же потребностей сѣютъ всѣ. Посѣвъ льна производится всегда на подсыхахъ, или какъ называютъ ихъ здѣсь „новинкахъ“; въ поляхъ его сѣютъ рѣдко, такъ какъ на нихъ онъ плохо родится, да и не имѣется въ великомъ для этого пахот-

ной земли; вообще же льняное производство въ болѣе значительныхъ размѣрахъ здѣсь не можетъ быть общими занятіемъ, такъ какъ мало нѣтъ удобныхъ мѣстъ для посѣва; поступающій для продажи лёнъ сбываютъ въ г. Ляльскѣ въ Никольскій торжокъ и Аванасьевскую ярмарку, а отчасти и на домашніе мѣстные торговщамъ.

Лѣса въ описываемой мѣстности преимущественно хвойные: ель, сосна и пихта; отдѣльно большихъ лиственныхъ лѣсовъ нѣтъ, но лиственные деревья, изъ которыхъ почти исключительно малокорослая береза, находятся въ смѣси съ другими; около озера и по берегу рѣки произрастаетъ верба; строевой лѣсъ здѣсь находится не во многихъ дачахъ, да и то или въ казенныхъ, или же у частныхъ землевладѣльцевъ; въ связи съ этимъ, я думаю находится и то обстоятельство, что селенія обстроены почти всегда очень бѣдно: въ рѣдкихъ деревняхъ можно встрѣтить удовлетворительную хозяйственную постройку, а то по большей части, въ нихъ одинъ или два порядочные дома, а остальные же маленькія, иногда полуразвалившіяся хатки. Въ причинамъ такой неудовлетворительности построекъ можно отвѣсти еще и то, что экономическій бытъ здѣшняго населенія находится вообще не въ цвѣтущемъ состояніи.

Хотя крестьяне овецъ избѣ строятъ все бѣднѣе, т. е. съ трубами и курныхъ избѣ здѣсь встрѣчается мало, но несмотря на это домашнее хозяйство ведется грязно и не аккуратно, на что повидимому не обращается ни малѣйшаго вниманія; исключенія изъ этого весьма рѣдки. Печи въ крестьянскихъ домахъ дѣлаются постоянно бѣднѣе изъ глины, и такая печь, конечно сдѣланная, можетъ просуществовать не одинъ десятокъ лѣтъ, почему они и предпочитаютъ кирпичныя, да ироніе тѣмъ и стоятъ не дорого.

Населеніе мѣстности по пространству—рѣдко, селенія разбросаны и малки; едва ли можно встрѣтить да едва ли и найдется селеніе домовъ въ 20, а то по большей части онѣ бываютъ домовъ въ 6—7, но есть не мало и такихъ, въ которыхъ домовъ меньше и этого числа; въ особенности отличаются

малонаселенностию погосты, такъ—за исключеніемъ описываемаго мною Городецко-Николаевского, во всѣхъ ближайшихъ изъ нихъ кромѣ причта другихъ жителей нѣтъ.

По отношенію къ занятіямъ мѣстныхъ обывателей слѣдуетъ замѣтить, что въ зимнее время многіе изъ крестьянъ занимаются доставкою кладенъ въ города сосѣднихъ губерній, но этотъ промыселъ, по моему мнѣнію, нисколько не прибиточенъ и можетъ служить развѣ только для прокормленія лошадей, такъ какъ не смотря на существующія теперь высокія цѣны на хлѣбъ и сѣно, провозная плата мало или же и вовсе не возвышается. Лѣтомъ нѣкоторыя изъ болѣе многолюдныхъ семействъ отправляются въ Петербургъ на заработки, въ числѣ которыхъ многіе преимущественно занимаются доставкою для построекъ песку; есть даже человѣка два изъ здѣшнихъ обывателей, нѣмлющіе въ Петербургѣ свои песочныя суда. До сего времени весной также многіе ходили на пристани Ношульскую и Вымскую для сплава барокъ до г. Устюга, и это давало хотя незначительный заработокъ, производившійся къ тому же въ совершенно свободное отъ крестьянскихъ работъ время, но уменьшеніе количества барокъ значительно сократило доходъ отъ этого промысла, почему число отправляющихся на эти заработки сократилось теперь на половину.

Развитіе ремеселъ и кустарнаго производства здѣсь не распространено; хотя есть нѣсколько человѣкъ занимающихся таковыми, но произведенія ихъ поступаютъ исключительно для мѣстнаго населенія; есть здѣсь два, три кузнеца, умѣющіе сдѣлать и исправить что-либо не хитрое для крестьянскаго обихода, какъ то: ножъ, топоръ, подкову и т. п.,—нѣсколько человѣкъ плохихъ чоботарей, дѣлающихъ неуклюжую обувь, также есть нѣсколько довольно сносныхъ плотниковъ и столяровъ; изъ последнихъ впрочемъ одинъ выдается очень удовлетворительною отдѣлкою своихъ издѣлій, могущихъ служить для украшенія комнатъ не только въ деревнѣ, но и въ порядочномъ городскомъ домѣ. Но постоянныхъ ремесленниковъ здѣсь нѣтъ, а дѣлаютъ только по заказу и то въ свободное отъ крестьянскихъ работъ

время, такимъ образомъ заработки отъ этого служатъ лишь небольшимъ подспорьемъ въ ихъ домашнемъ быту, а не средствомъ къ жизни.

Нѣсколько человѣкъ занимаются здѣсь также и торговлей, имѣя при домахъ лавочки, въ которыхъ можно найти: табакъ, спички, соль, чай, сахаръ, иногда рыбу и проч., но торговля эта вообще ничтожна, такъ какъ каждый, имѣющій необходимость въ значительныхъ покупкахъ, отправляется для этого въ г. Устюгъ, чему благоприятствуетъ и близкое разстояніе. Помимо этой торговли, въ зимнее время человѣка три ѣздятъ въ гг. Казань и Котельничъ для покупки товаровъ — мѣднаго, желѣзнаго, готовой обуви, крупчатки и т. п., которые и распродаютъ отчасти здѣсь же на мѣстѣ, а главное на ярмаркѣ и торжкахъ въ г. Дальскѣ. На погостѣ ярмарокъ не бываетъ, но въ храмовые праздники вообще на погосты прѣѣзжаютъ мѣстные торговцы и часа на два открываютъ въ балаганахъ временныя лавочки, куда и привозятъ иногда изготовляемую въ мѣстности деревянную посуду: кадки, ведра и проч.

Праздниковъ въ описываемой мною мѣстности бываетъ много, а на погостѣ празднуется: Срѣтшіе Господне, Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы и дни Св. Николая Чудотворца 9 Мая и 6 Декабря. Во всѣ храмовые праздники крестьяне пируютъ почти всегда по три дня, но празднество, тѣчѣе пьянство, продолжается только первые два дня праздника, и въ это время въ деревнѣ не рѣдко можно видѣть толпы пьяныхъ, слышать шумъ, брань и пѣсни, на третій же день гости разъѣзжаются по домамъ и уже бываетъ мало пьяныхъ. Кромѣ храмовыхъ праздниковъ почти въ каждомъ приходѣ въ извѣстные дни устраиваются особыя празднества, называемыя мольбани. Въ недѣлю масляницы празднество начинаютъ обыкновенно съ четверга, и особаго пьянства тогда не бываетъ, пьютъ умѣренно, главнымъ же время-препровожденіемъ о масляницѣ служатъ катанье на лошадяхъ и нестакъ; послѣдніе замѣчаютъ здѣсь ледяныя горки, которыхъ не дѣлаютъ вовсе.

Въ питейныхъ домахъ здѣсь недостатка нѣтъ; они нахо-

дятся, за исключеніемъ одного, во всѣхъ приходѣхъ, хотя приходы эти и незначительны; въ нашемъ приходѣ итѣйское заведеніе находится въ двухъ верстахъ отъ погоста, при деревнѣ Королево; вообще здѣшній народъ любитъ пиво и вино, и въ праздники пьютъ всѣ: мужчины, женщины и даже дѣти; мнѣ самому случалось видѣть, какъ пили вино 8-ми лѣтніе дѣти; только вонющая бѣдность не дозволяетъ многимъ устраивать въ праздники полные разгулы; пить вино и посѣщать итѣйские дома не считается здѣсь вовсе предосудительнымъ, а скорѣе какими-то обновленіемъ.

Взглянувъ вообще на быденную жизнь крестьянъ, во всемъ можно встрѣтить обличительные признаки не процвѣтающаго ихъ бытоваго состоянія; даже это замѣтно и въ пищѣ; обыкновенною пищею служатъ преимущественно огородныя овощи, ягоды и грибы, рыбу покупаютъ не всегда и не всѣ; мясо употребляется хотя всѣми, но очень въ ограниченномъ количествѣ; такъ но рѣдко довольно значительное семейство употребляетъ въ годъ мяса не болѣе 5 пудовъ, получая его отъ выкормленной дома или же купленной на водѣ свиньи. Замѣчательно, что при всемъ своемъ незавидномъ положеніи, крестьяне въ последнее время стали принимать къ употребленію чая, влѣдствіе чего во многихъ деревняхъ появились самовары; интереснѣе то, что нѣкоторые потребители и любители чая, немнѣя самовара, кипятятъ чай въ чугунахъ—пьютъ сами и угощаютъ гостей. Кофе здѣсь совсѣмъ не въ употребленіи, и даже рѣдкіе имѣютъ какое либо о немъ понятіе. Постояннымъ же питьемъ служатъ обыкновенный квасъ, который всегда можно найти какъ въ богатомъ, такъ и бѣдномъ домѣ, но питье это только носить названіе кваса, въ сущности же часто бываетъ какое то или безвкусное, или противное пошло.

Такъ какъ въ мѣстности есть нѣсколько озеръ, то въ лѣтнее время нѣкоторые занимаются рыболовствомъ. Изъ народа рыбы въ здѣшнихъ озерахъ и рѣкѣ преобладаютъ—щуки и зяи, затѣмъ лещи и окуни, попадають также, хотя и весьма рѣдко—нельма, и еще рѣже—сиги; но вся рыба сравнительно мелкая:

щука рѣдко но падаетъ болѣе 25 фунтовъ, а лещи—7 ф. Рыбу ловятъ неводами, сѣтями, бредневыми, подотками (это тоже родъ бредника, но только одна середина его лязная, бока же изъ голетаго рѣдкаго холста), затѣмъ въ сѣтъ мордами. Есть еще способъ ловли, такъ называемый „ботало“. Для ловли этимъ способомъ необходима мережа и „ботало“, т. е. длинный (въ сажень или не много болѣе) шестъ, на концѣ котораго прикрѣплена выдолбленная изъ дерева воронкообразная чашечка, съ отверстиемъ наружу. Рыболовъ, тихо подѣвзая въ лодкѣ по озеру къ какому нибудь кусту или зелени, (такъ называется влощенное колья, между которыхъ наложены большіе свѣжіе славные прутья или цѣнья небольшихъ елки), окладываетъ мережей кустъ или зелень и бухаетъ боталомъ въ окладанномъ имъ мѣстѣ, такимъ образомъ рыба, жалая уйти, попадаетъ въ мережу. Этимъ способомъ ловится малая рыба, но попадаетъ и болѣе крупная — преимущественно язи. Цѣны на рыбу здѣсь не высоки: крупная щука продается не дороже 8 или 9 копѣекъ за фунтъ, лещи, язи и крупныя окуни 5—7 копѣекъ. Здѣсь встаетъ сказать и о цѣнахъ на прочіе продукты: мука ржаная отъ 1 руб. до 1 руб. 30 к. за пудъ, ячменная 1 р. 10 к. и 1 р. 40 к., пшеничная 1 р. 20 к.—1 р. 50 к., пудъ мяса лучшаго здѣшняго до 2 р. 40 к., фунтъ масла коровьяго 20 коп. и дороже, десятокъ яицъ 7—10 к., кринка молока (съ кружку) стоитъ 5 коп. и дороже. Не исключая муки, не всегда можно купить здѣсь какіе либо продукты, такъ какъ рѣдкій и только болѣе зажиточный крестьянинъ имѣетъ что либо въ наличкѣ для продажи, обыкновенно же у большей половины населенія чувствуется недостатокъ во всемъ даже для своего продовольствія.

Не смотря на то, что лѣса здѣсь по большей части мелкой породы, въ нихъ бываетъ иногда такъ много волковъ, что они не опасаясь среди дня ходятъ близъ селеній; хищники эти причиняютъ довольно значительный вредъ крестьянскому хозяйству, истребляя скотъ. Такъ по свѣдѣніямъ мѣтнаго волостнаго правленія, по Палемской волости, въ 1872 и 1873 гг. количество истребленнаго волками и медвѣдами скота было: крупнаго 102

штуки в каждом околе 950 штук, а если взять приблизительную стоимость кругомъ по 20 руб. за штуку крупнаго скота и по 3 рубли за мелкой, то въ два года истреблено скота будетъ на сумму до 4890 рублей. Полагаю, что не менше этого истреблено и въ послѣдующіе годы, но точныхъ свѣдѣній мнѣ узнать объ этомъ не привелось. Медвѣдей здѣсь водятся мало. Объ истребленіи волковъ у насъ заботятся плохо, хотя бы это могло быть довольно выгодно, такъ какъ мѣстное земство платитъ за каждаго убитаго волка вознагражденіе въ 5 рублей, вслѣдствіе чего, продавъ шакуру, каждый убитый волкъ можетъ принести хозяину до 8 рублей, да кромѣ того чрезъ это уменьшилось бы и количество истребляемаго скота. Шкура волка продается здѣсь рѣдко дороже 3 рублей. Другихъ звѣрей въ административныхъ лѣсахъ неводится, исключая бѣлки, но и то не въ значительномъ количествѣ.

Въ заключеніе своего сообщенія мнѣ желательнo еще сказать нѣсколько словъ о мѣстномъ народномъ сочувствіи къ школѣ и стремленіи къ образованію, бытѣ духовенства и нѣкоторыхъ древностяхъ въ Городецко-Николаевскомъ погостѣ.

Для всей Палемской волости съ четырехтысячнымъ мужскимъ населеніемъ, или по крайней мѣрѣ около того, существуетъ только одно училище, содержимое на счетъ земства и находящееся при Городецко-Николаевскомъ погостѣ. Учащихся въ этомъ училищѣ никогда не превышало числа 40, а въ настоящее время состоитъ только 36 человѣкъ; дѣвочекъ до настоящаго учебнаго года не отдавали, и только сей годъ въ первый разъ ихъ поступило 5 человѣкъ. Къ числу причинъ, по которымъ бываетъ всегда сравнительно не много учащихся, я думаю надо отнести отчасти разбросанность селеній, почему многимъ не представляется возможности отдавать дѣтей своихъ въ училище, не имѣя средствъ нанимать квартиры или платить за содержаніе на мѣстѣ, но конечно препятствіе это устранимо. Замѣтно нѣсколько, что въ послѣднее время понятіе о пользѣ грамоты и довѣріе къ школѣ начинаютъ возрастать, чему много поощряетъ выдача льготныхъ свидѣтельствъ ученикамъ оканчивающимъ курсъ въ училищѣ.

Вить духовенства съ матеріальной стороны главнымъ образомъ здѣсь обеспеченъ пахотной и сѣнокосной землей, отъ которой причтъ извлекаетъ главные доходы, почему необходимо каждый членъ причта долженъ имѣть и имѣть полное сельское хозяйство; затѣмъ, кромя обыкновенно назначеннаго отъ казны жалованья, члены причта получаютъ ругу, ленъ и прочіе мелкіе сборы, однако всего не особенно много. Для каждаго члена причта имѣются казенные дома, достаточно приспособленные къ условіямъ жизни.

Наконецъ сообщу о заслуживающихъ особаго вниманія древностяхъ села Городка. Въ Никольскомъ придѣлѣ церкви есть мѣстная икона св. Николая Чудотворца, о которой въ сотной писцовой книгѣ, составленной въ 1688 году сказано такъ: «На правой сторонѣ, образъ мѣстной Николаи Чудотворца съ двѣнадцатью, обложенъ серебромъ басменнымъ, въонецъ да 16 гривенъ серебряныхъ, золоченныхъ, да двѣ гривны низаны жемчугомъ, а прикладу тотъ образъ Великаго Князя Василя Ивановича вся Русіи Московскаго 1470 году“. Дѣйствительно икона эта имѣетъ самую древнюю живопись и ризу старинной работы, но къ сожалѣнію нигдѣ не сказано и не сохранилось никакого устнаго преданія о томъ, по какому именно случаю она пожертвована; всѣми мѣстными жителями икона эта особенно чествуется. Недалеко отъ церкви находится довольно возвышенная земляная насыпь, называемая Городищемъ и окованная съ одной стороны отъ болѣе возвышеннаго мѣста глубокимъ ровомъ. Общій видъ Городища круглый, длина діаметра вершины приблизительно до 20 сажень, но въ прежнее время оно повидному было гораздо болѣе, такъ какъ съ каждыиъ годомъ значительно осыпается; вершина насыпи по краямъ обнесена землянымъ валомъ; по всѣмъ этимъ признакамъ описываемую мною насыпь нужно принять за искусственное сооруженіе. Есть устное преданіе, что въ давнее прежнее время село это было укрѣпленнымъ мѣстомъ отъ набѣговъ чуди. Можетъ быть и пожертвованіе Волчьимъ Княземъ Василямъ Іоанновичемъ иконы Св. Николѣ Чудотворца совпадаетъ съ какииъ нибудь изъ подобныхъ случаевъ, но, какъ я

сказать, объ этомъ нѣтъ никакихъ письменныхъ фактовъ. По срединѣ насыпи есть нѣсколько ямъ, въ видѣ проваловъ, и говорятъ, что будто-бы въ этихъ мѣстахъ были подвалы для сбереженія имущества жителей и боевыхъ орудій, но это также не подтверждается никакими фактами или видимыми признаками.

Учитель Палемскаго училища *К. Ивановскій*.

Село Городокъ.

ДУГОВОДСТВО.

(По части сельскаго хозяйства).

Сообщ. изъ Грязовецкаго уѣзда.

Цѣль научныхъ и хозяйственныхъ моихъ опытовъ состоятъ преимущественно въ томъ, чтобъ доказать, какъ многія хозяйственныя работы основаны и поддерживаются ложными теоріями, доводами неоправдываемыми ни одной доктриной, отъ чего успѣхи оказываются весьма сомнительными, слабыми и почти всегда не полными. Мы идемъ какъ бы ошущю и дѣствуемъ безотчетно по слѣпой привычкѣ, или обычаю, тогда какъ наука, опытъ и наблюдательность должны служить основами всякаго рода промышленной и хозяйственной дѣятельности. Възъ науки не мыслимъ ни быстрый успѣхъ, ни вѣрный расчетъ промышленника; между тѣмъ многія еще смотрятъ на науку, какъ на что либо пустое, бесполезное, убивающее время, даже вредное; наука считается чѣмъ то въ родѣ ящика Пандоры, изъ котораго выйдетъ только одно зло; вотъ противъ такого-то взгляда и вступаю я. Мнѣ хотѣлось бы связать науку съ тѣми практическими занятіями общества, какія необходимы какъ въ настоящее, такъ и будущее время, сроднить ее съ сельскимъ хозяйствомъ, промышленностію и обыденными условіями жизни. Въ номерѣ 53 отъ 7 Іюля 1875 года Вологодскихъ Вѣдомостей я писалъ о машинѣ и механическомъ ея

влияніи на почву, теперь хочу поговорить о луговодствѣ. Должно замѣтить, что въ последнее время очень много говорятъ и пишутъ разводеніи искусственныхъ травъ и производствѣ бурого и квашенаго сѣна. Кто станеть доказывать, что разводить травосѣяніе и открывать способы производства разнаго рода сѣно дурно. Лучше разводить, сѣять, дѣйствовать, чѣмъ истреблять и бездѣйствовать; но дѣло въ томъ, при какихъ условіяхъ и на какихъ данныхъ основывается хозяйствъ, всецѣло отдавшійся идеѣ искусственныхъ разводеній; не происходитъ ли это только по слѣбной привычкѣ къ разводенію или по увлеченію. Легче сказать, — у насъ все легко переходитъ въ манію: „разводить такъ разводить“ — кричатъ размашистая русская натура; разводить хорошо искусственно и не только травосѣяніе, или хлѣбныя растенія, но птицу и даже рыбу (хоть посредствомъ машинокъ); но вопросъ въ томъ — выгоднѣ ли это разводеніе природной производительности, не опускаются ли тутъ изъ виду гораздо дешевѣйшія, многимъ простѣйшія производства и болѣе естественныя и близкія способы, не пренебрегаются ли природныя ресурсы, обращивается ли хозяйствъ во всѣ стороны своего хозяйства, чтобъ рассмотреть его землѣ съ различныхъ сторонъ и вѣрнѣе знать, какъ слѣдуетъ приняться за дѣло введенія новой системы, новаго метода. Не подумайте, что я встану противъ какого либо искусства, или прогресса, а тѣмъ болѣе противъ травосѣянія, напротивъ, я хочу разобрать этотъ вопросъ со всею тою подробностію, съ какой разбирають наука и опытъ, чтобъ совершенствовать и указывать на тѣ приемы, которые доставили бы большую выгоду и лучшіе результаты при меньшей затратѣ средствъ. Подъ словомъ „луговодство“, которымъ озаглавлена статья, я понимаю три главныя процесса травосѣянія, какъ разводеніе искусственныхъ травъ, улучшеніе естественныхъ луговъ и наконецъ уборку съ тѣхъ и другихъ сѣна; подъ этой послѣдней я разумѣю всѣ культурныя способы, какіе только употребляются въ настоящее время. Входить въ объясненія производства этихъ способовъ, или комментировать всѣхъ извѣстныхъ операций разводенія травосѣянія или приведенія въ порядокъ естественныхъ луговъ я считаю совершенно лишнимъ. Мое дѣло только указать

на тѣ недостатки и уцѣщенія, какіе при этомъ обнаруживаются, навести посредствомъ науки на тотъ истинный путь, который можетъ доставить болѣе прочное и устойчивое положеніе вопросу, еще колеблемому рутиню и предрассудками. Спрашивается, сѣять ли траву тамъ, гдѣ естественные луга въ избыткѣ и даютъ уросы не хуже искусственныхъ, убираютъ ли траву въ силосы для закваски и бурить сѣномъ, когда погода позволяетъ убрать его свѣжимъ и зеленымъ? На такіе вопросы получимъ, конечно, отрицательные отвѣты. Стало бытъ это предпринимается при неудовлетворительномъ состояніи луговъ въ имѣніи и при неблагоприятной погодѣ. По этому въ имѣніяхъ съ радикальными недостатками и при не знаніи состоянія погоды предложеніе о травосѣяніи и производствѣ квашенаго и бурого сѣна есть не больше, какъ предложеніе лекарства для больного хозяйства: какъ больному чело-вѣку нельзя жить безъ лекарства, такъ и худое имѣніе требуетъ травосѣянія, какъ лекарства; и тутъ то является та діагноза, которой можетъ придерживаться только искусный докторъ, именно: слѣдуетъ ли давать лекарство въ извѣстный періодъ балвэни? не лучше ли представить силѣ природы самой дѣйствовать на субъекта? Если врачъ опуститъ изъ виду это послѣднее обстоятельство, то больной, конечно, постоянно будетъ требовать лекарства. И такъ вотъ какой діагнозы держусь я при разведеніи искусственнаго травосѣянія и производствѣ бурого и квашенаго сѣна. Разберемъ напередъ значеніе травосѣянія, относительно потери ночною своихъ элементовъ, сравнимъ стоимость его со стоимостью улучшенія естественныхъ луговъ и во 2-хъ по значенію его, какъ кормоваго средства для скота. Оставляя всѣ комментаріи въ сторонѣ, обратимся къ опытамъ и химическимъ выводамъ, сдѣланнымъ знаменитыми агрономами и учеными настоящаго времени. Безспорно, травосѣяніе не дурно и особенно тамъ, гдѣ ощущается недостатокъ естественныхъ луговъ; но гдѣ естественные луга хороши, или есть мѣста, которыя бы можно превратить въ хорошіи лугъ, то, по моему мнѣнію, надо обратить прежде всего вниманіе на улучшеніе природныхъ луговъ и ни въ какомъ случаѣ не пренебрегать ими. Не всматриваясь въ видъ хозяйства за частю можно замѣтить,

какъ хозяинъ, увлекшись одной идеей искусственнаго травосѣянія, оставляетъ вовсе безъ вниманія превосходныя для травы мѣста, даетъ имъ зарастать кустарникомъ, сорными травами и нерѣдко оставляетъ покрытыми водою и кочками, какъ бы нарочно для разведенія болотъ и топей; между тѣмъ эти, по его мнѣнью, неудобныя и викауда негодныя участки земли, при должномъ уходѣ за ними, даютъ превосходный урожай сѣна; стоитъ только водѣ дать стоки, срѣзать кочки и вычистить кустарникъ, что обойдется вовсе не дорого. Допустимъ, что и при травосѣяніи у насъ лишннихъ работъ почти не производится, но посѣвныя травы разводятся на удобренныхъ мѣстахъ и требуютъ еще въ добавокъ прибавочнаго удобренія (и именно минеральнаго), удобреніе же въ нашихъ сѣверныхъ мѣстностяхъ Россіи обходится очень дорого, при томъ же взявъ химическій составъ посѣвныхъ травъ мы увидимъ, что травы, особенно изъ семейства бобово-мотыльковыхъ, требуютъ для своего образованія большее количество неорганическихъ веществъ, сравнительно съ хлѣбными растеніями и злаками; а для того, чтобъ постоянно получать хорошія укосы сѣна, одного органическаго удобренія будетъ недостаточно. Надо бы, чтобъ избытокъ минеральныхъ веществъ, извлекаемыхъ изъ почвы травами, постоянно пополнялся. Въ тротивномъ случаѣ, укосы станутъ слабѣе и земля не въ состояніи будетъ давать твердой клѣтчатки и волоконъ для соломы, чтобъ она могла достаточно выдерживать на своемъ стеблѣ тяжесть колоса и зерна и тѣмъ предохранять ихъ отъ полеганія, вслѣдствіе котораго, какъ извѣстно, происходитъ проростаніе зерна, убыточное для хозяина и неудобное для работника. Такія невзгоды тѣмъ болѣе увеличиваются, чѣмъ земля скорѣе подходитъ къ черноземной и обнаруживаетъ сама по себѣ избытокъ органическихъ остатковъ, какъ это наглядно показываютъ опыты и точныя анализы мочвъ, употребляемыхъ для травосѣянія по сравненіи ихъ съ тѣми участками поля, которыя не засѣваются травой. Итакъ теорія клонится къ тому, что землю, назначенную подъ посѣвъ травы, покрайней мѣрѣ черезъ одинъ сѣвс.оборотъ, непременно должно улучшать минеральнымъ удобреніемъ, сверхъ обыкновеннаго навоза и именно:

если сѣется клеверъ и тимофѣвка на почвахъ сѣрыхъ и черноземныхъ, доставлять имъ болѣе всего кали, фосфорной кислоты, извести и магнезін, такъ какъ по опытамъ Мульдера и Вольфа, богатый урожай клевера отнимаетъ у почвы съ десятины до 140 фунтовъ фосфорной кислоты, 520 фунтовъ кали и 530 фунтовъ извести съ магнезіемъ. Между тѣмъ въ солому и зернахъ отъ хорошаго урожая ржи содержится фосфорной кислоты только половина этого количества, кали $\frac{1}{10}$ и извести съ магнезіемъ тоже $\frac{1}{10}$. Послѣ сего нечего удивляться, говорить Штеккардъ, что при частомъ посѣвѣ клевера на одномъ и томъ же мѣстѣ, онъ родится худо. Такъ всегда будетъ, если почва перестанетъ содержать столько минеральныхъ частицъ, сколько ихъ для сего потребно. Такимъ образомъ, чтобы помочь этому недостатку можно предложить прямой и скорый путь. 240 нудъ (на десятину) древесной золы дадутъ такое же количество кали и вдвое болѣе извести и фосфорной кислоты, нежели сколько содержится въ самомъ большомъ клеверномъ урожаѣ; итакъ теперь ясно, что стоимость посѣва клевера обойдется дороже, чѣмъ улучшение природнаго луга, особенно когда эти полевые пространства съ соблюденіемъ плодосмѣнности были бы за сѣяны хлѣбными растеніями. Однообразная почвенная потеря отъ травосѣянія дѣлается еще ощутительнѣе отъ того, что наши травосѣвы опускаютъ изъ виду вмѣстѣ съ клеверомъ сѣять какіе нибудь злаки, хоть напримѣръ тимофѣвку, которая, увеличивая укосъ, отчасти требуетъ уже другихъ веществъ для своего питанія. Однако несмотря на всю возможность минеральнаго удобренія, рѣдко кто изъ нашихъ хозяевъ удабривалъ бы имъ свои поля, и имѣ не разу не приводилось видѣть это. Но обратимся опять къ естественнымъ лугамъ. Предложенный ранѣе способъ сръзыванія кочекъ, если они находятся на покосахъ, и осушеніе ложицъ само собою относится къ мѣстамъ низменнымъ, влажнымъ. Но если мѣста сухи и высоки, а трава тутъ родится плохо и нѣтъ возможности сдѣлать ирригацію, или она обойдется дорого, то совѣтуемъ на такихъ мѣстахъ разводить рѣдкую посадку деревьевъ, отъ чего увеличится влажность почвы и ростъ травы будетъ лучше. На мѣстахъ сухихъ, гдѣ растетъ бѣлоусъ и мохъ, я дѣлалъ опыты

выжиганія посредствомъ удобовоспламеняющихся составовъ, и результаты получались всегда благоприятны, хотя и не надолго; но зато и опыты эти обходились недорого. Конечно хозяйствъ съ хорошими естественными лугами не много, но должно замѣтить, что хозяева не только не заботятся объ ихъ улучшеніи, но въ добавокъ даже совсѣмъ не берегутъ ихъ; стоитъ только взглянуть, какъ въ многоземельныхъ хозяйствахъ, напримѣръ Грязовецкаго уѣзда, скотъ ходитъ на мѣстѣ покосовъ едва не цѣлое лѣто и трава бережется для укуса какой нибудь мѣсяць времени; спрашивается, какого же можно ожидать урожая отъ вытравленныхъ покосовъ? Этотъ невыгодный обычай укоренился издавна между крестьянами и такъ сильно, что не смотря на запрещенія владѣльцевъ и штрафы они не оставляютъ его. Итакъ наша діагноза сводится къ тому, что травосѣяніе есть лекарство для худого мѣнѣя, что оно не должно отвлекать хозяина отъ улучшенія на сколько возможно природныхъ луговъ, или изнурая почву совершенствоваться на счетъ хлѣбныхъ растений. Такого рода правила привели мое хозяйство къ тѣмъ результатамъ, что каждое содержащее мною на корму животное даетъ мнѣ 3 зерна урожая, тогда какъ прочія хозяева, даже при травосѣяніи, получаютъ только отъ 2¹/₄ до 2¹/₂ зеренъ. Естественные луга въ многоземельныхъ мѣнѣяхъ Грязовецкаго уѣзда находятся въ такомъ беспорядкѣ, что не возможно себѣ представить. Приведу въ примѣръ даже свою пустошь, отдаваемую мною въ прежнее время въ кортому. Кортошники ее заросли кустарникомъ, засорили ложомъ и собирали только 10 возовъ сѣна; года три какъ я отобралъ ее у нихъ, и теперь она представляетъ прекрасный разбитый на десятины паркъ съ подчищенными деревьями, аллеями и рощами, ложъ частію выжженъ, частію изрубленъ на дрова, построены сѣновалы и ставится уже 90 возовъ сѣна. Въ такой-же видъ приведены и большіе участки покосовъ на естественныхъ лугахъ. Крестьяне съ любопытствомъ всматриваются въ этотъ порядокъ и чистоту, гдѣ такъ тѣсно слито удовольствіе прогулки съ выгодами хозяйства, и стараются принятить ихъ на своихъ покосахъ. Не буду говорить о стоимости такой реставраціи пустоши, достаточно замѣтить, что это не больше

какъ сильный трудъ одного лѣтнаго работника въ осеннее время. Обращаясь ко второму вопросу—значенію клевера и прочихъ сѣнъ, какъ питательныхъ средствъ для скота, должно замѣтить, что кормленіе однимъ клеверомъ постоянно безъ смѣси съ другимъ сѣномъ не совсѣмъ здорово для скота; точно также какъ и для чловѣка жирная пища должна употребляться въ смѣси съ другою; вообще она тѣмъ здоровѣе, чѣмъ разнообразнѣе, и въ этихъ видахъ клеверъ лучше сѣять съ какими нибудь другими травами, преимущественно злаками, и страсать его съ сѣномъ натуральныхъ луговъ. Справедливость этого не подлежитъ сомнѣнію. Если обратимся къ зоологіи, то узнаемъ, что самую крѣпкую, легкую и мускулистую лошадь дали аравійскія степи съ весьма скудною растительностію. Персидская лошадь ваянчена такою-же природою; поэтому всѣ культурные приемы даютъ хорошіе результаты, когда они примѣняются надлежащимъ образомъ съ полнымъ пониманіемъ условій и доктрина, какія согласуются со всѣми функциями природы. Удивительно ли, если опускаете изъ виду, сельскій козанитъ, посѣявши сѣмяна, получаетъ или худой урожай, или при хорошемъ урожаѣ, не умѣетъ найти времени собрать то, что дала ему щедрость природы. Если-бъ, прежде чѣмъ сѣять что либо и собирать, онъ приобрѣлъ болѣе научныхъ знаній, тогда результатомъ ихъ, при знаніи напр. химіи, была бы безошибочность выбора почвы для посѣва безъ ея истощенія, а при знаніи метеорологіи—явилось бы умѣнье пользоваться погодою для уборки приноса; при недостаткѣ же такихъ знаній нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ, какъ утопающій хватается за соломинку, изыскивая средства, какиихъ либо путемъ сберечь свое добро, кидается безъ разбора на всякое предложенное ему средство; между тѣмъ многіа изъ нихъ, если и пригодны за границею, у насъ же встрѣчаютъ затрудненія, или вовсе не примѣнимы: другой народъ, другіе нравы, климатъ, почва, другой бытъ требуютъ иногда совершенно иныхъ средствъ и примѣненій; но какъ знанія не могутъ приобретаться вдругъ, то покада мы будемъ довольствоваться рекомендуемымъ въ послѣднее время средствомъ производства бурого и квашенаго сѣна. Конечно бурое и квашеное сѣно въ заграничныхъ хо-

займаться, да и у насъ въ большихъ на югѣ Россіи, за не возможностью убрать во время урожая свой, будетъ не безъ выгодно, но въ крестьянскомъ хозяйствѣ неудобство этого способа очевидно; если мы представимъ, что для того требуется большое число рукъ и значительное количество скошенной травы, а этого крестьянинъ и не можетъ имѣть при своихъ маленькихъ участкахъ земли и работъ, исполняемой только съ однимъ своимъ семействомъ; за границею же и крестьянскія работы исправляются артелями а потому, прежде чѣмъ крестьянскіе успѣваютъ свалить въ силосы, или кучи четвертую часть травы, нужной для пополненія ямы, какъ уже начинается броженіе. Броженіе слѣдующихъ слоевъ будетъ не то, такъ какъ мы знаемъ, что спиртовое броженіе переходитъ въ уксусно-кислое довольно скоро, а при разнообразномъ броженіи въ одномъ мѣстѣ сѣна оно легко можетъ сгнить. Крестьянскіе участки хотя не велики, но составляютъ почти $\frac{3}{4}$ всѣхъ луговыхъ пространствъ, находящихся въ Россіи, стало быть большинство населенія не будетъ этииъ способомъ пользоваться, а потому введеніе такого рода уборки сѣна получить только тогда полное значеніе, когда приметъ большую массу населенія и при образованіи въ ней артельного начала. Уборка травы бурнымъ, или квашенымъ сѣномъ не удобна еще не по однимъ сказаннымъ причинамъ, но и по стоимости устройства силосовъ и значительной уtratѣ сѣна въ стогахъ, такъ какъ тутъ образуется кругомъ стога толстый слой совершенно гнилаго, никуда негоднаго овершка. При томъ же уборка подобнаго рода болѣе возможна, только при крупныхъ и частію жирныхъ сѣнахъ. Разбирая самое достоинство корма, не подлежатъ никакому сомнѣнію, что самымъ лучшимъ сѣномъ должно считать зеленое пресушенное, если есть возможность, въ тѣни. Пресушка на солнцѣ, которой мы такъ жадно пользуемся, производитъ въ сѣнѣ значительную утрату жирныхъ частицъ и на половину уничтожаетъ хлорофилъ листьевъ и пигменты цвѣтовъ. Сѣно бурое, квашеное и Клаппейеровское, какъ уже вытерпѣвшее разнаго рода броженіе, никогда не сравнится съ сѣномъ совершенно зеленымъ, хотя скотъ и ѣстъ его, какъ нишуть, будто-бы даже охотно; но во всякомъ случаѣ на

это должно смотреть точно также, как на питье крестьяниномъ сула, нива, закваски и прочихъ неробродившихъ жидкостей, которыя онъ пьетъ дѣйствительно охотно, но вопросъ въ томъ — здоровѣе ли для него это питье той чистой, прекрасной воды и молока, которыми сама природа назначила ему питаться и потому дала ихъ ему въ такомъ избыткѣ; притомъ же не знаю, удалось ли кому прямо отъ животного добиться отвѣта, какой кормъ ему нравится и какой не здоровъ для него. Мною замѣчено, что многія наши животныя на столько привыкаютъ къ корму, что переѣна его влечетъ за собою иногда развитіе болѣзни и даже смертности, особенно, если этотъ кормъ худшаго противу прежняго достоинства. Напримѣръ, лошади, содержащія на тощомъ, весьма посредственномъ, щелочномъ сѣнѣ, съ большимъ трудомъ привыкаютъ ѣсть собранное съ болотистыхъ и кислыхъ почвъ. Изъ искусственной уборки и обработки сѣна заслуживаетъ большого предпочтенія сѣно прессованное, такъ какъ при этомъ способѣ болѣе сохраняются всѣ лучшія свойства травы и химическіе элементы; нѣтъ потери въ количествѣ сѣна, тѣхъ значительныхъ процессовъ броженія, какіе мы видимъ въ сѣнѣ квашеномъ, оно мало занимаетъ мѣста и доступно для крупнаго и мелкаго хозяйства, такъ какъ зависитъ отъ произвольнаго размѣра прессовъ. Обращаясь къ мѣстнымъ условіямъ Грязовецкаго, Вологодскаго и Кадниковскаго уѣздовъ можно сказать весьма вѣрно, что въ этихъ широтахъ, какъ широтахъ среднихъ, и какъ указываетъ метеорологія, никогда не могутъ быть продолжительные дожди, или продолжительныя засухи, почти всѣ переѣныя погоды ограничиваются двумя, тремя четвертями лунныхъ фазъ; а въ такое короткое время при нашей средней температурѣ лѣта въ 14° и еще падающей во время дождей до 9 и 8° градусовъ, даже можетъ показаться страннымъ — спросить какое либо сѣно, особенно когда хозяинъ скольконибудь знаетъ метеорологію, или хоть прилѣпъ къ измѣненію погоды, въ добавокъ запаса еще гиетрометромъ и барометромъ; при этомъ почти всегда въ его волѣ избавитъ отъ тѣхъ метеорологическихъ случайностей, какія такъ часто приносятъ вредъ хозяевамъ южной Россіи, гдѣ погода имѣетъ болѣе капризный

характеръ. На своихъ покосахъ я никогда не останавливаю кошенины въ дождливое время и пользуясь метеорологическими указаніями, не кошу въ ясные дни, почему и не приводилось имѣть испорченнаго сѣна несмотря на мое продолжительное хозяйство. Когда погода стоитъ долго дождливая и нельзя тотчасъ просушивать и убирать сѣна, я начинаю гребь сырой травы, кладу ее въ маленькія кучки и увозя къ сѣноваламъ, przygotowляю къ сушкѣ; нѣсколькихъ часовъ хорошей погоды, отдѣленныхъ такимъ расчетомъ, бываетъ вполне достаточно для совершенной просушки и уборки сѣна. Главная цѣль должна состоять всегда въ томъ, чтобъ въ хорошее время не производить ни кошенины, ни гребя, и чтобъ каждый ясный часъ времени былъ удѣленъ только на просушку и уборку сѣна; для того у меня гребь почти всегда производится тотчасъ же за косою. Вотъ самый простой и удобоисполнимый для всякаго хозяина методъ уборки сѣна. Далѣе скажу—запаситесь колбами, ретортами и реактивами для того, чтобъ въ точности узнать свойства вашей земли и на ней удачно сѣять; барометромъ, флиггеромъ и сирометромъ, чтобъ удачно знать погоду и умѣть собирать все носѣянное; вотъ. покуда двѣ науки химія и метеорологія вѣсто бураго и квашенаго сѣна. Послѣ каждаго сѣвооборота долженъ непременно дѣлаться химическій анализъ почвъ, чтобы знать степень растраты составныхъ ея частей на образованіе урожая и составлять ежегодно метеорологическіе бюллетени въ среднихъ выводахъ. Только послѣ такихъ научныхъ пріемовъ сельскій хозяинъ не будетъ вести свое хозяйство ошупью и идти какъ слѣпой по перегородѣ. Хорошо еслибы земства пришли къ убѣжденію имѣть въ губерніяхъ метеорологическія станціи, которыя бы популярно публиковали бюллетени о погодѣ и ея будущемъ состояніи и тѣмъ содѣйствовали какъ видамъ правительства, но части научныхъ изслѣдованій, такъ и въ особенности расчетамъ сельскихъ хозяевъ для уборки травъ и хлѣбовъ.

В. Волоцкой.

1879 года
Октября 14 дня.
С. Милепно.

БЕРЕЖНОСЛОБОДСКАЯ ВОЛОСТЬ

ТОТЕМСКАГО УВЪЗДА.

(Этнографическій очеркъ).

1) *Духъ населенія въ религіозномъ отношеніи.* Въ видѣ очень слабой степени умственнаго развитія духъ населенія Бережнослободской волости въ религіозномъ отношеніи находится еще до сихъ поръ въ примитивныхъ формахъ. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ подмѣченныхъ нами чертъ.

Во первыхъ, большая половина населенія и особенно малолѣтніи дѣти не носятъ нагрудныхъ крестовъ или изображеній какихъ либо святыхъ; во вторыхъ, въ каждомъ домѣ имѣется какъ нарочитое мѣсто для святыхъ иконъ (божница), такъ и самія иконы; но послѣднія въ такомъ видѣ, что или въ нѣли съ тараканами, или же отъ копоти и дыма не даютъ даже возможности распознать—чье на дскѣ было нѣкогда изображеніе.—А также нерѣдко можно встрѣтить на ряду съ иконами и любочную картину какого нибудь, далеко уже не духовнаго характера, въ родѣ Еруслана Лазаревича, или „Вотъ мчится тройка удалая“ и т. п. О вожженіи же передъ иконами, хотя бы въ годовые праздники, лампадки или восковой свѣчи и помину нѣтъ; въ третьихъ, понятіе о дванадцатыхъ и годовыхъ праздникахъ во

всей массѣ населенія крайне слабо: наименѣе значительными за св. Пасхою признаются только годовые, придѣльные или, по мѣстному выраженію, „ливные“ праздники, которые и чествуются обыкновенно по нѣскольку дней, иногда даже цѣлую недѣлю. — Самое празднованіе состоитъ главнымъ образомъ изъ плясства; работать въ такой праздникъ, напр. въ день памяти Савватія Солонечскаго Чудотворца, въ теченіи 3-хъ дней считается „уголовствомъ“; въ воскресные же дни работы производятся на раду съ прочими днями, особенно въ лѣтнюю пору. О существованіи такихъ праздниковъ какъ Срѣтеніе Господне, Преображеніе, Рождество Пресвятой Богородицы, Введеніе Ея во храмъ не всякій и слышалъ. Естественно при этомъ, что ни одна женщина и большинство изъ мужчинъ не умѣютъ прочесть наизусть даже самой кратчайшей молитвы, а которые и умѣютъ, то почти совершенно искажая смыслъ словъ, напр. вмѣсто «Отче нашъ» читаютъ — „очи наши“ и т. п. Естественно также и то, что нѣтъ ни одной деревни въ волости, въ которой бы не было колдуна или ворожея, а обращаться въ нихъ не считается и грѣхомъ на томъ будто бы основаніи, что ими къ своимъ напештываніямъ и наговорамъ принимаются имена Божіи. — Вѣра въ силу этихъ колдуновъ необычайная, а потому въ ущербъ даже и своему сельскому хозяйству ихъ содержатъ вездѣ почти на своихъ квартирахъ бесплатно, уважаютъ, боятся до нельзя и надѣляются за всякую мелкую услугу баснословными вознагражденіями.

2) *Общественныя должности и отправка повинностей.* Общественное управленіе волости, какъ и вездѣ, сосредоточивается главнымъ образомъ въ рукахъ волостнаго старшины, сельскаго старосты, волостныхъ судей и сборщиковъ податей. Должность волостнаго старшины, какъ самая главная въ дѣлахъ общественнаго благоустройства, выдается прежде всего, хотя къ сожалѣнію, занять этотъ постъ, даже по сознанію самихъ крестьянъ, совершенно не кому. „Кого у насъ?“ — Не кого — все равно: кто нибудь жалованье-то получаетъ; да и служить то — что? — Писарь всегда съ нимъ — научить.

И дѣйствительно: хотя, благодаря тридцати-лѣтнему существованію въ волости училища, и есть крестьяне грамотные, т. е. умѣющіе сосчитать по бумажкамъ или монетамъ деньги и подписать въ известномъ случаѣ свою фамилію, но эти дѣла и кончатся, поэтому такова и польза отъ службъ подобнаго грамотья. Естественно поэтому, что волостные старшины не пользуются почтеніемъ среди мѣстнаго крестьянства, и рѣдкій изъ крестьянъ при встрѣчѣ сниметъ старшинѣ шапку или дастъ ему дорогу; а то не мало и такихъ, которые отвѣтятъ ему грубою бранью, даже и въ такомъ случаѣ, когда онъ находится при исполненіи служебныхъ обязанностей. Естественно также, что и всякія прошенія, отчеты о своихъ дѣлахъ, жалобы и заявленія предъявляются прежде всего писарю, а потомъ уже отъ него идутъ къ старшинѣ. О сельскомъ старостѣ, смотрителѣ хлѣбнаго магазина, сборщикѣ податей — нечего и говорить; послѣдній особенно жалокъ при отчетѣ о годовой своей дѣятельности на волостномъ сходѣ. Тамъ прежде всего долго идутъ толки о томъ, кого бы выбрать изъ среды своей для его учета; но желающихъ для атого дѣятелей является мало, и этотъ трудъ падаетъ на долю того же писаря, у котораго не рѣдко всѣ счета, учеты и отчеты уже готовы заранѣе. Строго же говоря и усчитывать сборщика нечего, потому что всѣ собираемыя имъ деньги всегда и своевременно сданы тому же неизбѣжному писарю, а сколько ихъ и столько ли слѣдовало ему собирать ихъ онъ и самъ не знаетъ. Волостные судьи—строгіе блюстители патриархальныхъ обычаевъ и законовъ—еще жалче. Этотъ постъ пожалуй еще могли бы занимать люди и достойные, но въ томъ-то и горе, что въ населеніи существуетъ особый взглядъ на эту должность; нельзя, молъ, быть всегда судьей справедливымъ и расудить каждое дѣло обстоятельно, да хотя бы и такъ, то все-таки съ этой должностью всегда наживешь враговъ, а потому—чѣмъ далѣе отъ нея, тѣмъ лучше. Кроме того при обстановкѣ этой должности недолго сдѣлаться совершеннымъ шьянидой, такъ что занять этотъ постъ мужику умному, со средствами, доброму и честному значитъ погубить себя и нравственно и въ людскомъ мнѣ-

ни; поэтому фактически и предоставляется это дѣло людямъ неважнымъ. Къ тому же писарь — писаремъ и для нихъ: въ за труднительныхъ обстоятельствахъ кого угодно научить какъ поступить.

Что касается до податей, то онѣ, за матеріальнымъ благосостояніемъ народа, выдачиваются довольно порядочно.

Ремонтъ дорогъ, мостовъ и т. п. въ тѣхъ мѣстахъ, куда заглядываетъ земство или ѣздитъ чиновальный людъ, благодаря усердной дѣятельности перваго, идетъ даже очень хорошо. Но за то гдѣ нѣтъ этого глаза, то всякому преѣзжающему и даже идущему лучше всего, предъ отправкой по такому пути приготовить себя къ смерти. Такъ напримѣръ, проселочная дорога отъ д. Новой до Низовокъ, на разстояніи всего какихъ выбудъ 2¹/₂ версты, прославилась даже суевѣрнымъ преданіемъ, по которому она для того и существуетъ, чтобы ожегодно отправлять на тотъ свѣтъ какую нибудь жертву наравнѣ съ р. Сухоною, которая также не можетъ покрываться льдомъ и очиститься отъ него безъ такихъ жертвъ. Это суевѣріе, къ несчастію, подтверждается и дѣйствительностью: если есть хромые, безрукіе, съ вывихами и переломами костей въ близкихъ къ этой дорогѣ деревняхъ, то всѣ они обязаны этииъ именно своей дороге.

Что касается до мѣстныхъ перевозовъ, то главнымъ изъ нихъ является Сухоискій, въ селѣ Брусенцѣ; — содержится онъ обществомъ рублей за сто въ годъ; Сухои въ этомъ мѣстѣ весной разливаются очень широко, а осенью долго не устанавливаются на ней ледоходы, по мѣстному — (шуга), а потому перевозчикамъ не представляется никакой физической возможности трудиться за какіе нибудь ничтожные сто рублей. Подобныя условія и развили извѣстную мѣстную обстановку для перевоза. Всякій, переѣзжающій черезъ рѣку, особенно поздней осенью, и самъ по себѣ бываетъ не прочь отогрѣть свои охолодѣвшіе члены рюмкой водки, а въ порывѣ признательности за услугу подѣлиться и съ перевозчиками, особенно, если послѣдніе одного съ ними званіи, что въ большинствѣ случаевъ и бываетъ. По-

этому занятія этого рода въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ одними и тѣми же личностями усвоили и своего рода характеръ и къ-ны. Напримѣръ: если вы лицо начальствующее, то перевозчики, будь они въ ту минуту дома, въ питейномъ заведеніи, или даже въ другой деревнѣ, просто летятъ къ мѣсту перевоза; но если же вы ни то, ни се—въ родѣ напр. сельскаго священника, учителя, фельдшера и т. п., то на просьбу вашу о перевозѣ получите отвѣтъ, хотя и утвердительный, притомъ и безъ предъ-явленія какихъ нибудь особыхъ видовъ на вознагражденіе, но тѣмъ не менѣе не ранѣе какъ на 3-й окликъ, и затѣмъ уже перевозятъ васъ съ медленностію и вяlostью черепахи; если обращаете съ подобною просьбою мѣстный крестьянинъ, то, зная до тонкости это дѣло, приступаетъ къ нему не иначе какъ съ грубою бранью, сквернословіемъ, и просьба его, за весьма не многими исключеніями, хотя и исполняется, судя по обстоя-тельствамъ, скоро или медленно, но во всякомъ случаѣ съ обя-зательными подобными же отвѣтами; но коль скоро является крестья-нинъ изъ деревни отдаленной отъ Сухоны и лично перевозчи-камъ незнакомый, то тутъ уже картина измѣняется: если пере-возчики обѣдаютъ по домамъ, то его перевезутъ черезъ 2 часа, если въ питейномъ заведеніи, то черезъ 5-ть; если же и тутъ, по только на противоположномъ берегу, то черезъ часъ. Причи-новъ хотя до хрипоты, но ему не побезпокоятся и откликнуться до тѣхъ поръ, пока въ словахъ его не помнятъ имени денегъ, или вина; или же наоборотъ, пока стопы его не направятся твердою и бойкою походкою къ зданію волостнаго правленія. Для послѣднихъ-то весной и осенью и существуютъ особыя таксы: (лѣтомъ—меньшія) переѣхать взрослому—10 к., дѣтати—5 к., перевезти корову, лошадь—50 к., съ возомъ—60 к., мѣшокъ муки, сѣмени и т. п.—5 к., покойника—полштофъ водки, свадьбу—1 руб., довести до парохода, при гихомъ ходѣ, тоже и т. д.

3) *Промыслы*. Задачки промышленности существуютъ въ различныхъ видахъ, но правильно организованнаго производства

не мнѣютъ; главнѣйшими изъ промысловъ являются: льноводство, хлѣбопашество, скотоводство и огородничество.

А) *Льноводство.* Изобиліе льна отрезанно, а особенно дровяного развилло въ населеніи склонность къ воздѣлыванію льна; разводится онъ такъ называемой „новинной каткой“, и послѣ поковскаго, югскаго и дамнскаго считается въ продажѣ лучшимъ сортомъ, причѣмъ и цѣны на него, особенно въ послѣдніе годы, стоятъ довольно хорошия. Каждый домохозяинъ ежегодно готовится къ продажѣ льна отъ 4 до 25 пудовъ, приблизительно отъ 12—36 до 75—225 рублей, смотря по достоинству льна.—Къ сожалѣнію эти деньги, видѣвая оцѣнку труда и матеріала, исключаютъ стоимость загубленнаго для производства льна, между тѣмъ какъ для вывода одного пуда льна истребляется отъ $1\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{4}$ сажени дровъ, что и по мѣстности, сравнительно даже низкии цѣны простираются отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 80 к.; а если высчитать еще цѣну самаго сѣмена да количество матеріала, который гниетъ отъ неумѣяна распредѣленія время на работы, то можно придти, пожалуй, къ тому выводу, что подобное производство чуть ли не приноситъ больше убытка чрезъ неопытное, далеко неукладывающееся, даже благосостоянію мѣстныхъ жителей, истребленіе льна.

Льны только кончатся весна, съ обработкою яровыхъ полей иначивается и „новинная катка“. Дома остаются только малолѣтніи дѣти да престарѣлая старухи; остальной же людъ весь отправляется къ заготовленнымъ еще съ осени лѣснымъ подѣлкамъ и жметъ такъ этотъ срубленный лёнъ. При этомъ обыкновенно выбрасывается вѣтряная погода съ тою цѣлю, что при вѣтрѣ лёнъ лучше горитъ, не соображая того, что хотя это дѣлается и для удобрения земли, но что удобряется-то она при этомъ, главнымъ образомъ, золою, лѣзъ которой, при такомъ ходѣ дѣла, вѣсто $\frac{8}{10}$ они получаютъ только $\frac{1}{10}$.

Какова эта работа, стоитъ только рассмотреть на этотъ всепожирательный, иногда на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ, огонь, раздуваемый сильными вѣтрами и рядомъ съ нимъ, въ дыму, на ламонтѣлахъ, съ раскаленными глазами, растрескавшися губа-

ни, и тѣломъ, перекачивающихъ длинными рычагами нилающие края и слои работающих осельчанъ; пожарница кончилась,— начинается вспашка и посѣвъ льна, а тамъ полоть, дерганье, сушенье, моченье, опять сушенье, мять, трешанье и чесанье; работа и работа далеко не соответствующая наградѣ.

Б) *Хлѣбопашество*. Это главное занятіе всего населенія. Сѣются рожь, пшеница, ячмень и овесъ. По всей почти волости почва преимущественно песчаная и каменистая; вслѣдствіе чего, а главнымъ образомъ отъ совершеннаго уже неумѣнія обрабатывать землю, крестьяне сѣютъ хлѣбъ въ довольно незначительномъ количествѣ—только для себя, правѣ одной трети изъ нихъ удастся продать нѣсколько овеа.—Лучше всего родится рожь, но и та самаго низкаго сорта.

Такая нерадивость хлѣбопашества преисходитъ еще болѣе отъ того, что, занимаясь льноводствомъ, они теряютъ на него большую часть своего времени; а потому русская пословица — „за двумя зайцами погоняться, ни одного не поймашь“—сбывается на нихъ въ буквальномъ смыслѣ.

Обыкновенно продолжается чрезвычайно долго, а потому за живо принимаются тогда уже, когда хлѣбъ перерѣлъ и начинаетъ оссыпаться. Пшеница, ячмень, а иногда и рожь сѣются не въ погѣ, а тамъ же, какъ и ленъ, въ дерюгахъ (на пожарницахъ), почему приводится выдаться изъ стороны въ сторону, перебѣгать иногда по нѣскольму верстѣ отъ дороги къ дерюгѣ; сѣются рожь да и пшеница нобурѣла, про ячмень ничего и говорить, а тутъ еще и ленъ на готовѣ, да пожалуй хотъ пашни и подъ озимовое; такимъ образомъ, не смотря на то, что во праздничные дни работаютъ также, какъ и въ будни, жатва затягивается такъ долго, что овесъ, уже на половину оссыпаннѣйша, приходится сжимать въ половинѣ Сентября нѣсяца съ нивали и вончаютъ при этомъ нѣрѣдко уже подъ снѣжкомъ.

В) *Скотководство*. Этого рода занятіе въ мѣстномъ хозяйствѣ, какъ и все, въ высшей степени неправильно и нецѣлесообразно.

Отсутствіе хорошихъ сѣнныхъ покосовъ и неведение траво-

свинья ведетъ къ неполученію слѣдующихъ матеріальныхъ выгодъ отъ скота; единственный скотъ, который приноситъ пользу — свиньи, но и тѣ, при неправильномъ уходѣ, часто гибнутъ отъ бѣшенства, не приносятъ по нѣскольку лѣтъ поросятъ и т. п., не смотря на то, что у зажиточнаго крестьянина ихъ биваютъ штукъ до шести. У такого же крестьянина, кромѣ того вы найдете головъ до 15 коровъ и до 10 овецъ. — Скотъ малый, чахлая, толстаго шкура не выдалъ никогда, а о подосникѣ или соли хозяинъ его и не слыхалъ. Лѣтомъ еще ничего, но зимой на овсяной, а не то и ржаной соломѣ, да на водѣ со льдомъ, въ дырвонѣ, рѣшетчатомъ хлѣбѣ, бѣдня коровы доходятъ до того, что весной перѣдко ихъ насильно тащутъ въ поле, если еще не успѣютъ омолодить зимой. Молока отъ такого скота, разумеется, ждуть нечего: отъ 15 головъ зимой хозяинъ не всегда имѣетъ и одну кринку. Овецъ стригутъ дважды въ годъ, но шерсть ихъ разумеется годится только развѣ ся хозяйну. — Держать же выѣсто 15 коровъ только 2-хъ и кормить ихъ чередомъ всякій сочтеть верхомъ безумія, такъ какъ это равносильно тому, что поля оставить вовсе безъ удобрения, но каково это удобреніе безъ существованія даже подстилки въ хлѣвахъ — судить не трудно. Лошадей держатъ обыкновенно отъ 2-хъ до 4-хъ по числу взрослыхъ работниковъ въ семьѣ, однакоже, какъ богатые, такъ и бѣдные.

Г) *Огородничество*. Огородъ имѣетъ каждый для себя, около дома и садятъ въ немъ преимущественно картофель и брюкву — голландку, которая для нѣстнаго крестьянина составляетъ необходимое кушанье, садятъ также лукъ, рѣдьку, рѣпу, горохъ, но болѣе ничего, капуста въ рѣдкость, огурцовъ не садятъ вовсе, а о прочихъ овощахъ и не слыхали.

Д) *Лѣсоводство*. Чѣмъ обширнѣе могло бы быть, благодаря изобилію лѣса, примѣненіе лѣсоводства, тѣмъ жалчѣе оно существуетъ въ дѣйствительности; въ теченіи вѣковъ набудъ 3-хъ лѣтъ, очистились отъ лѣса цѣлыя сотни десятинъ и хуже всего то, что эта очистка производится только для малыхъ домашнихъ потребностей населенія, а не съ какою нибудь болѣе широ-

вою задвечю, наприѣръ въ видѣ торговли лѣсомъ или дѣтскурства, какъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Кубенѣ и т. п.

Больше всего рубится сосна для повниъ, въ кусты и огороды; послѣднiе дѣлаются иногда изъ 4-хъ верховныхъ жердей и ихъ такое множество, что если вы пройдете по пробѣжю дорогою версты 5-ть, то минуете не менѣе 60-ти плетней; на нихъ слѣдуютъ береза. Она идетъ на домашнюю утварь—сани, телѣги, дрѣва, а больше всего на сдирание ликъ (берестяные ремешки), для влестенiя лаптей, корзинъ и кузововъ; тысячи этихъ деревъ, иногда верховъ 8 толщиной и сажени 3 длиной, гниютъ срубленными и ободранными въ лѣсу; осина употребляется въ конецъ для разнаго рода корытъ, лотковъ и жалобовъ, а что всего жалче, то только для того, чтобы снять съ нее оканку молодыхъ побѣговъ съ листьями въ корытъ овцанъ.

Гдѣ бы ни было и какой бы лѣсъ ни былъ—хвойный или чернополье—все его пространство завалено грудями полусгнившихъ бревенъ и дровъ, которые никогда изъ него не выносятся. Если вамъ придется пройти ворота днѣ такимъ пространствомъ, то обыкновенно на васъ столько же неприятно подействуетъ видъ этихъ безобразныхъ массъ, сколько вы утомитесь отъ караулки и лазанья черезъ нихъ.

4) *Материальныя средства къ жизни.* Средствами къ жизни главнымъ образомъ служатъ льняной промыселъ; продается льна, особенно если семья жить въ составѣ своей нѣсколько рабочихъ рукъ, улачиваются не только разнаго рода возможности, но и приобретаются деньги; хлѣба у здѣшнихъ крестьянъ въ большинствѣ случаевъ хватаетъ на круглый годъ, пшеница же и ячмень даютъ еще возможность быть чуть не каждый день съ пирогами; кромѣ того почти каждый умѣетъ сладить самъ со собѣ въ необходимыя свои нужды: справить сани и телѣгу, наостернуть посуду, мясо идетъ отъ своей скотины, а у прирѣчныхъ крестьянъ водятся и рыбы; больше ткнуть изъ своего льна, а изъ овечьей шерсти также своей; катаютъ лавочки, вяжутъ чулки, рукавицы и ткнуть родъ сукна на армяки. Тулунъ наостернется изъ шкуръ своихъ же овецъ; коло-

ко, масло, яйца, крупа, толкно и т. д. также дома, стало быть не многого не хватает, что следует покупать на стороне.

Естественно поэтому, что бедных в буквальном смысле этого слова здесь нет, хотя нет также и крупных богатей, но каждый дом довольно благосостоятелен; у большей половины населения есть самовары и разного рода медная посуда, а не редко и серебряные вещи.

Обить льна и овса дает возможность заниматься по временам извозом при доставке этих продуктов с ивотъ закупки в ближайшия складочныя ивота. Причем до Тотьмы беретса отъ 8 до 12 коп., а до Устюга отъ 20-ти до 30 к. Близость рѣки Сухоны заставляетъ некоторыхъ ходить на судахъ, а также приспособляеть къ рыболовству. Лѣса изобилуютъ рябчиками, тетеревами, зайцами, бѣлками; есть въ нихъ и волки, лисицы, куницы, горностаи, бурундуки; изрѣдка попадають медвѣди, олени, выдры и рыси, а потому въ каждой деревнѣ есть 2 или 3 охотника.

Къ сожалѣнію столь разнородныя занятія не даютъ возможности ивотному крестьянину заняться чѣмъ нибудь однимъ серьезно. Средства же для жизни у него всѣ подъ руками, а потому благосостояніе видно въ каждомъ домѣ.—Въ каждой деревнѣ найдется семья съ запасомъ хлѣба лѣтъ на 10-ть и съ деньгами сотъ до пяти.

5) *Семейный бытъ*. Начнемъ съ жилища: избы — самой незатѣливой архитектуры и всѣ похожи одна на другую. Большинство изъ нихъ — черныя, поставленныя тѣсно одна къ другой, что даетъ своего рода и выгоду — такъ какъ, если бы одной изъ нихъ, по старости лѣтъ, и вздумалось прилечь въ сторону отдохнуть, то сосѣдка уже непременно подставитъ рамена свои для ея поддержки.

Вилотъ съ избой для удобства ходьбы приотроенъ и разныя службы: хлѣвы, сараи, амбары и т. п. Входъ въ ивоту, полъ которой, обыкновенно, возвышенъ, въ виду устройства подъяннѣ лѣтъ для склада на яину овощей, состоитъ въ незатѣли-

вошь крыльчкѣ и лѣстницѣ на половину безъ ступеней. Внутренность избы строится также по известному однообразному плану: справа печь съ голбоцемъ, надъ головой полаты, воронцы и полки, въ переднемъ углу божница съ иконами; кругомъ всей избы — лавки; окна маленькія, иногда немногія, а потому въ избы какъ зимой, такъ и лѣтомъ, вѣчно царствуетъ не то полусвѣтъ, не то полутьма, вслѣдствіе чего зимою часовъ съ 3-хъ уже необходимо искусственное освѣщеніе, которое, впрочемъ, далеко незатѣйно: нащеплетъ хозяйка березовое или сосновое полѣно на широкія лучины, зажжетъ одну изъ такихъ къ нарочно-сдѣланному для того свѣтцѣ и готово.

Лѣтомъ всѣ жители, какъ въ праздники, такъ и въ будень завалены работами; которыхъ не мало и осенью.

Надо нарубить дровъ къ новинамъ и для отопленія хаты; всѣ взрослые идутъ въ лѣсъ, а женщины занимаются обдѣлкой льна: мочать, сушатъ, везуть домой, мнутъ, треплютъ, заготавливая къ пріѣзду покупателей, по первому санному пути. Когда же ленъ проданъ, хлѣбъ есть, дрова, лычка, дранки, лучина запасена и зима вступить въ свои законныя права, то тутъ начинаются свѣтлыя дни. Все мужское населеніе, которое постарше, забирается на завѣтныя полаты, съ которыхъ и слѣзаетъ только поѣсть да попить, а не то узнать, съѣли ли лошади послѣдній гарнецъ сѣна, или принесена ли въ избу послѣдняя истопель дровъ, или же по объявленію хозяйки, что муки остается лишь на нѣсколько хлѣбовъ; тогда волей—неволей приводится запрягать пѣгашку и ѣхать въ лѣсъ за дровами или сѣномъ, а не то идти на гумно молотить. Послѣдняя работа производится только въ крайней необходимости и кончается уже предъ св. Паскою, въ видахъ того, что послѣ нея предстоитъ приступленіе къ лѣтнимъ работамъ—возвѣ назъму на яровныя поля.

Молодое поколение зимою собирается поочередно въ разныхъ избахъ на вечерахъ (посидѣнки) и проводитъ тамъ всѣ вечера, далеко за полночь; болѣе же разсудительные изъ домохозяевъ, заботясь о благосостояніи своихъ семействъ, вечерами шлетуть

ланти, мастерять сани, кадки, шайки, ведра, вяжутъ коржи и т. п.

При этомъ надо упомянуть еще и то, что лѣтомъ — маленькія дѣти, даже 5-ти лѣтняго возраста и тѣ завалены работою. Подростки, лѣтъ 12-ти, вездѣ съ отцами: городятъ огороды, рубятъ колья, жерди, ѣздятъ въ лѣсъ, загребаютъ сѣно, дергаютъ ленъ, жнутъ; отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ па- суютъ скотъ; за неимѣніемъ хорошихъ пастбищъ и даже выго- новъ, а главное отъ крайней нерасчетливости, за нежеланіемъ имѣть нарочитаго пастуха для цѣлой деревни, и на долю по- добныхъ подростковъ выпадаетъ также не мало работы, такъ какъ скота держать немногу, а пасты его, въ видахъ сбереже- нія корма, приводится отъ снѣга до снѣга. Самныя-же маленькія дѣти водятся еще съ меньшими, или бѣгаютъ въ лѣсъ за гри- бами и ягодами, что для крестьянъ составляетъ годовой, необ- ходимый продуктъ.

Женщины же, какъ и вездѣ въ необразованной средѣ на- рода, несутъ тысячи разнородныхъ обязанностей, впрочемъ здѣсь онѣ особенно загнаны. Дѣвочка, лѣтъ 5-ти, уже нянька, помо- гаетъ матери въ домашнемъ обиходѣ и ее уже приучаютъ прастъ; но слѣдуетъ вообще замѣтить, что участь дѣвушки до замужест- ва — довольно сносная: до выхода за мужъ ее все-таки берегутъ. Тяжелыхъ работъ не даютъ ни въ полѣ, ни дома; хотя она съ возрастомъ и косить, и жлеть, и прядеть виною до полуночи, но эти работы при ея закаленной природѣ — по плечу. По выхо- дѣ же замужъ на нее разомъ обрушивается масса работъ и за- нятій. Часа въ 4 утра она уже на ногахъ: носить дрова, топить печь, готовить обѣдъ своей семьѣ; не кончивъ этого дѣла, бѣ- жить къ скоту, надо дать корму свиньямъ, подонтъ и нанонтъ коровъ, кинуть сѣна лошадямъ, заглянуть къ овцамъ и т. д.; не успѣла обрядиться, какъ лѣтомъ, бѣжить на пожню или по- лосу, а осенью и виной спѣшить отренать и очесать ленъ, учи- нить одежду; между этими дѣломъ нужно ей накормить семью, сѣздать на рѣку за водой для пойма скоту, прибрать въ избѣ, — и такъ до вечера, но и вечеромъ она садится за прялку и си-

дѣтъ за ней до тѣхъ поръ, пока сонъ не возметъ свое и пока она не заснетъ послѣднею въ своей семьѣ. Такъ идетъ ея трудовая жизнь изо дня въ день, изъ году въ годъ: женщина даже не должна быть больною: на другой день послѣ родовъ ее уже принуждаютъ принятыя за обычныя обязанности; случается и такъ, что родильница, по требованію мужа, не успѣвъ еще поправиться какъ слѣдуетъ, помогаетъ ему, если уже не жать, то, по крайней мѣрѣ, вязать снопы до тѣхъ поръ, когда не придетъ время возвращаться съ работы.

Велѣдствіе этого хотя дѣвочки изрѣдка и бываютъ красивы, но женщины никогда: лѣтъ въ 30-ть оны уже горбаты, съ тусклыми, мутными глазами, какииъ то отчаянными, тунимъ взоромъ, грубыиъ хрипыиъ голосомъ, съ растрескавшимися руками и ногами, а нерѣдко и съ хроническими болѣзнями. По этой же причинѣ видѣтъ старушку лѣтъ 60-ти — большая рѣдкость, хотя мужички — лѣтъ 70 и даже 80 встрѣчаются въ каждой деревнѣ, а по всей волости наберется до 10-ти, считающихъ себя до 90 лѣтъ.

Каждая семья живетъ на попеченіи и подъ наблюденіемъ главы семейства домохозяина, который, въ большинствѣ случаевъ, пользуется неограниченною властію. Жена его, по выраженію: „у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ“, не вмешивается ни въ какіе домашніе распорядки, да если бы и вмешалась, то слова ея не имѣютъ вѣскаго значенія. Семьи многочисленныя, но причинѣ раздѣловъ, очень рѣдки.

Заглянемъ въ одну изъ избушекъ, чтобы видѣть картинку обычной жизни: хозяинъ что-то мастерить, хозяйка суетится, копшится; двое взрослыхъ дѣтвиъ валяются на полатахъ; дѣвица — невѣста за прялкою; малыя ребятишки, какъ и вездѣ, мѣшаютъ матерямъ, мѣшаютъ и отцамъ; получаютъ затрещины отъ первыхъ, тумаки отъ вторыхъ, щелчки отъ братьевъ и волосянки отъ сестеръ; побываютъ на улицѣ, сбѣгаютъ во дворъ, повѣстятъ осяда, сто разъ славятъ на полати, печку и голбецъ, пойдятъ со всѣми за столомъ и черезъ четверть часа уже приступаютъ къ матери: кто за корочкой хлѣбца, кто за горошкомъ, кто за рѣп-

кой, а кто и за нирожкомъ; шумить, ревать, воевать, плачуть, галдятъ, спорятся и такъ до тѣхъ поръ, пока ночь не уложитъ и ихъ въ постель, состоящую у богатыхъ изъ перинъ, а у бѣдныхъ или изъ разнаго рода екаргу: тулуновъ, подлшубковъ, армяковъ, кацавѣнокъ, сибирекъ, нафтамовъ, — или и просто изъ снопа — двухъ соломы.

6) *Правы и обычаи.* Характеръ мѣстнаго населенія крайне дикъ, грубъ и новѣжественъ. Въ каждомъ поступкѣ, въ каждомъ дѣйствіи проглядываетъ какая-то особая гордость, доходящая до тщеславія; но не гордость человѣка умнаго въ его самообладаніи и увѣренности въ своихъ поступкахъ, а какая-то особая разнузданность воли — престоеръ. Естественно, что подобныя черты коренятся въ слабой стѣпени умственнаго развитія.

Причина этой крестьянской эгоистичной „шири“, этого безсодержательнаго „простора воли“ кроется у мѣстнаго населенія и въ историческихъ условіяхъ: здѣшній крестьянинъ крѣпостнаго рава не зналъ, о помѣщикахъ не слыхалъ, слово „надѣлъ“ не понимаетъ; захотѣлъ хлѣба — сѣи и жни, построитъ домъ — дойди до лѣса; земля еще не размежевана — поссорился съ сосѣдями, отѣхалъ версты пять, и завелъ новую колонію. Рѣки изобилуютъ рыбою; лѣса дичью; захотѣлъ роскошничать — денегъ нажить не трудно. Какъ же не быть дикимъ и вольнымъ человѣку незазнавшему нужды? И какъ ему знать нужду, если $\frac{9}{10}$ изъ нихъ нигдѣ не бывали, а между тѣмъ, живи при большихъ дорогахъ и славиникъ рѣскахъ, сами всегда имѣютъ случай нажить копѣйку отъ людей дорожныхъ и заѣзжихъ, нужды которыхъ не кажутся мѣстному крестьянину нуждами, а только средствомъ упрочить свое благосостояніе. Случилось-ли вамъ нанять лошадей гдѣнибудь по проселку, съ васъ возьмутъ чуть не двойные прогонны, да еще изъ за такой малости самъ-то хозяинъ рѣдко побеспокоится не только ѣхать съ вами, но и заврять лошадей; для этого у него найдется какойнибудь 15 лѣтній мальчуганъ; разбѣло вышу лодку въ Сухонскихъ мерборахъ — безъ 1 рубля васъ не довезутъ и за 30 версты; кривку молока вы не всегда купите и за 5 коц., а 10 яицъ — за гривенникъ; если вы даже мѣстный, но заѣзжіи жи-

тель, то это нисколько не помѣшаетъ брать съ васъ такія же цѣны, напр. за пудъ ржаной муки — рубль, за фунтъ свиинны 12 коп., за курицу 25 коп. и т. п., да при этомъ еще говорить, что васъ кормятъ, а потому не забывайте, что вы обязаны.

Таже нескорданность проявляется и въ имущественныхъ отношеніяхъ: негдѣ осенью части скота, почему не разгородить огорода и непустить скотъ въ поле или чью нибудь дерягу; что за бѣды, что носѣянный тамъ хлѣбъ нестолько будетъ съѣденъ скотиною, сколько притоптанъ, вѣдь онъ принадлежитъ сосѣду изъ другой деревни.

В.) *Обычаи.* Что касается до обычаевъ мѣстнаго населенія, то они рельефнѣе всего выдаются въ препровожденіи тамъ называемыхъ „пивныхъ праздниковъ“. Пивными праздниками называются тѣ изъ храмовыхъ, престольныхъ праздниковъ, въ которые въ извѣстныхъ деревняхъ варится пиво.

Возьмемъ одинъ изъ нихъ, праздникъ Чудотворца Николая 9-го Мая. Въ этотъ праздникъ пиво варится по всему приходу Вруссенской Христо-Рождественской церкви, состоящему изъ 11 деревень; варится оно въ количествѣ отъ 1 до 6 пудовъ на домъ, то есть отъ 1 до 6 пудовъ солоду съ 2—12 фунтами хмѣлю, что дастъ отъ 3 до 18 ведеръ лучшаго и отъ 2 до 12 ведеръ худшаго пива. Въ этотъ день каждая семья ждетъ къ себѣ въ гости всю свою родню изъ другихъ приходовъ, иногда вереть изъ за 30, которой вообще у крестьянъ чрезвычайно много, — сколько однихъ сватовъ и сватьяшекъ; дальніе родственники пріѣзжаютъ еще наканунѣ и пользуются угощеніемъ. Настоящее-же угощеніе начинается въ самый праздникъ по окончаніи обѣды. Гостей сажаютъ за два стола: въ передній уголъ -- мужчины, противъ печки женщины; садить по рангамъ и возрастамъ: близкая родня — въ самый уголъ, подъ образа, а прочіе по краямъ. Прежде всего приносится самоваръ и начинается чаепитіе, но передъ чаемъ хозяинъ каждому изъ гостей, не исключая, женщинъ и дѣтей, даже малолѣтнихъ, подносить по рюмкѣ водки, разуживаетъ, по тѣмъ-же чинамъ и возрастамъ, каждому по очереди, сопровождая подчиваніе каждого гостя низкими поклонами, иногда даже зем-

нимъ, что впрочемъ дѣлается въ рѣдкихъ случаяхъ, напримѣръ любимому тестю въ 1-й годъ супружества. Хозяйка, также какъ и хозяинъ, низко кланяется каждому гостю, котораго подчуетъ онъ мужъ, вслѣдъ затѣмъ выносятся двѣ большія братины съ пивомъ, которыя уже и дѣлятъ между собою мужъ и жена, подчюя пивомъ каждый своихъ гостей: это такъ называемая „круговал“, общая чаша. Самый почетный гость, принявъ братину изъ рукъ хозяйки и предварительно заставивъ его самого отнять изъ нея, цѣть и передаетъ своему сосѣду, послѣдній другому и т. д. Затѣмъ пьютъ чай. Пьютъ чашками и не особенно помногу, притомъ съ однимъ кускомъ сахару, и взять другой кусокъ къ недопитой чашкѣ считается верхомъ неприличія.

Послѣ чаю, по уборкѣ посуды, хозяйка быстро накрываетъ столы и кладетъ передъ каждымъ гостемъ цѣлый ворохъ пироговъ, которые въ каждой избѣ изъ году въ годъ бываютъ одинаковы; по числу восстающихъ прежде всего кладутся рогули, это пшеничные -- небольшого формата хлѣбцы съ мучною на молокѣ наливою сверху; затѣмъ, пряженники -- также пшеничные, удлиненной формы, маленькіе пирожки, безъ всякой наливки и начинки, но густо облитые саломъ или масломъ; послѣ пряженниковъ кладутся витушки, это пшеничные-же, большого формата, круглыя лепешки, состоящія изъ крендельковъ и завитушекъ, срощенныхъ вмѣстѣ, также облитыя саломъ; дѣлѣе шаньги -- гороховня или ячмыя олашки, и наконецъ хворосты, т. е. сухіе, гороховые блины, послѣднихъ передъ каждымъ кладется штукъ по 5; во время еборовъ хозяйки усердно поитъ своихъ гостей пивомъ. Когда на столъ собрано, первыиъ кушаньемъ подается пирогъ съ рыбою; послѣдняя, исключая наливки, всегда бываетъ соленая, даже еслибъ была изловлена только наканунѣ; пирогъ съ рыбою -- это необходимая принадлежность каждаго стола круглый годъ, а въ праздники обязанъ имѣть его даже нищій; послѣ рыбника подаются щи, за ними жаркое -- тоже солонина изъ чего-бы оно не состояло: телятина, баранина, свиинна, тетерка, утка, но все это должно быть соленое, а передъ осоломъ вымочено; кровь ѣсть не годится, а солоникъ должно быть для того, чтобы гостямъ хотѣлось больше цѣть; за жаркимъ

слѣдуетъ каша и кисель. Передъ каждымъ кушаньемъ пьютъ вино съ тѣми-же порядками и поклонами; послѣ обѣда гости мѣз-за стола, кромѣ необходимыхъ потребностей, не выходятъ; тутъ-же и курятъ, преимущественно листовой табакъ и въ трубку, и тотчасъ же начинается пивопитіе на всѣ лады—стаканами, братнями, чашками; со стола остатки обѣда не убираютъ. Не хочется гостю пить, онъ ѣстъ чтонибудь соленое и вновь принимается за питьё; есть такіе охотники до пива, что вынимаютъ братню, вмѣщающую въ себя штофа два, не переводя духу, а бывали и такіе случаи, что какойнибудь хватъ, побившись объ закладъ, выпивалъ болѣе полуведра такихъ-же образомъ.

Къ вечеру уже праздникъ принимаетъ настоящій видъ, дѣлается въ разгаръ: въ избѣ нельзя перевести духъ отъ табачнаго дыма; всюду шумъ, гвалтъ; тамъ идутъ объятія и поцѣлуи, здѣсь сквернословія и потасовки; въ углу сидитъ какойнибудь сосоловѣлый почетный гость съ братнею пива въ рукахъ и, грозно туча кулакомъ по столу, требуетъ воды; рядомъ съ нимъ другой, съ такою-же братней и со щепоткой табаку въ рукѣ, нюхаетъ цѣлыми горстями, причемъ табакъ щедро сыпается въ пиво. Это ничего не значитъ, онъ прелебезно передаетъ братню сосѣду послѣдній съ такою-же любезностію ее принимаетъ.

Вечеромъ — новый чай, послѣ котораго кто очень пьянъ, замусивъ, ложится спать, а прочіе пируютъ и ночью, пока тутъ-же гдѣнибудь не свалится на мѣстѣ, есть даже такіе, которые желая пить еще, но уже совершенно побораемые природою, прибѣгаютъ къ древне-римскому способу: пьютъ молоко для того, чтобы ихъ вырвало, а не то и просто, выйдя на улицу и, влечивъ налецъ въ ротъ, устраиваютъ тоже рвотное, послѣ чего вновь преспокойно принимаютъ за пиво.

Гостей у богатаго крестьянина бываетъ человекъ 20; все это съ малыми дѣтьми и даже лошадыи живетъ на издѣвскіи хозяина около подѣли, до тѣхъ поръ пока у него не иссякнутъ пиво и вино; богатому крестьянину всякій праздникъ обходится рублемъ въ ѣ на наличныя деньги, не смотря на то, что кромѣ вина онъ прикушаетъ развѣ только рыбы. Кромѣ храпомыхъ

праздниковъ существуетъ еще особый родъ праздника о маслянницѣ.

На масляной недѣлѣ также варится пиво, но уже по всеміи приходамъ и деревнямъ, и притомъ не обязательно для каждой семьи, а потому тутъ стороннихъ гостей не бываетъ; пять, шесть крестьянскихъ семей побогаче варятъ пиво вмѣстѣ, сыпя солодъ по полупуду съ cadaго взрослого своего семьянина, по 10 ф. на подростка и по 3 ф. на малолѣтнихъ дѣтей; пируютъ у того, у кого обширнѣе изба, при тѣхъ-же самыхъ порядкахъ, съ тою только разницею, что тутъ уже стороннихъ никого нѣтъ, а участвуютъ только тѣ, которые выпались складчиною и угощеніе бываетъ общее: сегодня угощаетъ Павелъ, его и чай, и вино, и пироги и кушанье; а завтра Андрей и т. д.; такіе праздники зовутся еще „мольбами“; въ каждой деревнѣ двѣ или три мольбы; бѣдные-же сидятъ дома и выѣдутъ развѣ только покататься.

Катаются обыкновенно круговой по улицѣ, вдоль своей деревни, при чемъ наряжаются въ лучшіе костюмы; лошадей-же не украшаютъ; ѣздятъ вскачь, сломя голову, съ крикомъ, гамомъ и пѣснями.

„Бесѣды“ (вечеринки) въ здѣшней мѣстности также не имѣютъ ничего привлекательнаго; это происходитъ отъ умственной бѣдности населенія, а потому и отъ отсутствія въ немъ эстетическаго развитія и вкуса.

Характерныхъ пѣсенъ или вообще нашихъ русскихъ народныхъ мотивовъ вы здѣсь не услышите: самая лучшая пѣсенница изъ дѣвицъ (запѣвалка) знаетъ ихъ не болѣе 10, причемъ всѣ онѣ поются на одна и тѣже три мотива, въ которыхъ нѣтъ ровно ничего: ни чувства, ни характерности, ни мелодіи, ни удалости, ни тоски, ни игры нотъ—одно только дикое взвизгиваніе и хрипота; тоже самое и съ игрою на гармоникахъ молодыми парнями: сидитъ-ли одинъ изъ нихъ на такой вечеринѣ, идетъ-ли по улицѣ, кромѣ одного, безсодержательнаго мотива вы ничего не услышите; народныхъ танцовъ подъ пѣсни здѣсь также вовсе нѣтъ; пляски состоятъ единственно только изъ топанья ногами съ загпунтой вверхъ головою въ одиночку парнемъ или дѣвцею.

Естественно, что при такомъ ходѣ дѣла все увеселеніе для молодого парня состоитъ въ сидѣніи у своей милой на колѣняхъ, въ поджиганіи ея пряди и въ перобранкѣ съ своими сверстниками.

Подчиненіе женщины видно даже въ самомъ ухаживаніи молодого поколѣнія другъ за другомъ: здѣсь не парень даритъ любимую имъ дѣвицу, а на оборотъ, дѣвица вышиваетъ и даритъ ему кисеты подъ табакъ изъ дорогихъ шелковыхъ лоскутковъ, покупаетъ для него водку; кромѣ того каждый не особенно уродливый парень имѣетъ еще извѣстные знаки расположенія къ нему прекраснаго пола на своемъ костюмѣ; шапка его унизана нитями стекляруса и бисера, а спереди на шапкѣ красуется родъ кокарды небольшой, яркаго цвѣта лоскутокъ съ пугвицею по срединѣ; пугвицами-же обшита вся его рубаха, воротъ и рукава; пугвицами-же, кистями и стеклярусомъ унизаны поясъ; пугвицы и лоскутки на голяшкахъ валенокъ; въ такихъ костюмахъ молодцы красуются на вечеринѣ, въ нихъ-же ходятъ и въ церковь.

7) *Повѣрья и ходъ народнаго образованія.* Мѣстные крестьяне признаютъ, что ночь на Ивановъ день (24 Іюня) играетъ особенную роль во врачеваніи болѣзней: всѣ травы и корешки имѣютъ цѣлебную силу только въ такомъ случаѣ, когда они собраны именно въ эту ночь.

По мѣстнымъ-же повѣрьямъ можно видѣть и души умершихъ на кладбищѣ, но при томъ не иначе, какъ въ 9-й или 40-й дни послѣ смерти.

Не бывши воспріемникомъ или воспріемницею отъ купели крещаемаго младенца, хотя-бы одинъ разъ въ жизни, никто не можетъ наследовать царство небесное.

По всей волости находятся подъ закліатіемъ 3 клада съ баснословными драгоцѣнностями, зарытые разбойниками; мѣста этихъ кладовъ извѣстны, но вырыть ихъ не посмѣетъ никто и никому не позволятъ: на столько сильно надъ ними закліатіе; одинъ изъ этихъ кладовъ находится въ деревнѣ Сергіевской слободкѣ еще не подъ очень ветхою, большою избой, въ которой по этой причинѣ никто и не живетъ.

Въ заключеніи ми скажемъ еще нѣсколько словъ о ходѣ нѣснаго народнаго образованія.

Училище существуетъ въ здѣшней мѣстности 30 лѣтъ, какъ вѣсьмъ рѣдкѣ образованіе въ теченіи этихъ лѣтъ намъ неизвѣстно, но порядочно грамотныхъ крестьянъ вовсе нѣтъ, женщинъ-же нѣтъ и умѣющихъ читать по складамъ, хотя ученицами, по документамъ, значатся и крестьянскія дѣвочки. Главной причиной этого служить, впрочемъ, не небрежность учителей и даже не система прежняго преподаванія, но то, что образованіе учащихся какъ прежде, такъ и теперь, кончается съ училищемъ; по выходѣ изъ училища ученики не видятъ во всю жизнь никакой книги, и только въ рѣдкихъ случаяхъ въ будущемъ кому-либо изъ нихъ придется подписаться подъ какую нибудь бумагомъ по своимъ или общественнымъ дѣламъ. Доучиваются до конца рѣдко; классы посѣщаютъ худо; въ минувшемъ году, напримѣръ, у меня было 8 воспитанниковъ, которые изъ 170 учебныхъ дней пропустили каждый порознь 185, да и то не такъ, чтобы отходить смодраждъ 35 дней, но въ разбивку. Чему могутъ они научиться при такихъ условіяхъ, когда болѣе половины изъ нихъ пропускаютъ дней по 80, а самые ревностные посѣтители классовъ дней по 15. Были годы, когда обучалось въ училищѣ 100 человѣкъ; въ 1875 году училось ихъ 49, въ 1876—45, въ 1877—35, нынѣ 36.

Изъ этихъ данныхъ видно, что дѣло нѣстной грамотности находится далеко не въ блестящемъ положеніи.

Правда, есть крестьяне, которые уже сами учились въ училищѣ нѣсколько лѣтъ и, стало быть, сознаютъ нѣсколько пользу обученія своихъ дѣтей; дѣйствительно ихъ дѣти и учатся, но это—капля въ морѣ, большинство-же населенія къ дѣлу обученія дѣтей относится крайне апатично и неподатливо. Одна изъ причинъ подобнаго печальнаго явленія кроется въ общемъ возрѣшнн населенія на то, что де-нынѣ, молъ, учать только сказкамъ да побасенкамъ, чѣмъ дѣйствительно кажутся для родителей настояція швольниа книги гражданской печати съ статьями дѣтскаго содержанія.

Кромѣ того, какъ извѣстно, во многихъ мѣстахъ у насъ на Руси, стало быть и здѣсь, есть своего рода педагоги—про-

ходилцы, которые при особомъ дарѣ много говорятъ, хотя и мало дѣлать, умѣютъ пользоваться между крестьянами гражданнымъ авторитетомъ въ дѣлѣ обученія. Такими личностями въ большинствѣ случаевъ бываютъ разнаго рода отставные солдаты, торганы, цѣловальники, богомолки и т. п. Является подобная личность въ деревеньку болѣе или менѣе отдаленную отъ училища и, приходя къ какому нибудь зажиточному крестьянину, рубля за два въ зиму, да за хлѣбъ, соль, беретса научить чему угодно его дѣтей, да пожалуй—и его самого; чѣмъ хлопотать съ парнишкой, возить и ѣздить за нимъ каждую недѣлю въ училищѣ, не лучше-ли воспользоваться такими услугами; хлѣбъ невокушной, а мѣста лишнему человѣку хватить; у такого старичка пожалуй найдется и азбука и часословъ—за книгою, значить, дѣло не останется; и вотъ съ ранняго утра и до поздняго вечера изба оглашается звуками: буки—азъ—ба—ба; веди—азъ—ва—ва; а не то уже и цѣлою рѣчью: онъ, нашъ, ерь—нъ—онъ; буки, онъ—бо—бо; добро, рцы, слово, твердо, веди, у—ву—дрству, есть, твердо, ерь—тъ, етъ; *бодрствуетъ*, и т. д., по обончаніи зимы парнишко читаетъ по складамъ азбуку и безъ записки полунощницу.

На слѣдующій годъ старика нѣтъ, а сына безъ грамоты оставить не хочется, вотъ и везутъ его въ училище молъ въ эту зиму онъ все произойдетъ, коли самое-то главное ужъ знаетъ. Понятно, что такіе ученики найдутся въ каждомъ училищѣ и съ ними приходится заниматься или отдѣльно на дому, или-же помалому употребить на изученіе вновь только однихъ буквъ; да и въ дальнѣйшемъ обученіи, особенно въ письмѣ подъ диктовку, такой ученикъ всегда идетъ сзади всѣхъ; впрочемъ рѣдко приводится ему учиться долго: родитель его еще черезъ мѣсяцъ приходитъ въ негодованіе, что его паренъ не выучилъ весь часословъ, а все повторяетъ задъ, и, разумѣется, на другую зиму не отдаетъ его въ училище.

Изъ высказанныхъ нами данныхъ дѣлается очевиднымъ, что мѣстные крестьяне не въ состояніи не только оцѣнить, но и понять системы нынѣшняго преподаванія; имъ нужно практическое знаніе, которое вращается въ средѣ ихъ; что имъ за дѣло, если мальчишкѣ

сумѣть рѣшить иногда довольно сложную задачу на 4 первыя дѣйствія ариметики съ простыми и составными числами, но въ тоже самое время не въ состояніи положить на счетахъ 2-хъ алтынъ, 3-хъ красненькихъ, полтрети ($1\frac{1}{2}$) сажени, полшеста ($5\frac{1}{2}$) фунта и т. п.; задачи-то они сами нисколько не понимаютъ, а подобный счетъ знаютъ. Важны-ли для мѣстнаго крестьянина успѣхи мальчика въ письмѣ подѣ диктовку или въ изложеніи собственныхъ мыслей на бумагѣ съ знаками препинанія если окружающая его среда вовсе не вызываетъ подобныхъ требованій, и для ученика совершенно достаточно, если онъ сумѣетъ безъ диктовки расписаться за отца въ шнуровой книгѣ Волостнаго Правленія. Не слѣдуетъ еще забывать и тѣхъ мѣстно-бытовыхъ условій жизни, которыя развивая нерѣдко въ взрослыхъ привычку къ праздности, побуждаютъ ихъ сваливать почти все работы на подрастающихъ дѣтей; какъ отпустить крестьянину сына въ училище, если онъ насетъ ему коровъ, возитъ сѣно и дрова, рубитъ колья, городитъ огороды, ловитъ рыбу и т. д.; тутъ польза видная, а тамъ еще что будетъ—разсуждаетъ онъ. Рѣдко удается уговорить крестьянина разстаться съ своимъ помощникомъ, да если и удастся, то это нисколько не помѣшаетъ ему отрывать его отъ дѣла, а если вы скажете, что такъ учить все равно, что и не учить, то онъ вамъ на это отвѣтитъ: „пушай учится, хоша што нивабудь, да втвердить!“

Не мало мѣшаетъ собственно успѣхамъ педагогическаго дѣла и обстановка семьи учащихся: при отсутствіи въ школѣ наказаній, къ которымъ дѣти привыкли дома, они вообще склонны къ распушенности и лѣни; очень не многіе чувствуютъ на себѣ силу выговора, замѣчанія учителя, или нравственно страдаютъ, видя, что его иногда глубоко оскорбили, да и вообще, по черствости своей природы, они мало поддаются увѣщаніямъ, родители-же, отдавъ ихъ въ школу, кончаютъ тѣмъ всю свою о нихъ заботу. Такимъ образомъ въ праздники, и особенно въ долгую лѣтнюю вакацію, когда мальчикъ ни разу не заглянетъ въ книгу и не услышитъ ни одного добраго слова, по прошествіи си, онъ является въ школу, какъ-бы вовсе и не учившійся.

При разсмотрѣніи подобныхъ непривлекательныхъ фактовъ, намъ невольно приходитъ мысль о цѣлесообразности и важности системы обязательнаго обученія, и если эту систему нельзя сдѣлать общою мѣрою, то для успѣха дѣла было-бы весьма желательно, если-бы обученіе было обязательно по крайней мѣрѣ для тѣхъ дѣтей, которыя разъ отданы въ школу и мѣсто жительства которыхъ отстоитъ не болѣе 2-хъ верстъ отъ школы.

Бережнослободскій сельскій учитель *Л. Скорцовъ*.

28 Января 1878 года.

Село Брусаяецъ.

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ

ВЪ ГОРОДЕЦКО-НИКОЛАЕВСКОМЪ ПРИХОДѢ

УСТЮГСКАГО УѢЗДА.

(Этнографическій очеркъ.)

При заключеніи браковъ у мѣстнаго населенія, собственно въ сватовствѣ, не бываетъ никакихъ особенностей до дня смотровъ невѣсты, которые происходятъ наканунѣ свадьбы. Но замѣчу только то, что часто выборъ невѣсты производится не по личному желанію жениха, а по желанію его родителей; также часто бываетъ и то, что женихъ не выдаетъ своей невѣсты до смотровъ; между тѣмъ случаи разрыва свадебнаго дѣла въ этотъ день бываютъ очень рѣдки, не смотря на то—нравится или нѣтъ жениху невѣста, такъ какъ за такой поступокъ, кромѣ вѣчнаго укора, женихъ обязанъ платить всѣ расходы, произведенные отцомъ невѣсты. Это-то послѣднее, я думаю, и заставляетъ брать иногда не любую невѣсту. Впрочемъ иногда бываютъ „маленькіе смотрѣнцы“, т. е. женихъ съ родителями пріѣзжаетъ смотрѣть невѣсту, и тогда только окончательно рѣшаютъ дѣло сватовства.

Наканунѣ свадьбы бываютъ „большіе смотри“, и потому день этотъ называется „смотровымъ“.

Въ день смотровъ въ домъ невѣсты собираются всѣ приглашенные родственники. Нельзя не сказать того, что родственниковъ у крестьянъ бываетъ всегда много, потому что они строго соблюдаютъ даже дальнее родство и съ нимъ связываютъ гостеприимство; поэтому нерѣдко встрѣчается, что на свадьбѣ гостей собирается до ста человѣкъ, и надо удивляться тому, какъ эти сто человѣкъ помѣщаются въ одной избѣ, иногда очень не просторной!

Въ смотровой день подъ вечеръ невѣста въ сопровожденіи подругъ-дѣвушекъ ходитъ въ баню. Придя изъ бани дѣвушка въ кутѣ, (кутомъ здѣсь называется въ каждой крестьянской избѣ мѣсто передъ челою печки, отдѣленное отъ общей избы занавѣсой), начинаютъ пѣть пѣсни, или какъ говорится „припѣвать“; въ пѣсняхъ этихъ дѣвушки отъ имени невѣсты обращаются отдѣльно къ каждому изъ ея родныхъ, при чемъ, произнося въ пѣсняхъ имя и степень родства каждаго, невѣста во все время „припѣвовъ“ немного реветъ, и чѣмъ сильнѣе реветъ ея, тѣмъ болѣе сѣ чести. Конечно реветъ этотъ бываетъ рѣдко искроуидіи, развѣ только тогда, когда женихъ или старъ, или очень не красивъ. Въ первой пѣснѣ дѣвушки припѣваютъ отца невѣсты и поютъ такъ:

Не свѣтъ свѣтается,

Не заря занимается,

Тутъ идетъ—поднимается

Родимой—этъ батюшко,

Кирило Ивановичъ.

Ты дойди, дойди—достуни

До кути до занавѣси,

До тонкой до полотняной,

До шитой—перебраной.

Есть въ кутѣ за занавѣсой

Кручинная дѣвица,

Со печали надбѣлася,

Хлѣба соли лишилася.

Я прошу тебя батюшко

Не ради дарыща—(подарка)

Только ради свиданьца

Мнѣ свидѣться хочется,
Свидѣться—проститися,
На вѣку-то не въ перше —
Въ дѣвѣй красотѣ въ послѣдніе.

Когда дѣвушки окончатъ пѣсню, отецъ благословляетъ дочь — невесту икономъ, а невеста, принявъ благословеніе, подаетъ ему стаканъ пива, выпивъ которое, онъ даетъ ей деньги. Послѣ этого мать невесты дѣлаетъ тоже, что и отецъ ея. Затѣмъ и каждый родственникъ, когда его припоютъ, получаетъ изъ рукъ невесты стаканъ съ пивомъ и долженъ давать деньги. Всѣ эти деньги — собственность невесты. Когда всѣ родственники приняты, тогда начинаютъ припѣвать другъ — дѣвушекъ слѣдующей пѣсней:

Вы, подруженьки—голубушки,
Сидите призадумались,
Чужихъ басень залунались;
Будто пѣть у насъ нечего,
Припѣвать будто не кого?
Припоемъ мы подруженьку
Анну Степановну,
Я прошу тебя подруженька
Не ради дарица —
Ради свиданьца,
Мнѣ свидѣться хочется.
Свидѣться проститися,
На вѣку-то не въ перше,
Въ дѣвѣй красотѣ въ послѣдніе.

Невеста, обнявши дѣвушку, которую припоютъ, начинаетъ голосить безъ всякихъ причетовъ.

Припѣвы продолжаютъ вплоть до пріѣзда жениха, а если не успѣютъ окончить, то и послѣ того, женихъ же долженъ ждать окончанія ихъ, сидя въ другой избѣ.

Теперь посмотримъ, что дѣлается въ домѣ жениха въ смотровой день.

Когда гости жениха соберутся, тогда, помолившись Богу, они отправляются къ невестѣ, что бываетъ всегда вѣчеромъ. Отъѣхавъ

немного, весь поѣздъ останавливается, а дружка (это почти тоже, что въ городахъ шафера. Въ дружки назначаются вообще молодые не женатые парни, отличающіеся красноречивомъ), три раза дѣлаетъ окликъ: „Всѣ ли божре всеопъ“? и каждый разъ получаетъ утвердительный отвѣтъ, и послѣ чего поѣздъ отправляется далѣе. Пріѣхавъ къ дому невесты, послѣ того какъ гости выйдутъ изъ саней или телегъ,—дружка говоритъ:

„Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ“!

Въхали мы бояре

Чистыми полями,

Зелеными лугами,

Дремучими волоками,

Подлѣ стога на угорѣ

Стоитъ большой огромный дубъ,

Изъ—подъ того дуба выналя куній слѣдъ;

Мы ударились по куньему слѣду:

Куна шла темными лѣсами,

Зелеными лугами,

Дремучими волоками.

Мы въхали на своихъ лошадахъ—лихачахъ

По пенькамъ—по колодинкамъ,

Все пенье приломали,

Колодникъ припипали,

За нами сдѣлался какъ Московскій трактъ.

Попали намъ два старика усаты,

Два бѣлобородаты,

Мы спросали ихъ:

—Та ли дорога, та ли широка

Къ нашей княгинѣ молодой?

На это пріѣхавшіе гости отвѣчаютъ: „Та“.

Далѣе дружка говоритъ:

Мы доѣхали:

Стоитъ деревня—какъ городъ,

Дошъ—какъ теремъ,

Мы не сами узнали,

Намъ люди сказали,
Говорять—есть у насъ хорошій товаръ,
А есть при васъ первой гильди купецъ,
Есть у насъ кунницы, лисицы,
Заморскія соболицы,
Красныя дѣвицы.
Отдайте намъ кунницу,
Не отдадите кунницы—
Отдайте лисицу,
Не отдадите лисицы—
Отдайте заморскую соболицу,
Не отдадите заморской соболицы—
Отдайте красную дѣвицу,
Не отдадите красной дѣвицы—
Отдайте сто рублей штрафу,
Не отдадите сто рублей штрафу—
Отдайте красную рубаху,
Я и съ той домой уѣду.

Послѣ этого женихъ и всѣ его гости идутъ къ крыльцу дома,
а дружка говорятъ:

„Господи Іисусе и проч.

Къ этому дому,
Къ высокому терему
Лѣсенки точены,
Ступеньки золочены,
На первую ступеньку ступлю
Свято проговорю:

„Господи Іисусе и проч.

У молодой княгини
Есть ли отецъ, мати—родители?
Кто поилъ, кормилъ,
Обуваль, одѣваль,
На ноги поднималь,
Также бы теперь мнѣ и ворота отпираль,
Встрѣчалъ бы меня дружку передо-вѣзжаго

Со своимъ молодымъ подружьемъ,
Со всѣмъ честнымъ поводомъ.

Случается, что когда поѣзжане подойдутъ къ дверямъ крыльца, то они оказываются запертыми, дѣвушки въ сѣняхъ поютъ пѣсни и кто нибудь изъ сѣней задаетъ вопросы:

У насъ на запорѣ-то медвѣдь сидитъ?

Дружка возражаетъ:

— У нашего князя молодого
Есть ружья турецки,
Занки нѣмецки,
Стрѣлки молодецки
Вудуть стрѣлять и палить
Медвѣдю на запорѣ не улезать.

Къ невѣстѣ рѣка широка?

— У нашего князя молодого
Есть лодочки самоходочки,
Гребцы молодцы —
Не удержать рѣкѣ широка.

Кто тамъ пищитъ: не комаръ ли не муха?

— Я не комаръ не муха.

Аминь Святаго Духа.

Двери отпираютъ и всѣ поѣзжане входятъ въ особую избу. Дружка беретъ приготовленные на поднось для невѣсты подарки: чулки, башмаки, платокъ, зеркало, бѣлала, румяна и положенный по верхъ всего этого пряникъ, отправляется съ ними въ избу невѣсты, и какъ только переступить за порогъ, начинаетъ говорить:

„Господи Іисусе и проч.

Сватъ да сватья!

На улицѣ то свадьба.

Если мнѣ не вѣрите—

Выйдите—сами увидите.

„Господи Іисусе и проч.

Сватъ да сватья!

Выпрягайте нашихъ лошадей—лихачей,

Дугъ не ломайте,

Оглюбли подымайте,
Давайте сѣна до колѣна,
Овса до щетки.
Если нѣтъ сѣна —
Нѣтъ ли трясянки,
Нѣтъ трясянки—
Нѣтъ ли овсянки,
Нѣтъ овсянки—
Нѣтъ ли ржанки,
Нѣту ржанки—
Нѣтъ ли осиновиыхъ дровъ:
Наши кони погложутъ поминають,
И то по сорокъ верстѣ убѣгають.

„Господи Іисусе и проч.

Свать да сватья!
Есть ли яры собаки?
Ярыхъ собакъ садите на цѣвь,
Стариковъ — колдуновъ,
Пѣтуховъ—клевуновъ,
Бабъ бранливыхъ
Пихайте на печь;
Есть ли маленьки ребята?
Пихайте ихъ на палати.
Вы ребятка палати не трясите,
Соломинки не уроните,
Мнѣ дружкѣ головы не проломите,
Подарочки не осрамите.

„Господи Іисусе и проч.

Во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой горницѣ,
Въ благодатномъ домиѣ,
У молодой княгини
Есть ли палати—
Склясти халаты?
Есть ли полицы—

Скласть рукавицы?
Есть ли грядки—
Скласти шапки?
Есть ли спички точены —
Свѣситъ плетки строчены?
„Господи Иисусе и проч.

Иду я дружка молодой
Передо-взжій,
Съ ноги на ногу постушываю,
Сапогъ о сапогъ поколачиваю,
Къ молодой княгинѣ наворачиваю.
Каково у васъ молодая княгиня живеть —
Здравствуеть?
У насъ князь молодой хорошо живеть —
Здравствуеть,
Во чистомъ полѣ гуляетъ,
Какъ соколъ летаетъ,
Шелковой плетью пощелкиваетъ,
Сапогъ о сапогъ поколачиваетъ,
Къ молодой княгинѣ наворачиваетъ.

„Господи Иисусе и проч.

Вы тетки—молодки
Разступитесь на четыре стороны;
У васъ платьица красны,
Сапожки мои грязны
Надо вахъ на ногу не ступитъ,
Плятица не замарать,
Васъ не присрамить
Самому себя не пристыдить.

„Господи Иисусе и проч.

Иду я, дружка молодой,
Передо-взжій
Къ молодой княгинѣ съ дорогими подарками:
Съ бѣлками, съ румянами,
Зеркало нѣмецко,

Чулочки бѣленьки,
Бацмачки черненьки;
На этихъ подаркахъ лежитъ пряникъ,
Онъ широкъ и дологъ,
По середкѣ желобъ
Какъ Архангельска посекотина
Есицловскій лугъ, (*)
Не съѣсть его вдругъ.
„Господи Исусе и проч.

Ты, молодая княгиня,
Встань на куны,
Подростутъ собольи,
Прощу подарки принять,
Подносъ голой не отпускать,
Рюмку водки подать,
И поздороваться.

Всѣ эти приговоры дружка говоритъ медленно, подвигаясь къ куту, и, чтобъ выгадать время, принуждаетъ, часто пятиться назадъ. Невѣста принявъ подарки, накрываетъ подносъ полотенцемъ, подаетъ дружкѣ рюмку водки цѣлуетъ его и потомъ, сложивъ подарки, возвращаетъ подносъ и полотенце (последнее уже собственность дружки). Дружка уходитъ къ жениху, а невѣсту дѣвушки начинаютъ одѣвать.

Когда невѣсту одѣнуть, тогда приходятъ его женихъ и гости и, не снимая верхняго платья, останавливаются по срединѣ избои у палатой. Если женихъ не видалъ невѣсту, тогда отецъ или мать его говорятъ: „Наше смотрите, свое кажите“. На это одна изъ женщинъ выводитъ изъ кута невѣсту, которая, поклонившись жениху, удаляется обратно; это повторяется до трехъ разъ. Въ послѣдній разъ женихъ беретъ невѣсту за руку и поспѣваетъ взять со стола зажженную свѣчу, которую невѣста и подаетъ ему. Взявъ свѣчу, женихъ три раза поворачиваетъ кругомъ за плечо невѣсту, освѣщая ее огнемъ; послѣ этого подаетъ невѣстѣ свѣчку, которую она уноситъ обратно и становится рядомъ съ женихомъ.

(*) Большой лугъ на берегу р. Дамы близъ г. Устьиры.

Тогда родители невесты благословляют их иконой и невеста уходит въ куть, а поѣзжане снимаютъ съ себя верхнее платье. Затѣмъ женихъ отправляется въ куть, беретъ невесту за руку, выводитъ ее, и оба идутъ за столъ; за ними уже занимаютъ за столомъ мѣста и гости. При этомъ соблюдается строгое иѣстничество по степенямъ родства. Жениховы гости занимаютъ первыя мѣста.

Когда всѣ гости заняли свои мѣста, но еще не сѣли, дружка говоритъ:

„Господи Исусе и проч.

Во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой горницѣ,
Въ благодатномъ домѣ,
У молодой княгини
Есть ли поны—дьяки?
Нѣтъ поповъ—дьяковъ,
Нѣтъ ли людей грамотныхъ?
Нѣтъ людей грамотныхъ—
Нѣтъ ли людей старыхъ—намятныхъ?
Кто-бъ за хлѣбомъ—солью свято проговорилъ.

Гости садятся и начинается пированье. Когда подадутъ третье кушанье, тогда каждый гость со стороны жениха получаетъ дары (многіе и на богатыхъ свадьбахъ получаютъ полтора или два аршина полотна). Для подачи даровъ назначается особый человекъ, и поднося ихъ онъ долженъ передъ каждымъ проговорить:

„Господи Исусе и проч.

Наша-то невеста
Въ теремѣ сидѣла,
Въ кутѣ за занавѣсой!
Подъ кутнымъ окошечкомъ,
Тонко прjala,
Звонко ткала,
Бѣло бѣлила,
На быстрой рѣчкѣ мыла,
На сѣромъ камешкѣ колотила,
На красноѣ солнышкѣ сушила,

По зеленому лужку волочила,
На дубовомъ столнѣь катала,
Въ коробечку клала,
Коробечку запирала,
Ключи въ карманъ клала.
По зеленому лужку гуляла
Ключики потеряла,
Ключики нашла —
Сама замужь пошла.
А у меня у подносчицка
Ножки съ подходомъ,
Ручки съ подносомъ,
Языкъ съ приговоромъ,
Буйна голова съ поклономъ,
Ретиво сердце съ радостью.
Прошу покорно,
Князь молодой,
За подарочки приматься,
Надомною не ломаться:
Не я прядь,
Не я ткаль,
Не я мочилъ,
Не я волочилъ,
Только въ томъ согрѣшилъ,
Что я подносилъ.

Каждый получившій дары цѣлуетъ жениха и невѣсту и даетъ деньги.

По окончаніи раздачи даровъ женихъ съ невѣстой и всѣ его гости выходятъ изъ-за стола, а на ихъ мѣста садятся гости невѣсты, которыхъ угощаютъ привезенными женихомъ пирогами съ рыбой и виномъ, при чемъ вино наливаетъ самъ женихъ, а подноситъ его невѣста. Послѣ этого всѣ гости съ обѣихъ сторонъ снова занимаютъ свои прежнія мѣста, и прерванный общій ужинъ продолжается.

Во все время ужина дѣвушки въ кутѣ поютъ пѣсни, за что ихъ угощаютъ виномъ и пивомъ. Изъ пѣсенъ этого рода я для примѣра помѣщаю три, взятая мною безъ выбора.

1.

Кунья шуба не попыхивай,
Иванъ—господинъ, не повздыхивай:
Наша то Наташа не хуже тебя,
Она ростомъ по меньше,—
Умомъ по дороже,
Она костью по складнѣе тебя,
Бѣлымъ лицомъ по бѣлѣе тебя.
Ягодницы(*)—ровно маковъ цвѣтъ.
Наша-то Наташа не пара тебѣ,
Тебѣ-то пара во дворѣ свиныя—
Полосатая съ поросятами.

2.

По лугамъ, лугамъ зеленѣмъ,
По цвѣточкамъ лазоревымъ,
Разливалась вода вешная холодная.
Посылали Наташеньку на Дунай рѣку по волу,
Босу не обутую, нагу не одѣтую.
Налетѣли гуси сѣрые,
Да возмутили воду свѣжую.
Какъ вода-то устоялася—
Я влада на дрожалася.
Случилось Наташѣ мимо батюшкина дома идти,
Мимо матушки висока терема;
Тутъ стоитъ родной батюшко
На прекрасномъ на крылечикѣ:
„Ты куда мое дитятко?
Ты не что воротилася?
— Я позабыла, батюшко,
Три ключа мѣдные:

(*) Щеки.

Первый ключь отъ ящича,
Другой ключь отъ коробы,
Третьей ключь отъ терема.
„Ты позабыла, дитятко,
Волю-то батюшкину, да нѣгу-то матушкину,
Да третью дѣвью красоту.
Да какъ дѣвья-то красота
На блюдечкѣ полоскана,
На тарелочкѣ колочена,
Да на солнышкѣ сушена.
А какъ бабья-то красота
На болотѣ полоскана,
На кочкѣ колочена,
Черезъ дымникъ сушена.

3.

У родимой-то матушки я жила красовалася,
Не слыхала, когда пѣтухи поють,
Не слыхала, когда матушка встаетъ,
Встаетъ она не стучаетъ,
Говорить она не гаркаетъ,
Она семь разъ подойдетъ,
Да одинъ разъ сгаркаетъ:
— Ты вставай мое дитятко,
Умивайся бѣлошенько,
Да принимайся за тяжелую работунку—
За питье да за браньнице. —
У богоданной-то матушки
Услыхала, когда пѣтухи поють,
Услыхала, когда матушка встаетъ, —
Встаетъ она стучаетъ,
Да говорить она гаркаетъ,
Она семь разъ сгаркаетъ,
Да одинъ разъ подойдетъ:
— Ты вставай, моя сношенька,

Да принимайся за легкую работишку:
За толченье—молоченье. (*)

Ужинъ продолжается далеко за полночь, и по окончаніи его гости ложатся спать.

Предъ отпращиваніемъ въ вѣнцу, когда благословятъ жениха и невѣсту, всѣ садятся на мѣста, а дружка говоритъ:

„Господи Іисусе и проч.

Во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой горницѣ,
Въ благодатномъ домѣ
У молодой княгини
Есть ли отецъ, мати — родители?
Благословили-бъ свое дитя,
Ко злату вѣнцу ѣхать.

Послѣ этого женихъ съ невѣстой и необходимыя при бракѣ лица отправляются на погостъ; но лишь только отѣхавъ немного, останавливаются и дружка возвращается въ домъ невѣсты звать гостей на свадебный ширъ говоря:

„Господи Іисусе и проч.

У нашего князя молодого
Есть яства медовья,

(*) Въ Сборникахъ народныхъ пѣсень не часто впадаютъ столь характерныя пѣсни, какъ 2 и 3 изъ приведенныхъ, гдѣ народное творчество съ свойственнымъ ему юморомъ такъ прекрасно охарактеризовало житейскую рознь семейнаго положенія дѣвицы и женщины: народный смыслъ во 2-й пѣснѣ словами отца дѣвицы выставляя проницески контрастъ между „дѣвцой“ и „бабьей“ красотой, въ 3-й пѣснѣ словами уже самой женщины рисуетъ причины этого контраста, находя ихъ въ различіи тѣхъ родственныхъ отношеній, въ которыхъ женщина находится къ своей матери съ одной стороны, и къ свекрови—съ другой. Извѣстно, что различіе этихъ отношеній не менѣе рельефно сказывается и въ самой жизни, при чемъ „свекровь“ въ крестьянскихъ семьяхъ является всегда лицомъ, по преимуществу надламывающимъ силы и жизнь женщины, такъ что въ другихъ пѣсняхъ Вологодской губерніи—этотъ контрастъ между отношеніями матери и свекрови выступаетъ еще сильнѣе; такъ въ одной изъ пѣсень Грязовецкаго уѣзда—женщина, прося защиты отъ побоевъ мужа у своихъ родственниковъ и обращалась съ „запов-же просьбой“ къ свекрови,—прямо о ней говорить:

„Свекровь—матушка—не родная мать,
Велить больше бить, велить кровь пролить“.

Примѣч. отъ Ред.

Питія сахарина,
Просить покорно
Къ намъ на свадьбу—
Пешеть, покушать.

Затѣмъ дружка идетъ обратно и поѣздъ отправляется. Прибывъ на пѣгость, ѣдутъ прямо въ домъ священника, гдѣ невѣста одѣвается въ подѣвничный нарядъ, а прочіе умываются и причесываются, и тогда уже отправляются въ церковь.

Послѣ вѣнчанія, подѣхавъ къ своему дому, новобрачные и дружка прямо на лошадяхъ въѣзжаютъ на взвозъ, гдѣ останавливаются предъ запертыми на повѣть дверьми. Дружка говоритъ:

„Господи Іисусе и проч.

Скидайте заноры дубовы,
Отвори́те ворота тесовы,
Выставля́йте подворотники кленовы,
Встрѣчайте своего дѣтя
Съ хлѣбомъ да солью,
Съ таланомъ да участью,
Съ Божьей милостью.

Послѣ этого двери открываютъ и новобрачные съ дружкой въѣзжаютъ на повѣть, гдѣ родители новобрачныхъ благословляютъ образомъ и хлѣбомъ, а всѣмъ тутъ находящимся подаютъ вино; окончивъ это, всѣ идутъ въ избу и начинается пиrowанье. Но въ брачный день пиrowанье бываетъ не значительно, а главный пиръ назначается на второй день и называется „большой столъ“.

На другой день утромъ на повѣть приносятъ воды, а дружка, надѣвъ на рога вилъ три березовые вѣника (голика) и привязавъ къ виламъ колокольце, входитъ въ избу, гдѣ, лишь только онъ успѣетъ вступить за порогъ, сваха молодой хватаетъ вилы и повязываетъ вѣники полотенцомъ, послѣ чего дружка идетъ по избѣ и, потрясая вилами, приглашаетъ всѣхъ на умываніе. Всѣ идутъ на повѣть, гдѣ молодые умываются, за ними дѣлаютъ тоже самое и всѣ гости, а потомъ каждый изъ гостей по очереди подходитъ къ молодой, которая должна подошедшему расчесать гребнемъ голову, за что ей даютъ деньги. Послѣ умыванья, въ видѣ шутокъ

молодых обливают водой из ведра или даже ушата. Обѣдъ въ этотъ день начинается не ранѣе двухъ часовъ дня, и мѣста за столомъ занимаютъ также, какъ и на смотрахъ по степени родства, но только здѣсь первыя мѣста занимаютъ уже гости со стороны молодой. Четвертое кушанье за этия обѣды называется „честью“. Это большая неразрѣзанная часть фунтовъ въ 30—35 зажареннаго мяса, отъ которой на каждомъ столѣ отрѣзаютъ потребное количество, передаютъ на слѣдующій столъ и такъ до послѣдняго. Здѣсь необходимо упомянуть о довольно странномъ, хотя и искореняющемся обычаѣ отказывать невѣстнымъ гостямъ. Когда подадутъ „честь“, тогда ктонибудь сбрасиваетъ съ палаты пестерь, въ которомъ лежатъ шапки и рукавицы невѣстныхъ гостей, и говоритъ: „шапки видите, двери знаете — просимъ о выходѣ“; при этомъ гости встаютъ изъ-за стола и уѣзжаютъ домой, это нисколько не считается предосудительнымъ и никто не долженъ оскорбляться этимъ; но однако, какъ уже сказано, этотъ обычай дѣлается рѣдкимъ. Послѣ отѣзда невѣстныхъ гостей пированье продолжается своимъ чередомъ, и жениховы гости разѣзжаются по большей части на третій день.

Вскорѣ послѣ свадьбы (чаще въ первое же воскресенье) тесть ѣздитъ за молодыми и ихъ близкими родными звать къ себѣ въ гости; это называется „молодишникомъ“. Въ недѣлю масляницы молодые тоже ѣздятъ въ гости къ отцу молодой на нѣсколько дней. Въ это время почти всегда исполняется шуточный обычай „ѣздитъ бобромъ на молодомъ“: для этого, когда молодой выйдетъ посмотрѣть на катающихся на шестахъ (*), знакомые односельцы притаскиваютъ безъ оглобелъ розвальни, неволей заставляютъ молодаго сѣсть въ нихъ, и затѣмъ, вскочивъ въ розвальни иногда болѣе человекъ десяти парней и мужиковъ, давя другъ друга и молодаго, сталкиваютъ ихъ и несутся подъ гору.

(*) Шесты устриваютъ такъ: выбираютъ пологій угоръ, сверху его параллельно и на разстояніи полутора аршинъ одинъ отъ другаго кладутъ самыя толстыя жерди, къ концамъ ихъ приставляютъ другія и т. д. по мѣрѣ надобности; катающіеся встаютъ на верхніе концы, берутся руками и катятся стоя на ногахъ.

Далѣ въ Петровъ день (29 Іюня) молодыхъ „садятъ на яйца“. Въ этотъ день тесть и теща отправляются къ молодымъ и везутъ съ собой: вино, блины, пироги съ рыбой, сыръ, отъ 50 до 100 печеныхъ яицъ и нѣкоторыя другія приготовленныя кушанья, какъ то: кашу, селянку и т. п., однимъ словомъ полный обѣдъ; кромѣ того привозятъ зятю рубаху и штаны. Въ домѣ молодыхъ тесть и теща усаживаютъ за столъ какъ самихъ молодыхъ, такъ ихъ семейниковъ и прочихъ самыхъ близкихъ родственниковъ и угощаютъ привезеннымъ съ собой обѣдомъ и виномъ.

Этимъ днемъ заканчиваются всѣ свадебныя обычаи, и молодые вступаютъ въ обычную колею семейной жизни.

Учитель Палемскаго училища *В. Ивановскій*.

ОБЫЧАИ СВОБОДНОЙ ЗАЙМКИ ЗЕМЕЛЬ

ВЪ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

(Историко-юридическій очеркъ).

Обычай свободной займки земель, существующій нынѣ въ Вологодской губернии, имѣетъ несомнѣнно самое древнее происхожденіе. Онъ появился здѣсь, конечно, вмѣстѣ съ появленіемъ первыхъ русскихъ колонизаторовъ; это можно сказать уже а priori. Это же подтверждается и тѣми историческими слѣдами, которые оставилъ этотъ обычай на всемъ стрѣхъ существующихъ здѣсь земельныхъ отношеній.

Опредѣлить съ точностію то время, съ котораго собственно началась колонизація нынѣшней Вологодской губернии, нельзя. Несомнѣнно одно, что, во первыхъ, первыми колонизаторами были Новгородцы и, во вторыхъ, самая колонизація производилась вдоль рѣкъ—Вологды, Сухоны, Двины и Вычегды, представлявшихъ собою торныя дороги, проложенныя самою природою.

Новгородцы, какъ извѣстно, начали довольно рано, — чуть ли не съ начала X вѣка, свои торговыя сношенія съ аборигенами сѣвернаго края и въ томъ числѣ съ тою частію ихъ, которая населяла нынѣшній Вологодскій край. Чтобы сдѣлать болѣе или менѣе прочными эти сношенія Новгородцы имѣли обыкновеніе

обладательство недвижимою собственностью въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ по преимуществу сосредоточивалась ихъ торговля. Подобнаго же пріема они держались, разумѣется, въ частности и по отношенію къ коренному населенію тогдашняго Вологодскаго края. Сколько можно судить по нѣкоторымъ отрывочнымъ историческимъ даннымъ, Новгородскіе купцы или покупали разнаго рода недвижимости, или же просто отнимали ихъ у Чуди, первоначальныхъ обитателей страны и несомнѣнныхъ предковъ нынѣшнихъ зрянъ. Такъ напр., по словамъ нѣкаго ратмана Соскина, рукописная исторія котораго хранится и теперь у одного изъ старожиловъ города Сольвычегодска, приблизительно въ концѣ XII вѣка чудскій городъ Черниговъ, лежащій въ трехъ верстахъ отъ нынѣшняго Сольвычегодска, былъ взятъ новгородцами, а самые жители его были обращены въ раба, въ рабство. Тоже происходило, по всей вѣроятности и въ другихъ мѣстахъ, судя по подвигамъ новгородскихъ ушкуйниковъ и вольныхъ людей. Но и тогда, и позже новгородцы занимали земли и на правѣ первой заимки, перваго захвата. Такъ вообще, напр., въ XVI столѣтіи посадъ Дальскъ, существующій и теперь еще въ Устюжскомъ уѣздѣ.

Такимъ образомъ, съ довольно ранняго времени, уже въ первые времена колонизаціи Вологодскаго края, заимка свободныхъ земель могла производиться тремя образамъ: *путемъ свободнаго выбора земель, насильственными захватами и покупками.* Это и были тѣ предшествующія историческія формы, изъ которыхъ потомъ развилась оригинальнѣйшій народный обычай свободной заимки земель. Существенное значеніе въ этомъ отношеніи, разумѣется, долженъ былъ имѣть только первый изъ трехъ способовъ — способъ свободной заимки незаселенныхъ и вообще некультуриваемыхъ земель и угодій. Остальные два могли имѣть нѣкоторое значеніе только первоначально при первыхъ шагахъ русскихъ колонизаторовъ въ край и то, разумѣется, только потому, что Чудь была совершенно чуждымъ колонизаторамъ племеномъ. Практикуясь и впоследствии, оставшіеся живучимъ даже въ настоящее время, эти способы пріобрѣтенія земель и угодій никогда не забывали ни на іоту сущности колонизаціоннаго дѣла, такъ

какъ прилагались только къ культивированнымъ или вообще получившимъ известную цѣнность землямъ и, значитъ, только способствовали переходу этихъ земель изъ однихъ рукъ въ другія. Но они были важны для первоначальной колонизаціи въ другомъ отношеніи. Разъ колонизаторы находили осѣдность, хотя бы съ помощью и насильственного захвата и волею судьбы удобныхъ для этого мѣстъ у аборигеновъ края, они давали тѣмъ возможность явиться вблизи и другимъ русскимъ выходцамъ, являясь для этихъ послѣднихъ оплотомъ въ дѣлѣ защиты собственности и подмогой въ экономическомъ отношеніи.

Итакъ, слѣдовательно, первоначальное зарожденіе обычая свободной заимки земель, существующаго въ нынѣшней Вологодской губерніи, нужно искать въ тѣхъ способахъ расчистки и культивировки земель и угодій первыми колонизаторами, при которыхъ не нарушались ни чьи права. Обычай этотъ уже самъ по себѣ предполагаетъ, во первыхъ, пустыя, никѣмъ незанятая земля, во вторыхъ, необходимость приложенія къ такимъ землямъ труда. Въ такихъ рамкахъ этотъ обычай дѣйствовалъ раньше, въ такихъ же онъ дѣйствуетъ и теперь. Но ни прежде, ни въ настоящее время съ правомъ свободной заимки земель не было совмѣстно право насильственного захвата, произволь грубой силы. Случаи, гдѣ имѣлъ мѣсто этотъ послѣдній пріемъ, всегда были только исключеніями въ обычныхъ способахъ народа при расчисткѣ новыхъ земель и угодій.

Можно указать на одно весьма важное обстоятельство, имѣвшее существенное вліяніе на образованіе и развитіе обычая свободной заимки земель въ томъ видѣ, какой онъ получилъ на сѣверѣ Россіи. Дѣло въ томъ, что Вологодскій край, въ особенности сѣверныя и сѣверо-восточныя его части, никогда не испытывалъ такихъ политическихъ тревоженій, какія выпали на долю внутренней, юго-восточной и восточной Россіи. Защищенный непроходимыми лѣсами и болотами, этотъ край издавна находился въ какомъ-то изолированномъ, оторванномъ положеніи. Земледѣлецъ и охотникъ или рыболовъ могли свободно творить свое обычное право, находясь вдали отъ центральнаго правительства и вообще огражденные естественными

условиями края отъ разнаго рода военникъ: неурядицъ и неуртубацій. Если, съ другой стороны, тѣже естественныя условия края представляли массу неудобствъ въ экономическомъ отношеніи, то за то не было и недостатка въ свободныхъ, незанятыхъ земляхъ. Каждый, кто желалъ, всегда могъ съ помощію труда, энергій и предприимчивости культивировать и расчищать земля и угодья, въ какомъ угодно ему количествѣ. Такимъ образомъ, трудъ естественно занялъ мѣсто главнаго регулирующаго начала въ этихъ первоначальныхъ отношеніяхъ земледѣльца и скотника-промышленника къ необработанной еще, дѣлственной землѣ и ея лѣснымъ пространствамъ.

Бѣда-ли найдется, въ самомъ дѣлѣ, другой обычай изъ народной жизни, въ которомъ выражалось-бы такъ рельефно первостепенное значеніе трудового начала, этого основнаго фактора общеправовыхъ отношеній народа, какъ выражается оно въ авалинскомъ обычѣй. Такое значеніе трудовое начало получило исторически, съ давнихъ временъ. Мы приводимъ здѣсь хотя относительно и новѣйшій, но крайне интересный и характерный въ этомъ отношеніи документъ. Это такъ называемая „*Мелссоя дѣловая земля*“, относящаяся къ прошлому столѣтію и заключенная между Коряжемскимъ монастыремъ и крестьянномъ земледѣльцемъ. Вотъ, что говорится между прочимъ въ этомъ документѣ:

„Сольвычегодскаго уѣзда, Окологородней волости крестьянинъ Василій Дмитріевъ сынъ Печновъ далъ сію межовую дѣловую память Коряжемскаго Николаевскаго монастыря агумену Павлу да строителю монаху Тихону съ братією въ томъ: владѣть имѣ, Василію, съ дѣтьми своими своею межвою Великииъ Логомъ; а межю той пожнѣ Великому Логу подлѣ рѣки Вычегды старой: отъ ихъ Ниволловской пожни Гусихи съ берегу съ ивоваго граненаго куста на ивовай колъ по новочистямъ по граненнымъ пнямъ и череть прямой на сухую граненную большую иву до граненаго вязу, а съ того граненаго вязу къ старой рѣкѣ Вычегдѣ подлѣ ихъ же монастырской пожни Савинихи по граненнымъ ослякамъ на большую смежденную старую межвовую соль и вверхъ по старой рѣкѣ Вычегдѣ

до тере онъ вышепоманутаго гранешаго ивоваго берешаго куста; и больше жибъ, Василю, и дѣтати мониъ къ той своей нежитъ Великому Логу не причинать, въ томъ ему, игумену, съ братією и межевую память даль“.

Для человека, незнакомаго близко съ крестьянскими правовыми отношеніями, можетъ показаться нѣсколько страннымъ смыслъ документа, суть котораго пошлѣднему заключается въ томъ, что самъ же хозяинъ даетъ обязательство владѣть только своею землею и больше къ ней не причинать. А между тѣмъ дѣло раздѣляется довольно просто. Такъ какъ въ крестьянскихъ правовыхъ отношеніяхъ право на владѣніе и пользованіе землями вѣстари давалъ одинъ трудъ, только приложеніе его къ тому или другому виду угодій, то Коряжменскій монастырь, чтобы удержать за собою вѣдасинионныя еще угодья, стало, очевидно, необходимымъ ильменно обязать ближайшаго своего собѣда — крестьянина по владѣнію не рачинять этихъ послѣднихъ. Въ противномъ случаѣ монастырю, въ силу обычая, грозила потеря какъ права на распоряженіе тѣми пустопорожними землями, которыя лежали въ границахъ его владѣній и владѣній крестьянина Кочнева, такъ и вообще возможности включить ихъ въ число своихъ владѣній впоследствии посредствомъ расчистки.

Въ многочисленныхъ рукописяхъ Коряжменскаго монастыря можно найти массу указаній относительно существеннѣйшаго значенія трудового начала для обычая свободной записи земель и угодій, въ рукописяхъ, относящихся къ временамъ Ивана Грознаго, Василия Ивановича, Бориса Годунова, Алексея Михайловича, Петра перваго и друг., и если мы выше привели рукопись пошлѣдншаго времени, то только потому, что она ильже и характернѣе другихъ выражаетъ суть дѣла.

Настоящее вологодскаго крестьянства также представляетъ достаточно фантическыхъ указаній на этотъ счетъ. Вліанію трудового начала на обычно-правовую жизнь народа: даетъ себя чувствовать въ этомъ отношеніи на каждомъ шагѣ. Достаточно оказывалось приложить къ дѣлу самую незначительную долю мускульнаго труда; чтобы то или другое намѣренное такимъ образомъ

угодые считалось временною принадлежностью приложившаго къ нему трудъ. Часто затрата труда въ этомъ отношеніи сводится къ простому наложенію мѣтки, значка И все это ни мало не зависитъ отъ того обстоятельства, кому собственно принадлежитъ занятая земля—казнѣ ли, удѣлу или общинѣ. Лишь бы была возможность, лишь бы были пустыя, ни къмъ незанятая, нерасчищенная пространства,—къ нимъ одинаково, съ народной точки зрѣнія, можетъ прилагать всякій свой трудъ и, стало быть, временно пользоваться ими.

Съ этой точки зрѣнія *лѣса, воды, земли, степи*—все это такіа угодыа, которыми имѣетъ право пользоваться каждый, приложивши къ нимъ трудъ и матеріальныя затраты, разъ эти угодыа свободны, никѣмъ не заняты, никому не принадлежать на правѣ первой заимки. Достаточно бываеъ проложить въ лѣсу самую незатѣливую тропинку, чтобы эта тропка и прилегающее къ ней пространство бора или „веретья“ считалось охотничьимъ участкомъ проложившаго дорожку, его „путникомъ“, „грядочкомъ“, однимъ словомъ, его временною собственностью, которую онъ можетъ промѣнять, продать или передать въ наслѣдство. Мѣтки, положенныя на деревья для означенія направленія пути въ трудно проходимоъ лѣсу, считаются мѣтками наложившаго ихъ и самая дорога называется не рѣдко его именемъ. Если затѣмъ дорога ведетъ къопредѣленному мѣсту охоты, то это мѣсто также считается временною собственностью того, кто первый намѣтилъ направленіе къ нему пути. Вырубленные смолокурани на деревьяхъ крестики, черточки и другіе незатѣлимыя значки означаютъ, что то или другое дерево намѣчено къль-либо изъ смолокуровъ для подсачиванья и, по этому, считается уже временнымъ его достояніемъ. Три—четыре кола, вбитыя у берега рѣки или озера для того, чтобы прикрѣпить въслѣдствіи къ нимъ „помчу“ или сдѣлать „язъ“ для установки „жордъ“ и плетенокъ, считаются достаточнымъ основаніемъ для удержанія за замѣникомъ отвѣченнаго такимъ способомъ рыболовнаго мѣста. Еще строже на этотъ счетъ оказывается обычай въ тѣхъ случаяхъ, когда заимка производится съ дѣлю расчистки „новини“ или „ново-

чисти". Воспользоваться произвольно такими мѣстами значить „взять на душу грѣхъ“, поступить самымъ безразличнымъ и незаконнымъ образомъ, пойти на перекоръ народному обычаю общественному мнѣнію. Однимъ словомъ приложение къ дѣлу труда считается такимъ существеннымъ прецедентомъ, который имѣеть силу положительнаго закона, закона точнаго и ясно опредѣленнаго, къ которому не могутъ быть прилагаемы никакія казуистическія объясненія и уловки, потому что онъ заключается въ самомъ фактѣ, и разъ доказанъ фактъ, значить, доказанъ и имѣеть силу и самъ онъ.

Такая строгая, доводимая иногда повидимому до шестипятиности, санкція обычаемъ правъ по отношенію къ землѣ разнаго рода земельныхъ угодій или ихъ естественныхъ произведеній, въ сущности, конечно, имѣеть самыя разумныя основанія. Какъ бы ни ничтожны были прямыя затраты труда со стороны землевладельца, — съ такими затратами во всякомъ случаѣ бываетъ соединено большое частію не мало косвенныхъ затратъ и приспособленій. Поставить мѣжки на деревьяхъ для смолокура составляетъ не великій еще трудъ, но если лѣсной участокъ, снабжающій смолокурениемъ деревьями, находится въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бываютъ приготовлены яны, дрова, бочки и проч., проч. принадлежности смолокуренинаго производства, то, понятно, что лишить смолокура налѣченныхъ уже имъ деревьевъ, значить нанести существенный вредъ всему его производству. Чуть захѣтная тропка, проложенная гдѣнибудь на пути сѣ, повидимому также неважная штука, и однако сколько труда, энергіи и усидій бываетъ потрачено промышленникомъ прежде, чѣмъ она успѣетъ намѣтиться даже для омытнаго глаза охотника. Десятки и сотни разъ онъ уходитъ съ этою цѣлію изъ дому, топчетъ на протяженіи десятковъ верстъ болота, тони и валежникъ при каждомъ переходѣ изъ дома на мѣсто охоты и обратно, и въ концѣ концовъ затрачиваетъ такимъ образомъ такую массу труда и усидій, которая дѣлаетъ цѣнникъ буквально таки каждый вершокъ путика. Короче, количество труда, затраченнаго въ такихъ случаяхъ непосредственно на самое мѣсто земки, слу-

жить только казенный приманокъ болѣе широкаго приложенія къ дѣлу труда въ подготовительной формѣ.

Но трудовое начало не есть вмѣстѣ съ тѣмъ факторъ, регулирующій окончательно и безповоротно обычно-правовыя отношенія крестьянъ во всѣхъ случаяхъ свободной заимки земель. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о такого рода угодьяхъ, заимка которыхъ не нарушаетъ чьихъ-бы то ни было интересовъ, тамъ трудовое начало имѣетъ первенствующее значеніе. Но если при заимкахъ страдаютъ, напр., интересы общинъ, тогда право на заимку со стороны одного лица опредѣляется правами всей общины, выгодами всѣхъ ея членовъ и затѣмъ уже трудовымъ началомъ. Такимъ образомъ, въ обычной свободной заимки вводится новый элементъ, элементъ общественныхъ отношеній населенія.

Трудно сказать, какъ и когда именно обычной свободной заимки подчинился атому новому элементу. Очевидно, что въ то время, когда только началась колонизація края и когда, следовательно, колонизуемая земля состояла изъ обширныхъ пустошей, имѣвшихъ неопредѣленные пространства, обычной свободной заимки подчинялся только праву перваго захвата, регулировавшемуся исключительно трудовымъ началомъ. Такой по крайней мѣрѣ характеръ оное должно было носить по отношенію къ разнымъ группамъ населенія, но уже въ эти первоначальныя времена та или другая группа поселенцевъ должна была также имѣть известное вліяніе на этотъ обычай въ предѣлахъ ближайшихъ, принадлежащихъ ей земель и угодій. Съ теченіемъ времени, когда эти группы значительно разрослись, образовавъ изъ себя самостоятельныя земельныя общины съ известными топографическими границами, съ известною территорією и угодьями, — вліяніе ихъ на сказанный обычай неизбежно должно было еще болѣе усиливаться. А когда правительство въ концѣ прошлаго столѣтія повсѣмъ узаконило такую самостоятельную общину, размежевавши земли и надѣливъ ихъ только опредѣленнымъ количествомъ этихъ послѣднихъ, обычной свободной заимки земель повсѣмъ уже сталъ принадлежать исключительно общиннымъ отношеніямъ. Такимъ образомъ, только путемъ постепенныхъ

наживной и развитія обычай свободной записки земель принять, наконецъ, настоящій свой характеръ.

Существенныя особенности разсматриваемаго обычая заключаются въ настоящее время въ томъ, что онъ разомъ служитъ двумъ повидимому совершенно противоположнымъ началамъ — *личному* и *общинному*, разомъ оказывается выгоднымъ и для цѣльныхъ общинъ, и для единичныхъ ихъ представителей. Трудовое начало по прежнему является регулирующимъ факторомъ, но только вліяніе его въ этомъ отношеніи получило ясно опредѣленныя границы. Трудъ оказывается мѣриломъ, которымъ опредѣляется величина той пользы, какую долженъ извлекать записчикъ изъ культивируемыхъ имъ земель. Будетъ ли онъ затраченъ на дѣло прямо непосредственно, или въ кристаллизованномъ видѣ, въ формѣ хатеріальныхъ средствъ, капитала, — суть дѣла, конечно, отъ этого не измѣнятся. Важно одно, чтобы та польза, какую извлекаетъ записчикъ изъ культивируемыхъ имъ земель и угодій, не переходила границъ пользы общественной, чтобы записчикъ окулавалъ исполнѣ свой трудъ и затраты полученными имъ продуктами и не касался по возможности такъ выгоды, которая опредѣляется уже законами ренты. Однимъ словомъ, дѣло свободной записки неостановлено такъ, что предприниматель, дѣйствуя непрежнему совершенно самостоятельно и независимо, всегда знаетъ тѣ предѣлы, далѣе которыхъ не можетъ идти его личная воля и жажанія, безъ явнаго ущерба выгодамъ общины.

Такимъ образомъ, благодаря зависимости предпринимателей отъ тѣхъ общинъ, членами которыхъ они состоятъ, получился цѣлый рядъ ограниченій и правилъ, которыми регулируется въ настоящее время обычай свободной записки земель и угодій. Смотря потому, къ какому виду угодій онъ прилагается въ частности, ограниченія эти касаются его въ большей или меньшей степени. Существенно важными въ этомъ отношеніи оказываются собственно основныя законы ренты, которыми опредѣляется цѣнность тѣхъ или другихъ угодій. Если извѣстная угодья не имѣютъ никакой особенной цѣны для общины, если площадь этихъ угодій обширна и ихъ съ избыткомъ хватаетъ на всѣхъ членовъ общины; тогда, понятно,

занимать этих угодий меньше всего получает стѣновой; и на оборотъ, когда угодья приобретаютъ известную цѣнность для общины, вѣдѣствіе же своей производительности, или же просто вѣдѣствіе недостатка, обычной свободной заимки всецѣло регулируется общественными интересами. Община разрешаетъ въ известныхъ случаяхъ самыя заимки, опредѣляетъ права заимщиковъ, назначаетъ сроки пользованія заимками, налагаетъ известныя обязанности на заимщика и вообще вступаетъ, такъ сказать, въ тѣ или другія условія съ этими послѣдними.

Мы рассмотримъ здѣсь въ послѣдовательномъ порядкѣ примѣненіе анализируемаго обычая къ разнымъ видамъ земельныхъ угодій, во мѣрѣ возрастающей цѣнности для земледѣльца этихъ послѣднихъ. Начнемъ съ лѣсныхъ пространствъ.

Лѣсныя пространства сами по себѣ, безъ всякихъ расчетовъ, искусственно извѣнченныя ихъ, издавна были важны для крестьянина въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, крестьянинъ устраивалъ здѣсь свои „путыки“ и „локшица“ и, во вторыхъ, онъ пользовался лѣсомъ, какъ матеріаломъ. Обычай свободной заимки одинаково игралъ свою роль въ обоихъ случаяхъ, одинаково ограждалъ и ограждаетъ интересы и охотника, и смолокура. Въ первомъ случаѣ онъ гарантируетъ охотнику занятія имъ „путыкъ“, во второмъ даетъ возможность смолокуру вести свой промыселъ тамъ, какъ требуютъ того техническія обязанности дѣла.

Возникновеніе „путыковъ“ всецѣло обуславливается обычаемъ свободной заимки, такъ что нигдѣ этотъ обычай не имѣетъ такого широкаго поприща, какъ именно въ этомъ случаѣ. Кому бы въ частности не принадлежалъ тотъ лѣсъ, гдѣ охотникъ устраиваетъ свой „путыкъ“—какимъ ли, удѣлу, или же крестьянскими общинами,—заимка охотничьихъ пространствъ одинаково производится на основаніи этого обычая. Тотъ, кто прежде извѣтилъ извѣстное лѣсное пространство, кто сдѣлалъ на немъ съ этою цѣлю тѣ или другія охотничьи приспособленія, тотъ считается и его хозяиномъ. Это его охотничье мѣсто, его „путыкъ“ или „градка“. Онъ имѣетъ здѣсь исключительное право на охоту предъ всеми другими охотниками. Можетъ продать это мѣсто,

прошлять на другое и передать въ даръ или въ наследство. Но все это имѣетъ силу только въ томъ случаѣ, если хозяинъ поддерживаетъ свой „путникъ“, прилагаетъ къ нему трудъ для приведения въ известный видъ или для поддержанія его въ такомъ видѣ. Разъ же путникъ бросается на произволъ, его можетъ занять всякій другой охотникъ въ силу того же права первой заимки.

Совершенно въ иномъ видѣ прилагается къ дѣлу обычной свободной заимки смолокурами. По самому характеру своему *смолокурение* не требуетъ занятія лѣса смолокурень на точно разграниченныхъ пространствахъ; тутъ важны собственно не лѣсные пространства, а самый лѣсовой матеріалъ. Поэтому, и свободная заимка практикуется исключительно по отношенію къ выбору деревьевъ, годныхъ для смолокурения. Каждый крестьянинъ—смолокуръ намѣчаетъ обыкновенно съ этою цѣлію своею мѣткою цѣпъщина дерева, и этого бываетъ совершенно достаточно для того, чтобы они считались его принадлежностью. Затѣмъ онъ дѣлаетъ на нихъ надрѣзы, „подсачиваетъ“, и въ такомъ видѣ распоряжается ими, какъ своимъ доброю, хотя бы при этомъ ему и приходилось бы платить кому бы то ни было известный оброкъ за пользованіе лѣсомъ. Какъ и охотникъ свой „путникъ“, смолокуръ также можетъ продать, прошлять, подарить или передать въ наследство или чуждымъ лицамъ часть или все дерево.

При пользованіи *содалью* обычной свободной заимки также играетъ двоякую роль—по отношенію къ пользованію содержиннымъ водъ и по отношенію къ пользованію самой водою, какъ механическимъ двигателемъ. Въ первомъ случаѣ имъ регулируются заимки рыболовнымъ угодіямъ, во второмъ—заимки подходящихъ для устройства водяныхъ мельницъ лѣсть. Но тутъ уже легче, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ, выказывается вліяніе на разсмотрѣнный обычай тѣхъ началъ, которыя съ особенною рельефностью обнаруживаются при заимкахъ земельныхъ пространствъ собственно для нуждъ земледѣльческаго хозяйства.

Заимка *рыболовными лѣстями* производится крестьянами въ тѣсныхъ предѣлахъ своихъ общинныхъ районовъ и, при томъ, свободно только тамъ, гдѣ рыбные лови не получили еще характера

цѣнныхъ для цѣлыхъ общинъ угодій. Въ такомъ случаѣ рыболовъ обыкновенно избираетъ притонъ для своего лова на какомъ угодно ему мѣстѣ. Онъ вбиваетъ здѣсь сваи, устраиваетъ „язы“, запоры и пр., однимъ словомъ прилагаетъ къ дѣлу трудъ, чтобы укрѣпить за собою занятое такимъ образомъ рыболовное мѣсто. Мѣсто это онъ можетъ потомъ продать, промѣнять, заложить, подарить, передать и вообще распорядиться имъ, какъ своею временною, личною собственностью. Но тамъ, гдѣ рыболовныя мѣста получили характеръ цѣнныхъ угодій, приносящихъ доходы разомъ всей общинѣ, обычай свободной заимки не имѣетъ уже никакого равнаго значенія. Рыболовныя мѣста въ такихъ случаяхъ отдаются по жребію или же съ торговъ.

• Что касается затѣмъ заимки мѣстъ, удобныхъ для устройства водяныхъ мельницъ, то она производится совершенно свободно. Каждый общинникъ имѣетъ право занять такія мѣста по своему усмотрѣнію. Но тутъ уже оказывается совсѣмъ недостаточно для дѣла одной регулирующей роли трудового начала. Здѣсь сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ, выступаетъ наружу второй факторъ рассматриваемаго обычая—общественный интересъ. Каждый общинникъ имѣетъ обыкновенно право выбирать по своему усмотрѣнію, и сообразуясь съ своими выгодами и цѣлями то или другое мѣсто, но онъ не имѣетъ уже права поставить на избранномъ имъ мѣстѣ мельницу безъ согласія на то общины. Онъ долженъ, поэтому, испросить у этой послѣдней тотъ срокъ, въ теченіе котораго онъ можетъ пользоваться своею мельницею на правахъ личной собственности, послѣ чего она становится обыкновенно мірекою или общественною. И въ этомъ отношеніи обычай свободной заимки принимаетъ вполнѣ уже тотъ характеръ, которымъ онъ отличается при заимкахъ земель для *пасенъ* и *сынокосовъ*.

Наконецъ, при заимкахъ этихъ послѣднихъ, рассматриваемый обычай получаетъ полное свое развитіе. Тутъ ужъ онъ окончательно подчиняется регулирующему вліянію общиннаго начала. И самая заимка земель, и сроки пользованія занятыми землями, и взаимныя обязательства, существующія въ этомъ отношеніи ме-

жду общиной и заимщиком—все это обуславливается известными правилами и ограничениями, преследующими общественные интересы и выгоды. Разумѣется, эти правила и ограничения не вездѣ практикуются одинаково и прилагаются къ дѣлу исполнѣ. Въ одномъ случаѣ имѣютъ преимущество одни изъ нихъ, въ другомъ другія, а въ третьемъ нѣкоторыя изъ нихъ и совсѣмъ не практикуются. Все это зависитъ отъ тѣхъ или другихъ экономическихъ и общественныхъ условій и обстоятельствъ. Но если всѣ такія правила свести въ одну цѣльную систему, тогда обычай свободной заимки окажется подчиненнымъ слѣдующимъ общимъ условіямъ:

1) Выборъ мѣста заимки предоставляется личному усмотрѣнію общинника, безъ всякаго вмѣшательства въ это общины.

2) Разъ занято съ этою цѣлію однимъ общинникомъ мѣсто не имѣетъ права занять другой.

3) Реальными признаками занятаго мѣста служатъ известныя затраты труда въ формѣ сдѣланныхъ заимщикомъ вѣтокъ или хозяйственныхъ приспособленій.

4) Пользованіе заимками или расчистками можетъ быть только временнымъ и личнымъ.

5) Сроки пользованія заимками назначаются общиной, а самая ихъ величина обуславливается степенью общественной нужды въ занимаемыхъ земляхъ.

6) Въ теченіе выговоренныхъ сроковъ заимщикъ не несетъ никакихъ податей и повинностей за пользованіе расчищенными имъ землями.

7) По окончаніи срока пользованія, расчищенные заимки переходятъ въ разрядъ передѣляемыхъ периодически общиной угодій.

8) Въ большинствѣ случаевъ отъ заимщика требуется, чтобы онъ передалъ общинѣ расчищенные имъ земли въ болѣе или менѣе культивированномъ видѣ.

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ восьми пунктовъ, мы отмѣтимъ только общій характеръ ихъ. Легко замѣтить, что всѣ перечисленныя выше правила направлены къ

достиженію двоякаго рода интересовъ—интересовъ самого предпринимателя и интересовъ цѣлой общины. Обычай старается дать самый широкій просторъ личному труду и предприимчивости и вмѣстѣ съ тѣмъ строго блюдетъ и общественные интересы. Въ самомъ дѣлѣ, въ силу вышеприведенныхъ правилъ, общинникъ предприниматель не только вполне застрахованъ отъ всякаго рода нарушеній его правъ по отношенію къ культивируемымъ имъ угодьямъ, но и гарантированъ даже отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ, неблагоприятныхъ давленій на его дѣло. Такъ, ему представляется полнѣйшая свобода въ выборѣ мѣста заимки, избранное имъ мѣсто считается неприкосновеннымъ, разъ онъ отиѣтилъ его хотя бы самыми ничтожными затратами труда и, главное, его трудъ и производительность пользуются самою широкою свободою и просторомъ, благодаря тому обстоятельству, что заимщикъ избавляется отъ всякихъ повинностей за пользованіе разрабатываемымъ имъ клочкомъ земли. Обстоятельство въ высшей степени важное и характерное. Оно всецѣло направлено на то, чтобы способствовать превращенію пустопорожнихъ и непроизводительныхъ пространствъ, которыми такъ богата Вологодская губернія, въ земли обработанныя и производительныя. Такимъ образомъ, община, что называется, однимъ выстрѣломъ убиваетъ двухъ зайцовъ. Она даетъ, во первыхъ, возможность тому или другому изъ своихъ сочленовъ увеличить свое личное благосостояніе и, во вторыхъ, расширяетъ, безъ всякихъ общественныхъ затратъ, предѣлы культивируемыхъ и годныхъ для хозяйства земель.

Если бы современная крестьянская община руководилась при расчисткахъ своихъ пустопорожнихъ земель однимъ трудовымъ началомъ, тогда, разумѣется, она не достигла бы такого гармоническаго сочетанія частныхъ интересовъ съ интересами общественными, какого она достигаетъ на самомъ дѣлѣ при помощи разсматриваемаго нами обычая. Расчищенные земли окончательно и безповоротно должны были бы оставаться въ рукахъ тѣхъ лицъ, которыя прилагали и прилагаютъ свой трудъ къ этимъ землямъ, и община была бы лишена при этомъ того вер-

ховнаго контроля, который ей принадлежит надъ известнаго рода дѣйствіями своихъ членовъ. Отсюда—назначеніе общинною сродовъ пользованія расчищенными землями, установленіе самаго характера пользованія и наложеніе обязательствъ на заищика относительно превращенія мѣстъ заижекъ въ болѣе или менѣе культивированный видъ. На чемъ же основываетъ свои дѣйствія въ этомъ отношеніи община? Чѣмъ она руководится, подчиняя такое начало, какъ трудовое, практикуемымъ ею правилами?

Не надо особенныхъ доказательствъ для того, чтобы показать, что крестьянская община руководится въ этомъ отношеніи самыми разумными основаніями. Все дѣло тутъ въ томъ, что тѣ выгоды, которыя заищикъ извлекаетъ изъ расчищенныхъ имъ пустопорожнихъ пространствъ, носятъ двойственное происхожденіе. Во первыхъ, онѣ, конечно, находятся въ самой тѣсной и неразрывной зависимости отъ производительности предпринимателя, а во вторыхъ, обуславливается тѣмъ положеніемъ, которое занимаетъ расчистка, «новина» или «чищеніе» по отношенію къ раньше культивированнымъ и колонизованнымъ мѣстамъ и пространствамъ. Выгоды перваго рода—слѣдствіе труда и энергіи труженика—предпринимателя, выгоды втораго рода—продуктъ общественныхъ условій. Первые выгоды существенно важны, вторыя естественно необходимы. Какъ безъ труда немнѣшма была бы расчистка пустопорожнихъ пространствъ и добыча съ нихъ производимыхъ ими продуктовъ, такъ и безъ общихъ общественныхъ условій невозможно было бы производство на расчищенныхъ земляхъ въ томъ видѣ, какой оно имѣетъ при этихъ условіяхъ. Достаточно представить себѣ положеніе одинокаго земледѣльца гдѣ-нибудь въ глуши въ Печорскомъ краѣ, вдали отъ мѣстъ поселеній, торговли, быта и проч., чтобы понять, какую силу имѣютъ тѣ или другія общественныя условія для земледѣльца. Однимъ словомъ, это тѣ условія, которыя собственно озадаетъ земледѣльческая рента, и несправедливо было бы расчищенные земли представлять въ распоряженіе отдѣльныхъ предпринимателей, безъ соблюденія при этомъ инте-

ресовъ общины, потому что выгоды ренты — выгоды общественнаго характера.

И такъ, тѣ ограниченія, которыя ввела собственно община въ обычай свободной заимки, обусловливаются исключительно интересами общины. Тотъ или другой, расчищенный заимщикомъ клочекъ земли, даетъ ему, если не сразу, то впоследствии несравненно больше того, чѣмъ сколько онъ затрачиваетъ на расчистку въ формѣ труда и капитала. Удобства мѣстности, близость ея къ населеннымъ и торговымъ пунктамъ, степень нужды въ нерасчищенныхъ земляхъ въ зависимости отъ увеличения народонаселенія и расширения потребностей массы и проч. и проч. — все это вводитъ въ обычай свободной заимки такія условія и осложненія, непринятіе въ расчетъ которыхъ нарушило бы существенные интересы общины. Вотъ почему община прибѣгаетъ къ назначенію сроковъ пользованія общинными расчистками и наложенію на заимщиковъ обязательствъ по отношенію къ степени культивировки занятыхъ ими мѣсть. Этими же интересами опредѣляется и самая продолжительность сроковъ пользованія. Чѣмъ больше обыкновенно имѣютъ цѣнности пустопорожня нерасчищенные пространства, чѣмъ сильнѣе нужда, ощущаемая общиною въ земляхъ этого рода, тѣмъ короче бывають сроки пользованія, и наоборотъ. Устанавливая тѣ или другіе сроки пользованія община такимъ образомъ миритъ интересы предпринимателя съ интересами общественными. Съ одной стороны, она заботится о томъ, чтобы въ теченіе положеннаго срока заимщикъ успѣлъ возратить не только затраченный имъ на расчистку трудъ и капиталъ, но и получить извѣстный приростъ на эти затраты; а съ другой, она задается цѣлю поставить дѣло такъ, чтобы послѣ возвращенія заимщикомъ этихъ затратъ и выгодъ, онъ не касался тѣхъ выгодъ, которыя составляютъ уже общественное достояніе.

Таковъ-то въ общихъ чертахъ обычай свободной заимки земель въ Вологодской губерніи. Мы не станемъ подтверждать здѣсь фактическими указаніями отмѣченныя выше черты и особенности этого обычая. Для насъ важно было отмѣтить только

тѣ рамки, въ предѣлахъ которыхъ онъ дѣйствовалъ раньше и дѣйствуетъ теперь, чтобы установить извѣстную точку зрѣнія въ этомъ отношеніи и подготовить такимъ образомъ путь къ лучшему уясненію другихъ явленій общественной жизни Вологодскаго крестьянина, которыхъ мы коснемся уже въ другой разъ.

Ф. Щ.

СТАРИНА Г. ВОЛОГДЫ.

**Чинъ пещнаго дѣйствія въ Вологодскомъ Софійскомъ Соборѣ,
совершавшійся въ первой половинѣ 17-го столѣтія.**

Сценическія представленія въ Россіи впервые начались въ XVII столѣтіи, въ средѣ кievскихъ ученыхъ, которые сочиняли піесы религіознаго содержанія, разыгрываемыя кievскими студентами. Образцомъ для нихъ служили западныя мистеріи. Однако и до этого времени въ нашемъ церковномъ быту существовали три «дѣйства»: а) Чинъ пещнаго дѣйствія, б) Шествіе на ослати и в) Дѣйство Страшнаго Суда, представлявшія собою пьесы въ родѣ духовной драмы и напоминавшія западную мистерію въ періодъ ея первоначальнаго церковнаго развитія.

Западныя мистеріи возникли и первоначальное свое развитіе получили подъ покровительствомъ католической церкви, допускающей, какъ извѣстно, въ богослуженіи много церемоній, полныхъ пышности, блеска и драматической обстановки. Желая представить Евангельскій разсказъ и событія въ богѣ выдающихся и для всѣхъ понятныхъ формахъ и тѣмъ сильнѣе подѣйствовать на воображеніе неграмотной массы, а по возможности яснѣе и нагляднѣе истолковать ей великое значеніе важнѣйшихъ христіанскихъ догматовъ, католическое духовенство, въ наиболѣе торжественные дни важнѣйшихъ христіанскихъ празднествъ, выбирало

соотвѣтствующія празднеству мѣста св. писанія для прочтенія ихъ въ церкви. Эти выбранныя мѣста св. писанія распредѣлялись между духовными лицами, каковыми и читались съ соотвѣтствующими интонаціями голоса. Въ началѣ католическое духовенство удовлетворялось и этимъ простымъ чтеніемъ выбранныхъ мѣстъ св. писанія; впоследствии же было обращено вниманіе и на обстановку: лица назначаемыя для чтенія, облакались въ соотвѣтствующіе своимъ ролямъ костюмы, мѣсто же дѣйствія окружалось почти сценической обстановкой. Такъ на примѣръ, для представленія Рождества Спасителя въ одномъ изъ прицѣловъ церкви ставили ясли и около ясель изображеніе осла и вола, а полъ около нихъ устилали соломой: Ангелъ, являвшійся къ пастырямъ возвѣщать о рожденіи Спасителя, спускался для этого сверху по веревкѣ.

Вышеоименованныя нами три „дѣйства“, совершавшіяся у насъ на Руси и имѣли сходство съ мистеріей именно въ этомъ періодѣ ея развитія, когда она являлась только переходомъ отъ церковныхъ процессій къ наглядному, въ лицахъ представленному поясненію событій св. писанія.

Какъ извѣстно дѣйство „*Шествія на осли*“ происходило начиная съ конца XVI столѣтія, въ Москвѣ и по городамъ, обыкновенно въ вербное воскресенье. Оно служило воспоминаніемъ торжественнаго входа Спасителя въ Іерусалимъ и совершалось въ Москвѣ—патріархомъ, въ присутствіи самаго царя; въ другихъ же городахъ—архіереями, въ присутствіи воеводъ. „*Дѣйство Страшнаго Суда*“ совершалось обыкновенно въ воскресенье предъ масляной. На площади, за алтаремъ московскаго Успенскаго собора, устраивались два мѣста: одно для патріарха, другое же для государя. Подмостки предъ патріаршимъ мѣстомъ обивались краснымъ сукномъ и на нихъ ставился образъ страшнаго суда. На мѣста свои царь и патріархъ шествовали изъ собора съ крестнымъ ходомъ и при звонѣ во всѣ колокола. Здѣсь пѣлись стихиры, освятилась вода и читалось на четыре стороны Евангеліе, по окончаніи чего патріархъ отиралъ губкою образъ страшнаго суда и другія иконы, освящалъ крестомъ и крошилъ святою

водою царя, власти духовныя, свѣтекля и всѣхъ присутствовавшихъ при совершеніи обряда.

Древѣйшимъ же изъ „дѣйствъ“ является „*Чинъ пещнаго дѣйствія*.“ Причина возникновенія пещнаго дѣйствія, по всей вѣроятности, одна и та же, что и причина появленія на свѣтъ западныхъ мисторій—стремленіе какъ можно сильнѣе поддѣйствовать на воображеніе массы и, вслѣдствіе того, представить событіе такъ, чтобы оно было для всѣхъ безъ исключенія понятно. Время появленія пещнаго дѣйствія у насъ на Руси неизвѣстно; извѣстно только, что оно совершалось уже въ то время, когда ни духовныя драмы, ни вообще какія бы то ни было сценическія представленія не были вовсе извѣстны и что самое древнѣйшее извѣстіе о совершеніи его восходитъ къ первой половинѣ XVI столѣтія. Въ расходныхъ книгахъ новгородскаго софійскаго архіепископа дома упоминается о немъ подъ 1548 годовъ. Изображалось въ пещномъ дѣйствіи совершившееся въ Вавилонѣ вверженіе трехъ еврейскихъ отрочковъ—Ананіи, Азарія и Мисаила за непоклоненіе вавилонскому кумиру въ „горящую пещь“ и чудесное избавленіе ихъ ангеломъ отъ пламени.

До 1859 года извѣстны были только два мѣста, въ которыхъ чинъ этотъ былъ совершаемъ—Новгородъ и Москва; въ 1859 же году профессоръ Вологодской Духовной Семинаріи Н. И. Суворовъ открылъ, что пещное дѣйствіе было совершаемо и въ Вологдѣ. Приходорасходныя книги вологодскаго архіерейскаго дома, изъ которыхъ было узнано о совершеніи пещнаго дѣйствія у насъ въ Вологдѣ, указываютъ на слѣдующіе 14 годовъ первой половины XVII столѣтія, въ которые было совершеніе этого чина: 1618, 1619, 1626, 1627, 1628, 1631, 1633, 1636, 1637, 1638, 1639, 1640, 1642 и 1643. Въ нѣкоторыхъ годахъ этой половины столѣтія чинъ пещнаго дѣйствія не упомянутъ, слѣдовательно, какъ заключаетъ г. Суворовъ, не былъ и совершаемъ, потому что архіепископы находились въ то время (т. е. въ декабрь мѣсяцъ) въ отсутствіи изъ Вологды въ—Москвѣ. Въ приходорасходныхъ книгахъ второй половины XVII столѣтія нѣтъ уже никакихъ указаній на совершеніе пещнаго дѣйствія въ это время,

печему и можно заключить, что чинъ печнаго дѣйствія въ Вологдѣ былъ совершаемъ только до второй половинѣ XVII столѣтія.

Совершенство печнаго дѣйствія происходило предъ праздникомъ Рождества Христова, въ недѣлю св. отецъ или праотець. Когда Рождество Христово случалось въ понедѣльникъ или вторникъ, тогда печное дѣйствіе совершаемо было въ недѣлю св. праотець, когда же Рождество Христово случалось въ пречіе пять дней, то печное дѣйствіе совершалось въ недѣлю св. отецъ. Начиналось печное дѣйствіе наканунѣ упомянутой недѣли, въ субботу, въ навечеріи и оканчивалось на другой день, въ воскресенье. Изъ оставшихся свѣдѣній о печномъ дѣйствіи можно заключить, что приготовленіе къ нему составляло не мало заботливости для тогдашняго соборнаго клира, а потому и совершенство этой мѣстной церковной мистеріи въ Вологдѣ по всей вѣроятности, было встрѣчаемо городскимъ населеніемъ съ большимъ интересомъ. Приготовленія къ совершенію этого дѣйствія производились заблаговременно. Избирались (изъ пѣвчихъ архіерейскихъ) три отрока, представлявшіе собою святыхъ отроковъ Ананію, Азарію и Мисаила и къ нимъ приставлялся учитель; избирались еще двое на мѣсто халдеевъ, неполнителей повелѣній мучителя. Въ среду предъ Рождествомъ Христовымъ, послѣ заутрени, „пономари и звоици“ разбирали большое паникадило; въ субботу послѣ заутрени убирались нѣкоторые образы и свѣчи, послѣ обѣдни—сдвигался съ мѣста амвонъ и на его мѣстѣ поставлялась «пещь». Для освѣщенія печи привѣдывались къ ней желѣзные подсвѣчники (шанданцы) и въ нихъ вставлялись свѣчи разной величины. Изъ приходорасходныхъ книгъ вологодскаго архіерейскаго дома узнано, что у насъ въ Вологдѣ свѣчь для „пещи“ и для дѣйствующихъ лицъ заготовлялось болѣе нуда. Малыхъ подсвѣчниковъ для печи приготовлялось до 128.

Въ субботу, во время благовѣста къ вечерни, отроки и халдеи облачались въ соответствующія ихъ ролямъ костюмы. Отроковъ одѣвали въ стихари, шитые изъ тонкаго, вѣроятно, бѣлаго полотна, съ оплечьями и перерукавьями изъ цвѣтной бархатѣи, съ источниками изъ крашенины и таковыми же подпущками. Халдейское платье называлось *юнами* или *юнками*; оно было шито

изъ краснаго сукна съ оплечьями изъ выбойки. *Шанси* отроковъ и халдеевъ дѣлались изъ кожи, опушались зайчиными и горностаежь, раскрашивались и золотились; отроческія шапки назывались еще вѣицами и имѣли на себѣ мѣдныя литыя кресты. Передъ вечерней, въ субботу, всѣ должествовавшіе отправлять богослуженіе въ соборѣ, также и отроки и халдеи, приходили въ домъ святителя для принятія отъ него благословенія. При этомъ халдеи, сопутствуя отрокамъ, шли одинъ впереди ихъ, другой же сзади; отроки шли имѣя „руцѣ прости“, халдеи же „держаше трубки съ плавучею травою, и свѣчи возженны и пальмы въ рукахъ своихъ“. (*) Входя въ келью къ святителю первый халдей говорилъ „Владыко благослови“, другой же халдей— „и помолися“. Отроки, войдя въ келью, трижды поклонялись образамъ и потомъ святителю „въ поясѣ“. Святитель, сказавъ „Достойно есть“ и „отпускъ“ по обычаю, благословлялъ приходившихъ, кромѣ отроковъ: послѣ чего учитель отроческій возжигалъ свѣчи отроческія и приносилъ ихъ по одной къ святителю, который, въ свою очередь, благословлялъ рукою отроковъ и давалъ имъ по свѣчѣ. Послѣ этого учитель отроковъ говорилъ „Хвалите отроцы Господа, хвалите имя Господне“, святитель же— „Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка“.

Вслѣдъ за этимъ и начиналось церемоніальное вступленіе Святителя въ соборъ для слушанія вечерни. Отроки въ это время пѣли «Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ». Шли они имѣя одного халдея съ правыя стороны, другаго съ лѣвыя; впереди же ихъ шли сначала поддьяки безъ свѣчъ, по три въ рядъ и затѣмъ поддьякъ съ лампадою, да два со свѣчами „большими“. Входя въ церковь, одинъ изъ халдеевъ говорилъ „Владыко благослови“; другой же— „и помолися“. Отроки уже «шедъ въ соборную

(*) Пальмы, желѣзныя трубки и трава плаунъ были необходимыми принадлежностями обряда. Пальмы, какъ заключаетъ Н. И. Суворовъ, вѣроятно вырѣзывались изъ дерева, красились и золотились; трубки, которыхъ числомъ приготавливалось до 10, предназначались для исполненія травою плауновъ

церковь», пѣли просвященному „Исполати“ и вставали противъ святительскаго мѣста, лицомъ къ святителю; халдеи вставали по обѣ стороны отроковъ и подьякъ съ лампадою; два же подьяка съ свѣчами вставали „отъ печи съ правыя страны, лицомъ же ко святителю“. Святитель творилъ приходные поклоны „и достѣйно есть по обычаю“. Поелъ поклоновъ онъ осѣнилъ нѣ правую и лѣвую сторону рукою, и отроки, пропѣвъ входную, виѣстѣ съ подьяками поклонялись святителю и отходили въ алтарь чрезъ сѣверныя двери. Халдеи до самаго алтаря сопутствовали имъ, иди одинъ впереди отроковъ, другой же сзади. Предъ алтаремъ халдеи оставались и затѣмъ служба шла обычнымъ порядкомъ. Когда же наступало время малаго выхода, впереди шелъ халдей со свѣчею халдейскою, за нимъ отроки со свѣчами и другой халдей, за нимъ же шелъ подьякъ со свѣчею, „по немъ діакони градскіе; отъ соборовъ десятскіе, и протопоны и священники соборные, и градскіе отъ собора старосты.“ Затѣмъ отроки вставали противъ святительскаго мѣста, халдеи по обѣ стороны ихъ, подьякъ со свѣчею у царскихъ вратъ и творили поклонъ святителю. Когда весь соборъ проходилъ въ алтарь, отроки и халдеи отходили къ алтарю; подьяки-жь „меньшая станица“, стоя за печью посреди церкви, пѣли „Свѣте тихій, святія славы“... По пропѣтіи этого стиха, возгласитъ протодіаконъ: „вонемъ“, Іерей „миръ всѣмъ“, протодіаконъ:— «премудрость вонемъ», подьякъ глаголетъ: „и духови твоему—псаломъ Давидовъ; и кличетъ прокмиенъ: „Господь воцарися“. И пѣвчіе діаки поютъ, большая станица, за печью посреди церкви, прокмиенъ „Господь воцарися“. И по пропѣтіи прокмина идутъ въ алтарь подьяки; и прочее вечернее пѣніе все по обычаю“. По окончаніи службы отроки съ халдеями и подьяки провожали святителя въ келью также какъ и ранѣе, къ слушанію вечерни въ соборъ. Отроки въ это время пѣли стихъ „и на градъ святей“ съ припѣвомъ. Входя въ келью первый изъ халдеевъ говорилъ: „Владыко благослови“, другой— „и помолися“, отроки же пѣли входъ по обычаю; подьяки съ лампадою и со свѣчами вставали по лѣвую сторону отроковъ. По пропѣтіи входа отроки и подьяки кланялись святителю и отходили „во своя“.

На другой день передъ заутренней совершалась та же церемонія, что и наканунѣ передъ вечерней, т. е. всѣ должностовавшіе отправлять богослуженіе приходили къ Святителю для принятія отъ него благословенія и затѣмъ устраивалось такое же церемониальное вступленіе Святителя въ соборъ; отроки въ это время пѣли: „И яко жъ зановѣда намъ, да благо намъ будетъ“.

До седьмой пѣсни канона утреня отправлялась обыкновеннымъ порядкомъ; съ седьмой же пѣсни и начиналось собственно пещное дѣйствіе. Во время пѣнія стиха „Тричисленные отроки состави св. Троица“, учитель отроческій испрашивалъ у Святителя благословеніе начинать, говоря „Благослови, Владико, отроковъ на уреченное мѣсто предпоставити“; Святитель же, благословивъ его рукою по головѣ, произносилъ „Благословенъ Богъ нашъ, маволивый тако“. Вслѣдъ за этимъ учитель отходилъ въ алтарь и полотенцемъ (убрусомъ) связывалъ отроковъ „по выязъ ихъ“. Затѣмъ, „пріемъ вѣсть отъ Святителя“, передавалъ отроковъ халдеямъ, которые и изводили ихъ изъ алтаря, „держа койждо свой конецъ убруса“, и потому идя одинъ впереди отроковъ, другой же сзади ихъ. Поставивъ отроковъ посреди церкви бливъ менци, и указывая на нсе, первый халдей говорилъ имъ: „Дѣти царевы!“, другой же поддвигалъ „царевы“.

Затѣмъ первый халдей говорилъ: „Видите ли сію печь, огнемъ горящу и вельми раснаалею“?

Второй халдей:— „А сія печь уготована намъ на мученіе“.

На это Анавія отвѣчалъ: „Видимъ мы печь сію, но не ужасаемся ея, есть бо Богъ нашъ на небеси, ему же мы служимъ, той смленъ мзати насъ отъ печи сея“.

Послѣ этого Азарія прибавлялъ „И отъ рукъ вашихъ избавить насъ“; Мисаилъ же, въ свою очередь, дополнял, сказанное первыми двумя отроками, словами: „А сія печь будетъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе“.

Вслѣдъ за этимъ халдеи поставляли отроковъ предъ святительскимъ мѣстомъ, гдѣ они, поклонившись Святителю, пѣли стихъ „И петциса на помощь нашу, яко можемъи хотай“. Во время пѣнія этого стиха протодіаконъ въ алтарѣ замигалъ свѣчи отро-

чествія, и когда отроки допѣвали послѣднія слова, выходилъ съ ними изъ олтаря и вставалъ къ свѣтительскому мѣсту „отъ печи“. Когда же пѣніе стиха совершенно оканчивалось и отроки снова поклонились Святителю, учитель развязывалъ ихъ, послѣ чего отроки по очередно подходили къ Святителю, принимали отъ него благословеніе и принесенныя протодіакономъ свѣчи и возвращались на мѣсто, на которое были поставлены халдеи, послѣ того какъ были выведены изъ олтаря. Святитель, на этотъ разъ, для благословенія отроковъ, пешного сходилъ съ своего мѣста къ дверямъ. Ставъ посреди церкви, близъ печи, отроки снова кланялись Святителю всѣ вмѣстѣ. Халдеи въ это время между собой разговаривали.

Первый говорилъ: „Товарищъ!“

Другой: „Чего?“

— „Это дѣти царевы?“

„Царевы“.

— „Нашего царя повелѣнія не слушаютъ?“

„Не слушаютъ“.

— „А златому тѣлу не поклоняются?“

„Не поклоняются“.

— „И вы вконецъ ихъ въ печь“.

И „начнемъ ихъ жечь“.

Послѣ этого учитель даетъ халдеямъ отроковъ вести въ печь по одному; и взявъ первый халдей Ананію подъ правую руку, другой же халдей подъ лѣвую, вводили его въ печь „честно и тихо“. Ананія вставалъ въ печи съ правой стороны отъ свѣтительскаго мѣста. Послѣ этого второй халдей, обращаясь къ Азарію, говорилъ: „А ты, Азарія, чего сталъ, и тебѣ у насъ тоже будетъ“. И бралъ второй халдей Азарію подъ правую руку, первый же подъ лѣвую и вводили его въ печь. Азарія вставалъ рядомъ съ Ананіей. Затѣмъ вводился Мисаилъ и затворялись халдеями пешныя двери. Подъ печь входилъ чередной звоонецъ, поставлялъ тамъ горизъ съ горящимъ угольемъ и раздувалъ его. Послѣ этого протодіаконъ велегласно восклицалъ: „Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ, хвалено и прославлено имя твое во вѣки“. Отроки пѣли въ печи стихъ этотъ весь до конца; халдеи же

въ это время брали желѣзныя трубки съ плаунъ травою (*) и зажженныя свѣчи и ходили около печи „орошающе печь, и угрожаютъ, кто подъ печью раздвигаетъ горни; а промежь себе ширяются пальцами, и мечутъ травою на печь и подъ печь“. Служеніе въ это время шло своимъ порядкомъ. Когда протодіаконъ восклицалъ послѣднюю статью седьмой пѣсни: „И распалишеса пламень надъ печью“, халдеи „зѣло“ палили „около печи“ и отроки пѣли стихъ: „Яже обрѣте о печи халдейстей“. Послѣ этого изъ олтаря выходилъ ключарь, чтобъ благословиться спускаться въ печь Ангела Господня (**); Святитель же благословлялъ его рукою и ключарь обратно отходилъ въ олтарь. Тогда діаконъ, „иже искусни суть палити халдеевъ“ (***), принимали отъ нихъ трубки съ плаунъ травою и съ огнемъ. Затѣмъ, когда протодіаконъ восклицалъ: „Ангель же Господень сниде купно со Азарьиномъ чадію въ печь, и отыгъ пламень огненный отъ печи, и сотвори

(*) Трава эта (*Licorodium*) употреблялась вслѣдствіе того, что имѣетъ свойство сильно воспламеняться; будучи растерта въ порошокъ, она воспламеняется подобно сероку, почему при этомъ церковномъ обрядѣ она и употреблялась въ видѣ порошка. Изъ приходо-расходныхъ книгъ вологодскаго архіерейскаго дома узнаю, что при совершеніи чина печнаго дѣйствія у насъ въ Вологдѣ трава этой употреблялась до полпуда и болѣе.

(**) Изображеніе Ангела, которое спускали въ печь, называлось изъ двухъ кожь, которыя потомъ склеивались и на нихъ съ обѣ стороны писался ликъ Ангела. (Описаніе Вологодск. Каедр. Софійск. Собора 137 стр.)

(***) Необходимо замѣтить, что чинъ этотъ не всегда оканчивался благополучно для совершающихъ; нѣкоторые изъ нихъ во время его совершенія получали раны и увѣчья. По справедливому замѣчанію Н. И. Суворова увѣчья и раны могли происходить во время схождения Ангела въ печь, когда халдеи должны были падать ницъ и когда діаконъ опаливал ихъ вмѣсто ангельскаго паленія. Поэтому и являлась необходимость выбирать для совершенія этого дѣйствія діаконовъ „иже искусни суть палити халдеевъ.“

посредѣ пещи яко духъ хладенъ и шумящъ“, съ громомъ спускался сверху къ отрокамъ ангель Господень, отъ чего халдеи падали ницъ и были ослеплены діаконами. Черезъ нѣсколько времени, вставъ, халдеи снимали съ себя колпаки (турбаны) свои, палагали ихъ на пальмы и первый халдей говорилъ: „Товарищъ!“

Второй отвѣчалъ: „Чего?“

„Первый халдей: » Видиши ли?“

„Второй: — Вижу.“

Первый: „Было три, а стало четыре; а четвертый грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобися Сыну Божию“.

Второй: — „Какъ онъ прилетѣлъ, да и насъ побѣдилъ.“

Тотчасъ послѣ этого поддьяки подавали халдеямъ по большой выносной свѣчи, принявъ которыя, халдеи стояли съ пониженими головами „и унывъ“. Отроки въ это время, воззрѣвъ вверхъ на Ангела Господня, знаменовались крестнымъ знаменіемъ трижды и столько же разъ ему поклонялись и, придерживаясь его, Ананія за правое крыло, Азарія за правую ногу, Мисаилъ за лѣвое крыло, обходили съ нимъ пещь кругомъ три раза. Дѣйствіе это, въ сообразность пѣнія стиховъ повторялось, и Ангель то повышался нѣсколько надъ пещію, то опускался въ оную. Когда протодіаконъ восклицалъ: „Благословите тріе отроци“, Ангель Господень сходилъ въ пещь „съ громомъ и трусомъ великимъ“, халдеи же отъ страха того падали на колѣни. Во время пѣнія отроками стиха: „Тричисленни отроци“, Ангель поднимался изъ пещи вверхъ; послѣ чего первый халдей, сотворивъ три поклона предъ образомъ и поклонъ предъ Святителемъ, говорилъ: „Владыко благослови Ананію кличати.“ Святитель осѣнялъ его рукою, послѣ чего первый халдей подоиди къ пещи и отворивъ пещныя двери кликалъ громогласно: „Ананія, гряди вонъ изъ пещи!“; второй же халдей говорилъ: „Чего сталь? поворачивайся! Нейметъ васъ ни огонь, ни солона, ни смола, ни сѣра“.

Первый халдей: «Мы чаяли васъ сожгли, а мы сами сгорѣли».

Послѣ этого Ананія выходилъ изъ пещи и брали его хал-

деи подъ руки, и вели предъ святительское мѣсто, и говорилъ первый халдей: „Гради царевъ снѣгъ!“

Точно такимъ же образомъ второй халдей кликалъ Азарію; и сказавъ ему все, что было ранѣе сказано къ Ананіи, халдеи отводили его къ святительскому мѣсту; затѣмъ первыи халдеецъ кликался Мисаилъ и выводился изъ печи съ такою же церемоніей, какъ и первые два отрока. Ставъ предъ Святителемъ отроки поклонялись ему и пѣли „исполати“. Халдеи надѣвали колпаки свои, принимали трубки съ плауиъ травою и съ огнемъ и стояли по обѣ стороны отроковъ. Отроки, пропѣвъ «исполати», по одному подходили къ Святителю для принятія отъ него благословенія, послѣ чего и отходили въ олтарь; халдеи въ это время, сопутствуя имъ, шли одинъ впереди отроковъ, другой же сзади. По окончаніи этого возгласилось многолѣтіе царю и всему царствующему дому, и утренняя продолжалась обыкновеннымъ порядкомъ до великаго славословія. Когда же начиналось пѣніе послѣднихъ словъ великаго славословія: «Господи прибѣжище бысть намъ....», на выходѣ исходили изъ олтаря два халдея съ выносными свѣчами, затѣмъ со свѣчами же отроки, далѣе протодіаконъ съ Евангеліемъ и протопопъ и наконецъ священники. Придя предъ святительское мѣсто, отроки и халдеи поклонялись Святителю и стояли тутъ, покуда не кончатъ пѣнія славословія. По окончаніи же славословія Ананія, Азарія, протодіаконъ съ Евангеліемъ, протопопъ и наконецъ Мисаилъ входили въ печь. Протодіаконъ, положивъ Евангеліе на налоиъ исходилъ изъ печи; отроки же вставляли виѣстѣ у налоиъ противъ протопопа и Евангеліе читалось въ печи. Халдеи въ это время стояли по обѣ стороны печи, снявъ колпаки свои. По прочтеніи Евангелія, находившіеся въ печи, принявъ отъ Святителя благословеніе, отходили въ олтарь.

По окончаніи утрени отроки, провожая Святителя въ келью, пѣли: «Студъ и поношеніе быхомъ рабомъ твоимъ чтущимъ тя».

Въ этотъ же день отроки и халдеи, въ своихъ одеждахъ, виѣстѣ съ служащими, сопровождали Святителя къ литургіи и вечернѣ въ соборъ, и изъ собора въ домъ, чѣмъ дѣйствіе и оканчивалось.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ сказать о томъ впечатлѣніи, какое производило на публику совершеніе этого обряда. Такъ напримѣръ, по отношенію къ населенію Москвы, слѣдуетъ замѣтить, что не смотря на всю безыскусственность сценической постановки этой исторіи, не смотря на то, что изъ года въ годъ чинъ этотъ повторялся безъ малѣйшихъ измѣненій, царь и царица ежегодно присутствовали при совершеніи его и находили въ немъ особый интересъ; Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1588—89 годахъ и разсказывая о „нощномъ дѣйствѣ“, между прочимъ, упоминаетъ о томъ, какъ Ангелъ слетаетъ съ церковной крыши въ нещъ къ тремъ отрокамъ, „къ величайшему удивленію зрителей“.

При составленіи этой статьи главными матеріалами служили: 1) Описаніе Вологодскаго Каедральнаго Софійскаго Собора Н. И. Суворова и 2) Россійская Вивлюэнка—Новикова, часть V.

В. III.

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ И ПРАЗДНЕСТВА

КРЕСТЬЯНСКАГО НАСЕЛЕНИЯ ТОТЕМСКАГО УЪЗДА.

(Этнографическій очеркъ.)

Браки въ средѣ нашихъ крестьянъ производятся большею частію по расчету; это уже видно изъ одного того, что браки между крестьянами всегда заключаются при непосредственномъ усмотрѣніи и выборѣ родителей или родственниковъ и рѣдко по волѣ жениха или невѣсты. Наибольшая оцѣнка достоинства падаетъ на сторону невѣсты, а не жениха, во первыхъ потому, что женское населеніе, особенно въ сельскихъ мѣстахъ, является преобладающимъ, во вторыхъ потому, что желаніе вступить въ бракъ, при приведеніи его въ дѣйствіе, всегда и вездѣ падаетъ на долю жениха, и въ 3-хъ потому, что въ средѣ крестьянъ на мужчину смотрять только какъ на работника и другихъ качествъ отъ него не требуютъ: будь хоть того порочнѣе молодой парень, онъ всегда будетъ считаться стоящимъ женихомъ, лишь бы только удовлетворялъ первому условію; не приглядность наружности всегда устраняется пословицею: „красота приглядится, а умъ пригодится“; порочныя же качества, какъ-то—пьянство, буйный характеръ, мотовство, развратъ и т. п. устраняются другой поговоркой: „женится—перемѣнится“. Молодое поколѣніе вступаетъ въ бракъ въ

очень раннею возрастъ, рѣдко достигая 25 лѣтъ. Благосостояніе всякой крестьянской семьи обусловливается числомъ рабочихъ рукъ. а потому едва въ какой нибудь семьѣ приходитъ въ совершеннѣе молодой парень, какъ его скорѣе стараются женить для пріобрѣтенія даровой прахи и жницы.

При выборѣ невѣсты главное вниманіе обращается не столько на ея нравственныя качества, сколько на ея красоту и тѣлосложеніе. причеиъ идеаломъ мѣстнаго совершенства считается высокій ростъ, полнота, а главное физическая сила и ловкость при выполнении различныхъ женскихъ крестьянскихъ работъ. Денежное приданое отъ невѣсты никогда не спрашивается, такъ какъ деньги держатся съ обѣихъ сторонъ почти одинаково на различныхъ пиршества; по чѣмъ состоятельныѣ родители невѣсты и чѣмъ лучше женихъ, тѣмъ въ большемъ количествѣ спрашивается съ первыхъ домашняго скота, холста, а также различныхъ нарядовъ и украшеній собственно для невѣсты.

Вотъ заводится свадьба въ богатой семьѣ; женихъ только что вышелъ изъ призывнаго возраста и не семейному положенію остался свободнымъ отъ отбытія воинской повинности; давно уже идутъ между семейниками рѣчи, гдѣ, какъ и у кого подыскать будущую молодицу. Надо, чтобъ и домъ былъ хорошій, т. е. богатый, и скотина въ приданое заводская и по двору, и невѣста чтобъ доростовомъ и расторопностію не ударила въ грязь лицомъ. Наконецъ выборъ падаетъ, если не на свою деревню, то на ближайшее селеніе; запрягается пара лошадей, къ дугѣ привязываютъ два, а не то и три колокольца, и сватовъями отправляются отецъ жениха и какой нибудь ближній родственникъ съ отцовой стороны, непрахѣнно женатый.

По пріѣздѣ въ домъ предполагаемой невѣсты, сначала идутъ разговоры о какихъ нибудь пустякахъ; затѣмъ, когда гостей начнутъ подчивать, избранный родственникъ жениховъ, принявшій на себя роль свата, важно встаетъ съ лавки и, пріосанившись какъ слѣдуетъ, начинается говорить о дѣлѣ.

«А у насъ, хозяинъ-господинъ, есть до тебя маленькое дѣльце». Какое-же такое дѣльце?—спрашиваетъ хозяинъ.— «А

вотъ видишь-ли у тебя есть товаръ, а у насъ деньги.» — При этихъ словахъ свата, отецъ жениха вынимаетъ изъ за пазухи бумажникъ и кладетъ его на столъ. — «Какой же такой товаръ вамъ нуженъ господа честишь?» — спрашиваетъ вновь хозяинъ. «А чтобы торгъ шелъ для обѣихъ сторонъ любезнѣй, то нужно послать за подкой», отвѣчаетъ свать. Изъ этого разговора хозяинъ ясно видитъ, зачѣмъ пріѣхали къ нему гости и, если сватовство ему пріятно, онъ вполнѣ соглашается съ подобнымъ доводомъ свата; тогда отецъ жениха выдаетъ деньги, обыкновенно на четверть вина, если близко питейное заведеніе, въ противномъ-же случаѣ приносится это вино прямо изъ повозки гостей, заранѣе уже ими заготовленное на этотъ случай. Тотчасъ является на столъ приличная случаю хлѣбъ-соль, приходитъ вся семья хозяина, исключѣя невѣсты, а также созывается и вся близкая ей родня, и вотъ начинается такъ называемое „прониваніе невѣсты“. За выпивкой, хлѣбомъ и солью ведутся разговоры о взаимныхъ достоинствахъ жениха и невѣсты. Въ этотъ вечеръ обыкновенно еще ни слова не говорится о приданомъ невѣсты, а также и объ условіяхъ самой свадьбы, какъ-то—кто долженъ платить причту за бракъ, сколько и которая сторона должна сдѣлать свадебныхъ столовъ и т. п.; всѣ эти условія рѣшаются уже на другой, третій, а иногда и четвертый день; причемъ каждый разъ отецъ жениха и свать вновь привозятъ съ собою деньги или вино, и чѣмъ лучше и богаче невѣста, тѣмъ долѣе тянется это пропиваніе ея со стороны родственниковъ. Нерѣдко случается, что такимъ образомъ отецъ жениха издерживаетъ на вино до 15 и 20 рублей, а сватовство почему нибудь растранивается; въ такомъ случаѣ, если онъ первый откажется отъ невѣсты, то и деньги, и съ издержанныя, считаются пропавшими; если же сватовство растранивается родственниками невѣсты, то отецъ ея долженъ уплатить свату деньги за все вино, вышнее въ продолженіе этого времени.

Но вотъ условія всѣ кончены къ обоюдному согласію; на слѣдующій день назначается такъ называемое «образование», которое бываетъ всегда также въ домѣ невѣсты. Обрядъ этотъ состоитъ въ благословеніи жениха и невѣсты на петушеніе въ бракъ

ихъ родителей. Въ этотъ день женихъ съ невѣстой—главнѣйшія лица; сидятъ они рядомъ, въ переднемъ углу, подъ такъ называемою „божницею“. Постороннихъ гостей, кромѣ самыхъ близкихъ родственниковъ съ той и другой стороны, никто не бываетъ. Послѣ образованія, вмѣсто дѣвичника, въ селеніи, гдѣ живетъ невѣста, устраивается прощальная посидѣлка, на которой какъ освѣщеніе, такъ и пріемъ дѣвицъ—подругъ невѣсты производятся уже на счетъ жениха. Угощеніе состоитъ обыкновенно изъ кедровыхъ орѣховъ и большихъ, чуть не въ аршинъ длиною, листовыхъ, такъ называемыхъ смадебныхъ пряниковъ, которые рѣжутся на кусочки. На этой посидѣлкѣ, кромѣ дѣвицъ, молодыхъ парней да домовой хозяйки никого не бываетъ; и время проводится въ пѣніи пѣсень, шуточныхъ разговорахъ и различныхъ новинныхъ играхъ. Предъ окончаніемъ посидѣлки невѣста, какъ-бы любуясь своею красотою, заиѣваетъ пѣсню:

Что на стулѣ на ремешатомъ,
Противъ зеркала нѣмецкаго,
Тутъ сидѣла красна дѣвица
И чесала русы косыньки.
Что чесала, приговаривала,
„Завивайтесь русы кудри
Къ моему-то лицу бѣлому,
Ко моимъ щечкамъ румянымъ“.

Въ отвѣтъ на это подруги ея напоминаютъ ей, что она уже въ послѣдній разъ любитъ своей красотой:

Ты послушай-ка, подруженька,
Ты послушай-ка, голубушка!
Привыкать теперь подруженькѣ
Къ молодецкому ужъ разуму.

Тутъ невѣста встаетъ со своего мѣста и, нагая въ ноги передъ домовою хозяйкою, начинаетъ благодарить ее за послѣднее гостепріимство:

Спасибо-же, хозяйюшка,
Тебѣ на тихой бесѣдѣ;
Что закладывалась хозяйюшка,

За меня молодешеньку.

Затѣмъ, вставъ и обращаясь къ своимъ подружанъ, просить ихъ проводить се домой:

Проводите-ка, подруженьки,
Проводите-ка, голубушки,
Меня-то молодешеньку,
Меня зеленешеньку,
Со бесѣды смиренныя,
Въ достальныя, послѣдніе.

Со подружкамъ—голубушкамъ
Не бывать молодешенькой,
Не бывать зеленешенькой:
Ни въ бесѣдѣ смиреной,
Ни въ гуляньяхъ веселыхъ,
Не водить на нихъ красоты.

При окончаніи этой пѣсни всѣ расходятся съ посидѣнокъ; женихъ съ пріятелями—по домамъ, а подруги невѣсты провожаютъ ее въ домъ отца; она идетъ впереди всѣхъ, одна и на улицѣ снова продолжаетъ пѣть въ самый высокій тонъ:

Свѣти свѣтель мѣсяцъ
Во всю ночь темную,
Во всю ночь осеннюю,
Надъ моею свѣтлой свѣтлицей,
Надъ столовой, надъ горницей.
Надъ моею дѣввеей красотой,
Надъ моею красовитою,
Надъ моею любовитою!
Ужъ ты встрѣтъ меня, батюшка,
Ужъ ты встрѣтъ меня, матушка,
Со подружкамъ—голубушкамъ,
Со послѣдней бесѣдушки,
Со бесѣды смиренныя,
Въ достальныя—послѣдніе.

Не бывать ужъ мнѣ—молодѣ,
Не бывать ужъ мнѣ—зеленѣ,

Со подружкамъ — голубушкамъ
Во своей дѣвѣй красотѣ,
Во своей красовитой,
Во своей любовитой,
Во бесѣдѣ смиренной.
Отказали мнѣ, батюшка
И родимая матушка,
И подружки — голубушки
Отъ бесѣды смиренной.

Затѣмъ, придя въ домъ отца, невѣста вновь начинаетъ расхваливать свою красоту и прощаться съ нею; подруги же ея въ это время садятся за столъ и ихъ кормятъ ужиномъ; мотивъ пѣсни совершенно похоронный:

Ты красуйся, краса,
У родимаго батюшки
И родимыя матушки
Въ достальныя — послѣднѣ!
У соколиковъ, родныхъ братцевъ,
У сестричекъ — голубушекъ.
Во своей свѣтлой свѣтлицѣ
Во столовой, во горницѣ.
Запримѣть-же ты, батюшка,
Запримѣть-же ты, матушка,
Мою-то дѣвѣю красоту
Въ достальныя — послѣднѣ!
Погляди-ка ты, батюшка,
Погляди-ка ты, матушка,
На подружекъ — голубушекъ,
Какъ у подружекъ — голубушекъ
Русы-то косыньки плотно заплетены:
Что на каждой волосиночкѣ
По жемчужной бисериночкѣ,
А у меня-то молодешенькой
У меня-то зеленешенькой
Плотно не плетется.

У меня-то молоденькой,
У меня-то зелененькой,
На каждой волосиночкѣ,
На горючей слезиночкѣ.

Когда дѣвицы отуживаютъ, то провожаютъ невѣсту спать и расчесываютъ ей волосы; въ это время она поетъ:

Расцветите, подруженьки,
Вы мою дѣвою красоту
Вы мою красовитую
Въ достальные—последнѣе.
Не бывать-то мнѣ молодѣ,
Не бывать-то мнѣ зеленѣ,
Со подружкамъ—голубушкамъ
На веселыхъ гуляньицахъ.
Какъ о лѣтнихъ о праздничкахъ
Гуляли мы, молоды,
По травкѣ, по шелковой,
По цвѣточкамъ лазоревымъ,
Подъ нами травка не мялася,
И цвѣточки не ломались.
Надъ нами люди дивовались,
Надъ нами люди любовались.
„Чьи это идутъ дѣвицы?
Чьи это красавицы?
Не родимыя-ли сестрицы?
Не одной-ли мати дѣточки?“

Передъ самой свадьбой, за день или за два, устраниваются такъ называемыя „снотрини“. Въ этотъ вечеръ также собираются въ домъ невѣсты и собирается вся родня женихова; въ концѣ вечера, за ужиномъ, отецъ и мать невѣсты одариваютъ ихъ подарками. Дарить начинаютъ обыкновенно передъ послѣднимъ кушаньемъ съ отца женихова, причемъ каждый одаренный долженъ отдарить деньгами, обыкновенно отъ 3 до 10 копѣекъ. Дарими бываютъ—полотенца, ситцевые платки, концы холста или кестради и т. п. Лицу, которое хотятъ одарить, до выдачи подарка подаютъ на

подносъ рюмку водки, которую онъ обязанъ выпить до дна, а затѣмъ положить на подносъ отдарокъ и уже послѣ этого подаютъ ему на томъ же подносѣ дары; это повторяется передъ каждымъ обыкновенно начиная отъ главной редики въ болѣе второстепенной и такихъ даровъ иногда раздается рублей на 25 и болѣе.

Наканунѣ свадьбы невеста вмѣстѣ съ подружками отправляется въ баню, гдѣ ее моютъ всѣ подружки, а она, причесавъ со своею красотою, даритъ ее или сестрѣ, если она у ней есть въ числѣ подружекъ, или-же любимой подружкѣ.

Вы поможте, подруженьки,

Вы поможте, голубушки
Мои-то-ли дѣвью красоту
Мои-то-ли красовитую,
Во чистой-то парущѣ (банѣ),
Въ достальныя—последнія.
Какъ во чистой-то парущѣ
Три окошка косячатныхъ:
На первомъ-то окошечкѣ
Все мазила румянны,
На второмъ—то окошечкѣ
Все бѣлила бѣлыя,
А на третьемъ окошечкѣ
Моя дѣвья красота,
Тутъ ей не мѣсто, не мѣстечко,
Не мѣсто въковѣчное.
Возьму-ка я красоту
Со окошка косячатна,
Положу-ка я красоту
На березу кудлявую.
Что придуть-ли люди добрыя
Съ топорами со острими
Что срубить они красоту
Со березки кудлявныя.
Тутъ ей не мѣсто, не мѣстечко,
Не мѣсто въковѣчное.

Возьму-ка я красоту
Со березки кулашки,
Положу-ка я красоту
На травку шельбовую,
На цвѣточки лазоревы,
На кусточки ракитовы.
Что придуть-ли люди добрые
Со косами, со острями,
И скосятъ дѣвью красоту
Мою красовитую,
Туть ей не мѣсто, не мѣстечко
Не мѣсто вѣковѣчное.
Положу-ка я красоту
На сестрицу голубушку.
Туть ей и мѣсто и мѣстечко
И мѣсто вѣковѣчное!
Ты возьми-ка, сестрица,
Мою дѣвью красоту,
Мою красовитую,
Со окошка косящата.
Береги-же, сестрица
Мою дѣвью красоту.
Береги-же, не снашивай,
И носивъ не изнашивай.
Береги-же, сестрица,
Ты мою дѣвью красоту
Отъ дождика частаго,
Отъ солнышка яснаго!

При выходѣ изъ бани всѣ дѣвицы хоромъ поютъ:

Раскатысь-ка ты, камени,
До одинаго камушка,
Развались-ка та, банька,
До одинаго бревнышка.

Въ день свадьбы, передъ отирающей въ церковь, невѣстѣ
отъ жениха приносятъ: баньшани, чулки, большой: свадебный пря-

никъ и другіе гостинцы. Когда ес одѣвають къ вѣнцу, то она въ послѣдній разъ поетъ слѣдующую прощальную пѣсню:

Сяду-ко я молода

Въ куть, подѣ окошечко,
На кручинное мѣстечко
На дубовую лавочку.
Ничего мнѣ тутъ не выидѣтъ;
Ни въ кутѣ подѣ окошечкомъ,
Ни въ почетномъ углу на лавочкѣ,
Ни у батюшки, ни у матушки.
Лучше встану я молода,
Лучше встану я зелена,
На свои рѣзвы ноженьки
Во обновкѣ пригоженькой.
Вы идите рѣзвы ноженьки
Ко родинѣ — отцу, матушкѣ.
Живучи вы не подгибывались,
Живучи вы не подламывались.
Протянитесь рѣзвы ручки
Обнимите отца — матушку.
Живучи вы не согибывались,
Живучи вы не ломались.
Вы глядите ясны очи
Во слезахъ не мутитесь.
Не клонись-ко головонька,
Не ломись переводника.
Не тяжелѣ я прежняго
Не дурнѣе я стараго;
Развѣ тѣмъ тяжелѣе
Своиѣ горѣмъ и кручинѣ.
Ужъ мнѣ дайте увидѣти,
Ужъ мнѣ дайте усмотрѣти
Моего батюшку родимаго
Мою матушку сардечную.
Ну спасибо-жъ тебѣ, батюшка,

И спасибо великое —
На хлѣбъ, на соли,
На твоей добродѣтели.
Что твоя-то хлѣбъ-соль сладкая
Слаще меду медвянаго;
Добродѣтель — сердечная
Доброхота великаго.

Не жалѣлъ-же ты, батюшка,
Для меня молодешенькой
Ни платья-то цвѣтнаго,
Ни башмачковъ сафьянныхъ.
Ни чулочковъ бумажныхъ,
Ни поясы-то тканяго,
Ни колець, ни сорогъ,
Ни собольихъ жѣховъ!

Не сирому. теперь я у батюшки
Ни платья-то цвѣтнаго.
Только сирешу я у батюшки
Благословенье родительско,
Отъ сердца ретиваго.
Ко вѣнцу, ко златенному.

Если же нѣтъ сирота, то эти нѣси замѣняется такою:

Помню-ка я горькая,
Помню я злосчастная
Доброхота великаго
Во своей темной тѣницѣ,
Во столовой во горницѣ.
Не могу я увидѣти,
Не могу я усмотрѣти
Доброхота великаго.
Какъ почувлось, послышалось
У ошенихъ постукалось;
Ужъ какъ мнѣ показалось,
И родимаго батюшки
Голосочекъ послышался.

Что пойду-то я горькая,
Что пойду я злосчастная,
Уж я встрѣчу-же горькая,
Да родимаго батюшку,
Со широкой со улочки.
Нѣтъ и нѣтъ, не случается:
Отъ сухаго отъ дерева
Не живеть отрогательнице.
Что отъ мертваго тѣла
Не живеть благословеньице.
Что оставилъ мнѣ батюшка
Одно примѣтное мѣстечко
Да дубовую лавочку.

Когда невѣста одѣта, начинаютъ собираться въ церковь, при чемъ невѣсту благословляютъ родители сначала крестомъ, а потомъ хлѣбомъ и солью; къ вѣнцу отираются всею невѣстой, какъ женихова родня, такъ и невѣстина, а также и они сами, только въ разныхъ повозкахъ. Чѣмъ богаче брачущіеся, тѣмъ повоздъ болѣе — иногда до 10 повозокъ, запряженныхъ парами и тройками. Упряжь лошадей увѣшиваютъ колокольцами, бубенчиками, красными лоскутками и т. п.

Невѣста въ церкви стоитъ съ распущенными волосами и подъ покрываломъ, но на половникъ вѣнчанія, при нѣкихъ словахъ: „Слава Тебѣ Боже нашъ“ — покрывало съ нея снимаютъ. Какъ только брачущіеся обведутъ трижды вокругъ вала, волосы невѣсты тутъ-же заплетаютъ въ косы. По окончаніи вѣнчанія, мовообращеніе, а также и родственники обѣихъ сторонъ, не вѣдаются другъ съ другомъ до тѣхъ поръ, пока молодая не перекланяется въ ноги всей роднѣ своего мужа.

Первый пиръ послѣ брака производится въ домѣ жениха и распорядителемъ его, или, какъ говорится, тещинскимъ, бываетъ тотъ-же свать. На пиру молодые ѣдятъ одной ложкой и вилкой, и пьютъ изъ одного стакана; столъ продолжается часовъ 5 сряду, при чемъ все гости сидятъ на мѣстахъ, а кушанья и напитки разносятъ такъ называемые дружки — бывшіе приятели жениха.

Тысяцкаго и снахъ безпрестанно тревожать : приходящiе раздачу
нѣтъ крошнаго и, если который нибудь изъ нихъ скупонекъ, то
не обойдется безъ того, чтобы на счетъ ихъ не посмѣялись какой
нибудь пѣсенкой, напримѣръ:

Тысяцкiй, неумоя

Снатушко кучею,

Сунься въ лозанку

Умойся!

На тебѣ рогозку

Утриса!

На тебѣ лопату,

Поколнися!

Или:

Сваха, перяха

Не митяя рубаха,

Не калочная,

Не молочная!

Свахоньку

Надо выколотить,

Свахоньку

Надо выколотить.

Надѣ рожи наростить,

Надо пиво наварить,

Надо сваху нанюхать.

Выпустишь кота

Изъ задняго хлѣва,

Обдереть онъ тебя

Равно сговорюду.

Затѣмъ обращаясь къ жениху:

Князь молодой! развернися,

Съ нами гостями обойдися.

Разумнѣе послѣ каждой такой пѣсни навязчивыхъ гостей
подчуютъ или пивомъ или виномъ.

Послѣ стола молодыхъ уводятъ на подклѣтъ и оставляютъ
однихъ, а гости нерѣдко пируютъ до тѣхъ поръ, пока не уснутъ

на своихъ мѣстахъ. Новобрачная до тѣхъ поръ не ложится въ постель съ мужемъ, пока тотъ ее не позоветъ и если онъ богаче ея или считаетъ себя достойнѣе, то иногда заставляетъ ее стоять передъ собою по часу и болѣе.

На другой день послѣ брака, рано утромъ невестина родня начинаетъ «розмскивать» ее, какъ пренавную и обращается къ свату, какъ къ ея похитителю. Онъ конечно ведетъ ихъ на подклѣтъ, но въ это время молодую куда нибудь причутъ, и вотъ надъ сватомъ начинается потѣха. Его, какъ вора, одѣваютъ въ рогозы, опутываютъ веревками, на голову надѣваютъ узду, подаютъ въ руки корзину и въ такомъ видѣ водятъ на показъ по всему селенію, донимая куда онъ дѣвалъ украденное; въ каждомъ домѣ въ корзину свата попадаетъ что нибудъ съѣстное—или пироги, или пара яицъ, или кусокъ масла и т. п. Это даютъ ему милостиню, какъ преступнику. Обѣда не ожидая, ведутъ его вновь къ молодымъ, гдѣ послѣдніе уже одѣлись и дожидаются гостей за столомъ. Поличное найдено и свать долженъ за свой проступокъ откупиться. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ. Подаются двѣ совершенно одинаковыя бутылки: одна съ виномъ, а другая съ соленой водою; въ руки свата бутылки этихъ не даютъ, и онъ долженъ угадать, въ которой изъ нихъ вино, — въ которой вода. Хорошо, если свату какъ нибудъ понирволать, что случается очень рѣдко; въ противномъ случаѣ, неугадавъ — гдѣ вино, онъ долженъ выпить всю бутылку соленой воды.

Вслѣдъ за этимъ всѣ гости отправляются пировать на такъ называемыя „хлѣбни“, которые постоянно бывають отъ невесты въ ея домѣ.

Кромѣ того иногда пируютъ у кого-либо изъ близкихъ родственниковъ, но въ большинствѣ случаевъ этихъ послѣднихъ пиромъ — «хлѣбнями» заканчиваются свадебные обряды.

Л. Скорцова.

ОТЧЕТЪ

О ЗАНЯТІЯХЪ ВОЛОГОДСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА

за 1879 годъ.

(Составленъ Членомъ - Секретаремъ Комитета
Ф. А. Арсеньевымъ.)

Обязательныя занятія Комитета въ 1879 году состояли:

1) *Въ собираніи и обработкѣ статистическихъ свѣдѣній для Всеподданнѣйшаго отчета о состояніи губерніи*, въ составленіи вѣдомостей по этому предмету и статей текста. До 1879 года на обязанности Комитета лежало составленіе лишь той части отчета, которая основывалась на данныхъ, опредѣляющихъ естественныя и производительныя силы губерніи и экономическую дѣятельность ея населенія; самая большая половина отчета, а именно отдѣлы: подати и повинности, общественное благоустройство и благочиніе, народное и общественное призрѣніе и ходъ крестьянскаго дѣла—обработывались въ канцеляріи Губернатора; нынѣ же, по распоряженію Начальника губерніи какъ самый отчетъ, такъ и обзоръ или приложеніе къ нему, заключающее въ себѣ всѣ справочныя статистическія свѣдѣнія и данныя, служація къ подтвержденію и подкрѣпленію представляемыхъ въ отчетѣ

выводовъ и предположеній, весь составленъ и окончательно редактированъ Статистическимъ Комитетомъ, подъ наблюдениемъ котораго производилось также въ первый разъ и печатаніе обзора; прежде онъ доставлялся письменнымъ.

2) Вторая обязательная работа Статистическаго Комитета заключалась въ составленіи, на основаніи собранныхъ по губерніи свѣдѣній, статистическихъ таблицъ и вѣдомостей ежегодно представляемыхъ въ Центральный Статистическій Комитетъ:

- 1) о жителяхъ губерніи по сословіямъ,
 - 2) о жителяхъ по вѣроисповѣданіямъ,
 - 3) о родившихся,
 - 4) объ умершихъ,
 - 5) о бракахъ,
 - 6) о зданіяхъ въ городахъ, за исключеніемъ церквей,
 - 7) о церквахъ, монастыряхъ и другихъ божескихъ зданіяхъ,
 - 8) о скотоводствѣ,
 - 9) о фабрикахъ и заводахъ,
 - 10) о ремесленникахъ
- и 11) о торговыхъ свидѣтельствахъ.

Результаты этой работы представляютъ слѣдующія данныя:

Итогъ народонаселенія Вологодской губерніи въ 1878 году состоялъ: 21,213 муж. и 22,622 жен. пола въ городахъ губерніи и 517,942 муж. 552,470 жен. пола въ уѣздахъ; всего же въ губерніи 539,155 муж. и 575,092 жен. пола, а обоюга пола 1,114,247 душъ.

Распредѣленіе народонаселенія губерніи 1878 г. по сословіямъ, получаетъ:

I. Дворянъ:			
		муж.	жен.
Потомственныхъ	.	1127	1388
Личныхъ	.	1313	1556

II. Духовенства:			
Православнаго бѣлаго	.	8675	9684
„ „ „ монашествующаго	.	388	49

III. Городскихъ сословій:

	муж.	жен.
Потомственныхъ почетныхъ гражданъ	99	131
Дичныхъ	906	1006
Кушцовъ	1749	1755
Мѣщанъ	10,174	12,678

IV. Сельскихъ сословій:

Крестьянъ	479,884	521,186
Половниковъ	2,179	2,640

V. Военныхъ сословій:

Регулярныхъ войскъ	1,676	„
Безсрочно и временно-отпускныхъ	8,614	„
Отставныхъ нижнихъ чиновъ	11,541	„
Солдатскихъ семействъ	7,152	19,650

VI. Иностранныхъ поддан- ныхъ	23	34
--	----	----

VII. Не принадлежащихъ къ вышеозначеннымъ разрядамъ	473	424
--	-----	-----

VIII. Безземельныхъ	3,182	2,911
-------------------------------	-------	-------

По движению народонаселенія за этотъ годъ получаются слѣдующіе результаты:

Въ 1878 году въ г. Вологдѣ всего совершено 136 браковъ, на каждый мѣсяць (за исключеніемъ Марта и Декабря, назначенныхъ для постовъ) приходится среднимъ числомъ по 13,6 браковъ; а какъ всѣхъ жителей въ г. Вологдѣ считалось въ этомъ году 16,927, то одинъ бракъ приходится на 124,5, или только $\frac{1}{62}$ жителей вступили въ бракъ. Заключение браковъ совершалось преимущественно въ мѣсяцы Февраль и Январь, предшествующіе Великому посту и въ Октябрь и Ноябрь, предшествующіе Филипову посту.

Распределение 100 браковъ по мѣсяцамъ слѣдующее: Февраль 20,6, Январь 17,0, Октябрь 11,0, Ноябрь 10,3, Апрель 9,6,

Июль 9,6, Августъ 7,3, Май 5,1, Сентябрь 5,1, Июнь 4,4.

Возрастъ вступившихъ въ бракъ городского населенія преимущественно относится къ періоду отъ узаконеннаго для браковъ совершеннолѣтія до 30 лѣтъ, къ этому возрасту принадлежить болѣе половины всѣхъ вступившихъ въ бракъ; что касается половъ, то въ мужскомъ наибольшее число брачавшихся относится къ возрасту отъ 21 до 30 лѣтъ, а въ женскомъ къ возрасту отъ женскаго совершеннолѣтія до 25 лѣтъ. Изъ всѣхъ мужчинъ, вступившихъ въ бракъ въ этомъ году, 57,4⁰/о вступили въ возрастѣ отъ 21—30 лѣтъ; а изъ женщинъ 68,4⁰/о въ возрастѣ до 25 лѣтъ. Возрасты брачавшихся въ этомъ году, какъ и прежде, идутъ за 50 лѣтъ; такъ старше 50 лѣтъ вступили въ бракъ мужчинъ 5, женщинъ 1.

Слѣдующая таблица показываетъ распредѣленіе процентовъ вступившихъ въ бракъ по возрастамъ: изъ 100 лицъ вступившихъ въ бракъ принадлежали къ возрасту:

	до	20 лѣтъ	муж.	8,8	жен.	31,6
отъ 21	„	25 „	„	34,6	„	36,8
„ 26	„	30 „	„	22,8	„	11,8
„ 31	„	35 „	„	14,0	„	6,6
„ 36	„	40 „	„	10,3	„	6,6
„ 41	„	45 „	„	5,1	„	4,4
„ 46	„	50 „	„	0,7	„	1,5
выше 50	„	„	„	3,7	„	0,7

Соотвѣтственно раннему возрасту большинства сочтавшихся бракомъ большая часть ихъ была холостые и дѣвцы; число браковъ между ними составляетъ 78,7⁰/о всего числа браковъ; затѣмъ браки между холостыми и вдовами составляютъ 8,8⁰/о и браки между вдовцами и дѣвцами тоже 8,8⁰/о; наконецъ браки между вдовыми 3,7⁰/о.

Родилось въ Володѣ въ 1878 году 732 младенца, мальчиковъ 386, дѣвочекъ 346, а потому изъ 100 родившихся приходится на мужской полъ 52,7, на женскій 47,3, или на 100 муж. п. родилось 89,8 жен. п. Одинъ родившійся приходится

на 23,1 жителей. Каждый мѣсяць среднимъ числомъ рождалось по 61 младенцу.

Изъ общей суммы родившихся было незаконнорожденныхъ 159, слѣдовательно 1 незаконнорожденный приходится на 3,6 законныхъ, или изъ каждыхъ 4,6 дѣтей одно незаконнорожденное. На каждый бракъ приходится законнорожденныхъ 4,2. Мертворожденныхъ было 9.

Изъ числа родившихся—20 дѣтей родились двойнями, эти 10 случаевъ двойней дали 14 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ; кромѣ того былъ 1 случай тройней, давший 3 дѣвочки.

Обращаясь къ распредѣленію родившихся по мѣсяцамъ, замѣчаемъ, что въ этомъ году наибольшее число рожденій падаетъ на мѣсяцы Февраль и Октябрь, а наименьшее на мѣсяцы Декабрь и Сентябрь; впрочемъ колебанія въ числахъ не такъ значительны, чѣмъ бывало въ предыдущіе годы,—въ прежніе годы наибольшее количество бывало въ 2½ раза болѣе наименьшаго, нынѣ же только въ 1½ раза. Изъ 100 родившихся на каждый мѣсяць приходится: Февраль 9,6, Октябрь 9,4, Июль 9,3, Май 8,9, Январь 8,8, Мартъ 8,6, Апрель 8,6, Ноябрь 8,6, Июнь 7,9, Августъ 7,2, Сентябрь 6,7, Декабрь 6,4.

Умершихъ въ *Володѣ* въ 1878 году было 878. Изъ общаго числа умершихъ было муж. п. 498, жен. п. 380, такъ что изъ 100 умершихъ мужчинъ 56,7, а женщинъ 43,3, на каждыхъ 100 мужчинъ приходится 76,3 женщинъ. Сравнивая смертность съ наличнымъ населеніемъ, находимъ, что 1 умершій приходится на 19,3 жителей; по поламъ отношеніе такое: въ мужескомъ населеніи 1 умершій изъ 17,1 жителей, въ женскомъ 1 изъ 22.

Взглянувъ на распредѣленіе умершихъ по мѣсяцамъ, мы замѣтимъ, что наибольшее количество смертныхъ случаевъ падаетъ на весенній періодъ и самое большое на Апрель мѣсяць, наименьшее же на осенній и самое меньшее на Октябрь; при этомъ оказывается, что въ Апрель умерло болѣе чѣмъ вдвое противъ Октября. Изъ 100 умершихъ на каждый мѣсяць приходится: Апрель 11,6, Январь 10,8, Мартъ 10,1, Августъ 9,6, Июль 8,9, Февраль

8,6, Май 8,0, Июнь 8,0, Декабрь 6,7, Сентябрь 6,1, Ноябрь 6,1, Октябрь 5,5.

Въ отношеніи половъ смертность по мѣсяцамъ распределяется такъ: въ мужскомъ населеніи изъ 100 умершихъ на каждый мѣсяцъ приходится: Мартъ 11,9, Апрель 11,7, Январь 11,7, Июль 9,9, Май 9,0, Февраль 8,4, Августъ 7,8, Ноябрь 6,6, Сентябрь 6,2, Июнь 6,2, Декабрь 5,4, Октябрь 5,2. Въ женскомъ населеніи изъ 100 умершихъ приходится: Августъ 11,8, Апрель 11,6, Июнь 10,3, Январь 9,7, Февраль 9,0, Декабрь 8,4, Мартъ 7,9, Июль 7,4, Май 6,6, Сентябрь 6,0, Октябрь 5,8, Ноябрь 5,5.

Въ 1878 году въ Вологдѣ было смертныхъ случаевъ болѣе чѣмъ случаевъ рожденія на 146.

Наибольшая смертность была по обыкновенію въ самомъ раннемъ младенческомъ возрастѣ. До 1 года умерло 207 обоаго пола; на второй годъ жизни умерло 72, отъ 2 до 5 лѣтъ 77. Далѣе смертность значительно слабѣетъ. Вообще изъ 100 умершихъ приходится на возрасты:

	до	2 лѣтъ	-	-	81,8
отъ	2	5	"	-	8,8
—	5	15	"	-	6,9
—	15	25	"	-	8,1
—	25	35	"	-	9,7
—	35	45	"	-	9,9
—	45	55	"	-	6,5
—	55	65	"	-	6,1
—	65	75	"	-	6,8
выше	75	"	"	-	5,4.

По наибольшей смертности возрасты располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ мужскомъ полѣ:				Въ женскомъ полѣ:			
	до	5 лѣтъ		до	5 лѣтъ		
отъ	20	" 25	"	отъ	5	" 10	"
—	25	" 30	"	—	35	" 40	"
—	40	" 45	"	—	60	" 65	"
—	35	" 40	"	—	70	" 75	"

Въ мужскомъ полѣ:			Въ женскомъ полѣ:		
—	5	10	—	75	80
—	45	50	—	65	70
—	30	35	—	30	35
—	65	70	—	55	60
—	55	60	—	45	50
—	15	20	—	40	45
—	70	75	—	25	30
—	50	55	—	50	55
—	10	15	—	20	25
—	75	80	—	85	90
—	60	65	—	10	15
—	80	85	—	15	20
—	85	90	—	80	85
—	90	97	—	90	97

Браковъ въ губерніи (кроме Вологды) было въ 1878 году заключено 7639, изъ нихъ 164 въ городахъ и 7475 въ уездахъ.

Въ городахъ 1 бракъ приходится на 164 жителя. Изъ 164 браковъ самое большее число падаетъ на Февраль и Январь, на Октябрь и Ноябрь; а самое меньшее число на Августъ и Апрель. Распределение 100 браковъ по мѣсяцамъ таково: Февраль 20,8, Октябрь 15,9, Ноябрь 15,3, Январь 14,7, Июль 8,0, Май 7,4, Сентябрь 6,8, Июнь 6,1, Апрель 3,7, Августъ 1,3.

Браки между холостыми и дѣвцами составляютъ 76,2%, между холостыми и вдовами 4,3%, между вдовцами и дѣвцами 17,1%, между вдовыми 2,4%.

Что касается распределения браковъ въ городахъ по возрастамъ, то въ мужскомъ п. большая часть брачавшихся (65,2%) принадлежитъ возрасту отъ 21 до 30 лѣтъ; въ женскомъ же п. 79,9% принадлежитъ къ возрасту до 25 лѣтъ. Выше 50 лѣтъ вступили въ бракъ 6 мужчинъ, но женщинъ въ этомъ возрастѣ не вступило въ бракъ ни одной.

Въ уездахъ губерніи 1 бракъ приходится 143 человека жителей; браки преимущественно заключались въ Февралѣ: изъ

100 браковъ на этотъ мѣсяць приходится 38,7; за нихъ слѣдуютъ: Январь 19,4, Ноябрь 9,6, Октябрь 8,3, Май 7,5, Июль 4,8, Апрель 4,8, Июнь 4,7, Сентябрь 1,7, Августъ 0,5.

Браки преобладали между холостыми и дѣвцами, на долю которыхъ изъ 100 приходится 78,7, за ними слѣдуютъ браки вдовцовъ женившихся на дѣвцахъ, такихъ браковъ было 14,6, гораздо рѣже браки холостыхъ со вдовами (3,6), и вдовныхъ 3,1.

Такое сильное преобладаніе браковъ между холостыми и дѣвцами опять находится въ связи съ раннимъ возрастомъ вступающихъ въ бракъ; изъ всѣхъ мужчинъ, вступившихъ въ бракъ въ этотъ году, 79,5⁰/₀ принадлежитъ къ возрасту отъ совершеннолѣтія до 30 лѣтъ, а изъ женщинъ 82,4⁰/₀ къ возрасту до 25 лѣтъ. Въ слѣдующихъ за этими возрастахъ замѣчается тотчасъ сильное паденіе процента брачавшихся. Возрастъ брачавшихся переходить и для мужчинъ и для женщинъ за 50 лѣтъ; такъ выше 50 лѣтъ вступило въ бракъ мужчинъ 160 или 2,1⁰/₀, а женщинъ 19 или 0,2¹/₀.

Родилось въ губерніи (кроме Вологды) въ 1878 году всего 49,937 младенцевъ; изъ этого числа 974 въ городахъ, и 48,963 въ уѣздахъ.

Въ городахъ 1 родившійся приходится на 27,6 жителей. Мертворожденныхъ было 2. Въ числѣ родившихся въ городахъ 63 незаконнорожденныхъ, изъ 15,4 родившихся 1 незаконнорожденный. Изъ 974 родившихся было 502 мальчика и 472 дѣвочки, что составитъ изъ 100 родившихся 51,4 мальчиковъ, 48,5 дѣвочекъ или на 100 мальчиковъ 94 дѣвочки. На 1 бракъ приходится по 5,9 законнорожденныхъ.

Изъ распредѣленія рожденій по мѣсяцамъ видно, что наибольшее число ихъ падаетъ на мѣсяцы Ноябрь и Январь, а наименьшее на Май и Декабрь. По числу рожденій мѣсяцы располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: Ноябрь 10,9, Январь 10,7, Февраль 9,1, Июль 8,7, Мартъ 8,6, Июнь 8,3, Августъ 7,7, Октябрь 7,7, Апрель 7,6, Сентябрь 7,1, Май 6,9, Декабрь 6,7.

Двойней было 12 паръ, которыя дали: муж. п. 13, женск. п. 11; тройней былъ 1 случай, давшій 1 муж. п. и 2 жен. п.

Въ уѣздахъ губерніи родилось 25,091 муж. п., 23,872 жен. п., откуда выходитъ, что изъ 100 родившихся на мужескій полъ приходится 51,2, а на женскій полъ 48,8, или на кажднхъ 100 мальчиковъ 95,1 дѣвочекъ. Одинъ родившійся приходится въ уѣздахъ на 21,9 жит.

Наибольшее количество рожденій падаетъ на Января и Іюль, а наименьшее на Декабря. Виречемъ общее количество рожденій распредѣляется по мѣсяцамъ такъ равномерно, что наибольшая цифра (Январская) превосходитъ наименьшую (Декабрьскую) только въ 1½ раза. Изъ 100 рожденій на каждый мѣсяць приходится: Январь 10,3, Іюль 9,9, Августъ 9,6, Ноябрь 9,6, Октябрь 8,8, Іюнь 8,2, Сентябрь 8,0, Февраль 7,4, Май 7,3, Апрель 7,3, Мартъ 7,2, Декабрь 6,4.

Мертворожденныхъ младенцевъ было въ уѣздахъ 186; двойней было 624 пары, которыя дали 633 мальчика и 615 дѣвочекъ; кромѣ того было 5 случаевъ рожденія тройней, въ эти пять случаевъ родилось 5 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ. Незаконнорожденныхъ въ этомъ году въ уѣздахъ было 1786, слѣдовательно 1 незаконнорожденный приходится на 26,4 законныхъ.

Умершихъ въ губерніи (кромѣ Вологды) было въ 1878 году 34,033 человекъ; въ томъ числѣ въ городахъ 851, а въ уѣздахъ 33,182.

Въ городахъ, 1 умершій приходится на 31,6 жителей.

Мужеска пола въ городахъ въ этомъ году умерло 443, а женска пола 408; т. е. изъ 100 умершихъ было муж. п. 52,1, а жен. п. 47,9, или на 100 мужчинъ приходится 92,1 женщинъ.

Въ мужскомъ населеніи 1 умершій приходится на 28,6 жителей, а въ женскомъ 1 на 34,9.

Избытокъ родившихся надъ умершими, а слѣдовательно и прирость населенія, за этотъ годъ въ городахъ составляетъ 123 д. обоюго пола.

Распредѣленіе смертности по мѣсяцамъ показываетъ, что наибольшую смертность представляетъ Іюль мѣсяць, а наименьшую Сентябрь и въ Іюль умерло втрое болѣе, чѣмъ въ Сентябрь. По количеству смертныхъ случаевъ мѣсяцы распредѣляются въ такомъ

порядкѣ: изъ 100 умершихъ приходится: Июль 12,9, Январь 10,0, Мартъ 9,5, Августъ 9,4, Апрельъ 9,1, Май 8,8, Июнь 8,1, Декабрь 8,0, Февраль 7,5, Октябрь 6,4, Ноябрь 6,1, Сентябрь 4,2.

Такимъ образомъ оказывается, что какъ въ губернскомъ городѣ, такъ и въ прочихъ городахъ губерніи осенніе мѣсяцы представляютъ наименьшую смертность.

Если взглянуть на распредѣленіе умершихъ по возрастамъ, то увидимъ, что и здѣсь болѣе смертныхъ случаевъ относится къ первому младенческому возрасту до 2 лѣтъ, къ которому относится 37⁰/₁₀₀ всѣхъ умершихъ. Изъ 100 умершихъ принадлежитъ къ возрасту:

	до 5 лѣтъ	-	-	-	42,7
отъ 5	" 15 "	-	-	-	3,4
" 15	" 25 "	-	-	-	4,7
" 25	" 35 "	-	-	-	8,7
" 35	" 45 "	-	-	-	6,9
" 45	" 55 "	-	-	-	7,2
" 55	" 65 "	-	-	-	10,1
" 65	" 75 "	-	-	-	10,3
выше 75	" " "	-	-	-	6,0

Оказывается, что смертность въ младенческомъ возрастѣ до 5 лѣтъ по городамъ была сильнѣе губернскаго города, въ которомъ смертность этого возраста составляла 40,6⁰/₁₀₀ всѣхъ умершихъ. Изъ этого пятилѣтняго возраста самую сильную степень смертности представляютъ первые дни жизни до 1 года, въ которые въ городахъ (безъ Вологды) умерло 32⁰/₁₀₀ всѣхъ умершихъ. Потому изъ этой же таблицы оказывается, что въ городахъ смертность болѣе губернскаго города и въ преклонныхъ лѣтахъ, а въ пору мужества и юности слабѣе.

Возрасты по числу умершихъ располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

	до 5 лѣтъ	
отъ 65 до 70	"	отъ 45 до 50 лѣтъ
" 60 "	65 "	" 35 "
		40 "

„ 25 „ 30 „	„ 20 „ 25 „
„ 55 „ 60 „	„ 5 „ 10 „
„ 70 „ 75 „	„ 80 „ 85 „
„ 30 „ 35 „	„ 15 „ 20 „
„ 40 „ 45 „	„ 10 „ 15 „
„ 50 „ 55 „	„ 85 „ 90 „
„ 75 „ 80 „	„ 90 „ 98 „

Послѣ младенческаго возраста наибольшее количество смертныхъ случаевъ представляютъ возрасты зрѣлыхъ лѣтъ; возрасты же юношескіе отодвигаются очень далеко, только возрастъ отъ 25 до 30 занялъ очень высокое четвертое мѣсто. А изъ того, что послѣ младенческаго возраста слѣдуютъ возрасты старости, ясно обнаруживается, что въ городахъ Вологодской губерніи значительная часть жителей достигаетъ старости. Въ этомъ году были 3 случая смерти въ возрастѣ отъ 90 до 98 лѣтъ.

Скоропостижно умершихъ въ городахъ было 1 человекъ; да найдено 1 тѣло.

Изъ 33,182 умершихъ въ *уѣздахъ* губерніи было 17,040 муж. п. и 16,142 жен. пола; слѣдовательно изъ 100 умершихъ приходится на мужескій полъ 51,2, а на женскій 48,8; на 100 мужеска пола приходится женска 94,1.

Одинъ умершій въ уѣздахъ приходится на 32,3 жителей. Отдѣльно уѣзды въ отношеніи смертности идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1 умершій приходится въ уѣздахъ:

въ Грязовецкомъ на 26,0 жит.	въ Вельскомъ на 32,2 ж.
— Кадниковскомъ » 26,1 »	» Никольскомъ » 36,5 »
— Вологодскомъ » 29,4 »	» Сольвычегод. » 39,5 »
— Тотемскомъ » 31,5 »	» Устьенсольск. » 47,9 »
— Устюгскомъ » 32,0 »	» Яренскомъ » 49,4 »

Избитокъ родившихся надъ умершими въ уѣздахъ равенъ 15,781 чел., что составляетъ 1,4⁰/₀ увеличенія всего народонаселенія Вологодской губерніи.

Что касается распредѣленія по мѣсяцамъ, то въ отношеніи смертности мѣсяцы распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ: изъ 100 умершихъ приходится на Іюль 13,4, Августъ 10,9, Апрель

9,6, Июнь 9,1, Май 8,7, Январь 8,1, Мартъ 7,7, Декабрь 7,4, Февраль 6,5, Сентябрь 6,4, Ноябрь 6,4, Октябрь 5,8.

Оказывается, что и въ уѣздахъ Вологодской губерніи осенніе мѣсяцы представляютъ наименьшую смертность и это явленіе замѣчалось и въ прежніе годы, такъ что осень является самымъ здоровымъ временемъ года для Вологодской губерніи. Наибольшую же смертность представляютъ въ уѣздахъ мѣсяцы лѣтніе, особенно Іюль и Августъ. При этомъ оказывается, что въ эти мѣсяцы въ уѣздахъ страшно увеличивается смертность въ младенческомъ возрастѣ и преимущественно между дѣтьми на первомъ году жизни, такъ въ возрастѣ до 1 мѣсяца въ Февралѣ и Мартѣ умерло по 170 дѣтей, а въ Іюлѣ и Августѣ по 600 слишкомъ; въ возрастѣ отъ 1 до 3 мѣслцевъ— въ Февралѣ и Мартѣ по 140—150 дѣтей, а въ Іюлѣ болѣе 930, въ Августѣ болѣе 650 и т. д. Кромѣ же дѣтскаго возраста смертность въ лѣтніе мѣсяцы вовсе не увеличивается. Значитъ это увеличеніе смертности прямо должно быть отнесено къ вліянію страдной поры на жизнь дѣтей, преимущественно грудныхъ.

Смертность въ возрастномъ отношеніи въ уѣздахъ представляетъ ту разницу со смертностью городского населенія, что тамъ умершіе въ возрастѣ до 5 лѣтъ составляютъ около 40%, а здѣсь они составляютъ 59%; если условія дѣтской жизни не особенно блестящи и въ городахъ, то здѣсь, въ уѣздахъ, они—просто ужасны. Въ слѣдующіе же за младенческимъ возрасты процентъ смертности распределяется равномернѣе и правильнѣе городского и возрасты умершихъ восходятъ за 90 лѣтъ. Изъ 100 умершихъ приходится на возрасты:

	до 5 лѣтъ	-	-	-	59,1
отъ 5	„ 15 „	-	-	-	4,5
„ 15	„ 25 „	-	-	-	3,0
„ 25	„ 35 „	-	-	-	3,8
„ 35	„ 45 „	-	-	-	4,4
„ 45	„ 55 „	-	-	-	5,3
„ 55	„ 65 „	-	-	-	7,7
„ 65	„ 75 „	-	-	-	7,9

„ 75 „ 85 „	- - -	3,7
выше 85 „ „ „	- - -	0,6

Возрасты по числу относящихся къ нимъ умершихъ располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

въ мужскомъ полѣ:			въ женскомъ полѣ:		
до 5 лѣтъ			до 5 лѣтъ		
отъ 60 » 65 „			отъ 65 » 70 „		
» 65 » 70 „			» 60 » 65 „		
» 70 » 75 „			» 70 » 75 „		
» 55 » 60 „			» 55 » 60 „		
» 5 „ 10 „			» 5 » 10 „		
» 50 „ 55 „			» 50 » 55 „		
» 75 „ 80 „			» 75 » 80 „		
» 45 „ 50 „			» 45 » 50 „		
» 40 » 45 „			» 35 » 40 „		
» 35 » 40 „			» 40 » 45 „		
» 25 » 30 „			» 30 » 35 „		
» 30 » 35 „			» 25 » 30 „		
» 15 » 20 „			» 20 » 25 „		
» 10 » 15 „			» 15 » 20 „		
» 20 » 25 „			» 10 » 15 „		
» 80 » 85 „			» 80 » 85 „		
» 85 » 90 „			» 85 » 90 „		
выше 90 » » »			выше 90 » » »		

Въ этой таблицѣ бросается въ глаза однообразіе въ слѣдованіи возрастовъ какъ въ мужскомъ такъ и въ женскомъ полѣ, очевидно условія жизни обоихъ половъ въ сельскомъ бытѣ совершенно одинаковы.

Въ уѣздахъ дѣтей до 5 лѣтъ умерло всего 19,595; въ этой цифрѣ заключается 14,725 младенцевъ, умершихъ въ возрастѣ до 1 года, и 4870 умершихъ въ возрастѣ отъ 1 до 5 лѣтъ.

Изъ 100 умершихъ до 1 года приходится на возрасты:

до 1 мѣсяца	- - -	24,6
-------------	-------	------

отъ 1	»	3	»	-	-	27,3
»	3	»	6	»	-	23,0
»	6	»	1 года	-	-	25,1

Изъ 100 умершихъ въ возрастѣ отъ 1 до 5 лѣтъ приходится:

отъ 1 до 2 лѣтъ	-	-	-	54,0
» 2 » 3 »	-	-	-	22,5
» 3 » 4 »	-	-	-	14,1
» 4 » 5 »	-	-	-	9,4

Такимъ образомъ различные періоды этого малолѣтнаго возраста будутъ находиться въ слѣдующемъ порядкѣ:

Болѣе 4000 умерло въ періодѣ отъ 1 до 3 мѣсяцевъ.

Болѣе 3000 { до 1 мѣсяца
въ каждомъ { отъ 3 » 6 мѣсяцевъ
періодѣ { » 6 » 1 года

Болѣе 2000 » отъ 1 года до 2 лѣтъ

Болѣе 1000 » » 2 » 3 »

Болѣе 600 » » 3 » 4 »

Болѣе 400 » » 4 » 5 »

Умершіе въ остальныхъ возрастахъ по пятилѣтіямъ идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

отъ 1000 до 1500	}	отъ 5 до 10 лѣтъ
умерло въ каждомъ возрастѣ		» 55 » 60 »
		» 60 » 65 »
		» 65 » 70 »
	» 70 » 75 »	
отъ 900 до 1000	-	50 » 55 »
» 800 » 900	-	75 » 80 »
отъ 700 » 800 въ каждомъ	}	35 » 40 »
		40 » 45 »
		45 » 50 »
» 600 » 700 въ каждомъ	}	» 25 30 »
		» 30 35 »
» 500 » 600	-	20 25 »
отъ 400 до 500	}	отъ 10 до 15 лѣтъ
		» 15 » 20 »

300 > 400 - - 80 > 85 >
100 > 200 - - 85 > 90 >

наконецъ 47 человекъ выше 90 лѣтъ.

Кромѣ того въ числѣ умершихъ случаевъ скоропостижно умершихъ и найденныхъ мертвыми показано въ уѣздахъ 128 мужчинъ и 48 женщинъ.

Православныхъ церквей и соборовъ въ губерніи 702 каменныхъ и 77 деревянныхъ. Монастырей 18 каменныхъ. Часовень 6 каменныхъ и 650 деревянныхъ. Единовѣрческихъ церквей 1. Каплицъ 1. Молитвенныхъ школъ 1.

Всего *жилыхъ домовъ* въ городахъ 229 каменныхъ и 5,568 дерев., въ томъ числѣ казенныхъ 22 кам. и 10 дер., церковныхъ и монастырскихъ 12 кам. и 23 дер., общественныхъ 19 кам. и 44 дер., частныхъ 176 кам. и 5,491 дер., нежилыхъ зданій въ городахъ всего 448 кам. и 1,187 дер., въ томъ числѣ магазиновъ для склада товаровъ: казенныхъ 2 кам., церковныхъ и монастырскихъ 1 кам. и 1 дер., общественныхъ 24 кам. и 30 дер., частныхъ 11 кам. и 85 дер.; лавокъ: церковныхъ и монастырскихъ 5 кам. и 2 дер., общественныхъ 241 кам. и 577 дер., частныхъ 164 кам. и 467 дер.; театровъ 3 дер.; полицейскихъ будокъ 22 дер.

Въ губерніи состоитъ слѣдующее количество скота: лошадей 215,660, рогатаго скота 539,666, овецъ 405,397, свиней 52,912, козъ 171, всего 1,213,806 головъ; изъ нихъ въ городахъ: лошадей 2,203, рогатаго скота 3,698, овецъ 2,378, свиней 371, козъ 144; замѣчательныхъ конскихъ заводовъ въ губерніи нѣтъ.

Рогатый скотъ большею частію мѣстной мелкой породы; лучшей, съ примѣсю холмогорской крови, ведется у государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ Устюжскаго и частію Сольвычегодскаго уѣзда. Въ помѣщичьихъ усадьбахъ особеннаго вниманія заслуживаетъ скотъ грязовецкаго помѣщика *Θ. Г. Гилленшидта*. Скотъ этотъ брейтенбургскаго типа, весьма крупный и славится не столько своею молочностію, сколько способностію къ откармливанію. Затѣмъ заслуживаетъ вниманія скотъ *К. А. Левашова* и

г. Паренцова, тоже гравецких помѣщиковъ. Въ имѣніяхъ землевладѣльцевъ замѣчается вообще весьма значительное улучшение въ скотоводствѣ; причиною тому служатъ развившаяся въ послѣдніе семь лѣтъ въ уѣздахъ Вологодскомъ и Гравецкомъ весьма важная отрасль сольено-хозяйственной промышленности, заключающаяся въ выдѣлкѣ усовершенствованныхъ молочныхъ продуктовъ. Съ 1872 года и по настоящее время въ упомянутыхъ двухъ уѣздахъ, болыною частію въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, возникло до 59 сырныхъ и сливочно-масляныхъ заводовъ, производенія съ которыхъ продаются по довольно высокимъ цѣнамъ или на мѣстѣ, или сбываются въ Петербургъ и Москву. Вліяніе этого дѣла на состояніе сельскихъ хозяйствъ весьма благоприятно: оно по своему существенному значенію побуждаетъ землевладѣльцевъ усердно заботиться объ увеличеніи скотоводства, какъ единственно—крупной доходной статьи, и объ улучшеніи корма для скота, для чего является необходимость производить переходъ отъ трехпольной рутинной системы къ многопольной, съ травосѣяніемъ. Черезъ такое рациональное измѣненіе хозяйственной организаціи видимо возрастаетъ производительность помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствъ, а вмѣстѣ съ этимъ и цѣнность на земельную собственность при усадьбахъ.

Всѣхъ фабрикъ и заводовъ считается въ губерніи 128, съ 2,308 работниками, общая сумма выработки на 2,242,828 рублей. По цѣности производства первое мѣсто занимаютъ 9 винокуренныхъ заводовъ, на которыхъ выкурено вина на 550,840 руб.; затѣмъ слѣдуетъ льнопрядильная и полотняная фабрика купца Грибанова въ Красавинѣ, въ Устюгскомъ уѣздѣ; на ней въ 1878 году выдѣлапо было товара на 505,000 рублей.

Въ теченіи 1878 года вновь открыты заводы: въ г. Вологдѣ - 1 пивоваренный и въ Велико-устюгскомъ уѣздѣ—1 винокуренный; закрыто: въ Вологодскомъ уѣздѣ—1 винокуренный, въ г. Кадыковѣ—1 водочный и 1 свѣчносальный; въ Вальскомъ уѣздѣ 1 фабрика оберточной бумаги; въ г. Тотмѣ—1 свѣчносальный и въ Тотемскомъ уѣздѣ—1 лѣсопильный; въ Николь-

скомъ уѣздѣ—1 винокуренный и въ г. Устюгѣ—3 кожевенныхъ, 1 свѣчвосальный и 2 мыловаренныхъ.

Не смотря на то, что число закрытыхъ заводовъ болѣе противъ вновь отерявшихся, общее количество заводовъ въ отчетномъ году противъ предшествующаго года превышаетъ на 51. Это увеличеніе объясняется тѣмъ, что въ предшествующіе годы не приведены были въ извѣстность сырные и сливочно-масленные заводы, свѣдѣнія о которыхъ съ точностію собраны лишь въ 1878 году.

Въ трехъ уѣздахъ Вологодской губерніи: Вологодскомъ, Грязовецкомъ и Кадниковскомъ до 1872 года было всего 14 сыроваренныхъ заводовъ, изъ нихъ въ Вологодскомъ уѣздѣ 7, Грязовецкомъ 4 и Кадниковскомъ 3. На всѣхъ заводахъ работался только швейцарскій сыръ, котораго производилось на сумму до 30,000 рублей.

Въ настоящее время, въ поименованныхъ уѣздахъ дѣйствуютъ 73 завода, на которыхъ выработывается молочныхъ продуктовъ на сумму 206,760 рублей, такъ что производство ихъ въ послѣдніа семь лѣтъ увеличилось на 176,760 руб.; по уѣздамъ распределяется оно слѣдующимъ образомъ:

Въ Вологодскомъ 46 заводовъ, на которые поставляется молоко отъ 4520 коровъ.

Молочные продукты выработываются:

Швейцарскій сыръ на 4 зав. 2,300 пуд. на 16,600 рублей.

Честеръ—на 4 зав. 1,700 пуд. на 11,400 руб.

Голландскій сыръ на 5 зав. 2,590 пуд. на 19,820 руб.

Сливочное масло на 38 зав. 6,110 пуд. на 76,260 рублей.

Итого—на сумму 127,080 рублей.

На пяти заводахъ существуетъ смѣшанное производство, т. е. выдѣлка масла съ Сентября ивѣнца по масленицу, и сыра съ масленицы по Сентябрю.

Въ Грязовецкомъ—23 завода; молоко на нихъ поставляется отъ 2,630 коровъ,

Вырабатывается:

Швейцарскій сыръ на 4 зав. 2,580 пуд. на 18,500 руб-лей.

Честеръ — на 2 зав. 1,150 пуд. на 7,000 руб.

Голландскій сыръ на 2 зав. 950 пуд. на 7,800 р.

Сливочное масло на 30 зав. 2,760 пуд. на 36,980 руб-лей.

Итого — на сумму 69,370 рублей.

На пяти заводахъ смѣшанное производство.

Въ Кадниковскомъ — 4 завода, молоко на нихъ идетъ отъ 234 коровъ.

Вырабатывается:

Швейцарскій сыръ на 2 зав. 1,200 пуд. на 8,350 р.

Сливочное масло на 2 зав. 125 пуд. на 1,600 р.

Итого — на сумму 9,950 руб.

Молочное дѣло въ этомъ уѣздѣ почти не двинулось впередъ. Причина такого застоя заключается, надо полагать, въ плохомъ состояннн помѣщичьихъ усадебъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ, большею частію окончательно нарушенныхъ. Существующія же усадьбы, съ небольшимъ количествомъ скота, отдѣляются такими другъ отъ друга значительными разстояніями, при которыхъ съвозъ молока въ одинъ пунктъ не возможенъ.

Въ прочихъ уѣздахъ губерніи совсѣтъ не существуетъ заводовъ по молочному дѣлу.

По всемъ тремъ уѣздамъ Вологодской губерніи на 73 заводахъ, при 7,084 коровахъ, отъ которыхъ поступаетъ на заводы молоко, производится:

Швейцарскій сыръ на 10 зав. 6,030 пуд. на 43,450 руб-лей.

Честеръ — на 6 зав. 2,850 пуд. на 18,400 руб.

Голландскій сыръ на 7 зав. 3,540 пуд. на 27,120 руб-лей.

Итого трехъ сортовъ сыру на 23 зав. 12,420 пуд. на 86,070 рублей.

Сливочное масло на 60 зав. 8,975 пуд. на 117,790 рублей.

Общая сумма производства 206,760 руб.

Изъ числа 78 заводовъ занимаются выдѣлкою молочныхъ продуктовъ сами владѣльцы: на 43 заводахъ и арендаторы на 30 заводахъ. Изъ нихъ: помѣщиковъ 27, купцовъ 9, крестьянъ 18 и иностранцевъ 6. Крестьяне, за весьма незначительныя исключеніемъ, работаютъ на сливочно-масляныхъ заводахъ. Выдѣлка сливочнаго масла для нихъ слѣдующіе и выгоднѣе: она не требуетъ большихъ расходовъ на устройство, мастерицы по этому производству не дороги, сбытъ товара обезпеченъ постоянно крѣпкимъ спросомъ на него, оборотъ капитала скорѣй.

Изъ 4-хъ сыроваренныхъ заводовъ, начавшихъ свое дѣятельность на артельныхъ началахъ, въ настоящее время существуютъ только одинъ; прочіе перешли въ частную предпринимчивость.

Завѣжныхъ лицъ, привлеченныхъ къ Вологодскую губернію молочную отраслю сельско-хозяйственной промышленности, насчитывается до 10 человекъ.

Причина, повліявшая на развитіе молочнаго производства въ юго-западной части губерніи заключается главнѣйш образомъ въ проведеніи въ Вологду въ 1872 году желѣзнаго пути, который далъ возможность сбывать товары въ столицы дешево и малыми партиями.

Производительность на фабрикахъ и заводахъ въ сравненіи съ цѣнностію продуктовъ, выдѣлываемыхъ на спирныхъ и сливочно-масляныхъ заводахъ, въ отчетномъ году является выше на 283,323 р. противъ предшествующаго года.

Ремесленниковъ въ городахъ 1,743, изъ нихъ мастеровъ 799, рабочихъ 651, учениковъ 298.

Въ теченіи 1878 года по губерніи выдано было на право торговли и промышленности всѣмъ разрядамъ торговыхъ свидѣтельствъ 11,634. Въ томъ числѣ свидѣтельствъ первой гильдіи годовыхъ 13, второй 3-го класса годовыхъ 175, полугодичныхъ 5; 4-го класса годовыхъ 240, полугодичныхъ 8; 5-го класса годовыхъ

внхъ 205, полугодовыхъ 13; свидѣтельства мелочнаго торго съ полною и половиною пошлиною, на развозный и разносный торгъ, мѣщанскіе промыслы и для прикащиковъ 5,014; изъ коихъ годовыхъ 4,480 и полугодовыхъ 534. Для купеческихъ семействъ годовыхъ по 1-й гильдіи 9, 2-й 175; безплатныхъ мѣщанскихъ 660, билетовъ къ свидѣтельствамъ всѣхъ классовъ вѣстѣ съ мелочнымъ торгомъ 5,117; изъ нихъ годовыхъ 4,636 и полугодовыхъ 481. Противъ предшествующаго года взято свидѣтельство менѣе на 113, что составляетъ весьма незначительное колебаніе въ торговомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что уменьшеніе относится къ свидѣтельствамъ мелочнаго торго, менѣющаго вліянія на общій ходъ торговли въ губерніи. На ярмаркахъ и сельскихъ торжкахъ въ средней части губерніи торговля въ отчетномъ году шла слабѣе, вслѣдствіе ограниченнаго спроса на мѣстные товары вообще и понизившейся цѣнности на деньги въ особенности, въ сѣверовосточныхъ уѣздахъ—ярмарочные обороты были оживленнѣе, по случаю довольно крѣпкаго спроса на пушной товаръ.

III. Въ числу обязательныхъ работъ Комитета слѣдуетъ отнести составленіе списковъ поземельныхъ владѣній, оконченныхъ къ концу отчетнаго года. Эта статистическая операція, выполненная по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, шла параллельно съ другою обширнѣйшею работою—составленіемъ списка населенныхъ мѣстъ губерніи и была бы окончена ранѣе, но въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1878 года полученъ былъ циркуляръ Центрального Статистическаго Комитета за № 571, который сообщено, что для большей цѣлесообразности помянутыхъ списковъ представляется необходимыми собраны для нихъ матеріалы дополнить нѣсколькими новыми отиѣтками. Распоряженіе это потребовало со стороны Комитета составленія дополнительной инструкціи для волостныхъ правленій и возвращеніе на мѣста всего собраннаго матеріала по всѣмъ десяти уѣздамъ.

Обратное поступленіе дополненныхъ и частью пересоставленныхъ листовъ шло черезъ большіе промежутки времени особенно изъ отдаленныхъ уѣздовъ, такъ что поземельные списки, при

чрезвычайномъ обилии и сложности матеріаловъ и при ограничен-
ныхъ средствахъ Комитета, составлялись весьма медленно и окон-
чательно могли быть отправлены въ Министерство лишь въ кон-
цѣ 1879 года.

Необходимыя замятія Комитета въ отчетномъ году
состояли въ слѣдующемъ:

I) Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антро-
пологии и Этнографіи, состоящее при Московскомъ Университетѣ,
устроивало въ 1879 году въ Москвѣ Антропологическую выставку.
Центральный Статистическій Комитетъ, признавая участіе Губерн-
скихъ Статистическихъ Комитетовъ въ оказаніи содѣйствія цѣлямъ
Общества по устройству выставки вполне умѣстнымъ, представилъ
Вологодскому Статистическому Комитету войти въ непосредствен-
ныя сношенія по этому предмету съ Комитетомъ Московской
Антропологической выставки. Вълѣдствіе этихъ сношеній черезъ
посредство нашего Комитета представлено было на выставку до
200 различныхъ бытовыхъ предметовъ, съ краткими описаніями
и примѣчаніями, разъясняющими употребленіе и значеніе ихъ въ
народной жизни. Императорское Общество любителей Естествозна-
нія, по выслушаніи доклада Комитета Антропологической выставки,
основаннаго на заключеніи экспертовъ комисіи и иѣншіи г.г.
Предсѣдателей Отдѣловъ, постановило: Вологодскому Губернскому
Статистическому Комитету, за организацію и доставленіе особенно
большихъ и цѣнныхъ этнографическихъ собраній присудить Почет-
ный адресъ, Секретарю же Комитета, Арсеньеву, за личные труды
по собиранію и доставленію на выставку коллекцій согласно про-
граммѣ этнографической комисіи — *Золотую медаль*.

II) Выполнена новая статистическая операція по собиранію
свѣдѣній о сельскомъ хозяйствѣ, промышленности и ручныхъ про-
мыслахъ черезъ сельское духовенство губерніи. До сихъ поръ со-
бираніе большей части статистическихъ свѣдѣній о Вологодской
губерніи дѣлалось черезъ мѣстныя Полицейскія Управленія, которыя
при обширности своихъ пріимкъ обязанностей и при фактической
невозможности, не могли выполнять это дѣло съ желательною
правильностію, и не точность или сбивчивость въ основныхъ свѣ-

дѣлахъ о губерніи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и невольной недостаткомъ послѣднихъ лишила возможности Статистическій Комитетъ имѣть въ своемъ распоряженіи такой матеріалъ, на основаніи котораго возможно было бы составить специальное изслѣдованіе губерніи въ статистическомъ и промышленно-экономическомъ значеніи. По мнѣнію Статистическаго Комитета свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, отечественной промышленности и ручныхъ промыслахъ могутъ быть собраны съ всею возможною обстоятельностью, особенно въ средней и сѣверо-восточной части Вологодской губерніи, только черезъ посредство сельского духовенства, какъ единственно-просвѣщенныя лица въ средѣ сельского населенія, сгруппированнаго въ кругу своего прихода. Въ виду чего, испросивъ согласіе Епархіальнаго Начальства, Вологодскій Губернскій Статистическій Комитетъ обратился съ просьбою черезъ благочинныхъ къ сельскимъ и городскимъ священникамъ доставить къ 1-му числу Сентября 1879 года статистическія и описательныя свѣдѣнія по каждому изъ приходовъ, согласно слѣдующей программы, выработанной Секретаремъ Комитета:

П Р О Г Р А М М А

для составленія промышленно-статистическихъ свѣдѣній о приходѣ.

Уездъ, въ которомъ приходъ находится.

Названіе прихода.

Волесть.

(Если приходъ находится въ нѣсколькихъ волостяхъ, то наименовать ихъ всѣ).

1. Земледѣліе.

1) Какимъ въ приходѣ существуетъ система хозяйства: трехпольная, многопольная и всесѣвочная?

При трехпольномъ хозяйствѣ употребляется ли искусственное удобреніе и въ какомъ случаѣ въ сколько именно хозяйствахъ

въ приходѣ оно существуетъ (во владѣльческихъ и крестьянскихъ особо). При многопольномъ хозяйствѣ, на сколько полей оно раздѣляется и какіе преобладаютъ сѣвообороты? У кого именно изъ владѣльцевъ или крестьянъ существуетъ многопольное хозяйство? При подсѣчномъ хозяйствѣ какимъ образомъ производится разчистка подсѣкъ, какого рода посѣвы преобладаютъ на подсѣкахъ, сколько лѣтъ къ ряду обрабатываются однѣ и тѣ же подсѣки, возвращаются ли къ подсѣкамъ брошеннымъ и чрезъ сколько лѣтъ? Не сѣется ли на подсѣкахъ тимофѣевка (палочникъ)? Если сѣется, то съ какою цѣлю: собственно для травы или для продажи сѣмянъ?

2) Сообщить примѣрные средніе урожаи въ приходѣ:

Самъ сколько:

Ржи
Овса
Ячменя
Пшеницы
Картофеля

На пудъ посѣва:

Льнянаго сѣмени
Льна волокна

3) При обыкновенномъ урожаѣ, довольствуется приходъ своимъ хлѣбомъ или имѣетъ недостатокъ въ немъ? Въ случаѣ недостатка, съ какого мѣсяца крестьяне начинаютъ употреблять покупной хлѣбъ и откуда хлѣбъ обыкновенно привозится? Въ случаѣ излишка въ хлѣбѣ, куда обыкновенно хлѣбъ сбывается?

II. Льноводство.

4) Въ предѣлахъ прихода занимаются ли крестьяне: льноводствомъ, какъ промышленностію, (т. е. для продажи сѣмени, льна, холстовъ или пряжи) или же только для удовлетворенія собственной потребности?

5) Въ случаѣ существованія льноводства, какъ промышленности, что главнымъ образомъ идетъ къ продажѣ у мѣстныхъ крестьянъ: самый ленъ, сѣмя, пряжа или холсты и полотна?

6) Въ какихъ видѣ сбывается льняное волокно? мѣсто сбыта и среднія цѣны въ послѣдніе три года.

III. Огородничество и садоводство.

7) Есть ли въ приходѣ обширныя огороды и сады, существующіе съ промышленною цѣлью?

8) Въ садахъ, разведенныхъ съ промышленною цѣлью, какія возвращаются растенія, и нѣтъ ли особыхъ мѣстныхъ способовъ для ухода за ними?

9) Куда сбываются произведенія садоводства и огородничества: расходятся ли они только на мѣстѣ, или же продаются за предѣлами мѣста производства и даже уѣзда и, въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, какими путями вывозятся?

IV. Луговодство.

10) Если существуютъ въ приходѣ болѣе или менѣе значительныя поемныя луга, то по теченію какой именно рѣки (или рѣкъ)?

11) Есть ли въ приходѣ искусственное травосѣяніе, какія травы преимущественно и съ успѣхомъ сѣются, у кого изъ владельцевъ именно и какими способами, т. е. входятъ ли травосѣяніе въ сѣвооборотъ, или трава сѣется одновременно, или нѣсколько лѣтъ къ ряду?

V. Рыболовство.

12) Не развито ли въ приходѣ рыболовство какъ промыселъ? Если развито, то въ какихъ именно рѣкахъ или озерахъ?

13) Какіе сорта рыбы вылавливаются? Время, разныя способы и орудія лова.

14) Сколько рыбъ приблизительно занимается рыболовствомъ? Не существуетъ ли рыбныхъ партій и артелей?

15) Разныя способы приготовленія рыбы въ провъ, если такое существуетъ въ приходѣ, какъ то: вяченіе, сушеніе, соленіе?

16) Куда именно вывозится рыбный товар? Какое количество рыбы (въ пудахъ) вылавливается и сколько изъ оной поступаетъ въ продажу (цѣны)?

Примѣчаніе. По предмету рыболовства составить особую записку.

VI. Птицеводство.

17) Существуетъ ли въ приходѣ птицеводство какъ промыселъ? Откармливаніе птицы производится ли самими хозяевами, или же особые промышленники скупаютъ домашнюю птицу въ отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ и затѣмъ откармливаютъ ее? Размѣры этого промысла.

18) Селенія, въ которыхъ оно существуетъ, а также мѣстности куда вывозится откармленная птица.

VII. Пчеловодство.

19) Существуетъ ли въ приходѣ пчеловодство, какъ промыселъ, и если существуетъ, то въ сколькихъ именно селеніяхъ? Кто имъ занимается преимущественно: крестьяне, помѣщики или духовенство? Не существуетъ ли пчеловодство бортовое (дѣсное) и въ какомъ оно состояніи?

20) Куда медъ и воскъ сбываются?

VIII. Охота за звѣрми и птицею.

21) Существуетъ ли въ приходѣ охота на звѣря и птицу, какъ промыселъ?

22) Предметы и время охоты (если она существуетъ въ приходѣ)? Количество добываемаго звѣря и птицы?

23) Способы добыванія звѣря и птицы?

24) Откуда получаютъ промышленники порохъ и по какой цѣнѣ?

25) Въ какія мѣста сбываются предметы промысловъ, по какимъ цѣнамъ звѣрь и птица?

26) Не существует ли въ приходѣ по быту предметовъ охотничьихъ промысловъ кулашничество, и если существуетъ, то въ какой формѣ? (Привести примѣры).

27) Нѣтъ ли какихъ нибудь обычныхъ правъ у промышленниковъ на опредѣленный районъ въ лѣсахъ, гдѣ добывается звѣрь и птица? Количество добываемыхъ птицъ и звѣрей, хотя приблизительно.

Примѣчаніе. По предмету охоты составить особую записку.

IX. Мелкія производства и ручной трудъ.

(По этому предмету составить особую записку.)

Отдѣлъ мелкихъ производствъ и ручнаго труда обращаетъ на себя особое вниманіе при изученіи нашего народнаго быта. Ни въ одно изъ европейскихъ государствъ ручныя производства не имѣютъ такого экономическаго значенія, какъ въ Россіи, гдѣ главное занятіе народныхъ массъ—земледѣліе поглощаетъ только нѣсколько мѣсяцевъ въ году сплошной дѣятельности, между тѣмъ какъ остальное время года производится для земледѣльческаго населенія болѣе или менѣе непродуцательно. Время это можетъ быть употреблено съ пользою только при помощи ручныхъ производствъ (*).

(*) Къ числу производствъ, о которыхъ желательно имѣть возможно полная свѣдѣнія, относятся главнымъ образомъ слѣдующія: пряденье волни, ручное ткачество холстовъ, подотрягъ, миталы и проч., шестое свѣтъ, перчаточное и рукавичное производства, шитье платья, шапокъ и картузовъ, шитье тулуповъ, скорьяжное дѣло; разныя издѣлія изъ рога, приготовленіе щетинъ, плетенье лаптей, роговъ и кудей, изготовленіе ситъ и рѣшетъ, токарное производство, приготовленіе дерева для спичекъ, приготовленіе деревянной посуды, бондарное и бочарное дѣло, столярное и плотническое дѣло, формовка глиняныхъ вещей на станкахъ, кузнечное дѣло, приготовленіе ножей, замковъ и другихъ металлическихъ издѣлій (мелкихъ серебряныхъ и бронзовыхъ вещей), приготовленіе желѣзныхъ земледѣльческихъ орудій, шерстобитное производство, изготовленіе кошечъ, шибки и другихъ валеныхъ издѣлій, красильное производство, приготовленіе молочныхъ продуктовъ, печенье баранокъ и пряниковъ и проч.

На этотъ списокъ должно смотрѣть какъ на примѣрный; сельское духовенство Вологодской епархіи благоволятъ, въ случаѣ надобности, дополнить его, доставивъ свѣдѣнія и о такихъ производствахъ, которыя въ немъ не упомянуты.

Относительно общаго значенія ручныхъ производствъ для экономической жизни прихода необходимы слѣдующія свѣдѣнiя:

1) Какія именно ручныя производства существуютъ въ приходѣ?

2) Существованiе каждаго изъ промысловъ чѣмъ вымывается: тѣмъ ли, что мѣстная природа доставляетъ въ изобилiи годный для промысла сырой матеріалъ, или значительнымъ подвозомъ годнаго матеріала на мѣстные рынки, или наконецъ какими либо другими причинами?

3) Въ какомъ отношенiи къ ручнымъ производствамъ находится земледѣліе: чѣмъ именно: ручными производствами, или земледѣліемъ преимущественно обезпечивается жизнь населенiя? Ручныя производства занимаютъ ли лицъ специально и исключительно посвящающихъ имъ себя, или эти производства составляютъ предметъ занятiй крестьянъ только въ періодъ времени, свободный отъ земледѣльческихъ работъ?

При описанiи каждаго отдѣльнаго ручнаго производства должно имѣть въ виду слѣдующіе вопросы:

1) Какія именно селенiя въ приходѣ (съ наименованіемъ волости) служатъ центрами этихъ промысловъ? Участвуютъ ли въ производствѣ дѣти (иже 16 лѣтъ) и если участвуютъ, то съ какого возраста?

2) Въ какихъ формахъ существуетъ промыселъ: а) занимаютъ ли ихъ исключительно у себя на дому одни только члены семействъ, или въ промыслѣ принимаютъ участіе и наемные рабочіе? б) встрѣчаются ли особня заведения, въ которыхъ производителями занимаютъ промыслъ съ платомъ за помѣщенiя и за орудiя промысла? в) существуетъ ли въ какихъ либо формахъ артельное устройство промысла?

3) Работаютъ ли изъ собственнаго матеріала, или покупаютъ его на сторонѣ и въ такомъ случаѣ откуда онъ привозится?

4) Какими орудiями совершается производство и откуда приобретаются эти орудiя?

5) Куда обиваются приготовляемыя издѣлія и по какой цѣнѣ? Существуютъ ли порекущими издѣлія, а также доставщики сырья?

6) Когда возникъ промыселъ? Находится ли онъ въ процвѣтаніи, или въ упадкѣ? (Причины того и другаго явленія). Существуетъ ли фабричная промышленность рядомъ съ мелкимъ производствомъ, и каковы ихъ взаимныя отношенія, т. е. слабѣетъ ли мелкое производство отъ фабричной промышленности, или наоборотъ, она содѣйствуетъ его развитію? Въ чемъ наиболѣе нуждается промыселъ для своего дальнѣйшаго развитія?

Программа эта напечатана была съ пробѣлами собственно для того, чтобъ отрывочные и вообще короткіе отвѣты, не требующіе объясненій, возможно было отмѣчать на самой программѣ, противъ соответствующихъ вопросовъ. Тѣ же отвѣты, которые требуютъ описательнаго изложенія, Комитетъ просилъ священниковъ прилагать особыми записками, поясняя, что чѣмъ обстоятельнѣе и многостороннѣе будетъ разсмотрѣнъ предметъ въ запискахъ, тѣмъ съ большою благодарностію примутся они Комитетомъ, и что систематическія описанія приходовъ или даже отдѣльныхъ производствъ и промысловъ въ оныхъ, будутъ печататься, съ именемъ автора, въ губернскихъ вѣдомостяхъ и въ сборникѣ Статистическаго Комитета.

Матеріалъ по этой программѣ, разосланной 9 Марта 1879 года, полученъ былъ въ полномъ составѣ лишь въ концѣ отчетнаго года. Нельзя умолчать, что онъ не оправдалъ тѣхъ ожиданій, которыя на него возлагались. Большая часть священниковъ отвѣтили на предложенные вопросы общими фразами, не имѣющими никакого значенія въ уясненіи промышленнаго состоянія данной мѣстности; нѣкоторые изъ священниковъ хотя взяли въ подробности при описаніи отдѣльныхъ производствъ, но не подтвердили ихъ цифровыми данными и только самая незначительная часть о.о. служителей церкви заинтересовалась предложенной имъ работой, вникла въ сущность дѣла и дала обстоятельныя отвѣты. На сколько правильно нѣкоторыми священниками понята предложенная имъ программа для описанія прихода приводимъ, по рубрикѣ мелкихъ производствъ и ручнаго труда, на вопросъ—какія именно существуютъ производства въ приходѣ—слѣдующій весьма оригинальный отвѣтъ одного изъ священниковъ Кадниковскаго уѣзда:

„крошъ земли, какъ мы уже сказали единственная промышленность крестьянъ есть воздѣланіе льна, а затѣмъ въ остальное зимнее время мужчины занимаются кормленіемъ скота и уходомъ за нимъ, равно приготовленіемъ дровъ на подѣлки и къ своимъ домамъ; а женщины пряжю льна и ткаютъ полотна единственно для своихъ семействъ. А молодежь или холостые сыновья крестьянъ развѣ одинъ разъ въ день зимою прогуляются на лошадахъ по сѣно ли для скота или по дрова къ избамъ, или на подѣлку, а прочее время, особенно ночное, *проводяетъ* безъ всякаго дѣла на вечеринахъ, гдѣ свертныя имъ сидятъ дѣвочки и прядутъ въ самопрядки лень—свое издѣліе и такіе образцы проболтавшись ночь отдыхаютъ или спятъ до половины дня. Въ Рубежской волости почти нѣтъ ни плотника, ни каменщика, ни сапожника, ни портнаго и даже горшечника и катальщика изъ шерсти теплыхъ сапоговъ“. И подобныхъ отвѣтовъ изъ числа 700 приходскихъ описаній поступило не менѣ одной пятой части или 35%. Но какъ бы ни былъ недостаточенъ и неудовлетворителенъ собранный матеріалъ, все таки онъ можетъ служить по ремесламъ и кустарной промышленности довольно подробнымъ указателемъ, который въ настоящее время, въ виду изслѣдованія этихъ отраслей народнаго труда, и составляется Статистическимъ Комитетомъ.

III. Изданъ первый томъ Вологодскаго Сборника и редактировано и напечатано болѣе половины 2-го тома. Въ вышедшемъ первомъ томѣ помѣщены слѣдующія статьи:

1) Матеріалы для исторіи земской дѣятельности по народному образованію въ Вологодской губерніи: Сравнительно статистическое обзоріе по народному образованію въ Вологодскомъ уѣздѣ за 9-ти лѣтнее существованіе земства въ губерніи, А. Иванова и Н. Полевикова.

2) Водная система Александра Виртенбергскаго: глава I каналъ, рѣки и озера, входящіе въ составъ системы; II—судоходство и нагрузочные пункты; III затрудненія, встрѣчаемыя судоходствомъ по Виртенбергской системѣ и проекты къ улучшенію и исправленію ея, Ф. А. Арсеньева.

- 3) Удорскій край, этнографическій очеркъ, Н. Д. Волкова.
 4) Крестьянскія игры и судьбы въ Ингосоръ, бытовой этюдъ, Ф. А. Арсеньева.
 5) Молочное дѣло въ Вологодской губерніи, Ф. А. Арсеньева.
 6) Общинно-земельные порядки крестьянъ Воробинской волости, Сольвычегодскаго уѣзда, Ф. Щ.

Статья „Молочное дѣло въ Вологодской губерніи“ обратила на себя весьма большое вниманіе прессы: она перепечатана въ нѣкоторыя русскія періодическія изданія и во многія нѣмецкія и французскія сельско-хозяйственныя газеты и журналы.

ДЕНЕЖНАЯ ОТЧЕТНОСТЬ

Вологодскаго Губернскаго Статистическаго
Комитета.

За 1878 годъ.

Штатныхъ суммъ отъ 1877 года
не оставалось.

Сверхштатныхъ	- - - -	42 р. 6 к.
Въ 1878 году поступило изъ Губернской Земской Управы	-	1750 р. —
		Итого 1792 р. 6 к.

Израсходовано:

На жалованье Секретарю	- -	750 р. —
„ „ Служащимъ въ Комитетѣ чиновникамъ	- -	470 р. —
„ „ Сторожу	- -	64 р. 97 к.
„ Наемъ квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ за 9-ть мѣсяцевъ	-	159 р. 12 к.
„ Выписку Правительствен. Вѣстника		12 р. 17 к.

» Канцелярскія принадлежности	-	98 р.	83 к.
» Переплетъ книгъ	- - -	1 р.	—
Временно-нанятыхъ чиновникамъ по составленію списковъ населенныхъ мѣстъ губерніи	- - -	211 р.	67 к.
Отослано въ Редакцію Вологодскихъ губернскихъ вѣдомостей, за получениемъ Комитетомъ губернскія вѣдомости за прежніе годы	- - -	24 р.	30 к.
		<hr/>	
		Итого	1792 р. 6 к.

Затѣмъ къ 1879 году ни штатныхъ, ни сверхштатныхъ суммъ въ наличности не осталось.

Ак 2589 = 2.50

30

ЦѢНА ВТОРОМУ ТОМУ СБОРНИКА 1 Р. К.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
JUL 25 1992
17881421
DNOF 07
WIDENER
BOOK DUE
CANCELLED
1789778
JAN 18 1988
CANCELLED
STALL-CHARGE